3 1761 05243529 4

UNIV. OF
TORONTO
LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/pismalntolstogo02tols

LR
T6545 pis

(ТОЛСТОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.)

Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf
(1828 - 1910)

ПИСЬМА

Pis'ma

Л. Н. ТОЛСТОГО

Томъ второй.

1855-1910 гг.

Собранныя и редактированныя

П. А. СЕРГѢЕНКО.

[vol. 2]

К-во „КНИГА“.

1911.

442360
31.1.46

МОСКВА—1911.
Типографія Русскаго Товарищества печатн. и издател. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телефонъ 18-35.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

№ 282. Гр. С. Н. Толстому. 1855 г. Авг. 7 1
№ 283. Т. А. Ергольской. 1855 г. Сент. 4. 1
№ 284. А. А. Фету. 1860 г. Февраль 23 2
№ 285. „ „ „ 1860 г. Іюнь 20 5
№ 286. Т. А. Ергольской. 1860 г. Авг. 5. 7
№ 287. „ „ „ 1860 г. Авг. 28. 8
№ 288. „ „ „ 1860 г. Сент. 25. 9
№ 289. Гр. С. Н. Толстому. 1862 г. Окт. 18. 10
№ 290. А. А. Фету. 1863 г. Май 15. 11
№ 291. „ „ „ 1864 г. Ноябрь 17. 12
№ 292, „ „ „ 1865 г. Январь 23. 13
№ 293. Княгинѣ В. 1865 г. Май 3. 14
№ 294. Т. А. Берсъ и Д. А. Дьякову. 1866 г. Май 25. 15
№ 295. А. А. Фету. 1866 г. Іюль 25. 16
№ 296. „ „ „ 1869 „ Окт. 21. 17
№ 297. „ „ „ 1870 „ Февр. 17. 18
№ 298. „ „ „ 1870 „ Февр. 21. 19
№ 299. „ „ „ 1870 „ Май 11. 19
№ 300. Т. А. и А. М. Кузминскимъ 1871 г. Весна. 21
№ 301. Гр. С. А. Толстой. 1871 г. Іюнь 27. 22
№ 302. А. А. Фету. 1872 г. Январь. 24
№ 303. Н. Н. Страхову. 1872 г. Апр. 15. 25
№ 304. „ „ „ 1872 г. Апрѣль. 26
№ 305. „ „ „ 1872 г. Май 19. 26
№ 306. „ „ „ 1872 г. Сент. 23. 27
№ 307. „ „ „ 1872 г. Сент. 30. 28
№ 308. А. А. Фету. 1872 г. Окт. 15. 29
№ 309. Н. Н. Страхову. 1872 г. Ноябрь 12. 30
№ 310. А. А. Фету. 1873 г. Мартъ 17. 34
№ 311. Т. А. Кузминской. 1873 г. Май. 34
№ 312. Письмо въ редакцію. 1873 г. Іюнь 28. 35
№ 313. А. А. Фету. 1874 г. Январь 15. 40
№ 314. „Эсперантистамъ“. 1874. Апр. 27. 41
№ 315. А. А. Фету. 1874 г. Іюнь 24. 43
№ 316. „ „ „ 1875 г. Янв. 12. 44
№ 317. Н. Н. Страхову. 1875 г. 44

Стр.

№ 318. А. А. Фету. 1876 г. Мартъ 1. 45
№ 319. „ „ „ 1876 г. Апрѣль 29. 46
№ 320. Н. Н. Страхову. 1876 г. Май 18. 47
№ 321. А. А. Фету. 1876 г. Іюль 21. 48
№ 322. „ „ „ 1876 г. Окт. 18. 49
№ 323. „ „ „ 1876 г. Ноябрь 13. 49
№ 324. „ „ „ 1877 г. Янв. 11. 50
№ 325. Н. Н. Страхову. 1877 г. Май 22. 51
№ 326. А. А. Фету. 1877 г. Сент. 1. 52
№ 327. Н. Н. Страхову. 1878 г. Янв. 3. 52
№ 328. Гр. С. А. Толстой. 1878 г. Мартъ. 53
№ 329. А. А. Фету. 1878 г. Апр. 6. 53
№ 330. „ „ „ 1878 г. Октябрь 26. 54
№ 331. „ „ „ 1879 г. Февраль 1. 55
№ 332. „ „ „ 1879 г. Февраль 16. 56
№ 333. „ „ „ 1879 г. Іюль 28. 57
№ 334. „ „ „ 1880 г. Май 31. 57
№ 335. Александру III. 1881 г. Мартъ. 60
№ 336. А. А. Фету. 1881 г. Май 12. 71
№ 337. Гр. С. А. Толстой. 1881 г. Іюль 24. 71
№ 338. „ „ „ „ 1881 г. Августъ 4. 72
№ 339. „ „ „ „ 1882 г. Апрѣль. 72
№ 340. „ „ „ „ 1884 г. Октябрь. 74
№ 341. П. И. Бирюкову. 1885 г. Лѣто. 75
№ 342. „ „ „ 1885 г. Осень. 77
№ 343. Крест. Т. М. Бондареву. 1885 г. 78
№ 344. Тифлисскимъ барышнямъ. 1885 г. (?). 80
№ 345. П. И. Бирюкову. 1886 г. Янв.—Февр. (?) 81
№ 346. Ѳ. Ѳ. Тищенко. 1886 г. Февраль. 82
№ 347. Н. Н. Ге. 1886 г. Іюль 18. 84
№ 348. „ „ „ „ „ Сент. 14. 85
№ 349. „ „ „ „ „ Ноябрь 4. 85
№ 350. Ѳ. Ѳ. Тищенко. 1886 г. Декабрь. 86
№ 351. „ „ „ „ „ Дек. 11. (?) 87
№ 352. И. И. Попову. 1887 г. Апрѣль 14. 88
№ 353. Ѳ. Ѳ. Тищенко. 1887 г. Апрѣль. 89
№ 354. И. Б. Фейнерману. 1887 г. Май 5. 90
№ 355. Н. Н. Ге. 1887 г. Май 14. 91
№ 356. И. Б. Фейнерману. 1887 г. Іюнь. 92
№ 357. Л. Е. Оболенскому. 1887 г. Августъ. 92
№ 358. И. И. Попову. 1887 г. Октябрь. 93
№ 359. Л. Е. Оболенскому. 1888 г. (?) 93
№ 360. „ „ „ 1888 г. 95
№ 361. „ „ „ 1888 г. 96
№ 362. Н. Я. Гроту. 1888 г. Іюль 96
№ 363. И. Б. Фейнерману. 1888 г. Августъ. 98
№ 364. Е. И. Попову. 1888 г. Октябрь. 99
№ 365. Н. Н. Ге. 1889 г. Начало. 101
№ 366. Н. Н. Ге и Н. Н. Ге (сыну). 1889 г. Мартъ 22. 102
№ 367. Л. Е. Оболенскому. 1889 г. Апрѣль. 102
№ 368. Н. Н. Ге. 1889 г. Апрѣль 24. 103
№ 369. Л. Е. Оболенскому. 1889 г. Іюнь (?) 104
№ 370. „ „ „ 1889 г. Іюнь (?) 105
№ 371. Е. И. Попову. 1889 г. Августъ. 106
№ 372. Н. Я. Гроту. 1889 г. Августъ. 108
№ 373. И. И. Попову. 1889 г. 108
№ 374. М. А. Новоселову. 1889 г. 109
№ 375. Л. Ѳ. Анненковой. 1889 г. Августъ. 110

Стр.

№ 376. Е. И. Попову 1889 г. Октябрь. 111
№ 377. М. А. Новоселову. 1890 г. 111
№ 378. В. А. Алексѣеву. 1890 г. Конецъ Авг. 112
№ 379. Е. И. Попову. 1890 г. Сент. 17 112
№ 380. „ „ „ 1890 г. Сент. 21 116
№ 381. Н. С. Лѣскову. 1890 г. Дек. 2. 118
№ 382. Н. Я. Гроту. 1890/91 гг. 119
№ 383. А. И. Ярышкину. 1891 г. Февр. 19. 120
№ 384. Е. И. Попову. 1891 г. „ 120
№ 385. „ „ „ 1891 г. Апрѣль. 122
№ 386. „ „ „ 1891 г. Апрѣль 9. 122
№ 387. В. В. Рахманову. 1891 г. Апрѣль. 123
№ 388. И. Б. Фейнерману. 1891 г. Апрѣль. 126
№ 389. Н. Н. Ге. 1891 г. Іюль 21. 127
№ 390. „ „ „ 1891 г. Авг. 21. 127
№ 391. Е. И. Попову. 1891 г. 128
№ 392. Н. Я. Гроту. 1891 г. Сент. 22. 129
№ 393. „ „ „ 1891 г. Осень. 129
№ 394. „ „ „ 1891 г. Осень. 131
№ 395. Гр. С. А. Толстой. 1891 г. Ноябрь 7. 132
№ 396. „ „ „ „ 1891 г, „ 9. 132
№ 397. „ „ „ „ 1891 г. „ 11. 133
№ 398. „ „ „ „ 1891 г. „ 19. 133
№ 399. „ „ „ „ 1891 г. „ 25. 134
№ 400. П. А. Усову. 1891 г. Декабрь. 134
№ 401. „ „ „ 1891 г. Декабрь. 135
№ 402. Н. Я. Гроту. 1892 г. Май 22. 136
№ 403. Н. Н. Ге. 1892 г. Іюнь 17. 137
№ 404. П. А. Усову. 1892 г. Іюнь 27. 137
№ 405. Н. Н. Ге. 1892 г. Сентябрь 22. 138
№ 406. Н. Я. Гроту. 1892 г. 138
№ 407. Л. Ѳ. Анненковой. 1893 г. Іюль. 139
№ 408. Е. И. Попову. 1893 г. Май 29. 140
№ 409. Л. Ѳ. Анненковой. 1893 г. Іюнь. 141
№ 410. Е. И. Попову. 1893 г. Іюль 2. 141
№ 411. Н. Я. Гроту. 1893 г. Авг. 9. 143
№ 412. „ „ „ „ „ Ноябрь. 144
№ 413. Н. Н. Ге. 1893 г. Дек. 24. 144
№ 414. И. Б. Фейнерману. 1894 г. Іюнь 1. 145
№ 415. Л. Ѳ. Анненковой. 1894 г. Іюнь. 146
№ 416. Е. И. Попову. 1894 г. Іюнь 20. 147
№ 417. И. Б. Фейнерману. 1894 г. Іюль. 149
№ 418. Л. Ѳ. Анненковой. 1894 г. Іюль. 149
№ 419. И. Б. Фейнерману. 1894 г. Окт. 6. 150
№ 420. Е. И. Попову. 1894 г. Окт. 22. 150
№ 421. Н. Я. Гроту. 1894 г. 152
№ 422. Редактору англійской газеты. 1894 г. Дек. 15. 154
№ 423. Н. Я. Гроту. 1894 г. Конецъ. 158
№ 424. Д. П. Маковицкому. 1895 г. Февр. 10. 159
№ 425. Н. Я. Гроту. 1895 г. 160
№ 426. Л. Ѳ. Анненковой. 1895 г. Августъ. 162
№ 427. А. Л. Волынскому. 1895 г. Сент. 5. (?) 162
№ 428. Д. П. Маковицкому. 1895 г. Сентябрь 11. 163
№ 429. „ „ „ 1895 г. Окт. 164
№ 430. Д. П. Маковицкому. 1895 г. Окт. 25. 164
№ 431. Е. И. Попову. 1895 г. Ноябрь. (?) 164
№ 432. А. Шкарвану. 1895 г. Ноябрь 14. 165
№ 433. П. В. Веригину. 1895 г. Ноябрь 21. 168

Стр.

№ 434. А. Шкарвану. 1895 г. Дек. 16. 171
№ 435. А. М. Кузминскому. 1896 г. 173
№ 436. А. Шкарвану. 1896 г. Май. 174
№ 437. С. Б. 1897 г. Февр. 18. 176
№ 438. Н. Г. Молоствову. 1897 г. Февр. 19. 177
№ 439. N. N. 1897 г. Февраль. 178
№ 440. Н. Г. Молоствову. 1897 г. Мартъ 16. 179
№ 441. Редактору журнала „Русская Мысль". 1897 г. Апрѣль 5. . . . 180
№ 442. Г. А. Джаншіеву. 1897 г. Апрѣль 17. 181
№ 443. Гр. С. А. Толстой. 1897 г. Іюнь 8. 181
№ 444. Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей". 1898 г. Февр. 4. . . . 183
№ 445. А. Шкарвану. 1898 г. Мартъ 15. 184
№ 446. Проф. М. Э. Здзѣховскому. 1899 г. Іюнь 26. 186
№ 447. Князю В. 1900 г. Дек. 4. 186
№ 448. М. А. С. 1900 г. Дек. 17. 187
№ 449. А. Шкарвану. 1900 г. Дек. 28. 190
№ 450. N. N. 1901 г. Янв. 3. 191
№ 451. М. А. С. 1901 г. Янв. 14. 196
№ 452. Редактору „Свободной Мысли". 1901 г. Іюнь. 202
№ 453. Е. И. Попову. 1902 г. (?) 203
№ 454. Ф. А. Г-у. 1902 г. Янв. 20. 204
№ 455. N. N. 1902 г. 205
№ 456. П. И. Бирюкову. 1902 г. Май 19. 207
№ 457. N. N. 1902 г. Авг. 20. 207
№ 458. П. И. Бирюкову. 1902 г. Авг. 20. 208
№ 459. „ „ „ 1902 г. Ноябрь 11. 208
№ 460. А. Шкарвану. 1902 г. Ноябрь 15. 209
№ 461. Редактору „Русскаго Слова". 1902 г. Дек. 9. 210
№ 462. И. Ф. Наживину. 1903 г. Янв. 21. 210
№ 463. N. N. 1903 г. Февр. 3. 210
№ 464. Великому Князю Николаю Михайловичу. 1903 г. Апр. 1. . . 212
№ 465. Л. Е. Оболенскому. 1903 г. Май 6. 213
№ 466. Редактору сборника въ пользу пострадавшихъ евреевъ. 1903 г. 214
Май 6. 214
№ 467. П. Бордакову. 1903 г. Августа Начало. 214
№ 468. А. В. Жиркевичу. 1903 г. Окт. 6. 216
№ 469. Октаву Мирбо. 1903 г. Окт. 12. 217
№ 470. В. И. С. 1903 г. Ноябрь 21. 218
№ 471. М. А. Т. 1903 г. Декабрь. 218
№ 472. А. И. С.-ву. 1903 г. Ноябрь. 219
№ 473. N. N. 1903 г. Дек. 11. 220
№ 474. И. Ф. Наживину. 1903 г. Дек. 3. 220
№ 475. А. М. Булыгиной. 1904 г. Февр. 19 220
№ 476. И. Ф. Наживину. 1904 г. Февр. 27. 221
№ 477. П. И. Бирюкову. 1904 г. Апрѣль 15. 221
№ 478. В. А. Гольцеву. 1904 г. 223
№ 479. Е. Е. Гончаренко. 1905 г. Февр. 12. 224
№ 480. А. Ф. Кони. 1905 г. Окт. 5. 224
№ 481. А. М. Бодянскому. 1906 г. Янв. 1. 225
№ 482. В. А. Шеерману. 1906 г. Янв. 16. 225
№ 483. Вел. Кн. Ник. Мих. 1906 г. Янв. 26. 226
№ 484. П. А. Сергѣенко. 1906 г. Февр. 6. 227
№ 485. П. И. Бирюкову. 1906 г. Февр. 18. 227
№ 486. Крест. Бычкову. 1906 г. Март. 1. 228
№ 487. М. С. Дудченко. 1906 г. Март. 4. 228
№ 488. И. Ф. Наживину. 1906 г. Ноябрь 14. 229
№ 489. Т. А. Кузминской 1907 г. 230
№ 490. В. А. Шеерману. 1907 г. Мартъ 11. 231

Стр.

№ 491. А. Шкарвану. 1907. г. Мартъ 15. 231
№ 492. Е. И. Попову. 1907. г. Апр. 7. 232
№ 493. И. Ф. Наживину. 1907 г. Апр. 24. 233
№ 494. А. Шкарвану. 1907 г. Апрѣль. 234
№ 495. Е. И. Попову. 1907 г. Іюнь 9. 235
№ 496. И. Ф. Наживину. 1907 г. Іюль 17. 235
№ 497. И. М. Трегубову. 1907 г. Сент. 26. 236
№ 498. А. И. Иконникову. 1907 г. Ноябрь 2. 236
№ 499. И. Ф. Наживину. 1907 г. Дек. 15. 236
№ 500. Генриху Сенкевичу. 1907 г. Дек. 27. 237
№ 501. И. М. Трегубову 1908 г. Янв. 1. 239
№ 502. Л. С. 1908 г. Янв. 2. 240
№ 503. Н. П. Петерсону. 1908 г. Февр. 2. 242
№ 504. А. М. Бодянскому. 1908 г. Февр. 12. 243
№ 505. М. М. Д.-К-ой 1908 г. Февр. 27. 243
№ 506. Арвиду Эрнфельду. 1908 г. Февр. 27 244
№ 507. И. Ф. Наживину. 1908 г. Мартъ 9 245
№ 508. Т. А. Кузминской 1908 г. Мартъ 25. 246
№ 509. М. С. Дудченко 1908 г. Апрѣль 7. 246
№ 510. Л. С. 1908 г. Май 10 247
№ 511. П. И. Бирюкову. 1908 г. Май 24. 248
№ 512. Л. С. 1908 г. Іюнь 6. 256
№ 513. Левенсону. 1908 г. Іюнь 8. 257
№ 514. В. А. Молочникову. 1908 г. Авг. 5. 258
№ 515. Крест. М. П. Новикову. 1908 г. Авг. 21. 258
№ 516. А. М. Бодянскому. 1908 г. Сент. 1. 260
№ 517. Письмо въ редакцію. 1908 г. Окт. 261
№ 518. С. М. Соломахину. 1908 г. Ноябрь 7 262
№ 519. В. А. Молочникову. 1908 г. Ноябрь 30. 262
№ 520. Студенту N. N. 1908 г. Дек. 20. 263
№ 521. Священнику С. К. 1908 г. Дек. 25. 263
№ 522. П. Карпову. 1909 г. „ „ 265
№ 523. N. N. 1909 г. „ „ 266
№ 524. Дѣвочкѣ Сонѣ. 1909 г. „ „ 266
№ 525. Л. Тонилову. 1909 г. Янв. 21. 267
№ 526. Н. П. П. 1909 г. Янв. 28. 269
№ 527. І. О. Перперу. 1909 г. Февр. 5. 269
№ 528. В. Молочникову. 1909 г. Февр. 25. 270
№ 529. М. Н. Толстой. 1909 г. Мартъ 3. 270
№ 530. Священнику С. К. 1909 г. Мартъ. 271
№ 531. Въ С.П.Б. Судебную Палату. 1909 г. Апрѣль 273
№ 532. Н. Е. Ф. 1909 г. Апрѣль 30. 274
№ 533. И. М. Трегубову. 1909 г. Май 11. 275
№ 534. В. А. Молочникову. 1909 г. Май 4. 276
№ 535. Е. Добротиной. 1909 г. Май 29. 276
№ 536. В. А. Молочникову. 1909 г. Іюнь 6. 277
№ 537. Атрпету. 1909 г. Іюнь 15. 278
№ 538. В. А. Молочникову. 1909 г. Іюнь 16. 278
№ 539. А. Соловьеву. 1909 г, Іюнь 16. 280
№ 540. В. А. Молочникову. 1909 г. Іюнь 17. 281
№ 541. А. С. Соловьеву 1909 г. Іюль 25. 281
№ 542. Обществу „Славія“. 1909 г. Іюль. 282
№ 543. Президенту 18-го конгресса мира въ Стокгольмѣ. 1909 г. Іюль 12. 282
№ 544. Въ ред. „Рус. Вѣд.“ 1909 г. Авг. 6. 283
№ 545. Л. С. 1909 г. Авг. 8. 290
№ 546. М. М. Д.-К-ой. 1909 г. Авг. 31. 290
№ 547. Польской женщинѣ N. N. 1909 г. Сент. 8. 292
№ 548. Студенту N. 1909 г. Октябрь. 298

Стр.

№ 549. А. М. Завадскому 1909 г. Ноябрь 13. 299
№ 550. Д. П. Бородину 1909 г, Дек. 4. 299
№ 551. N. N. 1909 г. 300
№ 552. В. Ф. Тотоміанцу 1910 г. Янв. 13. 301
№ 553. Сектанту С. 1910 г. Мартъ 1. 302
№ 554. В. Г. Короленко. 1910 г. Мартъ 27 304
№ 555. Г. К. Градовскому 1910 г. Апрѣль 6. 305
№ 556. Д. Р-ну. 1910 г. Апрѣль 7. 306
№ 557. Гр. С. А. Толстой 1910 г. Іюль 14. 306
№ 558. Крест. В. Некрасову. 1910 г. Сентябрь 21. 307
№ 559. Н. П. Петерсону 1910 г. Октябрь 5 308
№ 560. Студенту А. Р-ву 1910 г. Октябрь 24. 309
№ 561. Гр. С. А. Толстой. 1910 г. Октябрь 28. 310
№ 562. М. Н. Толстой 1910 г. Октябрь 31. 4 ч. ут. 311

ФАМИЛІИ АДРЕСАТОВЪ.

А.

Александру III	1881 г.	Мартъ.	№ 335.
Алексѣеву В. А.	1890 г.	Конецъ Авг.	№ 378.
Анненковой Л. Ѳ.	1889 г.	Августъ.	№ 375.
„ „ „	1893 г.	Іюнь.	№ 407.
„ „ „	1893 г.	Іюль.	№ 409.
„ „ „	1894 г.	Іюнь.	№ 415.
„ „ „	1894 г.	Іюль.	№ 418.
„ „ „	1895 г.	Августъ.	№ 426.
Атрпету.	1909 г.	Іюнь 15.	№ 537.

Б.

Б. С.	1897 г.	Февраль 18.	№ 437.
Берсъ Т. А. и Д. А. Дьякову.	1866 г.	Май 25.	№ 294.
Бирюкову П. И.	1885 г.	Лѣто.	№ 341.
„ „ „	1886 г.	Январь-Фев.	№ 345.
„ „ „	1902 г.	Май 19.	№ 456.
„ „ „	1902 г.	Августъ 20.	№ 458.
„ „ „	1902 г.	Ноябрь 11.	№ 459.
„ „ „	1906 г.	Февраль 18.	№ 485.
„ „ „	1904 г.	Апрѣль 15.	№ 477.
Бодянскому А. М.	1906 г.	Январь 1.	№ 481.
„ „ „	1908 г.	Февраль 12.	№ 504.
„ „ „	1908 г.	Сент. 1.	№ 516.
Бондареву Т. М.	1885 г.		№ 343.
Бордакову П.	1903 г.	Начало Авг.	№ 467.
Бородкину Д. Н.	1909 г.	Дек. 4.	№ 550.
Булыгиной А. М.	1904 г.	Февр. 19.	№ 475.
Бычкову	1906 г.	Мартъ 1.	№ 486.

В.

В. Князю	1900 г.	Дек. 4.	№ 447.
Беригину П. В.	1895 г.	Ноябрь 21.	№ 433.
Волынскому А. Л.	1895 г.	Сент. 5.	№ 427.

Г.

Ге Н. Н.	1886 г.	Іюль 18.	№ 347.
„ „ „	1886 г.	Сент. 14.	№ 348.
„ „ „	1886 г.	Ноябрь 4.	№ 349.
„ „ „	1887 г.	Май 14.	№ 355.
„ „ „	1889 г.	Начало.	№ 365.
„ „ „	1889 г.	Апрѣль 24.	№ 368.
Ге Н. Н, и Н. Н. Ге (сыну)	1889 г.	Мартъ 22.	№ 366.

Ге Н. Н.	1891 г.	Іюль	21.	№ 389.
„ „ „	1891 г.	Августъ	21.	№ 390.
„ „ „	1892 г.	Іюнь	17.	№ 403.
„ „ „	1892 г.	Сент.	22.	№ 405.
„ „ „	1893 г.	Дек.	24.	№ 413.
Гольцеву В. А.	1904 г.			№ 478.
Гончаренко Е. Е.	1905 г.	Февр.	12.	№ 479.
Градовскому Г. К.	1910 г.	Апр.	6.	№ 555.
Гроту Н. Я.	1888 г.	Іюль.		№ 362.
„ „ „	1889 г.	Августъ.		№ 372.
„ „ „	1890—91 г.			№ 382.
„ „ „	1891 г.	Сент.	22.	№ 392.
„ „ „	1891 г.	Осень.		№ 393.
„ „ „	1891 г.	Осень.		№ 394.
„ „ „	1892 г.	Май	22.	№ 402.
„ „ „	1892 г.			№ 406.
„ „ „	1893 г.	Авг.	9.	№ 411.
„ „ „	1894 г.			№ 421.
„ „ „	1894 г.	Конецъ.		№ 423.
„ „ „	1895 г.			№ 425.

Д.

Джаншіеву Г. А.	1897 г.	Апр.	12.	№ 442.
Добротиной Е.	1909 г.	Май	29.	№ 535.
Д.-К-вой М. М.	1908 г.	Февр.	27.	№ 505.
„ „ „ „ „	1909 г.	Авг.	31.	№ 546.
Дудченко М. С.	1906 г.	Мартъ	4.	№ 487.
„ „ „	1908 г.	Апр.	7.	№ 509.

Е.

Ергольской Т. А.	1855 г.	Сент.	4.	№ 283.
„ „ „	1860 г.	Авг.	5.	№ 286.
„ „ „	1860 г.	Авг.	28.	№ 287.
„ „ „	1860 г.	Сент.	25.	№ 288.

Ж.

Жиркевичу А. В.	1903 г.	Окт.	6.	№ 468.

З.

Завадскому А. М.	1909 г.	Ноябрь	13.	№ 549.
Здзѣховскому М. Э.	1899 г.	Іюнь	26.	№ 446.

И.

Иконникову А. И.	1907 г.	Ноябрь	2.	№ 498.

К.

Карпову П.	1909 г.			№ 522.
Кони А. Ф.	1905 „	Октябрь	5.	№ 480.
Короленко В. Г.	1910 „	Мартъ	27.	№ 554.
Кузминскимъ Т. А. и А. М.	1871 „	Весна.		№ 300.
Кузминской Т. А.	1873 „	Май		№ 311.
Кузминскому А. М.	1896 „			№ 435.
Кузминской Т. А.	1907 „			№ 489.
„ „ „	1908 „	Мартъ	25.	№ 508.

Л.

Левенсону	1908 г.			№ 513.
Лѣскову Н. С.	1890 „	Дек.	2.	№ 381.

М.

Маковицкому Д. П.	1895 „	Февр.	10.	№ 424.
„ „ „	1895 „	Сент.	11.	№ 428.
„ „ „	1895 „	Окт.	1.	№ 429.
„ „ „	1895 „	Окт.	25.	№ 430.
Мирбо Октаву.	1903 „	Окт.	12.	№ 469.
Молоствову Н. Г.	1897 „	Февр.	19.	№ 438.
„ „ „	1897 „	Мартъ.	9.	№ 440.
Молочникову В. А.	1908 „	Авг.	5.	№ 514.
„ „ „	1908 „	Ноябрь	30.	№ 519.
„ „ „	1908 „	Февр.	25.	№ 528.
„ „ „	1909 „	Май	4.	№ 534.
„ „ „	1909 „	Іюнь	6.	№ 536.
„ „ „	1909 „	Іюнь	16.	№ 538.
„ „ „	1909 „	Іюнь	17.	№ 540.

Н.

Наживину И. Ф.	1903 „	Янв.	21.	№ 462.
„ „ „	1903 „	Дек.	3.	№ 474.
„ „ „	1904 „	Февр.	27.	№ 476.
„ „ „	1906 „	Ноябрь	14.	№ 488.
„ „ „	1907 „	Апр.	24.	№ 493.
„ „ „	1907 „	Іюль	17.	№ 496.
„ „ „	1907 „	Дек.	15.	№ 499.
„ „ „	1908 „	Мартъ	9.	№ 507.
Некрасову В.	1910 „	Сент.	21.	№ 558.
Ник. Мих. Вел. Кн.	1903 „	Апр.	1.	№ 464.
„ „ „	1906 „	Янв.	26.	№ 483.
Новоселову М. А.	1889 „			№ 374.
„ „ „	1890 „			№ 377.
Новикову	1908 „	Авг.	21.	№ 515.
N. N.	1897 „	Февраль.		№ 439.
N. N.	1901 „	Янв.	8.	№ 450.
N. N.	1902 „			№ 455.
N. N.	1902 „	Авг.	20.	№ 457.
N. N.	1903 „	Февр.	3.	№ 463.
N. N.	1903 „	Дек.	11.	№ 473.
N. N.	1909 „			№ 523.
N. N.	1909 „			№ 551.

О.

Оболенскому Л. Е.	1887 „	Августъ.		№ 357.
„ „ „	1888 „	(?)		№ 359.
„ „ „	1888 „			№ 360.
„ „ „	1888 „			№ 361.
„ „ „	1889 „			№ 367.
„ „ „	1889 „	Іюнь (?)		№ 369.
„ „ „	1889 „			№ 370.
„ „ „	1903 „	Май	6.	№ 465.
Обществу „Славія“.	1909 „	Іюль.		№ 542.
Отвѣтъ Тифлисскимъ барышнямъ	1885 „			№ 344

П.

Перперу І. О.	1909 г.	Февр.	5.	№ 527.
Петерсону Н. П.	1908 „	Февр.	2.	№ 503.
„ „ „	1910 „	Окт.	5.	№ 559.
Письмо въ редакцію	1873 „	Іюнь	28.	№ 312.
„ „ „	1908 „	Окт.		№ 517.
Польской женщинѣ	1909 „	Сент.	8.	№ 547.
Попову И. И.	1887 „	Апрѣль	14.	№ 352.
„ „ „	1888 „	Октябрь.		№ 358.
„ „ „	1889 „	Августъ.		№ 373.
Попову Е. И.	1888 „	Октябрь.		№ 364.
„ „ „	1889 „	Августъ.		№ 371.
„ „ „	1889 „	Октябрь.		№ 376.
„ „ „	1891 „	Сент.	17.	№ 379.
„ „ „	1891 „			№ 384.
„ „ „	1891 „			№ 391.
„ „ „	1893 „	Май	29.	№ 408.
„ „ „	1893 „	Іюль	2.	№ 410.
„ „ „	1894 „	Іюнь	20.	№ 416.
„ „ „	1894 „	Окт.	22.	№ 420.
„ „ „	1895 „	Ноябрь.	„	№ 431.
„ „ „	1902 „	(?)		№ 453.
„ „ „	1907 „	Апр.	7.	№ 492.
„ „ „	1907 „	Іюнь	9.	№ 495.
Президенту 18-го конгресса мира въ Стокгольмѣ	1909 „	Іюль	22.	№ 543.

Р.

Рахманову В. В.	1891 г.	Апрѣль.		№ 387.
Редактору „Русск. Мысли“	1897 г.	Апрѣль	5.	№ 441.
Редактору „Свободной Мысли“	1901 г.	Іюнь.		№ 452.
Редактору „Русск. Слова“	1902 г.	Дек.	9.	№ 461.
Редактору сборника въ пользу пострадавшихъ евреевъ	1903 г.	Май	6.	№ 466.
Редактору англ. газ	1894 г.	Дек.	15.	№ 422.
Редакціи „Русск. Вѣд“	1898 г.	Февр.	4.	№ 444.
„ „ „	1909 г.	Авг.	6.	№ 544.
Р—ву А. студенту	1910 г.	Окт.	24.	№ 560.
Р—ну Д.	1910 г.	Апр.	7.	№ 556.

С.

Священнику С. К	1908 г.	Дек.	25.	№ 521.
„ „ „	1909 г.	Мартъ.		№ 530.
Сектанту С.	1910 г.	Мартъ	1.	№ 553.
С. Л.	1908 г.	Янв.	2.	№ 502.
„ „	1908 г.	Май	10.	№ 510.
„ „	1908 г.	Іюнь	6.	№ 512.
„ „	1909 г.	Авг.	8.	№ 545.
Сенкевичу Генриху	1907 г.	Дек.	27.	№ 500.
Сергѣенко П. А.	1906 г.	Февр.	6.	№ 484.
Соловьеву А.	1909 г.	Іюнь	16.	№ 539.
„ „	1909 г.	Іюль	25.	№ 541.
Соломахину С. М.	1908 г.	Ноябрь	7.	№ 518.
Сонѣ-дѣвочкѣ	1909 г.	„	„	№ 524.
Страхову Н. Н.	1872 г.	Апр.	15.	№ 303.
„ „ „	1872 г.	Апрѣль.		№ 304.
„ „ „	1872 г.	Май	19.	№ 305.

Страхову Н. Н.	1872 г.	Сент.	23.	№ 306.
„ „ „	1872 г.	Сент.	30.	№ 307.
„ „ „	1872 г.	Ноябрь	12.	№ 309.
„ „ „	1875 г.	„	„	№ 317.
„ „ „	1876 г.	Май	18.	№ 320.
„ „ „	1877 г.	Май	22.	№ 325.
„ „ „	1878 г.	Янв.	3.	№ 327.
Студенту N. N.	1908 г.	Дек.	20.	№ 520.
Студенту N. N.	1909 г	Октябрь.	„	№ 548.
Судебную Палату въ	1909 г.	Апрѣль.	„	№ 531.
С. М. А.	1909 г.	Дек.	17.	№ 448.
С. М. А.	1901 г.	Янв.	14.	№ 451.
С. В. И.	1903 г	Ноябрь	21.	№ 470.
С—ву А. И.	1903 г.	Ноябрь.		№ 472.

Т.

Т. М. А	1903 г.	Декабрь.		№ 471.
Тищенко Ѳ. Ѳ.	1886 г.	Февраль.		№ 346.
„ „ „	1886 г.	Декабрь.		№ 350.
„ „ „	1886 г.	Дек.	11.	№ 351.
„ „ „	1887 г.	Апрѣль.		№ 353.
Толстому С. Н.	1855 г.	Авг.	7.	№ 282.
„ „ „	1862 г.	Окт.	18.	№ 289.
Толстой С. А.	1871 г.	Іюнь	27.	№ 301.
„ „ „	1878 г.	Мартъ.		№ 328.
„ „ „	1881 г.	Іюль	24.	№ 337.
„ „ „	1881 г.	Авг.	4.	№ 338.
„ „ „	1882 г.	Апрѣль.		№ 339.
„ „ „	1884 г.	Октябрь.		№ 340.
„ „ „	1891 г.	Ноябрь	7.	№ 395.
„ „ „	1891 г.	Ноябрь	8.	№ 396.
„ „ „	1891 г.	Ноябрь	11.	№ 397.
„ „ „	1891 г.	Ноябрь	14.	№ 398.
„ „ „	1891 г.	Ноябрь	25.	№ 399.
„ „ „	1897 г.	Іюнь	8.	№ 443.
„ „ „	1910 г.	Іюль	14.	№ 557.
„ „ „	1910 г.	Окт.	28.	№ 561.
Толстой М. Н.	1909 г.	Мартъ	3.	№ 529.
„ „ „	1910 г.	Окт.	31.	№ 562.
Тонилову Л	1909 г.	Янв.	21.	№ 525.
Тотоміанцу В. Ф.	1910 г.	Янв.	13.	№ 552.
Трегубову И. М	1907 г.	Сент.	26.	№ 497.
„ „ „	1908 г.	Янв.	1.	№ 501.
„ „ „	1909 г.	Май	11.	№ 533.

У.

Усову П. А.	1891 г.	Декабрь.		№ 400.
„ „ „	1891 г.	Декабрь.		№ 401.
„ „ „	1892 г.	Іюнь	27.	№ 404.

Ф.

Ф. Н. Е.	1909 г.	Апрѣль	30.	№ 532.
Фету А. А.	1878 г.	Апрѣль	6.	№ 329.
„ „ „	1878 г.	Окт.	26.	№ 330.
„ „ „	1879 г.	Февр.	1.	№ 331.
„ „ „	1879 г.	Февр.	16.	№ 332.

Фету А. А.	1879 г.	Іюль	28.	№ 333.
„ „ „	1880 г.	Май	31.	№ 334.
„ „ „	1881 г.	Май	12.	№ 336.
„ „ „	1860 г.	Февр.	23.	№ 284.
„ „ „	1863 г.	Май	15.	№ 290.
„ „ „	1866 г.	Іюль	25.	№ 295.
„ „ „	1872 г.	Январь.		№ 302.
„ „ „	1873 г.	Мартъ	17.	№ 310.
„ „ „	1860 г.	Іюнь	20.	№ 285.
„ „ „	1864 г.	Ноябрь	17.	№ 291.
„ „ „	1865 г.	Январь	23.	№ 292.
„ „ „	1869 г.	Окт.	21.	№ 296.
„ „ „	1870 г.	Февр.	17.	№ 297.
„ „ „	1870 г.	Февр.	21.	№ 298.
„ „ „	1870 г.	Май	11.	№ 299.
„ „ „	1874 г.	Іюнь	24.	№ 315.
„ „ „	1875 г.	Январь	12.	№ 316.
„ „ „	1876 г.	Мартъ	1.	№ 318.
„ „ „	1876 г.	Апрѣль	29.	№ 319.
„ „ „	1876 г.	Іюль	21.	№ 321.
„ „ „	1876 г.	Окт.	18	№ 322.
„ „ „	1876 г.	Ноябрь	13.	№ 323.
„ „ „	1877 г.	Январь	11.	№ 324.
„ „ „	1877 г.	Сент.	1.	№ 326.
Фейнерману И. Б.	1887 г.	Май	5.	№ 354.
„ „ „	1888 г.	Августъ.		№ 363.
„ „ „	1891 г.	Апрѣль.		№ 388.
„ „ „	1894 г.	Іюнь	1.	№ 414.
„ „ „	1894 г.	Іюль.		№ 417.
„ „ „	1894 г.	Окт.	6.	№ 419.

Ш.

Шеерману В. А.	1906 г.	Январь	16.	№ 482.
„ „ „	1907 г.	Мартъ	11.	№ 490.
Шкарвану А.	1895 г.	Ноябрь	14.	№ 432.
„ „	1895 г.	Дек.	16.	№ 434.
„ „	1896 г.	Май.		№ 436.
„ „	1898 г.	Мартъ	15.	№ 445.
„ „	1900 г.	Дек.	28.	№ 449.
„ „	1902 г.	Ноябрь	15.	№ 460.
„ „	1907 г.	Мартъ	15.	№ 491.

Э.

Эрнфельду Арвиду	1908 г.	Февр.	27.	№ 506.
„Эсперантистамъ“	1874 г.	Апр.	27.	№ 314.

Я.

Ярышкину А. И.	1891 г.	Февр.	19.	№ 383.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ.

1855 г.

		№№
Августъ 7.	Гр. С. Н. Толстому.	282.
Сентябрь 4.	Т. А. Ергольской.	283.

1860 г.

Февраль 23.	А. А. Фету.	284.
Іюнь 20.	„	285.
Августъ 5.	Т. А. Ергольской.	286.
Августъ 28.	„	287.
Сентябрь 25.	„	288.

1862 г.

Октябрь 18.	Гр. С. Н. Толстому.	289.

1863 г.

Май 15.	А. А. Фету.	290.

1864 г.

Ноябрь 17.	А. А. Фету.	291.

1865 г.

Январь 23.	А. А. Фету.	292.
Май 3.	Княгинѣ В.	293.

1866 г.

Май 25.	Т. А. Берсъ и Д. А. Дьякову,	294.
Іюль 25.	А. А. Фету.	295.

1869 г.

Октябрь 21.	А. А. Фету.	296.

1870 г.

Февраль 17.	А. А. Фету.	297.
Февраль 21.	„	298.
Май 11.	„	299.

1871 г.

		№№
Весна.	Т. А. и А. М. Кузминскимъ.	300.
Іюнь 27.	С. А. Толстой.	301.

1872 г.

Январь.	А. А. Фету.	302.
Апрѣль 15.	Н. Н. Страхову.	303.
Апрѣль.	„	304.
Май 19.	„	305.
Сентябрь 23.	„	306.
Сентябрь 30.	„	307.
Октябрь 15.	А. А. Фету.	308.
Ноябрь 12.	Н. Н. Страхову.	309.

1873 г.

Мартъ 17.	А. А. Фету.	310.
Май.	Т. А. Кузминской.	311.
Іюнь 28.	Письмо въ редакцію.	312.

1874 г.

Январь 15.	А. А. Фету.	313.
Апрѣль 27.	„Эсперантистамъ“.	314.
Іюнь 24.	А. А. Фету.	315.

1875 г.

Январь 12.	А. А. Фету.	316.
	Н. Н. Страхову.	317.

1876 г.

Мартъ 1.	А. А. Фету.	318.
Апрѣль 29.	„	319.
Май 18.	Н. Н. Страхову.	320.
Іюль 21.	А. А. Фету.	321.
Октябрь 18.	„	322.
Ноябрь 13.	„	323.

1877 г.

Январь 11.	А. А. Фету.	324.
Май 22.	Н. Н. Страхову.	325.
Сентябрь 1.	А. А. Фету.	326.

1878 г.

		№№
Январь 3.	Н. Н. Страхову.	327.
Мартъ.	Гр. С. А. Толстой.	328.
Апрѣль 6.	А. А. Фету.	329.
Октябрь 26.	„ „ „	330.

1879 г.

Февраль 1.	А. А. Фету.	331.
Февраль 15.	„ „ „	332.
Іюль 28.	„ „ „	333.

1880 г.

Май 31.	А. А. Фету.	334.

1881 г.

Мартъ.	Александру III.	335.
Май 12.	А. А. Фету.	336.
Іюль 24.	Гр. С. А. Толстой.	337.
Августъ 4.	„ „ „ „	338.

1882 г.

Апрѣль.	Гр. С. А. Толстой.	339.

1884 г.

Октябрь.	Гр. С. А. Толстой.	340.

1885 г.

Лѣто.	П. И. Бирюкову.	341.
Осень.	„ „ „	342.
	Бондареву Т. М.	343.
	Отвѣтъ Тифлисскимъ барышнямъ.	344.

1886 г.

Январь-Февраль.	П. И. Бирюкову.	345.
Февраль.	Ѳ. Ѳ. Тищенко.	346.
Іюль 18.	Н. Н. Ге.	347.
Сентябрь 14.	„ „ „	348.
Ноябрь 4.	„ „ „	349.
Декабрь.	Ѳ. Ѳ. Тищенко.	350.
Декабрь 11.	„ „ „	351.

1887 г.

Апрѣль 14.	И. И. Попову.	352.
Апрѣль.	Ѳ. Ѳ. Тищенко.	353.
Май 5.	И. Б. Фейнерману.	354.
Май 14.	Н. Н. Ге.	355.
Іюнь.	И. Б. Фейнерману.	356.
Августъ.	Л. Е. Оболенскому.	357.
Октябрь.	И. И. Попову.	358.

1888 г.

		№№
	Л. Е. Оболенскому.	359.
	„ „ „	360.
	„ „ „	361.
Іюль.	Н. Я. Гроту.	362.
Августъ.	И. Б. Фейнерману.	363.
Октябрь.	Е. И. Попову.	364.

1889 г.

Начало года.	Н. Н. Ге.	365.
Мартъ 22.	Н. Н. Ге и Н. Н. Ге (сыну).	366.
Апрѣль.	Л. О. Оболенскому.	367.
Апрѣль 24.	Н. Н. Ге.	368.
Іюнь (?)	Л. Е. Оболенскому.	369.
Іюнь (?)	„ „ „	370.
Августъ.	Е. И. Попову.	371.
Августъ.	Н. Я. Гроту.	372.
	И. И. Попову.	373.
	М. А. Новоселову.	374.
Августъ.	Л. Ѳ. Анненковой.	375.
Октябрь.	Е. И. Попову.	376.

1890 г.

	М. А. Новоселову.	377.
Конецъ Авг.	В. А. Алексѣеву.	378.
Сент. 17.	Е. И. Попову.	379.
Сент. 21.	„ „ „	380.
Декабрь 2.	Н. С. Лѣскову.	381.
Зима.	Н. Я. Гроту.	382.

1891 г.

Февр. 19.	А. И. Ярышкину.	383.
	Е. И. Попову.	384.
Апрѣль.	„ „	385.
Апрѣль 9.		386.
Апрѣль.	В. В. Рахманову.	387.
Апрѣль.	И. Б. Фейнерману.	388.
Іюль. 21.	Н. Н. Ге.	389.
Августъ 21.	Н. Н. Ге.	390.
	Е. И. Попову	391.
Сент. 22.	Н. Я. Гроту.	392.
Осень.	„ „ „	393.
Осень.	„ „ „	394.
Ноябрь 7.	Гр. С. А. Толстой.	395.
Ноябрь 8.	„ „ „ „	396.
Ноябрь 11.	„ „ „ „	397.
Ноябрь 14.	„ „ „ „	398.
Ноябрь 25.	„ „ „ „	399.
Декабрь.	П. А. Усову.	400.
Декабрь.	„ „ „	401.

1892 г.

		№№
Май 22.	Н. Я Гроту.	402.
Іюнь 17.	Н. Н. Ге.	403.
Іюнь 27.	П. А. Усову.	404.
Сент. 22.	Н. Н. Ге.	405.
	Н. Я. Гроту.	406.

1893 г.

Май 29.	Е. И. Попову.	407.
Іюль.	Л. Ѳ. Анненковой.	408.
Іюль.	Л. Ѳ. Анненковой.	409.
Іюль 2.	Е. И. Попову.	410.
Авг. 9.	Н. Я. Гроту.	411.
Ноябрь.	„ „ „	412.
Дек. 24.	Н. Н. Ге.	413.

1894 г.

Іюнь 1.	И. Б. Фейнерману.	414.
Іюнь.	Л. Ѳ. Анненковой.	415.
Іюнь 20.	Е. И. Попову.	416.
Іюль.	И. Б. Фейнерману.	417.
Іюль.	Л. Ѳ. Анненковой.	418.
Октябрь 6.	И. Б. Фейнерману.	419.
Окт. 22.	Е. И. Попову.	420.
	Н. Я. Гроту.	421.
Дек. 15.	Редакт. англ. газ.	422.
Конецъ года.	Н. Я. Гроту.	423.

1895 г.

Февр. 10.	Л. П. Маковицкому.	424.
	Н. Я. Гроту.	425.
Августъ.	Л. Ѳ. Анненковой.	426.
Сент. 5.	А. Л. Волынскому.	427.
Сент. 11.	Л. П. Маковицкому.	428.
Окт. 1.	„ „ „	429.
Окт. 25.	„ „ „	430.
Ноябрь	Е. И. Попову.	431.
Ноябрь 14.	А. Шкарвану.	432.
Ноябрь 21.	П. В. Веригину.	433.
Дек. 16.	А. Шкарвану.	434.

1896 г.

	А. М. Кузминскому.	435.
Май.	А. Шкарвану.	436.

1897 г.

Февраль 18.	С. Б.	437.
Февраль 19.	Н. Г. Молоствову.	438.
Февраль.	N. N.	439.
Мартъ 9.	Н. Г. Молоствову.	440.
Апрѣль 5.	Редактору журнала „Русская Мысль.	441.
Апрѣль 17.	Г. А. Джаншіеву.	442.
Іюнь 8.	Гр. С. А. Толстой.	443.

1898 г.

		№№
Февраль 4.	Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.	444.
Мартъ 15.	А. Шкарвану.	445.

1899 г.

Іюнь 26.	Проф. М. Э. Здзѣховскому.	446.

1900 г.

Декабрь 4.	Князю В.	447.
Декабрь 17.	М. А. С-ву.	448.
Декабрь 28.	А. Шкарвану.	449.

1901 г.

Январь 8.	N. N.	450.
Январь 14.	М. А. С.	451.
Іюнь.	Редактору „Свободной Мысли“.	452.

1902 г.

Начало года.	Е. И. Попову.	453.
Январь 20.	Ф. А. Г—у	454.
	N. N.	455.
Май 19.	П. И. Бирюкову	456.
Августъ 20.	N. N.	457.
Августъ 20.	П. И. Бирюкову.	458.
Ноябрь 11.	„ „ „	459.
Ноябрь 15.	А. Шкарвану.	460.
Декабрь 9.	Редактору „Русскаго Слова“.	461.

1903 г.

Январь 1.	И. Ф. Наживину.	462.
Февраль 3.	N. N.	463.
Апрѣль 1.	Вел. Кн. Ник. Мих.	464.
Май 6.	Д. Е. Оболенскому.	465.
Май 6.	Редактору сборника въ пользу пострадавшихъ евреевъ.	466.
Начало Авг.	П. Бордакову	467.
Октябрь 3.	И. Ф. Наживину.	468.
Октябрь 6.	А. В. Жиркевичу.	469.
Октябрь 12.	Октаву Мирбо.	470.
Ноябрь 21.	В. И. С—ву.	471.
Ноябрь.	А. И. С—ву.	472.
Декабрь.	М. А. Т.	473.
Декабрь 11.	N. N.	474.

1904 г.

Февраль 10.	А. М. Булыгиной.	475.
Февраль 27.	И. Ф. Наживину.	476.
Апрѣль 15	П. И. Бирюкову.	477.
	В. А. Гольцеву.	478.

		№№
1905 г.		
Февраль 12.	Е. Е. Гончаренко.	479.
Октябрь 5.	А. Ф. Кони.	480.
1906 г.		
Январь 1.	А. М. Бодянскому.	481.
Январь 16.	В. А. Шеерману.	482.
Январь 26.	Вел. Кн. Ник. Мих.	483.
Февраль 6.	П. А. Сергѣенко.	484.
Февраль 18.	П. И. Бирюкову.	485.
Мартъ 1.	Бычкову.	486.
Мартъ 4.	М. С. Дудченко.	487.
Ноябрь 14.	И. Ф. Наживину.	488.
1907 г.		
	Т. А. Кузминской	489.
Мартъ 11.	В. А. Шеерману.	490.
Мартъ 15.	А. Шкарвану.	491.
Апрѣль 7.	Е. И. Попову.	492.
Апрѣль 24.	И. Ф. Наживину.	493.
Апрѣль.	А. Шкарвану.	494.
Іюнь 9.	Е. И. Попову.	495.
Іюль 17.	И. Ф. Наживину.	496.
Сент. 26.	И. М. Трегубову.	497.
Ноябрь 2.	А. И. Иконникову.	498.
Декабрь 15.	И. Ф. Наживину.	499.
Декабрь 27.	Генриху Сенкевичу	500.
1908 г.		
Январь 1.	И. М. Трегубову.	501.
Январь 2.	И. С.	502.
Февраль 2.	Н. П. Петерсону.	503.
Февраль 12.	А. М. Бодянскому	504.
Февраль 27.	М. М. Д.-К—вой.	505.
Февраль 27.	Арвиду Эрнфельду	506.
Мартъ 9.	И. Ф. Наживину.	507.
Мартъ 25.	Т. А. Кузминской	508.
Апрѣль 7.	М. С. Дудченко.	509.
Май 10.	Л. С.	510.
Май 18.	N. N.	511.
Іюнь 6.	Л. С.	512.
Іюнь 8.	Левинсону,	513.
Августъ 5.	В. А. Молочникову	514.
Августъ 21.	М. П. Новикову.	515.
Сент. 1.	А. М. Бодянскому.	516.
Октябрь.	Письмо въ редакцію	517.
Ноябрь 7.	С. М. Соломахину.	518.
Ноябрь 30.	В. А. Молочникову.	519.
Дек. 20.	Студенту N. N.	520.
Дек. 25.	Священнику С. К.	521.
1909 г.		
	П. Карпову.	522.
	N. N.	523.
	Дѣвочкѣ Сонѣ.	524.
Январь 21.	Л. Тонилову.	525.
Январь 28.	Н. П. П.	526.
Февраль 5.	І. О. Перперу.	527.
Февраль 25.	В. А. Молочникову.	528.
Мартъ 3.	М. Н. Толстой.	529.
Мартъ.	Священнику С. К.	530.
Апрѣль.	Въ Судебную Палату.	531.
Апрѣль 30.	Н. Е. Ф.	532.
Май 11.	И. М. Трегубову.	533.
Май 4.	В. А. Молочникову.	534.
Май 29.	Е. Добротиной.	535.
Іюнь 6.	В. А. Молочникову.	536.
Іюнь 15.	Атрпету.	537.
Іюнь 16.	„	538.
Іюнь 16.	А. Соловьеву.	539.
Іюнь 17.	В. А. Молочникову.	540.
Іюнь 25.	„ „	541.
Іюль	Обществу „Славія“.	542.
Іюль 12.	Президенту 18-го конгресса мира въ Стокгольмѣ.	543.
Августъ 6.	Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей.“	544.
Августъ 8.	Л. С.	545.
Августъ 31.	М. М. Д.-К—вой.	546.
Сент. 8.	Польской женщинѣ.	547.
Октябрь.	Студенту N.	548.
Ноябрь 13.	А. М. Завадскому.	549.
Декабрь 4.	Д. Н. Бородину.	550.
	N. N.	551.
1910 г.		
Январь 13.	В. Ф. Тотоміанцу.	552.
Мартъ 1.	Сектанту С.	553.
Мартъ 27.	В. Г. Короленко.	554.
Апрѣль 6.	Г. К. Градовскмоу	555.
Апрѣль 7.	Д. Р-ну.	556.
Іюль 14.	Гр. С. А. Толстой.	557.
Сент. 21.	В. Некрасову.	558.
Окт. 5.	Н. П. Петерсону.	559.
Окт. 24.	Студенту А. Р-ву.	560.
Окт. 28.	Гр. С. А. Толстой.	561.
Окт. 31.	М. Н. Толстой.	562.

СОДЕРЖАНІЕ.

А.

Абрикосовъ. №№ 501. 460.
Авторство. № 308.
Авторское кокетство. № 376.
Автобіографія №№ 440. 456.
Адъ. № 472.
Азбука. №№ 300. 304. 305. 308.
Александровка. № 284.
Алексѣй Божій человѣкъ. № 364.
Александръ I. №№ 483. 480.
Александръ II. № 511.
Альфредъ де Виньи. № 469.
Америка. № 410.
Англія. №№ 306. 432. 460.
Анненковъ. № 298.
„Анна Каренина". №№ 300. 317. 325.
Апологъ о соколѣ. № 333.
Апатія. № 384.
Армія. № 283.
Аристотель. № 421.
Артель. № 439.
Армяне. № 442.
Арцыбашевъ. №№ 527.
Арестъ. № 544.
Астрахань. № 477.
Ауэрбахъ. № 286.
Афонскіе монахи. № 380.
Африканъ. № 436.
Афонасьевъ. № 536.

Б.

Бакунинъ. № 327.
Баба Барати. № 493.
Берлинъ. № 286. 463.
Беранже. № 291.
Безсонница. № 297.
Бестужевъ-Рюминъ К. № 335.
„Безъ догмата". № 500.
Берсы. № 511.
Безграничность перспективъ жизни. № 507.
Бибиковъ. №№ 338. 328.
Библіотеки. № 342.
Билліардъ. № 329.
Бирюковъ П. И. №№ 363. 382. 420. 421. 491.
Библія. № 521.
Біографія. №№ 438. 440. 456. 459. 477.
Благодарность. №№ 375. 404.
Близкія страданія. № 384.
Благо человѣка. № 433.
Благая часть. № 512.
Близость смерти. № 516.
Благодарность за любовь. № 562,
Благотворительная помощь. № 444.
Болконскій Андрей. № 293.
Боткинъ. № 296.
Болѣзнь. №№ 297. 332. 442. 445. 461.
Борисовъ. №№ 285. 313. 319. 321.
Богъ. №№ 319. 320. 371. 374. 430.
Бондаревъ. №№ 343. 371.
Борьба съ искушеніями. № 380.
Богъ-любовь. №№ 387. 521.
Болтовня. № 390.
Богатые классы. № 394.
Бодянскій. № 410.
Божеская мысль. № 515.
Божественное начало. № 534.
Боснія. № 547.
Борьба. 454.
Брошюра. №№ 325. 424. 531.
Бракъ. № 362.
Братъ по духу. № 432.
Браминъ. №№ 496. 546.
Брюссель. № 477.
Братская любовь. № 439.
Булгаринъ, № 284.
Бумага. № 286.
Бутырская тюрьма. № 352.
Буткевичъ. №№ 356. 388.

Буткевичи. № 387.
Булыгинъ. №№ 414. 501.
Буква писанія. № 520.
Будущая жизнь. № 530.
Бумагомаранье. № 540,
Булгаковъ. № 556.
Буддійское понятіе. № 467.
Будда. №№ 448. 546. 548.
Буддисты. № 451.
Быстрая перемѣна. № 534.
Бѣляевъ. № 328.
Бѣдность. № 398.
Бѣгичевка. №№ 404. 407. 408.
Бюджетъ. № 435.

В.

Важность любви. № 370.
Важное событіе въ жизни, № 511.
„Вечера". № 304.
Весна. № 339.
Вернъ. № 331.
Величайшее дѣло. № 335.
Весенняя суета. № 300.
Великановъ. № 418.
Вегетаріанское обозрѣніе. № 527.
Вегетаріанство. № 558.
Веригинъ П. В. №№ 431. 460.
Веды. №№ 451. 521.
Вильсонъ. № 284.
Вино. № 435.
Владиміровъ. № 401.
Вліяніе одной жизни на другую. № 498.
Внутренній ходъ чувствъ. № 351.
Внутреннее усиліе. № 359.
Внѣшнее цѣломудріе. № 379.
Внутреннее чувство. № 384,
Внутренняя жизнь. № 483. 518.
Внушеніе. № 486.
Внутреннее удовлетвореніе. № 462.
Внутреннее противорѣчіе. № 476.
Внутренняя дѣятельность. № 432.
Внутреннее совершенствованіе. №№ 450. 470.
Внутренняя работа. №№ 437. 438. 502.
Внѣшнее положеніе. № 488.
Внутренній міръ. № 538.
Внѣшнее устройство. № 556.
Война. № 282. 447.
„Война и миръ". № 293.
Волненіе. №№ 283. 323.
Возрастъ мальчиковъ. № 310.
Воляпюкъ. № 314.
Воинская повинность. № 345.
„Вотъ спаситель міра". № 347.
Воля Божья. №№ 335. 422. 487. 497.
Воздаяніе добромъ за зло. № 335.
Волькенштейнъ. № 419.
Военно-полевой судъ. № 511.
Восьмидевятилѣтіе. № 517.
Восьмидесятилѣтній старикъ. № 526.
Воспоминанія. № 458.
Враги отечества. № 335.
Время близко. № 538.
Враги истины. № 470.
Всенародный языкъ. № 314.
Вступленіе. № 421.
Всеобщая слабость. № 538.
Всемірная артель. № 439.
Вторая дѣятельность. № 415.
Вундтъ. № 406.
„Въ звѣздахъ". № 324.
Выборъ имѣнія. № 284.
Выводъ жизни. № 285.
Выставка. № 355.
Высшая радость. № 366.
Выраженіе сочувствія. № 378.
Выдача помощи. № 396.
Высшія требованія. № 463.
Выраженіе мысли. № 431.
Выраженіе братства. № 505.
Выборъ положенія. № 515.
Выраженіе благодарности. № 517.
Высшее благо. №№ 521. 546.
Выраженіе любви. № 452,
Вѣстникъ Европы. № 325.
Вѣра. №№ 388. 451. 530.
Вѣсы мнѣнія. № 421.
Вѣрующій въ Бога. № 505.
Вѣрованіе. №№ 521. 530.

Г.

Гавриловка. № 337.
Газеты. № 341.
Гальперинъ. № 410.
Гауфъ. № 431.
Галилей. № 547.
Гете. № 297.
Гегель. № 309.
Гегельянство. № 320.
Ге. Н. Н. №№. 363. 375. 381.
Германія. № 432.
Генрихъ Франц. № 500.
Герцеговина. № 547.
Герценъ А. И. № 477.
Гіера. № 287.
Главная цѣль. №№ 454. 470.
Гоголь. № 284.
Голицына. №№ 287. 288.
Государственная помощь. № 312.
Государственная необходимость. № 335.

Государство. №№ 335. 422. 500.
Голодъ. №№ 377. 395. 398. 400. 401. 404.
Гольцевъ. № 381.
Гостевъ. № 387.
Гости. № 389.
Гоненіе. № 416.
Головня. В. Я. № 419.
Городская жизнь. № 434.
Государственный гипнозъ. № 500.
Горбуновъ. № 510.
Горькая истина. № 522.
Государственная Дума. № 533.
Голицынъ. № 536.
Гончаренко. № 480.
„Гроза". № 284.
Грустное письмо. № 302.
Грайворонка. № 321.
„Грѣшница". № 359.
Грѣхъ унынія. № 373.
Грунскій. № 431.
Грѣхи. № 525.
Гувернеръ. № 300.
Гунибъ. № 323.
Гуманный либерализмъ. № 415.
Гусевъ. №№ 510. 544.
Гюго В. №№ 341. 469.

Д.

Давленіе окружающихъ. № 335.
Даровое пособіе. № 393.
Два предѣла. № 379.
Десертъ. № 301.
Деревня. № 312.
Деревенская жизнь. № 315.
Декабристы. № 328.
Денежные расчеты. № 340.
Деньги. № 340. 364. 383. 396. 429.
Диктованіе. № 385.
Дидерихсъ. 487.
„Дневникъ писателя". № 387.
Доходъ. № 300.
Домашній эпизодъ. № 326.
Довольство среднимъ. № 338.
Долнеръ. № 383.
Достоевскій. № 387. 437.
Долгоруковъ. № 483.
Доброжелательство. № 510.
Достаточные классы. № 515.
Догматъ о личности Бога. № 521.
Добро. №№ 472. 479.
Драма. № 297.
Дробь. № 307.
Дружба съ Фетомъ. № 315.
Дружба. № 362.
Драма Ренана. № 379.
Дрова. №№ 396. 404.
Дружелюбныя отношенія. № 500.
Друзья. № 538.
Душа. № 319. 416.
Духовная работа. №№ 330. 545.
Душевная жизнь. № 339.
Духовная дѣятельность. № 362.
Духовный вопросъ. № 331.
Дунаевъ. №№ 387. 445.
Духовная помощь. № 409.
Дурная слава. № 428.
Душевное состояніе. № 429.
Духовная радость. № 434.
Духоборы. №№ 436. 490. 501. 551.
Душевное состояніе. №№ 498. 510.
Дурное дѣло. № 505.
Дурное свойство. 509.
Духовное отношеніе. № 515.
Духовное состояніе. № 525.
Духовное усиліе. № 525.
Духовное прошедшее. № 530.
Духъ жизни. № 546.
Дурное настроеніе. № 463.
Души людей. № 467.
Дунайская армія. № 468.
Духовная жизнь. № 472.
Духовная атмосфера. № 475.
Дуэль. № 477.
Дьяковъ. №№ 294. 295.
Дѣти. №№ 330. 339. 494.
„Дѣтская помощь". № 342.
Дѣло. № 344.
Дѣло Божье. №№ 424. 428. 432. 433.
Дѣятельность правительства. № 435.
Дѣло христіанства. № 487.
Дюма. № 410.

Е.

Евангеліе. №№ 337. 342. 433. 439. 448
Евангельскія картины. № 355.
Евангельская исторія, № 390.
Европейскій міръ. № 314.
Евангеліе Іоанна. № 436.
Евреи. №№ 417. 466.
Еврейскіе пророки. № 471.
Единственное благо. № 358.
Единое на потребу. № 416.
Единый источникъ. № 420.
Единеніе. № 445.
Единая заповѣдь. № 546.
Единственное средство. № 547.
Екатерина I. № 464.
Елизавета. № 500.
Епифанскій уѣздъ. № 394.
Ермолаевъ. № 401.

Ж.

Жажда жертвы. № 384. 544. 551.
Желаніе славы. № 482.
Желаніе посѣтить монастырь. № 529.
Жестокія мѣры. № 544.
Желаніе смерти. № 465.
Жена. №№ 289. 292. 295. 443. 557. 561.
Женитьба. № 363.
Желтовъ Ф. № 369.
Желудочная боль. № 295.
Женщина. № 436.
Жизнь вездѣ. № 490.
Жизнь человѣка. № 525.
Жизнь въ мирѣ и согласіи. № 530.
Жизнь мірская. № 470.
Жизнь духовная. № 470.
Жизнь послѣ смерти. № 472.
Жизнь. №№ 308. 339. 340. 362. 389. 455.
Житіе Петра Мытаря. № 341.
Житіе Павлина. № 341.
Жизнь духа. №№ 428. 432.
Жизнь и смерть Дрожжина. № 431.
Живое общеніе. № 433.
Журналъ. №№ 289. 304. 370. 406. 481.
Журавлевъ. № 361.

З.

Забастовка. № 486.
Забота христіанина. № 487.
Забота о другихъ. №№ 345. 357. 361. 367, 402, 409, 478.
Забота объ азбукахъ. № 305.
Забота о славѣ. № 379.
Заблужденіе людей. № 343.
Забота. № 536.
Заблужденіе. №№ 546. 553.
Зависть. № 515.
Загадка № 311.
Загробная жизнь. №№ 451. 472.
Заграница. №№ 286. 407.
Задача писателя. № 351.
Задача картины. № 368.
Задачи непосильныя. № 379.
Задача цѣломудрія. №№ 379. 380.
Задача жизни. № 502.
Закхей № 488.
Заключеніе въ тюрьму. № 554.
Законъ любви. №№ 546. 547. 548.
Законъ непротивленія. № 547.
Законъ насилія. № 547.
Законъ Бога. №№ 335. 343. 524.
Замобовскій. А. П. № 345.
Занятія. № 334.
Занятія наукой. № 359.
Заповѣдь любви. № 546.
Зараженіе чувствами. № 512.
Заработки крестьянъ. № 312.
Защита книги. № 433.
Защита солдата № 511.
Заявленіе. № 544.
Заявленіе о судѣ. № 531.
„Заяцъ“. № 291.
Здоровье жены. № 316.
Здоровье. №№ 453. 454. 456. 464. 495.
Земныя радости. № 416.
Зимняя жизнь. № 330.
Знаніе языковъ. № 314.
Значеніе доброй жизни. № 340.
Значеніе науки. № 359.
Знанія. № 359.
Значеніе книги. № 433.
Зола. № 410.
Зубная боль. № 286.

И.

Ивановъ проф. № 477.
Идеалъ. №№ 335. 373. 525. 558.
Идеалъ любви. № 335.
Идеалъ внутренняго совершенства. № 387.
Извиненіе. № 394.
Издатели народныхъ книгъ. № 344.
Излишекъ таланта. № 381.
Изданіе портретовъ. № 483.
Избавленіе порабощенныхъ людей. № 547.
Индія. № 547.
Индусы. № 443.
Индійскій пѣтухъ. № 379.
Инерція лжи. № 341.
Интеллигенція. № 359.
Искусство. №№ 299. 317. 368. 406. 469.
Искусственное воспитаніе. № 333.
Искусственныя потребности. № 333.
Искушеніе. № 335. 379. 420.
Искупленіе. № 384.
Искусственныя подмостки. № 428.
Исаія. № 448.
Исполненіе закона Бога. № 335.
Исправленіе книгъ. № 344.
Исполненіе воли Бога. № 422.
Иславинъ. К. № 340.
Исправникъ. № 544.

Исповѣдь. № 551.
Исторія. № 323.
Истина Божія. № 348.
Истины Христовы. № 335.
Источникъ страданія. № 424.
Истина. №№ 438. 451.
Истинное „я“. № 514.
Истинно вѣрующіе. № 533.
Испытаніе. № 416.
Ищущіе люди. № 389.

I.

Іерусалимъ. № 368.
Іоаннъ. № 559.
Іоаннъ Креститель. № 525.

К.

Кавказъ. № 477.
Калошинъ. № 283.
Калмыкова А. М. № 341.
Кантъ. № 421.
Канада. № 501.
Капиталъ. № 285.
Картины. №№ 347. 389. 390. 403. 405. 368.
Картина „Искушеніе“. № 347.
Картина „Кающагося грѣшника“. № 349.
Караси. № 404.
Катковъ. №№ 289. 316. 325.
Католикъ. № 448.
Киссингенъ. № 286.
Кирѣевскій. № 295.
Кирхнеръ. № 410.
Кишиневскіе ужасы. № 466.
Кипучая жизнь. № 528.
Клевета. № 428.
Книжка Алексѣева. №№ 383. 478.
Книжники. № 421.
Книга. № 433.
Комедія. № 357.
Конецъ работы. № 407.
„Конецъ вѣка сего“. № 413.
Козловка. №№ 296. 318. 326. 339. 341.
Корректура. №№ 300. 303. 305. 317. 382. 392. 393. 394. 421.
Коранъ. №№ 451. 521.
Корректурные листы. № 510.
Короленко. В. Г. № 554.
Конфуцій. №№ 448. 471. 521. 546.
Конгрессъ мира. № 543.
Кооперативное движеніе. № 552.
Колокольцевъ. Г. № 511.
Коллективное письмо. № 466.
Крестникъ. № 294.
Крестьяне. № 312.
Крестьянскія семьи. № 312.
Крестьянство. №№ 444. 522.
Крестьянская нужда. № 444.
Крапивна. № 414.
Краускопфъ. № 417.
„Краткое изложеніе Евангелія“. № 448.
„Кровь.“ № 527.
Критика. №№ 300. 309. 346. 350. 351. 353. 359. 436. 495. 504. 510. 512.
„Критика практическаго разума“. № 421.
„Кругъ Чтенія“. №№ 484. 489 494. 540.
Крымъ. № 477.
Крымская армія. № 468.
Кутаисъ. № 410.
Кудрявцевъ. № 414.
Кузнецкій мостъ. № 284.
Кумысъ. № 301.
Кузминскій. № 345,
Клубокъ любви. № 476.
„Къ духовенству“. № 460.

Л.

Лаоцзе. №№ 471. 546.
„Левъ Толстой, какъ художникъ и мудрецъ“. № 424.
Леонтьевъ. № 419.
Лекціи о Платонѣ. № 425.
Лермонтовъ. № 367.
Легкомысліе. № 505.
Лелеваль. № 477.
Леченіе кумысомъ. № 301.
Литература. №№ 291. 304.
Литераторъ. № 292.
Литературный сборникъ. № 313.
Литературная работа. № 354.
Личность. №№ 320. 438. 521. 541. 545. 549.
Личное свойство. № 421.
Лицо Христа. № 405.
Лицо. № 405.
Ложь. № 317.
Ложныя понятія. № 359,
Лондонъ. № 477.
Лошади. №№ 316, 323.
Любовь. №№ 364. 368. 339. 371. 386. 434. 467. 509. 514. 559.
Любовь къ людямъ, № 346.
Любовь къ ближнему. № 371.
Любовная дѣятельность. № 393.

Любящее сердце. № 415.
Любовность. №№ 491. 557. 559.
Любовь къ Богу. № 512.
Любовное отношеніе. № 515.
Любовь между полами. № 528.
Любовь есть Богъ. № 559.
Любимое состояніе. № 315.
Людовикъ. № 500.
Людоѣдство. № 371,
Лѣнь. № 384.
Лыко. №№ 400. 401.

М.

Магометане. №№ 448. 450.
Маковскій В. № 366.
Маковицкій Д. П. №№ 436. 491.
Мальчики. № 310.
Мануиловъ. № 453.
Манифестъ. № 335,
Мартъ I. № 335.
Математика. № 308.
Матерія. № 320.
Матеріальная сторона. № 335.
Матеріальная жизнь. № 346.
Матеріальное положеніе. № 364.
Материнская любовь. №№ 443. 535.
Матеріальная помощь. № 551.
Матѳей. № 553.
Малеванный—отецъ. № 497.
Малеванный—сынъ. № 497.
Маркъ Аврелій. № 500.
Маклаковъ, № 532.
Мамедъ-Али-Шахъ. № 537.
Медицина. № 415.
Медовый мѣсяцъ. № 289.
Мемуары Эд. Стурдзы. № 480.
Мерзкія условія. № 389.
Мертвое время. № 296.
Мечта. № 547.
Міровоззрѣніе. № 467.
Міропониманіе. № 491,
Міросозерцаніе. №№ 309. 329.
Мірской человѣкъ. № 364.
Мірская жизнь. № 371.
Ми - ти. № 471.
Министры. № 343.
Милосердіе. № 371.
Минуты паденія. № 379.
Минуты борьбы. № 391.
Мистическое отношеніе. № 545.
Мнѣніе людей. № 379.
Мнѣніе о Страховѣ. № 309.
Молитва Господня. № 450.
Молитва. №№ 386. 450. 451. 524, 534. 553,
Молокане. № 337.
Молочниковъ В. А. №№ 539. 541.
Моравскій. № 446.
Моррисонъ. № 463.
Москва. №№ 296. 297. 316, 318. 323. 324. 344. 352. 423.
Муза. № 299.
Мудрецы. № 421.
Мулла. № 301.
Муравьева. № 328.
Муромскій. № 301.
Мученичество первыхъ временъ христіанства. № 345.
Мысли. №№ 481. 484. 489. 504.
Мысли о смерти. №№ 378. 445.
Мценскъ. № 284.

Н.

Нагорный. № 300.
Наживинъ И. Ф, №№ 488.
„Наканунѣ“. № 284.
На кумысѣ. № 338.
Народность. № 506.
Нарушеніе любви. № 546.
Наполеонъ. № 500.
Насиліе. № 387.
Наука. №№ 359. 406.
Насильственное пресѣченіе зла. № 335.
Настоящіе люди. № 319.
Настоящая вѣра. № 540.
Неразрѣшенные вопросы. № 309.
Непріятное впечатлѣніе. № 309.
Неурожай, № 312.
Нездоровье. №№ 320. 342. 389. 421. 457.
Нервы. № 324.
Несоотвѣтствіе жизни съ идеаломъ. № 373.
Недоброжелательство людей. № 384.
Незамѣнимость любви. № 386.
Неподходящая роль. № 510.
Ненависть. №№ 511. 515.
Непогрѣшимость церкви. № 530.
„Не убій“. № 531.
Нецѣлесообразность мѣры. № 544.
Необходимость вѣры. № 546.
Неизмѣнное рѣшеніе. № 561.
Невозможность писать предисловіе. № 478.
Никольское. № 299.
Нирвана. № 302.
Ничегонедѣланіе. № 330.
Николай I. № 464.
Нормальное положеніе. № 289.
Новая вѣра. № 341.

Новыя условія. № 538.
Нѣжность сердца. № 562.
Нѣмецкое письмо. № 491.

О.

Обрядъ, №№ 302. 553.
Общее дѣло. № 344.
Общій идеалъ. № 554.
Община. №№ 371. 374. 501. 502. 525.
Обязанности Царя. № 335.
„Обозрѣніе". № 381.
Обыскъ. № 416.
Область духовная. № 420.
Общее благо. № 432.
Общеніе между мужчиной и женщиной. № 553.
Общечеловѣческіе идеалы. № 469.
„О жизни и смерти". № 356.
Озерки. № 511.
Опредѣленіе жизни. № 388.
Опредѣленіе искусства. № 411.
Оптина Пустынь. № 455.
Орловъ А. И. № 478.
Орудіе служенія. № 436.
Островскій. № 284.
Осуществленіе христіанства. № 419.
О себѣ. № 435, 470, 544.
Основа вѣры. № 546.
Основа жизни. № 467.
Освобожденіе отъ испытанія. № 477.
Отъѣздъ. № 561.
Отказъ отъ военной службы. № 460.
Отдыхъ. № 296.
Отзывчивость. №№ 311, 358.
Отношеніе къ Богу. № 332.
Отношенія съ людьми. № 340.
Отношенія къ начинающимъ писателямъ. №№ 346, 350.
Отношеніе къ искусству. № 351.
Отношеніе къ дочери. № 363.
Отреченіе отъ славы людской. № 374.
Отношеніе къ писательству. № 403.
Отказавшіеся отъ военной службы. №№ 434, 534.
Отсутствіе пола. № 535.
Отвлеченное умствованіе. № 420.
„Отче Нашъ". № 450.
Оцѣнка поступковъ. № 525.
Ошибка. № 485.

П.

Паскаль. № 478.
Павелъ апостолъ. № 380.
Папиросы. № 437.
Парижъ. № 477.
Павловъ. № 541.
Патріотизмъ. №№ 283, 425, 506.
Пензенское имѣніе. № 296.
Перло. № 298.
Пермь. № 301.
Петербургъ. № 306, 410.
Передѣлъ. № 309.
Переводъ. № 342.
Періодъ испытанія. № 358.
Печатаніе заграницей. № 408.
Печатаніе. №№ 410, 421.
Переводы статьи. № 432.
Печатное слово. № 433.
Переходъ. № 453.
Печатаніе писемъ. № 493.
Періоды затменія. № 499.
Перемѣна жизни. № 509.
Переходъ въ другое исповѣданіе. № 523.
Пермская губернія. № 544.
Писатель. № 285.
Писаніе. №№ 308, 325, 339, 368, 377, 432.
„Письмо въ редакцію". № 312.
Письмо. №№ 321, 325, 330, 334, 484.
Письмо Царю. № 335.
Писаніе писемъ. № 379.
Письмо индуса. № 547.
„Письмо къ либераламъ". № 531.
Письмо для печати. № 535.
Писарь. № 511.
Планы. № 410.
Племянникъ Гоголя. № 420.
Плутархъ. № 378.
Платонъ. № 425.
Плотская смерть. № 503.
Позиція при Бельбекѣ. № 282.
Потеря Севастополя. № 283.
Портретность въ литературѣ. № 293.
Похороны. № 288.
Подновинское. № 292.
Портретъ. № 296.
Повѣсть. №№ 297, 350, 351, 353.
Поэзія. №№ 299, 321, 332.
Портретъ Т. А. Кузминской. № 300.
Подписка о невыѣздѣ. № 306.
Помощь народу. №№ 312, 400, 401.
Положеніе народа. № 312.
Подписка на пожертвованія. № 312.
Повѣсть Лѣскова. № 381.
Посѣтители. № 390.
Помощь нуждающимся. № 396.
Пожертвованія. №№ 398, 400, 401.
„Повиненъ смерти". № 405.
Покосъ. № 410.
Полюсъ безумія. № 420.
Посредники, № 420.

Повѣрка мысли. № 420.
По человѣчески любить. № 434.
Половое чувство. № 436.
Положеніе крестьянъ. № 444.
Поляки. № 446.
Покорность волѣ Бога. № 454.
Побѣдоносцевъ, К. П. № 335.
Послѣсловіе. № 342.
Польза. № 344.
Поменьше предпринимать. № 348.
„Повѣсть о бражникѣ". № 349.
„Посредникъ". №№ 353, 361, 410, 425.
„Послѣдняя бесѣда". № 365.
Посылка книги. № 537.
Посланіе Іоанна. № 546.
Порабощенный народъ. № 547.
Польскій народъ. № 547.
Порабощенные. № 547.
Польша. № 547.
Пониманіе Бога. № 549.
„Потерянный рай". № 491.
Послѣдствія труда. № 493.
Политика. № 494.
Польскіе крестьяне. № 500.
Познань. № 500.
Поссе, В. А. № 552.
Пріѣздъ гостей. № 300.
Предложеніе Страхову. № 305.
Присяжный засѣдатель. № 299.
Праздность умственная. № 315.
„Православное Обозрѣніе". № 320.
Приближеніе къ Богу. № 380.
Принципы. № 388.
Прокормъ лошадей. № 398.
Прямота дѣйствій. № 408.
Правда. №№ 331. 408.
Проявленіе Бога. № 424.
Приближеніе смерти. № 426.
Правительственные чиновники. № 435.
Причины, вызывающія войны. № 447.
Православный. № 448.
Проповѣдь. № 454. 497.
Праздность. №№ 323. 330.
Праздный трудъ. № 333.
Правительство. №№ 335. 343. 417. 466. 490. 547. 555.
Прянишниковъ. № 366.
Правильная жизнь. № 376.
Просьба о любви. № 526.
Процессъ познанія истины. № 530.
Противорѣчіе. № 539.
Протестъ. № 544.
Православное лицо. № 546.
Принципъ насилія. № 547.
Право. № 548.
Противъ всеобщаго увлеченія. № 485.
Прусакъ. № 500.
Проектъ общины. № 501.
Препятствіе. № 509.
Противорѣчіе. № 551.
Прощаніе. № 561.
Прощеніе. №№ 339. 561.
Программа. № 459.
Приближеніе къ смерти. № 465.
Приближеніе конца. № 470.
Практическія дѣла. № 470.
Прудонъ. № 477.
Путешествіе. № 287.
Публика. № 303.
Путаница. № 313.
Пугачевъ. № 387.
Пуризмъ христіанскаго ученія. № 341.
Пѣніе. № 294.
Пѣсни. № 477.
Пьянство. № 550.
Пятидесятипяти-лѣтіе. № 503.

Р.

Работа. №№ 291. 310. 318. 372. 420. 307. 336. 376. 385. 389. 406.
Разсвѣтовъ. № 294.
Разногласіе съ Катковымъ. № 325.
Радость жизни. №№ 349. 365. 430. 438. 489. 507.
Разсказъ. № 346.
„Раздѣлъ". №№ 357. 361.
Работа въ полѣ. № 362.
Работа въ глубинѣ. № 499.
Работа. № 510.
Разсужденія. №№ 309. 371.
Разсужденія о свободѣ воли. № 372.
Разсужденіе совѣсти. № 486.
Разряды дѣлъ. № 380.
Разочарованіе. № 384.
Разсужденіе о времени. № 423.
Разбитый параличомъ. № 455.
Разумъ. № 448.
Развращеніе среды. № 515.
Радость. №№ 534. 540.
Радость постояннаго успѣха. № 380.
Радость любви. № 385.
Радостный смыслъ жизни. № 415.
Радость общенія. № 482.
Радость смерти. № 489.
Радостное письмо. № 432. 502.
Радость—любить. № 513.
Распутство. № 379.
Рай. № 472.
Раскаяніе. № 463.
Распространеніе сочиненій. № 408.
Расширеніе любви. № 519.
Рамакришна. № 484.
Революціонеры. №№ 335. 432.
Революціонная книга. № 544.

Революціонная дѣятельность. № 487.
Рябята. № 399.
„Revues“. № 339.
„Revue Etrangère“. № 339.
„Revue des deux mondes“. № 322.
Редакторское письмо. № 305.
Религія. №№ 302. 320. 339. 424. 454. 456.
Религіозное уваженіе. № 302.
Религіозное чувство. №№ 436. 443.
Религіозныя основы. №№ 327. 559.
Религіозное убѣжденіе. № 523.
Религіозный человѣкъ. № 535.
Религіозное сознаніе. № 550.
Религіозное сознаніе народа. № 552.
Ремингтонъ, № 487.
Рождество Христово. № 471.
Рожденіе сына. № 294.
Родственная натура. № 319.
Романъ. №№ 300. 318.
Россія. №№ 335. 490. 506. 547.
Ростовскій Дмитрій. № 341.
Ростъ жизни. № 380.
Ротный командиръ. № 511.
Руссо. №№ 458. 469.
„Русскій Вѣстникъ“. №№ 319. 320. 324.
„Русское Богатство“. №№ 367. 370.
„Русскія Вѣдомости“. № 402.
„Русская Мысль“. № 441.
Рукописи. №№ 350. 373. 410.
Русскій царь. № 335.
Русское правительство. № 533.
Рукопись Одаховскаго. № 468.
Ручное земледѣліе. № 410.
Рыхотская волость. № 395.
Рѣчь на судѣ. № 511.
Рѣшеніе министра. № 544.

С.

Самостоятельность чувствъ. № 485.
Самара. №№ 301. 323.
Самарская губернія. №№ 312. 338.
Сахатовъ. № 501.
Самаринъ П. № 320.
Самаринъ Юрій. № 320.
Самоопредѣленіе. №№ 329. 333. 368.
Самообличеніе. №№ 458. 459.
Самоотреченіе. № 391.
Самоубійство. № 455.
Свобода отъ гипноза. № 485.
Свободная дѣятельность. № 488.
Свобода мнѣнія. № 488.
Свободникъ. № 501.
„Свободная совѣсть“. № 533.
Свертыванье. № 541.
Связь съ народомъ. № 394.
Связь ученія. № 421.
Свобода воли. № 421.
Святой духъ. № 448.
Свистуновъ. № 328.
Свѣшникова. № 341.
Сенкевичъ Г. № 500.
„Семья Поланецкихъ“. № 500.
Сердце. № 508.
Севастополь. №№ 283. 468.
Семеновъ. №№ 402. 426.
Семейное событіе. № 300.
Семья. №№ 308. 362. 330.
Сергѣй Александровичъ Вел. Кн. № 335.
Синтаксическія измѣненія. № 382.
Сила христіанскаго ученія. № 422.
Сибиряковъ. №№ 342. 354.
Скороходовъ. № 410.
Скука. № 390.
Слава человѣческая. № 488.
Слова Христа. № 520.
„Славія“. № 542.
Слезы. № 544.
Слабость характера. № 551.
Слава людская. №№ 364. 445. 479.
Славолюбіе. № 424.
„Славянское Обозрѣніе“. № 424.
Случайное сближеніе. № 432.
Слабость. № 434.
Служеніе Богу. №№ 436. 476.
Служеніе большой артели. № 439.
Служеніе міру. № 455.
Славянское слово. № 302.
Сложность условій. № 323.
Слава человѣческая. № 343,
Слово. № 346.
Смиреніе. №№ 510. 513.
Смертные приговоры. № 511.
Смертная казнь. №№ 511. 520. 554. 477.
Смерть. № 465.
Смѣшанное чувство. № 424.
Смыслъ войны. № 427.
Смыслъ христіанскаго ученія. № 448.
Смиреніе. №№ 365. 370.
Смѣшеніе мотивовъ дѣятельности. № 379.
Смерть Достоевскаго. № 336.
Смыслъ жизни. №№ 362. 422.
Смерть брата. № 288.
Смерть. №№ 311. 411. 415. 449. 319.
Смерть племянницы. № 311.
Смерть тетушки. № 315.
Совѣты №№ 350. 364. 379. 406. 417. 428. 431. 434. 436. 440. 481. 488. 490. 502. 523. 462.
Сочувствіе. № 490.

Соблазнъ. № 512.
Сословіе. № 415.
Сотрудничество. № 527.
Совѣсть. №№ 533. 397. 420.
Солдатство. № 540.
Собака. № 340.
Сократъ. №№ 341. 448.
Сокращеніе потребностей. № 344.
Состраданіе. № 352.
Соціальный романъ. № 362.
Соденъ. №№ 286. 287.
Софоклъ. № 297.
Сознаніе человѣка. № 309.
Совершенство зоологическое. № 309.
Совершенство нравственное. № 309.
Соціалисты. №№ 327. 432.
Соблазнъ. №№ 364. 445.
Сомнѣнія. 379.
Совершествованіе. №№ 416. 455.
Соловьевъ В. № 427.
Соколовскій. № 446.
Спасеніе въ трудныя минуты. № 541.
Спиритическое общеніе. № 467.
Сраженіе 4-го Августа. № 282.
Сравненіе. №№ 422. 432. 436. 451. 454.
Ссылка Гусева. № 544.
Статья о клятвѣ. № 481.
Строгановъ. № 483.
Страховъ. Н. Н. №№ 484. 321. 324. 326. 328. 335. 431.
Стрѣлка на рельсахъ. № 487.
Столыпинъ П. А. № 504.
Стасюлевичъ А. М. № 511.
Саттья С. № 520.
Стокгольмъ. № 543.
Стихотвореніе. №№ 299. 332.
Стихи. №№ 324. 329. 331. 441.
Статья Болгова. № 326.
Статья Бондарева. №№ 343. 360.
Статья. №№ 360. 367.
Страданіе. №№ 387. 557.
Студентъ. № 560.
Строгановъ графъ. № 464.
Стэндаль. № 469.
Столовыя. №№ 395. 396. 397. 399.
Статьи о голодѣ. № 402.
Студентъ В. № 469.
Статья о Тулонѣ. № 413.
Старость. № 434.
Старовѣръ. № 448.
Суевѣріе. №№ 451. 500. 527.
Судебная Палата. № 531.
Судебный слѣдователь. № 532.
Судъ. №№ 532. 306, 419.
Суботнинъ. № 337.
Судебное слѣдствіе. №№ 306.
Сужденіе о людяхъ. № 464.
Суджанскій уѣздъ. № 418.
Существующій порядокъ. № 422.
Суллержицкій. № 434.
Счастливое состояніе. № 482.
Счастье. № 340.
Счастье на землѣ. № 366.
Сытинъ. № 341.
Сынъ Илья. № 294.
Сынъ Божій. №№ 343. 430.
Сѣно. № 401.
„Сѣверный Вѣстникъ". №№ 411. 427.
Сютаевъ. №№ 528. 342.
Сюмурденъ. № 341.
Съѣздъ писателей. № 555.

Т.

„Тайная Вечеря". № 355.
Творчество. № 298.
Телеграммы. № 446.
Типографія. № 305.
Толстой Н. Н. №№ 284. 285. 287.
Толстой С. Н. №№ 284. 288.
Толстая М. Л. №№ 363. 375. 385. 396. 397. 410.
Толстая Т. Л. №№ 396. 410.
Толстая М. Н. №№ 286. 294. 562.
Томашевскій. 301.
Толстой Л. Л. №№ 406. 410.
Тосканская Луиза. № 463.
Тоска. № 291.
Точка зрѣнія. № 412.
Требованія совѣсти. №№ 364. 443. 482.
Требованія любви. № 371.
Тринитакъ. № 521.
Трудный путь. № 384.
Трудный экзаменъ. № 391.
Трудное время. № 398.
Трегубовъ. № 410.
Трудность біографіи. № 440.
Тулонъ. № 287.
Тула. № 296.
Тургеневъ. № 477.
Тщеславіе. № 374.
Тысяча восемьсотъ пятый годъ. № 292.
Тюрьма. № 358. 414. 428.
Тютчевъ. № 302.
Тѣлесное страданіе. № 539.
Тяжесть борьбы. № 379.
Тяжелая минута. № 311.

У.

Убѣжденіе. № 526.
Уваженіе. № 434.

Увлеченіе борьбой. № 437.
Увлеченіе работой. №№ 356. 391.
Увлеченіе физическимъ трудомъ. № 363.
Уваровъ. № 301.
Увлеченіе новизны. № 384.
Уединеніе. №№ 339, 368.
Умственная усталость. № 449.
Умиленіе. №№ 322. 540.
Университетъ. №№ 560. 523.
Униженіе себя. № 379.
Уничтоженіе жизни. № 331.
Урусовъ С. С. №№ 484. 368.
Устройство жизни. № 502.
Устройство общества. № 547.
Устройство съѣзда. № 555.
Условія роскоши. № 561.
Усложнившаяся жизнь. № 434.
Установленіе въ себѣ царства Божія. № 438.
Усиліе. №№ 451. 454. 556.
Усталость. № 349.
Условія невмѣняемости. № 324.
Условія жизни. № 330.
Усиліе работы. № 413.
Условія свободной жизни. № 416.
Утѣшеніе. № 311.
Утрата любви. № 386.
Уходъ изъ міра. № 443.
Уходъ изъ жизни. № 319.
Уходъ изъ мірской жизни. № 561.
Ученіе Христа. №№ 345. 346. 414. 448. 472. 476. 525. 535. 546.
Ученіе буддизма. № 471.
Ученіе Назареновъ. № 424.
Ученый міръ. № 452.
Ученіе 12-ти Апостоловъ. № 342.

Ф.

Фарисеи. № 448.
Федоровъ Н. Ф. №№ 503. 559.
Фетъ Шеншинъ. № 313.
Фетъ А. А. №№ 294. 321. 477.
Ферма. № 284.
Фигура Христа. № 368.
Философія №№ 321. 421.
Философія Платона № 425.
Физическій трудъ № 428.
Физическая работа. № 299.
Финляндскіе журналисты. № 506.
Финляндія. № 506.
Физическая сила № 535.
Философія непротивленія. № 547.
Фонографъ. № 508.
Фридрихъ. № 500.
Французская литература. № 469.
Франція. № 287.
Французская революція № 379.

Х.

Харьковъ. № 299.
Харибда. № 458.
Хлѣбъ. № 396.
Хлѣбный трудъ. № 371.
Хозяйство. №№ 285, 287. 290. 340.
Хозяйственныя заботы. № 308.
Хозяинъ жизни. № 488.
Ходъ жизни. № 536.
Хожденіе „въ духѣ". № 553.
Холостая жизнь. № 285.
Хорошій инструментъ. № 508.
Хорошее письмо. №№ 509. 538.
Христіанство. №№ 309. 473. 496.
Христосъ. №№ 335. 364. 368. 403. 428. 436. 448. 520. 539. 548. 553.
Христіанинъ. № 506.
Христіанскія убѣжденія. № 530.
„Христіанство и патріотизмъ". № 531.
Христіанскій міръ. № 547.
Христіанскій народъ. № 547.
Храмъ. № 553.
Христіанское ученіе №№ 422. 558.
Христіанскія науки. № 314.
Христіанское орудіе. № 437.
Христіанининъ - церковникъ № 448.
Христіанская жизнь. № 451.
Христіанская истина. № 452.
Художественная натура № 351.
Художественные образы. № 390.

Ц.

Царство Божіе. № 387. 473. 502. 516.
„Царство Божіе". №№ 412. 422.
Царствованіе Александра III. № 423
Церковь. № 553.
Цензура. №№ 411. 475.
Цензурность. № 382.
Цѣломудріе. №№ 379. 380. 494.
Цѣль жизни. №№ 380. 422.
Цѣнность поступка. № 473.

Ч.

Черная сотня. № 486.
Чердынскій уѣздъ. № 544.
Чертковъ В. Г. №№ 341. 353. 360. 410. 411. 414. 418. 432. 434. 436. 445. 454. 460.
Черная печать. № 288.
Человѣческія отношенія. № 340.
Черкасовъ. № 418.
Человѣческая слабость № 426.

Человѣческія соображенія. № 434.
Чемберлены. № 447.
Читатель. № 351.
Чистяковъ. № 402.
Чтеніе. № 309.
Чтеніе книги. № 496.
Чувство умиленія. № 334.
Чувство виноватости. №№ 532. 551.
Чувство состраданія. № 554.
Чувство радости. № 465.
Чувство усталости. № 465.

Ш.

Шатиловъ. № 295.
Шаховской Дмитрій. № 358.
Шеншинъ. №№ 313. 321.
Шеншинъ П. А. №№ 316, 318. 321.
Шиллеръ. № 489.
Шибунинъ. № 511.
„Шінтское духовенство". № 537.
Школа. №№ 286. 494.
Шкарванъ А. №№ 424, 428. 429. 430.
Шопенгауэръ. № 319.
Шоповъ. № 452.
Штетинъ. № 477.
Штутгартъ. № 436.
Шутка. №№ 292. 300. 321.

Э.

Эврипидъ. № 297.
Эдемскій вечеръ. № 294.
Эзопъ. № 378.
Эксплоатація. № 515.
Эпиктетъ. № 378.
Эскизъ. № 368.

Ю.

Юбилейныя восхваленія. № 505.
Юношескій переходъ. № 310.
Юриспруденція. № 415.

Я.

Языкъ. № 314.
Янъ Гусъ. № 543.
Ясенки. № 296.
Ясная Поляна. №№ 285. 292. 305. 334. 339. 359. 402. 404.

1855 г.

№ 282.

Гр. С. Н. Толстому.

(Позиція при Бельбекѣ, 1855 г., Авг. 7).

Пишу тебѣ нѣсколько строкъ, чтобы успокоить за себя по случаю сраженія 4-го,*) въ которомъ я былъ и остался цѣлъ; впрочемъ я ничего не дѣлалъ, потому что моей горной артиллеріи не пришлось стрѣлять.

№ 283.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

(Позиція при Бельбекѣ, 1855 г., Сент. 4).

Дорогая и безцѣнная тетушка!

27 въ Севастополѣ произошло большое и славное дѣло. Я имѣлъ несчастье и счастье прибыть въ городъ какъ разъ въ день осады, такъ-что я могъ быть свидѣтелемъ его и даже принять нѣкоторое участіе въ качествѣ волонтера. Не пугайтесь, я почти не подвергался никакой опасности. 28-е, день моего рожденія, во второй разъ въ моей жизни, было для меня печальнымъ и памятнымъ днемъ: въ первый разъ это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. То была смерть тетушки Александры Ильинишны. А теперь потеря Сева-

*) Рѣчь идетъ о сраженіи при „Черной рѣчкѣ“ (1855 г. Авг. 4), въ которомъ Л. Н. принималъ косвенное участіе.

стополя. Я плакалъ, когда увидалъ городъ, объятый пламенемъ, французскія знамена и даже французскаго генерала въ нашихъ бастіонахъ. Валентинъ Калошинъ, котораго я здѣсь очень полюбилъ, пропалъ, и никто не знаетъ, что съ нимъ стало. Я не пишу его родителямъ, потому-что надѣюсь еще, что онъ попалъ въ плѣнъ. На запросъ, который я послалъ въ непріятельскій лагерь, не пришло еще отвѣта. Дорогая тетушка, я не могу объяснить себѣ молчанія всѣхъ, кому я пишу постоянно. Ваше, Валеріана, Маши, Николая, Сергѣя. Въ эти послѣдніе дни мысль бросить армію совсѣмъ приходитъ мнѣ въ голову все чаще и настойчивѣе. Я вижу, что сдѣлать это мнѣ будетъ легко. Но чтобы рѣшиться на этотъ шагъ, я хотѣлъ бы имѣть Ваше одобреніе. И вотъ, кромѣ желанья сдѣлать Вамъ удовольствіе и успокоить Васъ на мой счетъ, главная цѣль этого короткаго и несообразнаго письма. До-свиданія, дорогая тетушка, добрая и безцѣнная тетушка. Тысячу и тысячу разъ цѣлую Ваши руки—вѣрьте мнѣ, что я не перестаю о Васъ думать.

Вашъ *Левъ Толстой.*

1860 г.

№ 284.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1860 г., Фев. 23).

Ваше письмо ужасно обрадовало меня, любезный другъ Афанасій Афанасьевичъ. Нашему полку прибудетъ, и прибудетъ отличный солдатъ. Я увѣренъ, что вы будете отличный хозяинъ. Но дѣло въ томъ, что вамъ купить? Ферма, о которой я говорилъ подъ Мценскомъ, далеко отъ меня и, сколько я помню, продавалась за 16 тысячъ. Больше ничего о ней не знаю. А есть рядомъ со мною, межа съ межой, продающееся имѣніе въ 400 дес. хорошей земли, и къ не-

счастью еще семидесятью душами скверныхъ крестьянъ. Но это не бѣда, крестьяне охотно будутъ платить оброкъ, какъ у меня, 30 рублей съ тягла; съ 23 тысячъ—660 и не менѣе ежели не болѣе должно получиться при освобожденіи, и у васъ останется 40 дес. въ полѣ, въ четырехъ поляхъ неистощенной земли и луговъ около 20 дес., что должно давать около 2.000 рублей дохода, итого 2.500 руб., а за имѣніе просятъ 24 тысячи безъ вычета долга, котораго должно быть около 5.000. Мѣстоположеніе и по живописности, и по близости шоссе и Тулы очень хорошо, грунтъ—хорошій суглинокъ. Имѣніе разстроенное, т. е. усадьба старая, разломанная, однако есть домъ и садъ. Все это надо сдѣлать заново. Во всякомъ случаѣ купить за 20 тысячъ это имѣніе выгодно. Для васъ же выгода особенная та, что у васъ есть во мнѣ вѣчный надсмотрщикъ. Объ остальномъ не говорю. Ежели же вамъ это не понравится, я вамъ своей земли продамъ десятинъ сто, или спросите у брата Николая, не продастъ ли онъ Александровку. Но право, стараясь забыть совершенно личныя выгоды, лучше всего вамъ купить Телятники (это что продается рядомъ со мною). Продавецъ—разорившійся старикъ, который хочетъ продать поскорѣе, чтобъ избавиться отъ зятя, и два раза присылалъ ко мнѣ. Расчетъ, который я сдѣлалъ вначалѣ, есть расчетъ того, что дастъ это имѣніе, ежели положить на него тысячъ пять капитала и года два труда; но въ теперешнемъ положеніи все таки можно отвѣчать за 1.500 рублей, слѣдовательно болѣе семи процентовъ. Есть еще мой хуторъ въ 10 верстахъ отъ меня, 120 дес., но тамъ жить нехорошо: нѣтъ воды и лѣса. Отвѣчайте мнѣ поскорѣе и подробнѣе, сколько денегъ вы намѣрены употребить на имѣніе. Это главное.

Прочелъ я Наканунѣ. Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ Наканунѣ много лучше

Дворянскаго гнѣзда, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица изъ рукъ вонъ плоха: Ахъ, какъ я тебя люблю... у нея рѣсницы были длинныя.

Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ, какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ. Больше всего этой банальности въ отрицательныхъ пріемахъ, напоминающихъ Гоголя. Нѣтъ человѣчности и участія къ лицамъ, а представляются уроды, которыхъ авторъ бранитъ, а не жалѣетъ. Это какъ то больно журируетъ съ тономъ и смысломъ либерализма всего остального. Это хорошо было при царѣ Горохѣ и при Гоголѣ (да еще надо сказать, что ежели не жалѣть своихъ самыхъ ничтожныхъ лицъ, надо ихъ ужъ ругать такъ, чтобы небу жарко было, или смѣяться надъ ними такъ, чтобы животики подвело), а не такъ, какъ одержимый хандрой и диспепсіей Тургеневъ. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повѣсти, несмотря на то, что она успѣха имѣть не будетъ.

Гроза Островскаго есть по моему плачевное сочиненіе, а будетъ имѣть успѣхъ. Не Островскій и не Тургеневъ виноваты, а время; теперь долго не родится тотъ человѣкъ, который бы сдѣлалъ въ поэтическомъ мірѣ то, что сдѣлалъ Булгаринъ. А любителямъ антиковъ, къ которымъ и я принадлежу, никто не мѣшаетъ читать серьезно стихи и повѣсти и серьезно толковать о нихъ. Другое теперь нужно. Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марфутку и Тараску выучить хоть немножко тому, что мы знаемъ. Прощайте, любезный другъ. Милліонъ просьбъ. Забылъ я, какъ зовутъ нѣмецкаго libraire на Кузнецкомъ Мосту, налѣво (отправляясь снизу) наверху. Онъ мнѣ посылаетъ книги; зайдите къ нему

и спросите: 1) что я ему долженъ? 2) отчего онъ давно не посылаетъ мнѣ ничего новаго?—и выберите у него и пришлите мнѣ, посовѣтовавшись съ Пикулинымъ, что есть хорошаго изъ лѣчебниковъ людскихъ для невѣждъ и еще лѣчебниковъ ветеринарныхъ (до 10 руб.). Спросите у брата Сергѣя, заказалъ ли онъ мнѣ плуги? Ежели нѣтъ, то зайдите къ машинисту Вильсону и спросите, есть ли или когда могутъ быть готовы шесть плуговъ Старбука? Спросите въ магазинѣ сѣменномъ Мейера на Лубянкѣ, почемъ сѣмена клевера и тимофеевской травы. Я хочу продать.

Что стоитъ коновальскій лучшій инструментъ? Что стоитъ пара ланцетовъ людскихъ и банки?—Кое-что изъ этого можетъ возьметъ на себя трудъ сдѣлать милѣйшій Иванъ Петровичъ, котораго обнимаю. Марьѣ Петровнѣ цѣлую руку. Тетушка благодаритъ за память и кланяется.

Л. Толстой.

№ 285.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1860 г., Іюнь 20).

Не только не обрадовался и не возгордился вашимъ письмомъ, любезный другъ Аф. Аф., но ежели бы повѣрилъ ему совсѣмъ, то очень бы огорчился. Это безъ фразы. Писатель вы, писатель и есть, и дай Богъ вамъ и намъ. Но что вы сверхъ того хотите найти мѣсто и на немъ копаться, какъ муравей, эта мысль не только должна была придти вамъ, но вы и должны осуществить ее лучше, чѣмъ я. Должны вы это сдѣлать потому, что вы и хорошій, и здраво смотрящій на жизнь человѣкъ. Впрочемъ, не мнѣ и теперь докторальнымъ тономъ одобрять или не одобрять васъ: я въ большомъ разладѣ самъ съ собою. Хозяйство въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно ведется у меня, давитъ меня; юфан-

ство гдѣ-то вдали видпѣется только мнѣ; семейныя дѣла, болѣзнь Николеньки, отъ котораго изъ-за границы нѣтъ еще извѣстій, и отъѣздъ сестры (она уѣзжаетъ отъ меня черезъ три дня)—съ другой стороны давятъ и требуютъ меня. Холостая жизнь, т. е. отсутствіе жены, и мысль, что ужъ становится поздно,—съ третьей стороны мучаетъ. Вообще все мнѣ нескладно теперь. По причинѣ безпомощности сестры и желанія видѣть Николая, я завтра на всякій случай беру паспортъ за границу и, можетъ быть, поѣду съ ними; особенно ежели не получу, или получу дурныя вѣсти отъ Николая. Какъ бы я дорого далъ, чтобы видѣть васъ передъ отъѣздомъ, сколько бы хотѣлось вамъ сказать и отъ васъ узнать; но теперь это едва ли возможно. Однако, ежели-бы письмо это пришло рано, то знайте, что мы поѣдемъ изъ Ясной въ четвергъ, а скорѣе въ пятницу.—Теперь о хозяйствѣ: цѣна которую съ васъ просятъ, недорога, и ежели мѣсто вамъ по душѣ, то надо купить. Одно, зачѣмъ такъ много земли? Я трехлѣтнимъ опытомъ дошелъ, что со всевозможною дѣятельностью невозможно вести хлѣбопашество успѣшно и пріятно болѣе чѣмъ на 60-ти, 70-ти десятинахъ, т. е. десятинахъ по 10-ти, 15-ти въ полѣ (въ 4-хъ). Только при этихъ условіяхъ можно не дрожать за всякій огрѣхъ, потому что вспашешь не два, а три и четыре раза, за всякій пропущенный работникомъ часъ, за лишній рубль въ мѣсяцъ работнику, потому что можно довести 15 десятинъ до того, чтобы онѣ давали 30, 40% съ капитала основного и оборотнаго, а 80, 100 десятинъ—нельзя. Пожалуйста не пропустите этого совѣта мимо ушей, это не такъ себѣ болтовня, а выводъ, до котораго я дошелъ „боками". Кто вамъ скажетъ противное, тотъ или лжетъ, или не знаетъ. Мало того, и съ 15-ю десятинами нужна дѣятельность, поглощающая всего. Но тогда можетъ быть награда, одна изъ самыхъ пріятныхъ въ жизни, а съ 90 десятинами есть трудъ почтовой лошади, и не можетъ быть успѣха. Не нахожу

словъ обругать себя, что я раньше не написалъ вамъ, тогда бы вы вѣрно пріѣхали. Теперь прощайте. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Борисову.

Л. Толстой.

№ 286.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

(Киссингенъ, 1860 г., Августъ 5).

Не писалъ я вамъ такъ долго, дорогая тетенька, потому что хотѣлось сообщить вамъ извѣстія не объ одномъ себѣ, но и о всѣхъ нашихъ. Но вотъ уже 10 дней напрасно жду отъ нихъ писемъ. Мы съ Машенькой доѣхали благополучно до Берлина. Покачало и порвало насъ только одинъ день.

Въ Берлинѣ мы съ Машенькой и Варенькой были у знаменитаго Доктора Траубе. Онъ здоровье Маши нашелъ хорошимъ и послалъ ее только для руки въ Соденъ. Варенькѣ велѣлъ морскія купанія и тоже нашелъ, что ея сердце и легкія невредимы. Мнѣ посовѣтовалъ Киссингенъ, гдѣ я нахожусь. Въ Берлинѣ у меня сдѣлалась страшная зубная боль, такъ что Маша, пробывъ 4 дня поѣхала въ Соденъ, а я остался. Въ Берлинѣ мы имѣли письмо отъ братьевъ, въ которомъ Николай пишетъ, что ему Соденъ кажется, помогъ. Вотъ все, что я о нихъ знаю. Въ Берлинѣ я пробылъ дней 10 очень пріятно и полезно для себя. Зубная боль промучила меня 4 дня. Киссингенъ, какъ можно судить по 9 днямъ, кажется мнѣ очень поможетъ отъ моихъ мигреней и геморроидальныхъ припадковъ. Здѣсь я нашелъ Ауербаха съ страшными глазами, которому я очень радъ, и его пискливую жену, которой я не радъ. Адресъ мой En Bovière Kissingen. Надѣюсь, что вы напишете мнѣ. Прощайте, цѣлую ваши ручки. Старостѣ велите мнѣ наиподроб-

нѣйшимъ образомъ написать о работахъ, уборкѣ и о лошадяхъ и болѣзни. Учителю велите написать о школѣ, сколько учениковъ ходятъ и хорошо ли учатся. Я вернусь осенью непремѣнно и болѣе, чѣмъ когда либо, займусь школой, поэтому желалъ бы, чтобы безъ меня не пропала репутація школы и чтобы побольше съ разныхъ сторонъ было школьниковъ.

Я забылъ у себя бумаги, мною писанныя о школахъ— это листовъ 6 сѣрой бумаги во весь листъ. Ежели бы было возможно ихъ найти и прислать мнѣ или по почтѣ или черезъ кого-нибудь, отъѣзжающаго заграницу.

Léon.

№ 287.

Т. А. Ергольской.

(По французски).

(Гіера, 1860 г., Августъ 28).

Дорогая тетенька!

Вотъ уже три дня, какъ мы пріѣхали въ Гіеру. Я вамъ не писалъ потому что мы еще не устроились, а также и потому, что ни во время путешествія, ни всѣ эти дни, мнѣ дѣйств. не было времени. Гіера не островъ, а городъ на южномъ берегу Франціи на юго-востокъ отъ Тулона. Море, которое виднѣется изъ нашихъ оконъ, находится за 4 версты отъ города. Я и Николенька поселились въ самомъ городѣ въ пансіонѣ за 18 фр. въ день у одной очень доброй старушки—M-me Sénéquier. Вотъ значитъ нашъ адресъ: France, Hyères chez M-me Sénéquier.

Климатъ здѣсь чудный. Лимонныя, апельсинныя деревья, лавры, пальмы всю зиму покрыты цвѣтами, листьями и плодами.

Состояніе здоровья Николеньки все то же, но только здѣсь можно ожидать улучшенія здоровья, потому что образъ жизни, который онъ велъ въ Соденѣ, путешествіе и плохая погода должны были напротивъ принести ему вредъ. Здѣсь пого-

да превосходна въ эти три дня и здѣсь говорятъ, что погода все время была прекрасная. Здѣсь есть княгиня Голицына, которая живетъ здѣсь уже 9 лѣтъ. Машенька познакомилась съ ней и эта княгиня говоритъ, что она пріѣхала сюда въ еще худшемъ состояніи, чѣмъ Николенька, а теперь это сильная женщина и вполнѣ здоровая.

Дорога обошлась намъ очень дорого и жизнь здѣсь также не дешева, такъ что намъ всѣмъ черезъ мѣсяцъ очень понадобятся деньги. Ежели Сергѣй еще съ вами, скажите ему, чтобы прислалъ денегъ какъ можно скорѣе. Я увѣренъ, что сегодня, по случаю дня моего рожденія, вы думали обо мнѣ больше обыкновеннаго. Я тоже начинаю этотъ день съ того, что пишу вамъ.

Что моя школа? Во всякомъ случаѣ я буду къ зимѣ съ новыми книгами и инструментами.

Пусть Петръ Васильевичъ [1]) не зѣваетъ.

Скажите старостѣ, что я очень интересуюсь хозяйствомъ, но, по правдѣ сказать, если только нѣтъ ничего особенно непріятнаго, мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла. Вы всегда правы, chère tante; недавно мы съ Николенькой говорили объ этомъ; и когда вы мнѣ говорили, что напрасно я все живу въ деревнѣ, вы были правы. Мое путешествіе принесло мнѣ большую пользу во многихъ отношеніяхъ.

Léon.

№ 288.

Т. А. Ергольской.

(По-французски).

(Гіера, 1860 г., Сент. 25).

Дорогая тетенька!

Черная печать вамъ все скажетъ. То, чего я ждалъ двѣ недѣли съ часу на часъ, случилось нынче въ 9 часовъ

---

[1]) Учитель въ Ясной Полянѣ.

вечера. Только со вчерашняго дня онъ позволилъ мнѣ помочь ему раздѣться, нынче первый день, что онъ рѣшительно легъ и раздѣлся и потребовалъ сидѣлку. Все время онъ былъ въ памяти, за четверть часа до смерти онъ выпилъ молока и сказалъ мнѣ, что ему хорошо. Нынче еще онъ шутилъ и интересовался моими дѣлами о воспитаніи. Только за нѣсколько минутъ до смерти онъ прошепталъ нѣсколько разъ: „Боже мой, Боже мой!“ Мнѣ кажется, что онъ чувствовалъ свое положеніе, но обманывалъ насъ и себя. Машенька нынче только часа за четыре уѣхала отъ насъ т. е. изъ Гіеры, за 4 версты, гдѣ она живетъ. Она никакъ не ожидала этого такъ скоро. Я только что закрылъ ему глаза. Я скоро теперь буду къ вамъ и разскажу изустно все. Тѣло его я не думаю перевозить. Похороны устроитъ княгиня Голицына, которая взялась за все.

Прощайте, дорогая тетенька. Утѣшать васъ не могу. Воля Божія—вотъ одно. Сережѣ я теперь не пишу. Онъ, должно быть на охотѣ, вы знаете гдѣ. Поэтому и извѣстите его или пошлите это письмо.

Léon.

1862 г.

№ 289.

Гр. С. Н. Толстому.

(Ясная Поляна, 1862 г., Окт. 18).

Нынче мы съ женой гуляя дѣлали планы, какъ взять да изъ Никольскаго пріѣхать къ тебѣ. О насъ тебѣ скажу, что мы рѣшили, что со вчерашняго дня у насъ начался только медовый мѣсяцъ и намъ такъ хорошо жить...

На журналъ чуть-чуть тянется подписка, но по общему счету, который я сдѣлалъ на дняхъ, журналъ принесетъ мнѣ 3.000 убытку. Къ несчастью, получилъ я на дняхъ двѣ

статьи недурныя, которыя можно напечатать, такъ что съ небольшимъ трудомъ я дотяну до 63 года, но подписки на будущій годъ не дѣлаю и продолжать не буду журнала, а ежели будутъ набираться матеріалы, то буду издавать сборникомъ, просто книжками, безъ всякаго обязательства...

Вообще дѣла свои я, самъ, не замѣчая того, привожу ежели еще не въ порядокъ, то въ ясность... Самъ я не пришелъ еще въ столь нормальное положеніе чтобы писать, но статьи приготовилъ на 8-й и 9-й номера. Вышелъ же теперь только 7-й. Писать мнѣ хочется романъ. Но отъ Каткова, которому я писалъ, не получилъ отвѣта. Отвѣтъ долженъ рѣшить дѣло... Натрави намъ на солопъ лисицъ. Прощай, напиши и ты пожалуйста.

1863 г.

№ 290.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1863 г., Май 15).

Чуть-чуть мы съ вами не увидались, и такъ мнѣ грустно, что чуть-чуть; столько хотѣлось съ вами переговорить. Нѣтъ дня, чтобы мы о васъ нѣсколько разъ не вспоминали. Жена моя совсѣмъ не играетъ въ куклы. Вы ее не обижайте. Она мнѣ серьезный помощникъ. Да еще съ тяжестью, отъ которой надѣется освободиться въ началѣ іюля. Что же будетъ послѣ? Мы юхванствуемъ понемножку. Я сдѣлалъ важное открытіе, которое спѣшу вамъ сообщить. Приказчики и управляющіе и старосты есть только помѣха въ хозяйствѣ. Попробуйте прогнать все начальство и спать до десяти часовъ, и все пойдетъ навѣрное не хуже. Я сдѣлалъ этотъ опытъ и остался имъ вполнѣ доволенъ. Какъ бы, какъ бы намъ съ вами свидѣться? Ежели вы поѣде-

те въ Москву и не заѣдете къ намъ съ Марьей Петровной, то это будетъ дюже обидно.

Эту фразу подсказала мнѣ жена, читавшая письмо. Некогда. Хотѣлъ много писать. Обнимаю васъ отъ всей души жена очень кланяется, и я очень кланяюсь вашей женѣ.

Дѣло: когда будете въ Орлѣ, купите мнѣ пудовъ 20 разныхъ веревокъ, вожжей, тяжей и пришлите мнѣ съ извощиками, ежели съ провозомъ обойдется дешевле двухъ рублей тридцати копеекъ за пудъ. Деньги немедленно вышлю.

Вашъ *Л. Толстой.*

1864 г.

№ 291.

А. А. Фету.

(1864 г., Ноябрь 17).

Жду я и жена васъ и Марью Петровну къ 20-му. Неудобства къ 20-му никакого не предвидится, а предвидится только великое удовольствіе отъ вашего пріѣзда. Такъ и велѣла сказать жена Марьѣ Петровнѣ.

Интересенъ мнѣ очень Заяцъ. Посмотримъ, въ состояніи ли будетъ все понять хотя не мой Сережа, а 11-лѣтній мальчикъ. Еще интереснѣе велосипедъ [1]). Изъ вашего письма вижу, что вы бодры и весело дѣятельны. И я вамъ завидую. Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я принужденъ сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній, для того чтобы выбрать изъ нихъ

---

[1]) А. А. Фетъ придумывалъ неудавшійся велосипедъ.

$^{1}/_{1000000}$—ужасно трудно. И этимъ я занятъ. Попался мнѣ на дняхъ Беранже послѣдній томъ. И я нашелъ тамъ новое для меня: „Le bonheur“. Я надѣюсь, что вы его переведете.

Тоскую тоже отъ погоды. Дома же у меня все прекрасно, всѣ здоровы. До свиданія.

Вашъ *Л. Толстой.*

1865 г.

№ 292.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1865 г., Янв. 23).

Какъ вамъ не совѣстно, милый мой Фетъ, такъ жить со мной, какъ будто вы меня не любите, или какъ будто всѣ мы проживемъ Мафусаиловы года. Зачѣмъ вы никогда не заѣзжаете ко мнѣ? И не заѣзжаете такъ, чтобы прожить два, три дня, спокойно пожить. Такъ хорошо поступать съ другими. Ну не увидались въ Ясной, встрѣтимся гдѣ-нибудь на Подновинскомъ; а со мной не встрѣтитесь на Подновинскомъ. Я тѣмъ счастливъ, что прикованъ къ Ясной Полянѣ. А вы человѣкъ свободный. А глядишь, умретъ кто-нибудь изъ насъ, вотъ какъ умеръ надняхъ Вал. Петр. [1]), сестринъ мужъ, тогда и скажетъ: „что это я дуракъ, все объ мельницѣ хлопоталъ, къ Толстому не заѣхалъ. Мы бы съ нимъ поговорили“. Право, это не шутка. Вы писали „и оплеуха тутъ была“ и вѣрно написали уже. Мнѣ страшно хочется прочесть, но страшно боюсь, что вы многимъ значительнымъ пренебрегли и многимъ незначительнымъ увлеклись. Мнѣ очень интересно.

А знаете, какой я вамъ про себя скажу сюрпризъ: какъ меня стукнула объ землю лошадь и сломала руку, когда я послѣ дурмана очнулся, я сказалъ себѣ, что я литераторъ. И я литераторъ, но уединенный, потихонечку литераторъ.

---

[1]) Гр. В. П. Толстой.

На дняхъ выйдетъ первая половина 1-й части 1805 года. Пожалуйста подробнѣе напишите свое мнѣніе. Ваше мнѣніе да еще мнѣніе человѣка, котораго я не люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я вырастаю большой,— мнѣ дорого—Тургенева. Онъ пойметъ. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера; печатаемое теперь мнѣ хотя и нравится болѣе прежняго, но слабо кажется, безъ чего не можетъ быть вступленіе. Но что дальше будетъ—бѣда!!! Напишите, что будутъ говорить въ знакомыхъ вамъ различныхъ мѣстахъ и, главное, какъ на массу. Вѣрно, пройдетъ незамѣченно. Я жду этого и желаю; только бы не ругали, а то ругательства разстраиваютъ...

Прощайте, бывайте у нашихъ. Васъ отъ души любятъ. Марьѣ Петровнѣ мой поклонъ.

Я радъ, что вы любите мою жену; хотя я ее меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете, жена. Пріѣзжайте же ко мнѣ. А ежели не заѣдете изъ Москвы съ Марьей Петровной, право, безъ шутокъ, это будетъ очень глупо.

Л. Толстой.

№ 293.

Княгинѣ В.

(1865 г., Май 3.).

Очень радъ, любезная княгиня, тому случаю, который заставилъ васъ вспомнить обо мнѣ, и въ доказательство того, спѣшу сдѣлать для васъ невозможное, т. е. отвѣтить на вашъ вопросъ. Андрей Болконскій никто, какъ и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаровъ. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой трудъ состоялъ въ томъ, чтобы списать портретъ, разузнать, запомнить. Я постараюсь сказать, кто такой мой Андрей. Въ Аустерлицкомъ сраженіи, которое будетъ описано, но съ котораго я началъ романъ, мнѣ нужно было, чтобы былъ

убитъ блестящій молодой человѣкъ; въ дальнѣйшемъ ходѣ самого романа, мнѣ нужно было только старика Болконскаго съ дочерью, но такъ какъ неловко описывать ничѣмъ не связанное съ романомъ лицо, я рѣшилъ сдѣлать блестящаго молодого человѣка сыномъ стараго Болконскаго. Потомъ онъ меня заинтересовалъ, для него представилась роль въ дальнѣйшемъ ходѣ романа, и я его помиловалъ, только сильно ранивъ вмѣсто смерти. Такъ вотъ мое, княгиня, совершенно правдивое и хотя отъ этого самаго и неясное объясненіе того, кто такой Болконскій.

Вашъ *Гр. Л. Толстой.*

1866 г.

№ 294.

Т. А. Берсъ и Д. А. Дьякову. [1])

(Ясная Поляна, 1866 г., Май 25.)

Поздравляю васъ съ крестникомъ и племянникомъ. Соня родила неожиданно сына но совершенно благополучно и хорошаго ребенка.—

Милый другъ Дмитрій просимъ тебя пріѣхать крестить нашего Илью. Боюсь, чтобы эта поѣздка не была бы неудобна въ хозяйственномъ отношеніи; но какъ подумаешь какіе мы старые друзья и какъ тебя любимъ съ женой, то вѣрно пріѣдешь если можно. Привези намъ и нашу милую Таню, или скорѣе ты Таня, какъ поѣдешь къ намъ захвати съ собой Дьякова.—

Машенька—кума уже у насъ съ дѣвочками. Соня съ Ильей и старшія дѣти совершенно здоровы.

Фетъ мнѣ пишетъ что онъ провелъ у васъ, по его словамъ, эдемской вечеръ съ гитарой и соловьями и что

---

[1]) Свояченица Л-а Н-а, Т. А. Берсъ, гостила въ имѣніи друга Л-а Н-ча— Д. А. Дьякова „Черемашня“.

на этомъ вечерѣ Таня пѣла отъ 8—2-хъ часовъ. Это нехорошо, и не велѣно съ ея здоровьемъ.

Я знаю что ежели бы я тутъ былъ, то первый преступилъ бы предписаніе доктора Разсвѣтова, но какъ меня не было—то дѣлаю за это выговоръ.

Пожалуйста отвѣчайте съ этимъ нарочнымъ, ежели по вашимъ разсчетамъ онъ пріѣдетъ раньше васъ.

До свиданія, милые друзья, съ нетерпѣніемъ ждемъ васъ.

Л. Толстой.

№ 295.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1866 г., Іюль 25).

Любезный другъ Афанасій Афанасьевичъ,—увы! я не могу къ вамъ заѣхать. И нечего вамъ внушать, какъ мнѣ это грустно. Не могу же я заѣхать потому, что нынче 25-е, а я еще не выѣзжалъ изъ дома. Желудочная боль, которая началась у меня еще при васъ, до сихъ поръ продолжается и дѣлаетъ меня неспособнымъ быстро поворачиваться. Я, какъ и предполагалъ, ѣздилъ съ Дьяковымъ къ Шатилову, но вмѣсто того чтобы все это сдѣлать въ три дня, проѣздилъ пять и отъ этого опоздалъ. Поѣздка эта была, ежели бы не нездоровье, чрезвычайно пріятна и поучительна. Многое вамъ разскажу при свиданіи. Но когда же? Я предлагаю вамъ пріѣхать къ Кирѣевскому между 28 и 3 августа. Мы бы тамъ свидѣлись. Ежели же вы не пріѣдете, то я заѣду къ вамъ на обратномъ пути. У насъ овесъ весь въ копнахъ, и рожь подкошена. Ежели такъ простоитъ, то на слѣдующей недѣлѣ все будетъ въ гумнѣ. Овесъ обходится меньше семи копенъ. До свиданія. Жена, Таня и я душевно кланяемся Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

1869 г.

№ 296.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1869 г., Окт. 21).

Я въ Москвѣ чуть-чуть не засталъ васъ, какъ мнѣ сказалъ Борисовъ. А у васъ въ семействѣ смерть за смертью. Меня ужасно поразилъ характеръ смерти В. П. Боткина. Если правда, что разсказываютъ, то это ужасно. Какъ не нашлось между всѣми друзьями одного, который бы придалъ этому высочайшему моменту въ жизни тотъ характеръ, который ему подобаетъ.

Борисова мнѣ очень жалко и не могу вѣрить, чтобы туча эта не прошла мимо. Насчетъ портрета я прямо говорилъ и говорю: нѣтъ [1]). Если это вамъ непріятно, то прошу прощенія. Есть какое-то чувство, сильнѣе разсужденія, которое мнѣ говоритъ, что это не годится. Жена вамъ кланяется.

Покупка моего Пензенскаго имѣнія разладилась. Шестой томъ я окончательно отдалъ, и къ 1-му ноября вѣрно выйдетъ. Вальдшнеповъ было и есть пропасть. Я убивалъ по восьми штукъ и нынче нашелъ 4-хъ и убилъ одного.

Для меня теперь самое мертвое время: не думаю и не пишу и чувствую себя пріятно глупымъ. На первый свой отдыхъ послѣ работы, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ, пріѣду къ вамъ. Теперь не ѣду, потому что только что пріѣхалъ, и хозяйственныя дѣла. А если вы поѣдете въ Москву, то слѣдовало бы вамъ заѣхать къ намъ съ Марьей Петровной. Только напишите—когда, и я выѣду за вами въ Тулу или на Ясенки, или даже, если вы безъ багажа,—на полустанцію Козловку, отъ которой двѣ версты до насъ. Передайте же наши съ женою поклоны и просьбы Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

---

[1]) А. А. Фетъ просилъ Льва Николаевича прислать его портретъ.

1870 г.

№ 297.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1870 г., Февр. 17).

Я вамъ не писалъ тотчасъ же, потому что надѣялся поѣхать къ вамъ 14-го въ ночь, но не могъ. Какъ я вамъ писалъ, мы всѣ были больны,—я послѣдній; и я вчера въ первый разъ вышелъ. Остановила же меня боль глазъ, которая усиливается отъ вѣтра и безсонницы. Теперь откладываю невольно и съ большою грустью поѣздку къ вамъ до поста. Мнѣ же теперь необходимо съѣздить въ Москву проводить тетушку къ сестрѣ и показать свои глаза окулисту. Пишите мнѣ пожалуйста почаще, чтобы я зналъ, дома ли вы и что предпринимаете, съ тѣмъ чтобы я, если глаза лучше, могъ всетаки пріѣхать. Мнѣ такъ этого хочется. Горе то, что къ вамъ нельзя пріѣхать иначе, какъ послѣ безсонной, папиросо-накуренной, жарко-поддувающей, вагонной, подло-пошлой, разговорной ночи. Вы мнѣ хотите прочесть повѣсть изъ кавалерійскаго быта. Я жду отъ этого добра, если только просто безъ замысла положеній и характеровъ. А я ничего прочесть вамъ не хочу и ничего потому, что я ничего не пишу; но поговорить о Шекспирѣ, о Гете и вообще о драмѣ—очень хочется. Цѣлую зиму нынѣшнюю я занятъ только драмой вообще. И какъ это всегда случается съ людьми, которые до 40 лѣтъ никогда не думали о какомъ-нибудь предметѣ, не составили себѣ о немъ никакого понятія, вдругъ съ 40-лѣтней ясностью обратятъ вниманіе на новый ненанюханный предметъ, имъ всегда кажется, что они видятъ въ немъ много новаго. Всю зиму наслаждаюсь тѣмъ, что лежу, засыпаю, играю въ безикъ, хожу на лыжахъ, на конькахъ бѣгаю и больше всего лежу

въ постели (больной), и лица драмы или комедіи начинаютъ дѣйствовать. И очень хорошо представляютъ. Вотъ, про это-то мнѣ съ вами хочется поговорить. Вы въ этомъ, какъ и во всемъ, классикъ и понимаете сущность дѣла очень глубоко. Хотѣлось бы мнѣ тоже почитать Софокла и Эврипида.

Прощайте, нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Если письмо мое очень дико, то это происходитъ отъ того, что пишу натощакъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

№ 298.

А. А. Фету.

(1870 г., Февр. 21).

Я, уѣзжая отъ васъ, забылъ вамъ сказать еще разъ, что вашъ разсказъ по содержанію своему очень хорошъ, и что жалко будетъ, если вы бросите его, или отдадите печатать кое-какъ, и что онъ стоитъ того, чтобы имъ заняться, ибо содержаніе серьезное и поэтическое; и что если вы можете написать такія сцены, какъ старушка съ поджатыми локтями и дѣвушка, то и все вы можете обдѣлать соотвѣтственно этому; и лишнее должны все выкинуть и сдѣлать изо всего, какъ Анненковъ говоритъ, перло. Добывайте золото просѣваніемъ. Просто сядьте и весь разсказъ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мнѣ прочесть.

Вашъ *Л. Толстой*.

№ 299.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1870 г., Май 11).

Я получилъ ваше письмо, любезный другъ Афанасій Афанасьевичъ, возвращаясь потный съ работы, съ топоромъ

и заступомъ, слѣдовательно за 1000 верстъ отъ всего искусственнаго и въ особенности отъ нашего дѣла.

Развернувъ письмо, я первое прочиталъ стихотвореніе, и у меня защипало въ носу; я пришелъ къ женѣ и хотѣлъ прочесть, но не могъ отъ слезъ умиленія. Стихотвореніе — одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ которыхъ ни слова прибавить, убавить или измѣнить нельзя; оно живое само и прелестно. Оно такъ хорошо, что, мнѣ кажется, это не случайное стихотвореніе, а что это первая струя давно задержаннаго потока. Грустно подумать, что послѣ того впечатлѣнія, которое произвело на меня это стихотвореніе, оно будетъ напечатано на бумагѣ въ какомъ-нибудь Вѣстникѣ, и его будутъ судить С-ны и скажутъ: „А Фетъ все-таки мило пишетъ".

„Ты нѣжная"... Да и все прелестно. Я не знаю у васъ лучшаго. Прелестно все.

Съ этой почтой пишу въ Никольское, чтобы послали за кобылой, и радуюсь и благодарю васъ и Петра Афанасьевича. О цѣнѣ все таки вы напишите.

Я только что отслужилъ недѣлю присяжнымъ, и было очень, очень для меня интересно и поучительно. 15 мая я ѣду въ Харьковъ, а послѣ устрою такъ, чтобы побывать у васъ. Не оставляйте давать о себѣ знать. Передайте пожалуйста наши поклоны съ женой Марьѣ Петровнѣ. Желаю вамъ только посѣщенія Музы. Вы спрашиваете моего мнѣнія о стихотвореніи; но вѣдь я знаю то счастье, которое оно вамъ дало, сознаніемъ того, что оно прекрасно, и что оно вылѣзло таки изъ васъ, что оно—вы. Прощайте досвиданія.

Вашъ *Л. Толстой.*

1871 г.

№ 300.

Т. А. и А. М. Кузминскимъ.

(Изъ Ясной Поляны въ Тифлисъ. 1871 г. Весна.).

Вотъ такъ молодцы!

Такъ изъ вашего совокупнаго письма и брызжетъ кахетинскимъ сокомъ.—Во первыхъ описаніе Тани. Безо всякихъ шутокъ, отлично. Я просилъ, да и всегда желаешь знать именно всю правду про людей, которыхъ любишь и Таня такъ и отпечатала, что я все понялъ. Это очень кажется просто, а очень мало людей умѣютъ это сдѣлать.

Карточка твоя очень хороша. Лучше всѣхъ твоихъ прежнихъ. Очень, очень хороша. Видишь, Таня, ты всякій разъ пишешь про мой романъ, какъ его хвалятъ.

Такъ какъ ты не написала романа, я хвалю твое лицо, и желаю, чтобы также искренно нравилось мое писанье, какъ мнѣ нравится твоя карточка.

У насъ начинается весенняя суета—приготовленій платьевъ вообще къ отъѣзду и пріѣзду гостей.—

Важное же семейное событіе наше это окончаніе дѣла съ Швейцарцомъ M. Rey (гувернеръ) за 5000 фр. по курсу.

Мои же личныя дѣла—романъ, который 4-ую часть я послалъ и который я больше до осени печатать не буду.

Но другое дѣло Азбука, которая съ помощью Нагорнаго[1])—очень аккуратно для меня державшаго корректуры — на дняхъ выйдетъ. Это меня очень занимаетъ. Пришлю сейчасъ же, Таня, тебѣ и прошу твоей подробной критики. Все таки по ней будешь учить Машу и Вѣру. Читаетъ ли Маша? Признаюсь, дѣло это азбучное, хотя и задушевное

---

[1]) Мужъ племянницы Л-а Н-ча.

для меня, занимаетъ меня и по тому доходу, который она можетъ приносить. И несмотря на то, что первая Азбука принесла мнѣ только убытку 2000 р. я немного надѣюсь на эту. Пожалуйста поклонись отъ меня очень обоимъ Оголинымъ. Я ее мало знаю (она молода была) но представленіе объ обоихъ ихъ соединяетъ что то очень чистое и благородное.

Прощайте, пишите чаще да также какъ то письмо.—

Л. Толстой.

№ 301.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Самарск. г., 1871 г., Іюнь 27).

...Башкирская деревня, зимовка, въ двухъ верстахъ. На кочевкѣ въ полѣ у рѣки только три семейства башкиръ. У нашего хозяина (онъ мулла) четыре кибитки: въ одной живутъ онъ съ женой и сынъ съ женой (сынъ Нагимъ, котораго я оставилъ мальчикомъ тотъ разъ), въ другой гости. Гости безпрестанно пріѣзжаютъ—муллы, и съ утра до ночи дуютъ кумысъ. Въ третьей кибиткѣ два кумысника: таможенный чиновникъ, Петръ Станиславовичъ, котораго очень уважаетъ Иванъ [1]), и болѣзненный богатый донской казакъ. Въ четвертой огромной кибиткѣ, которая была мечеть прежде и которая протекаетъ вся (что мы испытали вчера ночью) живемъ мы. Я сплю на кровати, на сѣнѣ и войлокѣ. Степа на перинѣ на полу. Иванъ—на кожанѣ въ другомъ углу. Есть столъ и одинъ стулъ, кругомъ висятъ вещи, въ одномъ углу буфетъ и продукты, какъ, по выраженію Ивана, называется провизія; въ другомъ платья, уборная, въ третьемъ библіотека и кабинетъ. Впрочемъ, такъ было сначала, теперь все смѣшалось. Въ особенности куры, которыхъ мы купили и которыя мнѣ ни съ того ни съ сего

---

[1]) Лакей, Ясно-Пол. дворовый, бывшій съ Л. Н. еще на Кавказѣ.

подарилъ одинъ попъ, портятъ порядокъ. За то тутъ же при насъ несутся, по три яйца. Еще лежитъ овесъ для лошади и собака, прекрасный черный сеттеръ, называется Вѣрнымъ. Лошадь буланая и служитъ мнѣ хорошо. Я встаю очень рано, часовъ въ пять съ половиной (Степа спитъ до 10), пью чай съ молокомъ — три чашки, гуляю около кибитки, смотрю на возвращающіеся съ горъ табуны, что очень красиво, лошадей тысячи, все разными кучками съ жеребятами. Потомъ пью кумысъ и самая обыкновенная прогулка, зимовка, т. е. деревня, тамъ остальные кумысники, всѣ, разумѣется, знакомые. Первый управляющій гр. Уварова, въ очкахъ, съ бородой, старый, степенный; Московскій студентъ самый обыкновенный и потому скучный, товарищъ прокурора, маленькій, въ блузѣ, опредѣлительно говоритъ оживляется, когда объ судѣ рѣчь, не непріятный. Его жена знаетъ Томашевскаго и студентовъ, куритъ и волоса короткіе, но не глупая. Помѣщикъ Муромскій, молодой, красивый, не окончившій курсъ въ Москвѣ. Всѣ, даже Степа, зовутъ его Костей. Очень симпатичный. Всѣ эти составляютъ компанію. Потомъ другая компанія. Попъ, почти умирающій (очень жалокъ), профессоръ семинаріи греческаго, — Степа его возненавидѣлъ, говоритъ, что онъ вѣрно ставитъ единицы всѣмъ,—и буфетчикъ изъ Перми, все наши друзья, потомъ братъ съ сестрой, кажется купцы смирные и, какъ купцы, все равно что ихъ нѣтъ. Я со Степой правильно два раза въ день отправляюсь ко всѣмъ и къ башкирцамъ знакомымъ, не забывая буфетчика, и кромѣ того, одну большую дѣлаю поѣздку или прогулку. Обѣдаемъ мы каждый день баранину, которую мы ѣдимъ изъ деревянной чашки руками. Для утѣшенія Степы я купилъ въ Самарѣ пастилы и мармеладу, и онъ эти продукты употребляетъ въ дессертъ.

1872 г.

№ 302.

А. А. Фету.

(1872 г., Янв.)

Ужъ нѣсколько дней, какъ получилъ ваше милое и грустное письмо и только нынче собрался отвѣтить.

Грустное потому, что вы пишете, Тютчевъ умираетъ, слухъ, что Тургеневъ умеръ, и про себя говорите, что машина стирается, и хотите спокойно думать о нирванѣ. Пожалуйста, извѣстите поскорѣе, фальшивая ли это была тревога. Надѣюсь, что да и что вы безъ Марьи Петровны маленькіе признаки приняли за возвращеніе вашей страшной болѣзни.

О нирванѣ смѣяться нечего и тѣмъ болѣе сердиться. Всѣмъ намъ (мнѣ, по крайней мѣрѣ), я чувствую, она гораздо интереснѣе, чѣмъ жизнь, но я согласенъ, что, сколько бы я о ней ни думалъ, я ничего не придумаю другого, какъ то, что эта нирвана—ничто. Я стою только за одно—за религіозное уваженіе, ужасъ къ этой нирванѣ.

Важнѣе этого все-таки ничего нѣтъ.

Что я разумѣю подъ религіознымъ уваженіемъ? — Вотъ что. Я недавно пріѣхалъ къ брату, а у него умеръ ребенокъ и хоронятъ. Пришли попы, и розовый гробикъ, и все, что слѣдуетъ. Мы съ братомъ невольно выразили другъ другу почти отвращеніе къ обрядности. А потомъ я подумалъ: ну, а что бы братъ сдѣлалъ, чтобы вынести, наконецъ, изъ дома разлагающееся тѣло ребенка? Какъ вообще прилично кончить дѣло? Лучше нельзя (я, по крайней мѣрѣ, не придумалъ), какъ съ панихидой, ладономъ и т. д. Какъ самому слабѣть и умирать? Мочиться подъ себя, п... и больше ничего? Не хорошо.

Хочется вполнѣ выразить значительность и важность, торжественность и религіозный ужасъ передъ этимъ величайшимъ въ жизни каждаго человѣка событіемъ. И я тоже ничего не могу придумать болѣе приличнаго для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ степеней развитія, какъ обстановка религіозная. Для меня, по крайней мѣрѣ, эти славянскія слова отзываются совершенно тѣмъ самымъ метафизическимъ восторгомъ, который ощущаешь, когда задумаешься о нирванѣ. Религія уже тѣмъ удивительна, что она столько вѣковъ, столькимъ милліонамъ людей оказывала ту услугу, наибольшую услугу, которую можетъ въ этомъ дѣлѣ оказать что-либо человѣческое. Съ такой задачей какъ же ей быть логической? Но что-то въ ней есть. Только вамъ я позволяю себѣ писать такія письма. А написать хотѣлось и что-то грустно особенно отъ вашего письма.

Напишите, пожалуйста, поскорѣе о вашемъ здоровьи.

Вашъ *Левъ Толстой.*

№ 303.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Апр. 15).

Письмо ваше очень порадовало меня, многоуважаемый Николай Николаевичъ. Будетъ съ меня и того, что вы меня такъ понимаете. А отъ публики я не только не жду сужденій, но боюсь, какъ бы не раскусили. Я нахожусь въ положеніи лѣкаря, старательно скрывшаго въ сладенькихъ пилюляхъ пользительное по его мнѣнію, касторовое масло и только желающаго, чтобы никто не разболталъ, что это лѣкарство, чтобы проглотилъ, не думая о томъ, что тамъ есть. А оно ужъ подѣйствуетъ.

Вы не пишете, пришлете ли корректуры. Надо прислать. Тамъ много ужасно плохого, какъ я вспоминаю. Пожалуйста пришлите, если можно. Тороплюсь на почту. До другого раза.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 304.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Апр.).

Письмо ваше произвело на меня грустное впечатлѣніе. Мнѣ кажется, что вы мной недовольны. А я такъ дорожу вами, что чортъ съ ними со всѣми дѣлами, если они могутъ разстроить насъ.

Что касается до Кашперовой, то я не только давать что нибудь въ „Вечера" не намѣренъ, чтобы выручить свои деньги по 400 руб. за листъ, но только радуюсь уроку никогда не отвѣчать на редакторскія письма и прятать бумажникъ и серебряныя ложки въ присутствіи редакторовъ. Не обвиняйте меня за раздраженіе. Я раздраженъ на себя за то, что измѣнилъ своему правилу—не имѣть дѣла съ журналами и литературой. Я жду и желаю для полнаго своего пристыженія чтобы оба разсказа, которыми я далъ поводъ разсуждать о себѣ умникамъ журналистамъ и за которые ничего не получилъ, были бы напечатаны въ хрестоматіяхъ, а моя бы Азбука не вышла. Такъ и будетъ.

Итакъ жду отъ васъ отвѣта.

Васъ искренно любящій

Л. Толстой.

№ 305.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Май 19).

Любезный Николай Николаевичъ!

Великая къ вамъ просьба. Хочется сдѣлать кучу предисловій о томъ, какъ мнѣ совѣстно и т. д., но дѣло само за себя скажетъ. Если вамъ возможно и вы хотите мнѣ сдѣлать большое добро, вы сдѣлаете. Вотъ въ чемъ дѣло. Я давно кончилъ свою Азбуку, отдалъ печатать, и въ 4 мѣ-

сяца печатаніе не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не начнется и не кончится. Зимою я всегда зарабатываюсь и лѣтомъ кое-какъ оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожиданіе, вранье, поправки типографскія и свои измучили меня и обѣщаютъ мучить все лѣто. Я вздумалъ теперь взять это отъ Риса и печатать въ Петербургѣ, гдѣ, говорятъ, больше типографій и онѣ лучше. Возьметесь ли вы наблюдать за этой работой, т. е. пріискать человѣка, который держалъ бы черновыя корректуры (тоже за вознагражденіе). Только вамъ я бы могъ поручить эту работу такъ, чтобы самому уже не видать ее. Вознагражденіе вы опредѣлите сами такое, которое бы равнялось тому, что зарабатываете въ хорошее время. Время, когда печатать, вы опредѣлите сами. Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Листовъ печатныхъ будетъ около 50-ти. Если вы согласитесь, то сдѣлаете для меня такое одолженіе, значенія котораго не могу вамъ описать. Умственная и душевная работа моя по дѣлу этому кончилась, но пока это не напечатано, я не могу спокойно взяться за другое дѣло, и оттого это мучаетъ, томитъ меня. Благодарю васъ очень за корректуру статьи. Она мнѣ не понравилась въ печати, и я жалѣю, что напечаталъ и ту и другую. И забавно то, что ни тотъ, ни другой журналы не платятъ мнѣ денегъ. Выгода та, что ужъ впередъ навѣрно никогда не отвѣчу ни на одно редакторское письмо. Не будете ли проѣзжать опять мимо Ясной? И нѣтъ ли надежды опять увидѣть васъ хорошо бы было.

Вашъ *Л. Толстой*

№ 306.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Сент. 23).

Тревога моя понемногу утихла. Я могу уже безъ злости любоваться на полноту того безобразія, которое называютъ

самая жизнь. Можете себѣ представить, что меня промучили мѣсяцъ, и до сихъ поръ подписка о невыѣздѣ не снята [1]), и нашли, что кто-то (слѣдователь) ошибся, что точно это дѣло до меня не касается и что если, вмѣсто того, чтобы по закону кончить всякое дѣло въ 7-дневный срокъ, идетъ дѣло 2-й мѣсяцъ и еще не кончилось, то это „маленькое несовершенство свойственно человѣчеству". Точно какъ бы приставленный дворникъ убилъ бы своего хозяина и всѣ дворники побили бы тѣхъ, кого они приставлены беречь, и сказали бы: что же дѣлать, человѣческое несовершенство.

Я было началъ писать статью, но бросилъ: совѣстно сердиться на такую очевидно сознательную и самодовольно глупую и смѣшную шутку, т. е. все это правосудіе. Въ Англію тоже не ѣду, потому что дѣло не дошло до суда. А я рѣшилъ, что въ случаѣ суда уѣду, и уѣхалъ бы. Все разскажу вамъ—Богъ дастъ.

Вы не повѣрите, какъ мнѣ на совѣсти лежитъ ваше пребываніе въ Петербургѣ, въ эти прелестные осенніе дни. Но понимаю, что нельзя бросить; но чувствую, чѣмъ я вамъ обязанъ.

№ 307.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1872 г., Сент. 30).

Послалъ вамъ телеграмму, прося прощенія и теперь повторяю то же. Опоздалъ я немного, но чувствую за васъ и сердце болитъ. И опоздалъ, право; не по своей винѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ теперь, спихнувъ съ себя эту работу [2]), казавшуюся мнѣ столь важною. Боюсь, что покажется вамъ длинно. Какъ мнѣ ни жалко, даю вамъ carte blanche сократить въ отдѣлѣ примѣровъ сложенія и вычитанія. Напишите, какъ и когда теперь

---

[1]) По поводу забоданія пастуха быкомъ изъ Ясно-Полянскаго стада.

[2]) „Азбука".

кончится все и вы будете свободны, меня не будетъ мучить совѣсть за васъ, и я главное—васъ увижу. Дня не проходитъ, чтобы я по нѣскольку разъ не благословлялъ васъ за то, что вы для меня дѣлаете. Особенно теперь, когда я всѣ эти послѣдніе дни насилу удерживалъ потребность начать свою настоящую работу. Теперь благодаря вамъ, я могу начать и забыть про Азбуку.

Вѣрно отъ васъ лежатъ письма въ Тулѣ и листы. Мы давно не посылали. Какъ получу, отвѣчу. Если найдете нужнымъ въ языкѣ дробей и для учителя поправить, измѣнить, выпустить что-нибудь, дѣлайте, но извѣстите.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 308.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1872 г., Окт. 15).

Очень благодаренъ вамъ за Федора Федоровича. Онъ былъ у меня и обѣщалъ пріѣхать совсѣмъ 16-го. Онъ мнѣ очень нравится и попалъ ко мнѣ въ то самое время, когда нужнѣе всего. Пришла дурная погода, и духъ работы и тишины приближается, и я ему радуюсь. Немножко охоты и хозяйственныя заботы, и потомъ жизнь съ собой и съ семьей и только. Я съ радостью думаю объ этомъ, и потому вѣрю, что я счастливъ. Я на дняхъ былъ въ Москвѣ и былъ въ лицеѣ. Видѣлъ Петю; онъ мнѣ показался очень милъ и жалокъ тѣмъ, что некуда ему идти въ воскресенье. Я экзаменовалъ его изъ греческаго—очень хорошо; изъ математики тоже хорошо.

Я прилаживаюсь все писать но не могу сказать, чтобы началъ. Азбука выйдетъ 10 Ноября, какъ мнѣ обѣщаютъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 309.

Н. Н. Страхову.

(1872 г., Ноябрь 12).

Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевичъ!

Все время послѣ вашего отъѣзда (4 дня) занимался исключительно вами, читалъ вашу книгу. И хоть, можетъ быть, вовсе вамъ не нужно мое мнѣніе, она произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я чувствую потребность написать вамъ о ней. Я читалъ ее и не могъ оторваться и читалъ внимательно, съ карандашемъ—дѣлалъ отмѣтки тамъ, гдѣ былъ пораженъ и перечитывалъ тѣ мѣста. Общее впечатлѣніе: 1) я узналъ много новаго и не случайнаго, того самаго, что нужно знать; 2) много вопросовъ, смутно представлявшихся мнѣ, поставлены и разрѣшены ясно, ново и сильно. Мнѣ совѣстно вспоминать о томъ, какъ я попалъ на легкое мнѣніе объ этой книгѣ, только потому, что всѣ статьи уже напечатаны. Я сдѣлалъ ложное заключеніе: было напечатано. Ничего не слышно было стало быть ничего особеннаго. Какъ сильны привычки. 3) много ужасно много вопросовъ неразрѣшенныхъ. Чувствуется въ какомъ смыслѣ долженъ разрѣшить ихъ авторъ, и боишься за него. 4) Непріятное впечатлѣніе неровности тона и даже нѣкоторой непослѣдовательности предметовъ всей книги.— Поймите меня. Есть такая глубина и ясность во многихъ мѣстахъ, что она указываетъ на необходимую въ міросозерцаніи автора, строгую послѣдовательность, а отъ этой послѣдовательности отступаетъ книга. Теперь частности—1, 2, 3, 4, 5 письма. Все прекрасно, но въ 5-мъ письмѣ стр. 75 и 74, авторъ говоритъ о духѣ, о томъ, что постиженіе должно быть начато съ духа. Почему? Человѣкъ отличается отъ остального міра на мои глаза вовсе не духомъ, который я совершенно не понимаю, но тѣмъ, что судитъ о самомъ себѣ, когда судитъ о человѣкѣ, и судитъ

не о себѣ, когда судитъ о вещахъ. Судить о самомъ себѣ вѣрнѣе—имѣть себя предметомъ своимъ, мы называемъ сознаніе. Поэтому разница должна быть рѣзкая, но она основана не на объективномъ чьемъ то духѣ, но на томъ отношеніи, въ которомъ стоитъ человѣкъ къ предметамъ внѣ себя и въ себѣ. Съ выводомъ я согласенъ, что человѣкъ долженъ начинать постиженіе съ себя, а не съ внѣ себя, но не согласенъ съ объективнымъ духомъ противополагаемымъ объективному міру какъ какой то духъ. И не согласенъ потому что дальше различіе это становится существеннымъ. Далѣе на 76-ой стр. отличая круговоротъ отъ жизни, авторъ опровергаетъ смѣшеніе этихъ двухъ понятій не духомъ, а сознаніемъ жизни. И это мѣсто прекрасно. Вся эта глава прекрасна, но на 89 стр. и до конца опять являются понятія, вытекающія только изъ вѣры въ духъ—совершенствованіе. Для сознанія человѣка, т. е. для мысли человѣка, устремленной на самого себя, можетъ быть совершенство только относительное, но не абсолютное. Это вопросъ ужасно сложный, о которомъ я жалѣю, что не поговорилъ съ вами. Въ письмѣ невозможно сказать. Попробую коротко сказать свои убѣжденія. Совершенство зоологическое, на которомъ вы настаиваете, даже умственное, которое вытекаетъ изъ зоологическаго, есть совершенство только относительное, вытекающее изъ того, что человѣкъ самъ на себя смотритъ. Муха такой же центръ и апогей всего созданія. Но есть совершенство нравственное, религіозное (буддизмъ, христіанство), которое ничѣмъ не доказывается, которое несомнѣнно и которое даже не можетъ быть сравнимо ни съ чѣмъ, почему не можетъ быть называемо совершенствомъ (понятіе совершенства вытекаетъ изъ понятія степеней), короче, это—понятіе добра. И понятіе это таково, что нельзя про него сказать, что оно есть больше или меньше, что оно есть у человѣка, но его нѣтъ у животныхъ.—Оно есть у человѣка, оно сущность всей жизни, и

потому его не можетъ быть ни больше, ни меньше. Въ 4-омъ письмѣ, стр. 92, 93 вы прекрасно говорите о непогрѣшимости ума, убѣжденій. Я подставлю вмѣсто ума убѣжденія, сознаніе жизни, котораго сущность есть добро. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе сознана эта сущность, тѣмъ она болѣе совершенна. Прекрасно объ инфузоріяхъ (98 стр.), прекрасно проведено понятіе организма изъ совершенствованія и о смерти, но посылка, что цѣль человѣческой жизни есть совершенствованіе, совпадающее съ совершенствованіемъ организма, умаляетъ значеніе человѣческой жизни. И фактъ недовольства жизнью, выражающійся не въ однихъ поэтахъ, но въ милліонахъ людей (христіанство, буддизмъ), есть фактъ, который нельзя объяснить заблужденіемъ. Онъ имѣетъ самый законный корень. Онъ имѣетъ основаніемъ сущность жизни. И какъ объясненіе и матеріалистовъ недостаточно (что и доказываетъ авторъ) именно потому, что они упускаютъ изъ расчета способность сознанія (духа), такъ и объясненіе автора недостаточно, потому что онъ упускаетъ изъ виду сущность жизни. Письмо 3 прелестно, особенно кристаллы: это геніальное опредѣленіе основъ дѣленія на неорганическое, органическое и животное. Письмо 9-е мнѣ все не нравится и по формѣ и по содержанію, я бы его все выбросилъ. Жители планетъ и птицы не нравятся несмотря на обиліе интересныхъ данныхъ, съ вашей ясностью и умѣлостью изложенныхъ, не нравятся жители планетъ и по содержанію, и обѣ главы— по совершенно другому и не строгому тону. Чѣмъ отличается человѣкъ отъ животнаго,—эти двѣ главы, опять прежній тонъ и опять превосходны. Мысль о передѣлѣ поразительна. Опроверженіе мнимаго мѣста человѣка, даваемаго натуралистами превосходно. Я только для своего удобства подставляю: натуралисты хотятъ найти мѣсто человѣку, не пользуясь сознаніемъ, т. е. взглядомъ на самого себя. Точно такъ какъ (грубое сравненіе) я бы захотѣлъ

узнать свое мѣсто въ комнатѣ, измѣривъ разстояніе между всѣми предметами въ комнатѣ, а не отъ себя до предметовъ. Вторая часть насколько могу судить, вся превосходная. Я нашелъ въ ней въ первый разъ ясное изложеніе смысла физики и химіи. Я нашелъ съ ясностью, (будто бы) легкостью разрѣшенными часть тѣхъ сомнѣній и вопросовъ, которые занимали меня; но кромѣ того, я нашелъ ясное указаніе на точно существенное въ этихъ наукахъ. Эта вся часть исчерчена мною карандашемъ и не знаю, что лучше. Поразительнѣе же всего для меня не только критика химіи, но и изложеніе возможно новаго взгляда. Прекрасно тоже объясненіе сущности матеріалистическаго взгляда состоящаго въ представленіи. Два только пятна нашелъ я въ этомъ солнцѣ. И все это Гегель. На 380 ст. выписка изъ Гегеля, которая, можетъ быть, прекрасна, но въ которой я не понимаю, прочтя нѣсколько разъ, ни единаго слова. Эта моя судьба съ Гегелемъ и на стр. 451: чистая мысль эфирна и такъ далѣе до точки. Я ничего не понимаю. Менѣе всего понимаю, какъ съ вашей ясностью можетъ уживаться этотъ сумбуръ. Не знаю, пошлю ли это письмо. Во всякомъ случаѣ скажу, что хотѣлъ сказать. Мое мнѣніе о васъ очень высоко, но я не совсѣмъ довѣрялъ ему (я боялся, что подкупленъ), но теперь, по прочтеніи вашей книги, я не имѣю болѣе недовѣрія и мнѣніе о вашей силѣ еще увеличилось. Дай вамъ Богъ спокойствія и духовнаго досуга. Вы бы меня очень порадовали, если бы написали мнѣ такъ же искренно, какъ я вамъ, свое мнѣніе о моей критикѣ вашей книги.

Живете вы очень хорошо. И хорошо то, что вы просто скучаете. Мнѣ кажется это изъ вашего письма.

Вашъ *Л. Толстой.*

1873 г.

№ 310.

А. А. Фету.

(1873 г., Мартъ 17).

Не сердитесь за лаконизмъ моихъ писемъ. Мнѣ всегда такъ много хочется сказать именно вамъ, что ужъ ничего не говорю, кромѣ практическаго. Радуюсь тому, что вы послали пастись Ш-а племянника, но насчетъ того, что Петя считается съ вами письмами не огорчаюсь, но огорчаюсь, что вы способны принять это слишкомъ къ сердцу и дать этому такое значеніе, какого оно не имѣетъ. Онъ въ томъ самомъ возрастѣ, въ которомъ мальчики поджигаютъ дома, а не поджигаютъ, то отпускаютъ ногти и воротнички и фразы и думаютъ, что они отъ этого лучше будутъ, что еще безсмысленнѣе поджоговъ.—Какъ мнѣ жаль, что, хотя я и умѣю наслаждаться чтеніемъ вашихъ писемъ, я не умѣю самъ писать, а вы для меня — соды — кислота: какъ только дотронусь до васъ, такъ и зашиплю,—столько хочется вамъ сказать.

Работа моя не двигается; но я не очень этимъ огорчаюсь. Слава Богу, есть чѣмъ жить, разумѣется не въ смыслѣ денегъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 311.

Т. А. Кузминской.

(1873 г., Май).

Любезный другъ Таня, не могу тебѣ описать впечатлѣнія, которое произвело на меня извѣстіе о смерти прелестной моей, милой (какъ мнѣ пріятно думать теперь), моей любимой Даши.

Цѣлый день я не могу подумать о ней и о васъ безъ слезъ. Я испытываю то чувство, которое, вѣроятно, теперь мучаетъ васъ: забыть, а потомъ вспомнить и съ ужасомъ спрашивать себя, неужели это правда. Долго вы еще будете просыпаться и спрашивать себя, неужели правда, что ея нѣтъ... Пожалуйста прочти 130 псаломъ и выучи его наизусть и читай каждый день... Да, одна религія можетъ утѣшить. И я увѣренъ, что ты въ первый разъ поняла значеніе религіи, и ради Бога не забывай, не старайся забывать всѣ тяжелыя минуты, которыя ты пережила, а живи всегда съ ними. Смерть для тебя ужасна, какъ ты говорила, я помню, но въ смерти близкаго существа, особенно такого прелестнаго существа, какъ ребенокъ, есть удивительная, хотя и невольная прелесть. Зачѣмъ жить и умирать ребенку? Это страшная загадка. И для меня одно есть объясненіе. Ей лучше, какъ ни обыкновенны эти слова, они всегда новы и глубоки, если ихъ понимать. И намъ лучше, и мы должны дѣлать все лучше послѣ этихъ горестей. Я прошелъ черезъ это... Ты перенесешь, какъ должно, главное, безъ ропота, а съ мыслью, что намъ нельзя понять, что мы и зачѣмъ, и только смиряться надо...

№ 312.

„Письмо въ редакцію".

(Хуторъ на Тананыкѣ, 1873 г., Іюнь 28).

Проживъ часть нынѣшняго лѣта въ деревенской глуши Самарской губерніи и будучи свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго народъ вслѣдствіе трехъ неурожайныхъ годовъ, въ особенности нынѣшняго, я считаю своимъ долгомъ описать насколько сумѣю правдиво, бѣдственное положеніе здѣшняго края и вызвать всѣхъ русскихъ къ поданію помощи пострадавшему народу.

Надѣюсь, что вы не откажетесь дать мѣсто моему письму въ вашей газетѣ.

О томъ, какъ собирать подписку и кому поручить распредѣленіе ея и выдачу, вы знаете лучше меня, и я увѣренъ, что вы не откажете помочь этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ.

1871 годъ былъ въ Самарской губерніи неурожайный. Богатые крестьяне, дѣлавшіе большіе посѣвы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне, также уменьшившіе свои посѣвы, стали только нуждающимися. Прежде ненуждавшіеся крестьяне стали нуждаться и продали часть скотины. Нуждавшіеся прежде крестьяне вошли въ долги, и явились нищіе, которыхъ прежде не было.

Второй неурожайный годъ, 1872 года, заставилъ достаточныхъ крестьянъ еще уменьшить посѣвъ и продать излишнюю скотину, такъ что цѣна на лошадей и рогатый скотъ упала вдвое. Ненуждавшіеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли въ долги. Прежде нуждавшіеся крестьяне стали бобылями и кормиться только заработками и пособіемъ, которое имъ выдавали. Количество нищихъ увеличилось.

Нынѣшній уже не просто неурожайный, но голодный годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода почти $^{9}/_{10}$ всего населенія.

Едва ли есть въ Россіи мѣстность, гдѣ бы благосостояніе или бѣдствіе народа непосредственно зависѣло отъ урожая или неурожая, какъ въ Самарской губерніи.

Заработки крестьянъ заключаются только въ земледѣльческомъ трудѣ: пахотѣ, покосахъ, жнитвѣ, молотьбѣ, низвозѣ.

Въ нынѣшній же годъ, вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая, посѣвы уменьшились и, уменьшаясь дошли до половины прежнихъ, и на этой половинѣ ничего не родилось, такъ что у крестьянина своего хлѣба нѣтъ и заработковъ

почти нѣтъ, а за тѣ, какіе есть, ему платятъ $^1/_{10}$ прежней цѣны, какъ напримѣръ, за жнитво, котораго средняя цѣна была 10 рублей за десятину, нынѣшній годъ платится 1 р. 20 коп., такъ что крестьянинъ зарабатываетъ въ день отъ 7-ми до 10 коп.

Вотъ причина, почему въ этотъ третій неурожайный годъ бѣдствіе народа должно дойти до крайней степени.

Бѣдствіе это уже началось, и безъ ужаса нельзя видѣть народъ, даже въ настоящее время, лѣтомъ, когда только начинается самый бѣдственный годъ и впереди еще 12 мѣсяцевъ до новаго урожая, и когда еще есть кое-гдѣ заработки, хотя на время спасающіе отъ голода.

Проѣхавъ по деревнямъ, я, всегда жившій въ деревнѣ и знающій близко условія сельской жизни, былъ приведенъ въ ужасъ тѣмъ, что я видѣлъ: поля голыя тамъ, гдѣ сѣяна пшеница, овесъ, просо, ячмень, ленъ, такъ что нельзя узнать, что посѣяно, и это въ половинѣ іюля. Тамъ, гдѣ рожь, поле убрано или убираютъ пустую солому, которая не возвращаетъ сѣмянъ; гдѣ покосы, тамъ стоятъ рѣдкіе стога, давно убранные, такъ какъ сѣна было въ десять разъ меньше противъ обычныхъ урожаевъ, и желтыя выгорѣвшія мѣста. Такой видъ имѣли поля. По дорогамъ вездѣ народъ, который ѣдетъ или въ Уфимскую губернію на новыя мѣста, или отыскиваетъ работу, которой или вовсе нѣтъ, или плата за которую такъ мала, что работникъ не успѣваетъ выработать на то, что у него съѣдаютъ дома.

По деревнямъ, во дворахъ, куда я заѣзжалъ, вездѣ одно и то же: не совершенный голодъ, но положеніе близкое къ нему, всѣ признаки приближающагося голода. Крестьянъ нигдѣ нѣтъ, всѣ уѣхали искать работы, дома—худыя бабы, съ худыми и больными дѣтьми, и старики. Хлѣбъ еще есть, но въ обрѣзъ; собаки, кошки, телята, куры худые и голодные и нищіе, не переставая подходятъ къ окнамъ и имъ подаютъ крошечными ломтиками или отказываютъ.

Но это общее впечатлѣніе, на которомъ нельзя основываться. Вотъ расчеты села Гавриловки, ближайшаго ко мнѣ. Я очень хорошо знаю, что можно подобрать факты, составить жалостливое описаніе положенія крестьянскихъ семей, изъ котораго будетъ казаться, что всѣ онѣ на волоскѣ отъ голодной смерти, и можно, съ другой стороны, подобрать факты такъ, что будетъ поводъ говорить то, что къ несчастью и стыду своему такъ любятъ говорить многіе изъ насъ,— что бѣдствія никакого нѣтъ, что все происходитъ только отъ того, что крестьяне не работаютъ, пьянствуютъ и т. д. и потому я сдѣлалъ опись каждаго десятаго двора въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ Гавриловкѣ и вѣрность этой описи подтверждается подписями старшинъ и священниковъ.

Въ числѣ попавшихъ подъ десятый нумеръ есть и менѣе бѣдные крестьяне, какъ вы увидите, но большинство въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Для каждаго, кто потрудился вникнуть въ эту вполнѣ точную опись крестьянскихъ семей и ихъ средствъ, должно быть ясно, что большая половина этихъ семей никакъ не можетъ нынѣшній годъ прокормиться своими средствами, другая же половина, хотя, какъ мнѣ кажется, и можетъ прокормиться, отдавъ своихъ крестьянъ въ работники, въ сущности, находится точно въ такомъ же плохомъ положеніи, какъ и первая половина, такъ какъ $^{9}/_{10}$ всѣхъ деревень должны итти въ работники, а хозяева по неурожаю отпускаютъ и тѣхъ работниковъ, которыхъ прежде держали.

Положеніе народа ужасно, когда вглядишься и подумаешь о предстоящей веснѣ, но народъ какъ бы не чувствуетъ и не понимаетъ этого.

Только какъ разговоришься съ крестьяниномъ и заставишь его учесть себя и подумать о будущемъ, онъ скажетъ: „и сами не знаемъ, какъ свои головы обдумаемъ“, но вообще, кажется, онъ спокоенъ, какъ и обыкновенно: такъ что для человѣка, который бы поверхностно взглянулъ те-

перь на народъ, разсыпанный по степи дощипывать по колоску чуть видную отъ земли, кое-гдѣ взошедшую пшеницу, увидѣлъ бы здоровый, всегда веселый рабочій народъ, услыхалъ бы пѣсни и кое-гдѣ смѣхъ, тому бы даже странно показалось, что въ средѣ этого народа совершается одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. Но бѣдствіе это существуетъ и признаки его слишкомъ явны.

Крестьянинъ, несмотря на то, что сѣетъ и жнетъ болѣе всѣхъ другихъ христіанъ, живетъ по евангельскому слову: „птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ и Отецъ небесный питаетъ ихъ", крестьянинъ вѣритъ твердо въ то, что при его вѣчномъ тяжкомъ трудѣ и самыхъ малыхъ потребностяхъ Отецъ его небесный пропитаетъ его, и потому не учитываетъ себя, и когда придетъ такой какъ нынѣшній, бѣдственный годъ, онъ только покорно нагибаетъ голову и говоритъ: „Прогнѣвали Бога, видно, за грѣхи наши".

Изъ приложеннаго отчета видно, что $^{9}/_{10}$ семей не достанетъ хлѣба. „Что же дѣлаютъ крестьяне"? Во-первыхъ, они будутъ мѣшать въ хлѣбъ дешевую и потому не питательную и вредную лебеду, мякину (какъ мнѣ говорили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже начинаютъ дѣлать), во-вторыхъ, сильные члены семьи крестьяне, уйдутъ осенью или зимой на заработки, и отъ голоду будутъ страдать старики, женщины, изнуренныя родами и кормленіемъ, и дѣти. Они будутъ умирать не прямо отъ голода, отъ болѣзней, причиной которыхъ будетъ дурная, недостаточно питательная пища; и особенно потому, что самарское населеніе нѣсколькими поколѣніями пріучено къ хорошему пшеничному хлѣбу.

Прошлый годъ еще встрѣчался кое-гдѣ у крестьянъ пшеничный хлѣбъ, матери берегли его для малыхъ дѣтей; нынѣшній годъ его ужъ нѣтъ, и дѣти болѣютъ и мрутъ. Что же будетъ, когда не достанетъ и чистаго чернаго хлѣба, что уже и теперь начинаетъ?

Страшно подумать о томъ бѣдствіи, которое ожидаетъ

населеніе большей части Самарской губерніи, если не будетъ подана ему государственная помощь. Подписка, по моему мнѣнію, можетъ быть открыта всякая: 1) подписка на пожертвованія и 2) подписка на выдачу денегъ для продовольствія заимообразно безъ процентовъ на 2 года. Подписка второго рода, т.-е. выдача денегъ заимообразно, я полагаю, можетъ составить ту сумму, которая обезпечитъ пострадавшее населеніе Самарской губерніи, и, вѣроятно, земство Самарской губерніи возьметъ на себя трудъ раздачи хлѣба на эти деньги и сбора въ первый урожайный годъ.

Графъ Левъ Толстой.

1874 г.

№ 313.

А. А. Фету.

(1874 г., Январь 15).

Очень удивился я, получивъ ваше письмо, дорогой Афан. Афан., хотя я и слышалъ отъ Борисова давно ужъ исторію всей этой путаницы; и радуюсь вашему мужеству распутать когда бы то ни было. Я всегда замѣчалъ, что это мучило васъ и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь. Одно только, что мы не знали, хорошее или дурное, потому что не знали, что бы было, если бы этого не было. Для меня навѣрно хорошее, потому что того Шеншина я не знаю, а Фета-Шеншина знаю и люблю. Тороплюсь писать, потому что сейчасъ ѣду въ Москву, а не хочу оставить письмо ваше неотвѣченнымъ. Я очень радъ, что вы ничего не дали въ этотъ мерзостный литературный

сборникъ. Это не только глупо, но даже нагло и скверно. Я такъ радъ, что мы съ вами вмѣстѣ abs.

Жена благодаритъ за память.

Вашъ всей душою *Л. Толстой.*

№ 314.

„Эсперантистамъ".

(1874 г., Апрѣль 27).

Милостивые Государи!

Я получилъ ваши письма и постараюсь, какъ съумѣю— исполнить ваше желаніе, т. е. высказать свое мнѣніе о мысли вообще всенароднаго языка и о томъ, насколько языкъ эсперанто соотвѣтствуетъ этой мысли.

Въ томъ, что люди идутъ къ тому, чтобы составить одно стадо, съ однимъ пастыремъ разума и любви, и что одной изъ ближайшихъ предшествующихъ ступеней этого должно быть взаимное пониманіе людьми другъ друга, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для того-же, чтобы люди понимали другъ друга, нужно или то, чтобы всѣ языки сами собою слились въ одинъ (что если и случится когда-либо, то только черезъ большое время), или то, чтобы знаніе всякихъ языковъ такъ распространилось, чтобы не только всѣ сочиненія были переведены на всѣ языки, но и всѣ бы люди знали такъ много языковъ, чтобы всѣ имѣли возможность на томъ или другомъ языкѣ сообщаться другъ съ другомъ, или то, чтобы былъ избранъ всѣми одинъ языкъ, которому обязательно обучились бы всѣ народы или, наконецъ, то (какъ это предполагается воляпюкистами), чтобы всѣ люди разныхъ народностей составили бы себѣ одинъ международный, облегченный языкъ, и всѣ обучились ему. Въ этомъ состоитъ мысль эсперантистовъ. Мнѣ кажется, что послѣднее предположеніе самое разумное и, главное, скорѣе всего осуществимое.

Такъ я отвѣчаю на первый вопросъ. На второй вопросъ— насколько языкъ эсперанто удовлетворяетъ требованіямъ международнаго языка, — я не могу отвѣтить рѣшительно. Я не компетентный судья въ этомъ. Одно, что я знаю, это то, что воляпюкъ показался мнѣ очень сложнымъ, эсперанто-же, напротивъ, очень легкимъ, какимъ онъ долженъ показаться всякому европейскому человѣку. (Я думаю, что для всемірности въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. для того, чтобы соединить китайцевъ, африканскихъ народовъ и пр., понадобится другой языкъ, но для европейскаго человѣчества эсперанто чрезвычайно легокъ). Легкость обученія его такова, что, получивъ лѣтъ шесть тому назадъ эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанныя на этомъ языкѣ, я, послѣ не болѣе двухъ часовъ занятій, былъ въ состояніи, если не писать, то свободно читать на этомъ языкѣ.

Во всякомъ случаѣ жертвы, которыя принесетъ человѣкъ нашего европейскаго міра, посвятивъ нѣсколько времени на изученіе этого языка, такъ незначительны, а послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ усвоенія всѣми, — хотя бы только европейцами и американцами—всѣми христіанами,— этого языка, такъ огромны, что нельзя не сдѣлать этой попытки. Я всегда думалъ, что нѣтъ болѣе христіанской науки, какъ знаніе языковъ, то знаніе, которое даетъ возможность общенія и единенія съ наибольшимъ количествомъ людей.

Я не разъ видалъ, какъ люди становились во враждебныя отношенія другъ къ другу только отъ механическаго препятствія къ взаимному пониманію. И потому изученіе эсперанто и распространеніе его есть несомнѣнное христіанское дѣло, способствующее установленію Царства Божія, того дѣла, которое составляетъ главное и единственное назначеніе человѣка.

Левъ Толстой.

№ 315.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1874 г., Іюнь 24).

Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, дорогой Афан. Афан., каждый день собирался писать вамъ, собирался и выѣхать къ вамъ навстрѣчу въ Козловку, но не удалось, а все затѣмъ, что отъ проклятаго Г.... я въ послѣдній пріѣздъ вашъ какъ будто и не видалъ васъ. И тоже нѣсколько разъ повторяла жена. Даже боюсь, что отъ того же проклятаго народнаго поэта между нами какъ будто холодность пробѣжала. Избави Богъ! Вы не повѣрите, какъ я дорожу вашей дружбой. Пожалуйста напишите словечко, что все это вздоръ и было, но прошло, или мнѣ только показалось, и исполните обѣщаніе заѣхать къ намъ съ Петей.

Мы третьяго дня похоронили тетушку Татьяну Александровну. Она медленно и равномѣрно умирала, и я привыкъ къ умиранію ея, но смерть ея была, какъ и всегда смерть близкаго и дорогого человѣка, совершенно новымъ, единственнымъ и неожиданно-поразительнымъ событіемъ. Остальные здоровы, и домъ нашъ также полонъ. Чудесная жара, купанье, ягоды привели меня въ любимое мною состояніе праздности умственной, и только настолько и остается духовной жизни, чтобы помнить друзей и думать о нихъ. И вотъ теперь ужасно сильно и часто хочется съ вами поговорить совсѣмъ свободно и во весь умъ, что такъ съ рѣдкими можно дѣлать. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1875 г.

№ 316.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1875 г., Январь 12).

Благодарю васъ, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, за хорошія о насъ рѣчи. Все веселѣе, какъ похвалять. У насъ, слава Богу теперь повеселѣе стало, т. е. я пересталъ бояться за здоровье жены, которое очень было начало пугать меня. За кобылъ низко кланяюсь обоимъ братцамъ, въ особенности Петру Афан. Когда прикажете прислать за нихъ деньги? А что планъ дѣятельности по народному образованію? Какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ состоялся, и я бы могъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ Петру Афанасьевичу. Былъ я въ Москвѣ, и въ тотъ вечеръ, какъ сидѣлъ у Каткова, ему пришли объявить, что братъ его вырвался изъ полицейской больницы, пришелъ въ лицей и опять стрѣлялъ и опять никого не застрѣлилъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 317.

Н. Н. Страхову.

(1875 г.).

...Успѣхъ послѣдняго отрывка „Анны Карениной", признаюсь порадовалъ меня. Я никакъ не ожидалъ этого, и право, удивляюсь тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится, и еще больше тому, что убѣдившись, что такое ничтожное нравится, я не начинаю писать съ плеча, что попало, а дѣлаю какой-то, мнѣ самому почти непонятный выборъ. Это я пишу искренно потому что вамъ, и тѣмъ болѣе, что пославъ на январьскую книжку корректуры, я запнулся на февральской книжкѣ и мысленно выбираюсь изъ этого запнутія. Тургенева я не читалъ, но искренно жа-

лѣю, судя по всему, что я слышалъ, что этотъ ключъ чистой и прекрасной воды засорился такой дрянью. Если бы онъ просто вспомнилъ какой-нибудь свой день, подробно и описалъ бы его всѣ бы пришли въ восхищеніе. Какъ ни пошло это говорить, но во всемъ въ жизни, въ особенности въ искусствѣ нужно только одно отрицательное качество—не лгать. Въ жизни ложь гадка, но не уничтожаетъ ее гадостью, но подъ ней все-таки правда жизни потому, что чего-нибудь всегда кому-нибудь хочется, отъ чего-нибудь больно и радостно, но въ искусствѣ ложь уничтожаетъ всю связь между явленіями порошкомъ все разсыпается.

Левъ Толстой.

1876 г.

№ 318.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1876 г., Мартъ 1).

Кажется, что я у васъ въ долгу письмомъ, дорогой Афанасій Афанасьевичъ; но отъ этого мнѣ всетаки не легче и всетаки хочется вашихъ писемъ и главное знать про васъ. Все ли живы и здоровы? У насъ все не совсѣмъ хорошо. Жена не справляется съ послѣдней болѣзни, кашляетъ, худѣетъ—и то лихорадка, то мигрень. А потому и нѣтъ у насъ въ домѣ благополучія и во мнѣ душевнаго спокойствія, которое мнѣ особенно нужно теперь для работы. Конецъ зимы и начало весны всегда мое самое рабочее время, да и надо кончить надоѣвшій мнѣ романъ.

Напишите пожалуйста про себя и про брата Петра Афан., который очень меня интересуетъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ; я всегда надѣюсь, что у васъ расшатается зубъ въ челюсти или въ молотилкѣ, и вы поѣдете въ Москву, а я разставлю паутину на Козловкѣ да и поймаю васъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 319.

А. А. Фету.

(1876 г., Апрѣль 29).

Получилъ ваше письмо, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, и изъ этого коротенькаго письма и изъ разговоровъ Марьи Петровны, переданныхъ мнѣ женою, и изъ одного изъ послѣднихъ писемъ вашихъ, въ которомъ я пропустилъ фразу: „хотѣлъ звать васъ посмотрѣть, какъ я уйду“,— написанную между соображеніями о кормѣ лошадямъ, и которую я понялъ только теперь, я перенесся въ ваше состояніе, мнѣ очень понятное и близкое, и мнѣ жалко стало васъ. И по Шопенгауэру, и по нашему сознанію, состраданіе и любовь есть одно и то же,—и захотѣлось вамъ писать. Я благодаренъ вамъ за мысль позвать меня посмотрѣть, какъ вы будете уходить, когда вы думали, что близко. Я тоже сдѣлаю, когда соберусь туда, если буду въ силахъ думать. Мнѣ никого въ эту минуту такъ не нужно бы было, какъ васъ и моего брата. Передъ смертью дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея; а вы и тѣ рѣдкіе настоящіе люди, съ которыми я сходился въ жизни, несмотря на здравое отношеніе къ жизни, всегда стоятъ на самомъ краюшкѣ и ясно видятъ жизнь только отъ того, что глядятъ то въ нирвану, въ безпредѣльность, въ неизвѣстность, то въ сансару, и этотъ взглядъ въ нирвану укрѣпляетъ зрѣніе. А люди житейскіе, сколько они ни говори о Богѣ, непріятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видятъ того, что мы видимъ, именно того Бога, болѣе неопредѣленнаго, болѣе далекаго, но болѣе высокаго и несомнѣннаго, какъ говорится въ этой статьѣ.

Вы больны и думаете о смерти, а я здоровъ и не перестаю думать о томъ же и готовиться къ ней. Посмотримъ,

кто прежде. Но мнѣ вдругъ изъ разныхъ незамѣтныхъ данныхъ ясна стала наша глубоко родственная мнѣ натура-душа (особенно по отношенію къ смерти), что я вдругъ оцѣнилъ наши отношенія и сталъ гораздо больше чѣмъ прежде дорожить ими. Я многое, что я думалъ, старался выразить въ послѣдней главѣ апрѣльской книжки Русск. Вѣстника. Пожалуйста напишите Петѣ Борисову, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ и дня на три по крайней мѣрѣ. Я знаю, что это вамъ близко сердцу, и я не торопясь, безъ всякой предвзятой мысли и безъ желанія противорѣчить, высмотрю его и сообщу вамъ мое впечатлѣніе. Предвзятая мысль у меня будетъ одна: это сильнѣйшее желаніе полюбить его для васъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 320.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1876 г., Май 18).

Получилъ ваши два письма, дорогой Николай Николаевичъ, и задыхался отъ радостнаго волненія, читая ихъ... Я недѣли три нездоровъ и слабъ и не могу писать вамъ, но хотѣлось бы...

На дняхъ П. Самаринъ былъ у меня и читалъ мнѣ нѣмецкую статью брата своего Юрія о религіи. Вы прочтете ее въ „Православномъ Обозрѣніи“; пожалуйста, напишите мнѣ свое мнѣніе. Въ ней хорошо доказательство, основанное на воздѣйствіи Бога на человѣка (хотя гегельянское) и на важности, которую человѣкъ приписываетъ своей личности.

Поразительно то же въ томъ же родѣ важность и несомнѣнность, которую приписываетъ человѣкъ веществу, матеріи. Онъ про это не говоритъ. Но не правда ли, что нѣтъ болѣе важныхъ, простыхъ и несомнѣнныхъ знаній,

какъ знаніе своей личности и вещества? И оба знанія одинаково отрицаются. И что значительность, которую имѣютъ эти два камня знанія, надо принимать въ соображеніе и объяснить.

Въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ я не печатаю, но мечтаю продолжать въ іюньской. Пожалуйста пишите мнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 321.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1876 г., Іюль 21).

Я очень виноватъ передъ вами, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, за то, что такъ давно не писалъ. Собираюсь каждый день писать, и все некогда, потому что ничего не дѣлаю. Первый и самый интересный для меня предметъ бесѣды съ вами, это Петя Борисовъ. Въ письмѣ, разумѣется, не скажешь всего (я надѣюсь, что мы скоро увидимся),— но онъ мнѣ очень понравился, въ особенности тѣмъ, что соединяетъ два рѣдкія качества: умъ и простоту. За послѣднее я особенно боялся; но онъ очень перемѣнился къ лучшему въ этомъ отношеніи.

Теперь какъ бы намъ сдѣлать, чтобы увидаться? Если вы не измѣнили своего плана ѣхать въ августѣ на Грайворонку, мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить туда вмѣстѣ съ вами. Для этого нужно мнѣ знать: 1) хотите ли вы, чтобы я ѣхалъ съ вами? 2) когда именно вы ѣдете? 3) сколько времени продлится вся поѣздка? Какъ ваше здоровье? Послѣднія извѣстія отъ васъ были хорошія. У меня недѣлю тому назадъ былъ Страховъ, съ которымъ, безпрестанно поминая васъ, я нафилософствовался до усталости. Если, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Грайворонку, то приставимъ къ себѣ полицеймейстеромъ Петю, чтобы онъ не позволялъ говорить всю дорогу ни о философіи,

ни о поэзіи, чтобы не было и помину ни о Л. Толстомъ, ни о Фетѣ. Л. Н. пріятель съ Фетомъ зимою, а лѣтомъ пусть будутъ едва ли не больше пріятели помѣщики: Толстой съ Шеншинымъ.

Передайте нашъ поклонъ съ женою Марьѣ Петровнѣ. Жму руку Петру Афан. Желалъ бы послушать его разсказы о Герцеговинѣ, въ существованіе которой я не вѣрю.

Я въ сентябрѣ собираюсь ѣхать въ Самару. Если Петръ Афан. не имѣетъ никакихъ плановъ на сентябрь, не поѣдетъ ли онъ со мною посмотрѣть киргизовъ и ихъ лошадей. Какъ бы весело было! Со мною еще ѣдетъ мой племянникъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 322.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1876 г., Октябрь 18).

Не повѣрите, какъ ваше письмецо меня обрадовало, дорогой Афанасій Афанасьевичъ; лошади будутъ на Козловкѣ въ середу 20 октября. „Вотъ тибе друхъ мой послѣдній отъ мине нарятъ“—прелестно. Я это разсказывалъ раза два,—и всякій разъ голосъ у меня срывался отъ слезъ. Слова же, которыя вы мнѣ выписываете изъ Revue des deux mondes, я въ тотъ же день цитировалъ женѣ, какъ замѣчательно вѣрныя. Удивительно, какъ мы близко родня по уму и по сердцу.

Вашъ всею душой

Гр. Левъ Толстой.

№ 323.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1876 г., Ноябрь 13).

Что отъ васъ давно нѣтъ вѣсточки, дорогой Афанасій Афанасьевичъ?

Здоровы-ли вы? Это главное. Ѣздилъ я въ Москву узнавать про войну. Все это волнуетъ меня очень. Хорошо тѣмъ, которымъ все это ясно; но мнѣ страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тѣхъ условій, при которыхъ совершается исторія; какъ дама какая нибудь А—ва, съ своимъ тщеславіемъ и фальшивымъ сочувствіемъ къ чему-то неопредѣленному,—оказывается нужнымъ винтикомъ во всей машинѣ.

Пожалѣйте меня въ двухъ вещахъ: 1) негодяй кучеръ повелъ жеребцовъ въ Самару; подъ хуторомъ, уже въ 15-ти верстахъ, утопилъ Гуниба въ болотѣ, желая сократить дорогу. 2) Сплю и не могу писать; презираю себя за праздность и не позволяю себѣ взяться за другое дѣло.

Передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1877 г.

№ 324.

А. А. Фету.

(Москва, 1877 г., Янв. 11).

Дорогой Афанасій Афанасьевичъ, повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ! А я ужъ такъ чувствую свою голову повинною передъ вами, какъ только можно. Но право я въ Москвѣ нахожусь въ условіяхъ невмѣняемости; нервы разстроены, часы превращаются въ минуты, и какъ нарочно являются тѣ самые люди, которыхъ мнѣ не нужно, чтобы помѣшать видѣть того, кого нужно. На праздникахъ былъ у насъ Страховъ, и вамъ вѣрно икалось: мы часто поминали васъ, и ваши слова, и мысли, и ваши стихи. Послѣднее „Въ звѣздахъ“—я прочелъ ему изъ вашего письма, и онъ пришелъ въ такое же восхищеніе, какъ и я. Въ Русск. Вѣстникѣ перечли мы его съ женою еще. Это одно изъ

лучшихъ стихотвореній, которыя я знаю. Со Страховымъ же я всегда говорю часто про васъ, потому что мы родня всѣ трое по душѣ.

Что ваша служба? Есть ли надежда на награду? Что Петръ Афан.? Нѣтъ ли извѣстій? Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ, не забывайте меня, не сердитесь и любите такъ же, какъ мы васъ любимъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 325.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1877 г., Май 22).

Нынче получилъ ваше второе неотвѣченное письмо и устыдился.—Я мѣшкалъ писать вамъ и потому, что былъ занятъ писаніемъ, и главное потому, что не хотѣлось ничего говорить вамъ, пока вы не прочитаете послѣднюю часть. Она набрана давно и два раза уже была мною поправлена и на-дняхъ мнѣ ее пришлютъ для окончательнаго просмотра. Но я боюсь, что она все-таки выйдетъ не скоро. И объ этомъ хочу съ вами посовѣтоваться и просить вашей помощи. Оказывается, что Катковъ не раздѣляетъ моихъ взглядовъ, что и не можетъ быть иначе, такъ какъ я осуждаю именно такихъ людей, какъ онъ, и, мямля, учтиво прося смягчить, то, выпустивъ это, ужасно мнѣ надоѣлъ и я имъ уже заявилъ, что если они не напечатаютъ въ такомъ видѣ, какъ я хочу, то вовсе не напечатаю у нихъ, и такъ и сдѣлаю; но хотя и удобнѣе всего было напечатать брошюрой и продавать отдѣльно, неудобство въ томъ, что надо пропустить сквозь цензуру. Какъ вы посовѣтуете, отдѣльно съ цензурой или въ какой-нибудь безцензурный журналъ— „Вѣстникъ Европы“, „Нива“, мнѣ все равно, только бы хотѣлось напечатать какъ можно скорѣе и не разговаривать про смягченія и выпущенія. Но, пожалуйста, посовѣтуйте

и помогите. Можетъ быть я еще улажусь съ Катковымъ, но очень хотѣлось бы узнать, что дѣлать въ случаѣ несогласія.

Левъ Толстой.

№ 326.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1877 г., Сентябрь 1).

Нынче утромъ самъ повезъ вамъ отвѣтъ на письмо со статьею на Козловку и получилъ ваше письмо. Статью Болгова проглотилъ и только сокрушался, что онъ не отдѣльное новое лицо—былъ бы новый другъ. Послалъ статью Страхову.

Очень грустно мнѣ за васъ, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, за чувство, которое въ васъ долженъ былъ вызвать послѣдній домашній эпизодъ; но я всегда за себя и за близкихъ утѣшаюсь, что все къ лучшему. Можетъ быть вамъ пришлось бы испытать болѣе тяжелыя чувства. Теперь вы спокойны, только обидно, что ваши труды у васъ не на лицѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1878 г.

№ 327.

Н. Н. Страхову.

(Ясная Поляна, 1878 г., Янв. 3).

...Встрѣтился въ Москвѣ съ Бакунинымъ. Онъ пишетъ сочиненіе о знаніи и вѣрѣ. У меня живетъ учителемъ математики, кандидатъ петербургскаго университета, прожившій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя луч-

шими представителями крайнихъ соціалистовъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ теперь судятъ. Ну, и эти люди пришли къ необходимости остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозныя основы. Со всѣхъ сторонъ (не вспомню теперь, кто) всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя. Откуда вы приводили мнѣ слова Лаодцы? Обнимаю васъ отъ всей души, дорогой другъ и желаю вамъ въ этомъ году того, о чемъ молюсь каждый день,—спокойствіе въ трудѣ.

Левъ Толстой.

№ 328.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Петербургъ, 1878 г., Мартъ).

Нынче былъ у двухъ декабристовъ, обѣдалъ въ клубѣ а вечеръ былъ у Бибикова, гдѣ Софья Никитична (рожд. Муравьева) мнѣ пропасть разсказывала и показывала. Потомъ поѣхалъ къ Свистунову, у котораго умерла дочь, и просидѣлъ у него четыре часа, слушая прелестные разсказы его и другого декабриста Бѣляева.

...Потомъ поѣхалъ къ нотаріусу, въ библіотеку, къ Страхову и въ крѣпость.

№ 329.

А. А. Фету.

(1878 г., Апр. 6).

Получилъ ваше славное, длинное письмо, дорогой Афанасій Афанасьевичъ. Не хвалите меня. Право, вы видите во мнѣ слишкомъ много хорошаго, а въ другихъ слишкомъ много дурнаго. Хорошо во мнѣ одно,—что я васъ понимаю и потому люблю. Но хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что „Марфа печется о многемъ, тогда какъ единое есть на потребу“. И у васъ

это единое очень сильно, но какъ-то вы имъ брезгуете, а все больше билліардъ устанавливаете. Не думайте, чтобы я разумѣлъ стихи: хотя я ихъ и жду, но не о нихъ рѣчь, они придутъ и надъ билліардомъ, а о такомъ міросозерцаніи, при которомъ бы не надо было сердиться на глупость людскую. Кабы насъ съ вами истолочь въ одной ступѣ и слѣпить потомъ пару людей, была бы славная пара. А то у васъ такъ много привязанности къ житейскому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо, а у меня такое къ нему равнодушіе, что нѣтъ интереса къ жизни; и я тяжелъ для другихъ однимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Не думайте, что я рехнулся. А такъ не въ духѣ и надѣюсь, что вы меня и черненькимъ полюбите. Непремѣнно пріѣду къ вамъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 330.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1878 г., Октябрь 26).

Уже и не знаю, какъ въ какомъ духѣ начать писать вамъ, дорогой Афанасій Афанасьевичъ; всетаки нѣтъ другихъ словъ, какъ виноватъ, виноватъ и кругомъ виноватъ. Хотя и всегда излишне выставленіе причинъ извиняющихъ, я всетаки ихъ напишу, потому что онѣ справедливы и объяснятъ вамъ мое состояніе. Вотъ уже съ мѣсяцъ, коли не больше, я живу въ чаду не внѣшнихъ событій (напротивъ, мы живемъ одиноко и смирно), но внутреннихъ, которыхъ назвать не умѣю. Хожу на охоту, читаю, отвѣчаю на вопросы, которые мнѣ дѣлаютъ, ѣмъ, сплю, но ничего не могу дѣлать, даже написать письмо. У меня ихъ набралось до двадцати, изъ которыхъ есть почти такія же, какъ ваше. Нынче я какъ только немного очнулся, пишу

вамъ. У насъ все, слава Богу, здорово и хорошо. Обычная зимняя жизнь, со все усложняющимся воспитаніемъ и ученіемъ дѣтей, идетъ какъ и прежде. Мы очень заняты: жена—самыми ясными, опредѣленными дѣлами, а я — самыми неопредѣленными и потому постоянно имѣю стыдливое сознаніе праздности среди трудовой жизни. Вы вѣрно уже кончили передѣлку своей статьи, и если здоровы, то, вѣроятно, заняты чѣмъ-нибудь новымъ. Если вы меня простили, то напишите мнѣ и о своемъ здоровьи, которое, по послѣднему письму, угрожало разладиться, — и о своей духовной работѣ. Такъ пожалуйста не разсердитесь на меня. Помните, что мы все по старому васъ любимъ, а что я неаккуратенъ, такъ это только подробность моего характера. Опять откладываю поѣздку къ вамъ. Теперь и не могу и не гожусь. А вотъ если Богъ дастъ поработать и устать отъ работы, то зимою, если вы меня позовете, поѣхать отдохнуть къ вамъ. Жена проситъ передать свой поклонъ вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1879 г.

№ 331.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1879 г., Февраль 1).

Дорогой Афанасій Афанасьевичъ, получилъ уже съ недѣлю ваше особенно хорошее послѣднее письмо съ очень хорошимъ, но не превосходнымъ стихотвореніемъ и не отвѣчалъ тотчасъ же, потому что, повѣрите ли, съ тѣхъ поръ не поправился отъ своего нездоровья, и нынче только получше, и голова свѣжа, но все еще не выхожу. Правда то, что правда. Это изъ истинъ истина. Но правду, такъ же какъ и эту истину, можно не доказывать, но выслѣдить,

придти къ ней и увидать, что дальше идти некуда, и что отъ нея-то я и пошелъ. Стихотвореніе послѣднее мнѣ не такъ понравилось, какъ предшествующее и по формѣ (не такъ круто, какъ то), и по содержанію, съ которымъ я не согласенъ, какъ можно быть несогласнымъ съ такимъ невозможнымъ представленіемъ. У Верна есть разсказъ вокругъ луны. Они тамъ находятся въ точкѣ, гдѣ нѣтъ притяженія. Можно ли въ этой точкѣ подпрыгнуть,—знающіе физики различно отвѣчали. Такъ и въ вашемъ предположеніи должно различно отвѣчать, потому что положеніе невозможно, не человѣческое. Но вопросъ духовный поставленъ прекрасно. И я отвѣчаю на него иначе, чѣмъ вы.— Я бы не захотѣлъ опять въ могилу. Для меня и съ уничтоженіемъ всякой жизни кромѣ меня, все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношенія къ Богу, т. е. отношенія къ той силѣ, которая меня произвела, меня тянула къ себѣ и меня уничтожитъ или видоизмѣнитъ. Стихотвореніе хорошо уже потому, что я читалъ дѣтямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заняты чумой, и оно, отвѣчая на ихъ страхъ, тронуло ихъ.

Дай Богъ вамъ здоровья, спокойствія душевнаго и того, чтобы вы признали необходимость отношеній къ Богу, отсутствіе которыхъ вы такъ ярко отрицаете въ этомъ стихотвореніи.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 332.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1879 г., Февраль 16).

Я все хвораю, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, и отъ этого не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же на ваше письмо съ превосходнымъ стихотвореніемъ. Это вполнѣ прекрасно. Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдутъ только отломанный кусочекъ: въ немъ слиш-

комъ много слезъ, то и этотъ кусочекъ поставятъ въ музей и по немъ будутъ учиться. Я не боленъ, не здоровъ, но умственной и душевной бодрости, которая нужна мнѣ,— нѣтъ. Не такъ какъ вы—сухо дерево. Присылайте же еще стихи. Странно, какъ умствованія мало убѣдительны. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что я не согласенъ съ мыслью послѣдняго стихотворенія. Что я не захотѣлъ бы вернуться въ могилу, потому что у меня остались бы еще мои отношенія къ Богу. Вы ничего на это не отвѣчали. Отвѣтьте пожалуйста. Если вамъ это кажется просто глупостью, такъ и скажите. Дай Богъ вамъ всего лучшаго, передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 333.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1879 г., Іюль 28).

Благодарю васъ за ваше послѣднее хорошее письмо, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, и за апологъ о соколѣ, который мнѣ нравится, но который я желалъ бы болѣе пояснить. Если я этотъ соколъ и если, какъ выходитъ изъ послѣдующаго, залетаніе мое слишкомъ далеко состоитъ въ томъ, что я отрицаю реальную жизнь, то я долженъ оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимаго для поддержанія этой жизни, но мнѣ кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетвореніями не естественныхъ, а искусственно привитыхъ намъ воспитаніемъ и самими нами придуманныхъ и перешедшихъ въ привычку потребностей, и что девять десятыхъ труда, полагаемаго нами на удовлетвореніе этихъ потребностей,—праздный трудъ. Мнѣ бы очень хотѣлось быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что я даю людямъ больше того, что получаю отъ нихъ; но такъ какъ я чувствую себя

очень склоннымъ къ тому, чтобы высоко цѣнить свой трудъ и низко цѣнить чужой, то я не надѣюсь увѣриться въ безобидности для другихъ разсчета со мной однимъ усиленіемъ своего труда и избраніемъ тяжелѣйшаго (я непремѣнно увѣрю себя, что любимый мною трудъ есть самый нужный и трудный);—я желалъ бы какъ можно меньше брать отъ другихъ и какъ можно меньше трудиться для удовлетворенія своихъ потребностей; и думаю, такъ легче не ошибиться. Жалѣю очень, что здоровье ваше все не твердо, но радуюсь тому, что вы духомъ здоровы, что видно изъ вашихъ писемъ. Отъ души обнимаю васъ и прошу передать наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

1880 г.

№ 334.

А. А. Фету.

(Ясная Поляна, 1880 г., Май 31).

Прежде чѣмъ сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно передъ вами и какъ я чувствую себя виноватымъ передъ вами, прежде всего я ужасно благодаренъ вамъ, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, за ваше доброе, прекрасное, главное умное письмо. Вы имѣли причины быть недовольнымъ мною и вмѣсто того чтобы высказать мнѣ свое нерасположеніе, которое очень могло бы быть, вы высказали мнѣ причины своего недовольства мною добродушно и главное такъ, что я почувствовалъ, что вы всетаки любите меня. Письмо ваше произвело на меня чувство умиленія и стыда за свою неряшливость,—ничего больше. Вотъ что было, и вотъ мои послѣднія впечатлѣнія о нашихъ отношеніяхъ. Вы мнѣ писали, какъ всегда; я, какъ всегда, съ радостью получалъ

ваши письма, но не какъ всегда (съ еще большей неаккуратностью чѣмъ прежде, вслѣдствіе своихъ особенно напряженныхъ занятій нынѣшняго года)—отвѣчалъ; но передъ весною я получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ видѣлъ, что вы меня въ чемъ то считаете виноватымъ. Вина моя единственная и ненастоящая передъ вами была та, что, прочтя это письмо, я не написалъ тотчасъ же вамъ, что я и хотѣлъ сдѣлать, прося у васъ объясненія, за что вы недовольны мною. Опять мои занятія немного извиняютъ меня, и прошу васъ простить меня за это.

Въ первой же главной моей винѣ, какъ вамъ это должно казаться, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше предложеніе пріѣхать въ Ясную,—я рѣшительно невмѣняемъ. Не понялъ ли я этого, просмотрѣлъ ли, но совершенно забылъ, и для меня этого вашего предложенія пріѣхать не существовало. Я вамъ все это такъ пишу, потому что знаю, что вы мнѣ повѣрите, что я пишу истинную правду. Какъ это случилось—не знаю. Но въ этомъ я не виноватъ. Не виноватъ потому, что всегда читаю ваши письма по нѣскольку разъ и вникая въ каждое слово, не виноватъ уже навѣрно въ томъ, чтобы я могъ промолчать, не подхвативъ его съ радостью, ваше предложеніе пріѣхать къ намъ. Во всякомъ случаѣ простите, но не мѣняйтесь ко мнѣ, какъ я не перемѣнюсь къ вамъ, пока мы живы. И очень, очень благодарю васъ за ваше письмо. Мнѣ такъ хорошо стало теперь; потому что твердо надѣюсь, что получу отъ васъ хорошую вѣсточку, и можетъ быть вы уже совсѣмъ покажете мнѣ, что прощаете меня, пріѣхавъ къ намъ. Жена кланяется вамъ; она чувствовала то же, что я, относительно васъ, еще сильнѣе меня.

Вашъ *Л. Толстой.*

1881 г.

№ 335.

Александру III. *)

(Ясная Поляна, 1881 г., Мартъ).

Ваше Императорское Величество.

Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человѣкъ, пишу русскому Императору и совѣтую ему, что ему дѣлать въ самыхъ сложныхъ, трудныхъ обстоятельствахъ, которыя когда-либо бывали. Я чувствую, какъ это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себѣ: ты напишешь, письмо твое будетъ ненужно, его не прочтутъ, или прочтутъ и найдутъ, что это вредно, и накажутъ тебя за это. Вотъ и все, что можетъ быть. И дурного въ этомъ для тебя не будетъ ничего такого, въ чемъ бы ты раскаялся. Но если ты не напишешь и потомъ узнаешь, что никто не сказалъ царю то, что ты хотѣлъ сказать, и что царь потомъ, когда уже ничего нельзя будетъ перемѣнить, подумаетъ и скажетъ: „если бы тогда кто-нибудь сказалъ мнѣ это", — если это случится такъ, то ты вѣчно будешь раскаиваться, что не написалъ того, что думалъ. И потому я пишу Вашему Величеству то, что я думаю.

Я пишу изъ деревенской глуши, ничего вѣрнаго не знаю. То, что знаю, знаю по газетамъ и слухамъ, и потому, можетъ быть, пишу ненужные пустяки о томъ, чего вовсе нѣтъ, тогда ради Бога, простите мою самонадѣянность и вѣрьте, что я пишу не потому, что я высоко о себѣ думаю, а потому только, что уже столь много виноватый передъ всѣми, боюсь быть еще виноватымъ, не сдѣлавъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Я буду писать не въ томъ тонѣ, въ которомъ обыкновенно пишутъ письма Государю—съ цвѣтами подобострастнаго и фальшиваго краснорѣчія, которые только затемняютъ и чувства, и мысли. Я буду писать просто, какъ человѣкъ къ человѣку.

Настоящія чувства моего уваженія къ Вамъ, какъ къ человѣку и къ царю, виднѣе будутъ безъ этихъ украшеній.

Отца Вашего, царя русскаго, сдѣлавшаго много добра и всегда желавшаго добра людямъ, стараго, добраго человѣка, безчеловѣчно изувѣчили и убили не личные враги его, но враги существующаго порядка вещей: убили во имя какого-то блага всего человѣчества.

Вы стали на его мѣсто и передъ Вами тѣ враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете мѣсто Вашего отца и для того мнимаго общаго блага, котораго они ищутъ, они должны желать убить и Васъ.

Къ этимъ людямъ въ душѣ Вашей должно быть чувство мести, какъ къ убійцамъ отца, и чувство ужаса передъ тою обязанностью, которую Вы должны были взять на себя. Болѣе ужаснаго положенія нельзя себѣ представить, болѣе ужаснаго потому, что нельзя себѣ представить болѣе сильнаго искушенія зла. „Враги отечества, народа, презрѣнные мальчишки, безбожныя твари, нарушающія спокойствіе и жизнь ввѣренныхъ милліоновъ, и убійцы отца. Что другое можно сдѣлать съ ними, какъ не очистить отъ этой заразы Русскую землю, какъ не раздавить ихъ, какъ мерзкихъ гадовъ? Этого требуетъ не мое личное чувство, даже не возмездіе за смерть отца, этого требуетъ отъ меня мой долгъ, этого ожидаетъ отъ меня вся Россія“.

Въ этомъ то искушеніи и состоитъ весь ужасъ Вашего положенія. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди просвѣщенные ученіемъ Христа.

Я не говорю о Вашихъ обязанностяхъ царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человѣка, и онѣ должны быть основной обязанностью царя и должны сойтись съ ними.

Богъ не спроситъ Васъ объ исполненіи обязанности царя, не спроситъ объ исполненіи царской обязанности, а спроситъ объ исполненіи человѣческихъ обязанностей. Положеніе Ваше ужасно, но только затѣмъ и нужно ученіе Христа, чтобы руководить насъ въ тѣхъ страшныхъ минутахъ искушенія, которыя выпадаютъ на долю людей. На Вашу долю выпало ужаснѣйшее изъ искушеній. Но какъ ни ужасно оно, ученіе Христа разрушаетъ его: всѣ сѣти искушеній, обставленныя вокругъ Васъ, какъ прахъ разлетятся передъ человѣкомъ, исполняющимъ волю Бога.

Мѳ. 5, 43. „Вы слышали, что сказано: люби ближняго и возненавидь врага твоего; а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ... благотворите ненавидящихъ васъ... да будете сынами Отца вашего небеснаго".

Мѳ. 5, 38. Вамъ сказано: „Око за око, зубъ за зубъ, а Я говорю: не противься злому".

Мѳ. 18, 22. „Не говорю тебѣ до семи, но до семижды семидесяти разъ".

„Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать". Это сказано человѣку, и всякій человѣкъ можетъ исполнить это. И никакія царскія, государственныя соображенія не могутъ нарушить заповѣдей этихъ.

Мѳ. 5, 19. „И кто нарушитъ одну изъ сихъ малѣйшихъ заповѣдей, малѣйшимъ наречется въ Царствіи Небесномъ, а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствіи Небесномъ".

Мѳ. 7, 24. „Итакъ, всякаго, кто слушаетъ слова мои сіи, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ (25). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ, и онъ не упалъ, потому что основанъ былъ на камнѣ (26). А всякій, кто слу-

шаетъ сіи слова мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ (27). И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое".

Знаю я, какъ далекъ тотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, отъ тѣхъ Божескихъ истинъ, которыя выражены въ ученіи Христа и которыя живутъ въ нашемъ сердцѣ. Но истина—истина, и она живетъ въ нашемъ сердцѣ и отзывается восторгомъ и желаніемъ приблизиться къ ней. Знаю я, что я ничтожный, дрянной человѣкъ, въ искушеніяхъ, въ тысячу разъ слабѣйшихъ, чѣмъ тѣ, которыя обрушились на Васъ, отдавался не истинѣ и добру, а искушенію и что дерзко и безумно мнѣ, исполненному зла человѣку требовать отъ Васъ той силы духа, которая не имѣетъ примѣровъ, требовать, чтобы Вы, русскій царь, подъ давленіемъ всѣхъ окружающихъ, и любящій сынъ послѣ убійства отца, простилъ бы убійцъ и отдалъ бы имъ добро за зло; но не желать этого я не могу, не могу не видѣть того, что всякій шагъ Вашъ къ прощенію, есть шагъ къ добру, всякій шагъ къ наказанію, есть шагъ ко злу, не видѣть этого я не могу. Но какъ для себя въ спокойную минуту, когда нѣтъ искушенія, надѣюсь, желаю всѣми силами души избрать путь любви и добра, такъ и за Васъ желаю и не могу не надѣяться, что Вы будете стремиться къ тому, чтобы быть совершенными, какъ Отецъ Вашъ на небѣ, и Вы сдѣлаете величайшее дѣло въ мірѣ—поборете искушеніе: и Вы, царь, дадите міру величайшій примѣръ исполненія ученія Христа — отдадите добро за зло.

„Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всѣмъ простите".

Это и только это надо дѣлать. Это воля Бога. Достанетъ ли у кого или не достанетъ силы сдѣлать это, это другой вопросъ. Но только этого одного надо желать, къ этому

одному стремиться, это одно считать хорошимъ и знать, что всѣ соображенія противъ этого — искушенія и соблазны и что всѣ они ни на чемъ не основаны, шатки и темны.

Но кромѣ того, что всякій человѣкъ долженъ и не можетъ ничѣмъ другимъ руководиться въ своей жизни, какъ этимъ выраженіемъ воли Божьей, исполненіе этихъ заповѣдей Божьихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое для жизни Вашей (и Вашего народа) разумное дѣйствіе.

„Истина и благо всегда истина и благо и на землѣ и на небѣ. Простить ужаснѣйшихъ преступниковъ противъ человѣческихъ и божескихъ законовъ и воздать имъ добро за зло“—многимъ это покажется въ лучшемъ смыслѣ идеализмомъ, безуміемъ, а многимъ злонамѣренностью. Они скажутъ: „не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь“. Но стоитъ вызвать тѣхъ, которые скажутъ это на доказательство ихъ мнѣнія и безуміе, злонамѣренность окажутся на ихъ сторонѣ.

Около 20 лѣтъ тому назадъ завелось какое-то гнѣздо людей, большею частью молодыхъ, ненавидящихъ существующій порядокъ вещей и правительство. Люди эти представляютъ себѣ какой-то другой порядокъ вещей или даже никакого себѣ не представляютъ и всѣми безбожными, безчеловѣчными средствами—пожарами, грабежами, убійствами, разрушаютъ существующій строй общества. 20 лѣтъ борются съ этимъ гнѣздомъ и какъ уксусное гнѣздо постоянно зарождающее новыхъ дѣятелей, до сихъ поръ гнѣздо это не только не уничтожено, но оно растетъ, и люди эти дошли до ужаснѣйшихъ, по жестокости и дерзости, поступковъ, нарушающихъ ходъ государственной жизни.

Тѣ, которые хотѣли бороться съ этой язвой внѣшними, наружными средствами, употребляли два рода средствъ: одно—прямое отсѣченіе больного, гнилого, строгость наказанія, другое—предоставленіе болѣзни своему ходу, регулированіе ея: это были либеральныя мѣры, которыя должны

были удовлетворить безпокойныя силы и утишить напоръ враждебныхъ силъ.

Для людей, смотрящихъ на дѣло съ матеріальной стороны нѣтъ другихъ путей—или рѣшительныя мѣры пресѣченія, или либеральнаго послабленія. Какіе-бы и гдѣ-бы ни собирались люди толковать о томъ, что нужно дѣлать въ теперешнихъ обстоятельствахъ, кто-бы они ни были, знакомые въ гостиной, члены совѣта, собранія представителей, если они будутъ говорить о томъ, что дѣлать для пресѣченія зла, они не выйдутъ изъ этихъ двухъ воззрѣній на предметъ: или пресѣкать—строгость, казни, ссылки, полиція, стѣсненія цензуры и т. п., или либеральныя потачки, свобода, умѣренная мягкость мѣръ взысканій и даже представительство, конституція, соборъ.

Люди могутъ сказать много еще новаго относительно подробностей того и другого образа дѣйствій; во многомъ многіе изъ одного и того же лагеря будутъ не согласны будутъ спорить, но ни тѣ, ни другіе не выйдутъ—одни изъ того, что они будутъ отыскивать средства насильственнаго пресѣченія зла, другіе—изъ того, что они будутъ отыскивать средства нестѣсненія, даванія хода затѣявшемуся броженію. Одни будутъ лѣчить болѣзнь рѣшительными средствами противъ самой болѣзни, другіе будутъ лѣчить не болѣзнь, но будутъ стараться поставить организмъ въ самыя выгодныя, гигіеническія условія, надѣясь, что болѣзнь пройдетъ сама собою. Скажутъ много новыхъ подробностей, но ничего не скажутъ новаго, потому что та и другая мѣра уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излѣчили больного, но не оказали никакого вліянія. Болѣзнь шла донынѣ, постоянно ухудшаясь. И потому я полагаю, что нельзя такъ сразу называть исполненіе воли Бога по отношенію къ дѣламъ политическимъ мечтаніемъ и безуміемъ. Если даже смотрѣть на исполненіе закона Бога святыню святынь, какъ на средство противъ житейскаго

мірского зла, и то нельзя смотрѣть на него презрительно послѣ того, какъ очевидно вся житейская мудрость не помогла и не можетъ помочь.

Больного лѣчили и сильными средствами, и переставали давать сильныя средства, а давали ходъ его отправленіямъ: ни та, ни другая система не помогли, больной все больнѣе. Представляется еще средство—средство, о которомъ ничего не знаютъ врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имѣетъ неотъемлемое передъ другими средствами, это то, что тѣ употреблялись безполезно, а это никогда еще не употреблялось.

Пробовали во имя государственной необходимости блага массъ стѣснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага массъ давать свободу—все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только законъ Его, не думая ни о государствѣ, ни о благѣ массъ? Во имя Бога и исполненія закона Его не можетъ быть зла.

Другое преимущество новаго средства — и тоже несомнѣнное—то, что тѣ два средства сами въ себѣ были нехороши: первое состояло въ насиліи, казняхъ (какъ бы справедливы онѣ ни казались, каждый человѣкъ знаетъ, что оно зло); второе состояло въ не вполнѣ правдивомъ допущеніи свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой—придерживало ее. Приложеніе обоихъ средствъ, какъ ни казались они полезны для государства, было нехорошее дѣло для тѣхъ, которые прилагали ихъ. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душѣ человѣка, но доставляетъ высшую радость и счастье для его души.

Прощеніе и воздаяніе добромъ за зло, есть добро въ самомъ себѣ. И потому приложеніе двухъ старыхъ средствъ должно быть противно душѣ христіанской, должно оставлять по себѣ раскаяніе, прощеніе же доставляетъ высшую радость тому, кто творитъ его.

Третье преимущество христіанскаго прощенія передъ подавленіемъ или искуснымъ направленіемъ вредныхъ элементовъ, относится къ настоящей минутѣ и имѣетъ особую важность. Положеніе Ваше и Россіи теперь—какъ положеніе больного во время кризиса. Одинъ ложный шагъ, пріемъ средства ненужнаго, вреднаго, можетъ навсегда погубить больного. Точно такъ же теперь одно дѣйствіе въ томъ или другомъ смыслѣ—возмездія за зло жестокими казнями или вызова представителей—можетъ связать все будущее. Теперь, въ эти двѣ недѣли суда надъ преступниками и приговора, будетъ сдѣланъ шагъ, который выберетъ одну изъ трехъ дорогъ, предстоящаго распутія: путь подавленія зла зломъ, или путь либеральнаго послабленія—оба испытанные и ни къ чему не приводящіе пути, и еще новый путь—путь христіанскаго исполненія воли Божьей царемъ, какъ человѣкомъ.

Государь! По какимъ-то роковымъ, страшнымъ недоразумѣніямъ въ душѣ революціонеровъ запала страшная ненависть противъ отца Вашего,—ненависть, приведшая ихъ къ страшному убійству. Ненависть эта можетъ быть похоронена съ нимъ. Революціонеры могли—хотя несправедливо—осуждать его за погибель десятковъ своихъ. На рукахъ вашихъ нѣтъ крови. Вы—невинная жертва своего положенія. Вы чисты и невинны передъ собой и передъ Богомъ. Но Вы стоите на распутьи. Нѣсколько дней, и если восторжествуютъ тѣ, которые говорятъ и думаютъ, что христіанскія истины только для разговоровъ, а въ государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, Вы навѣки выйдете изъ того блаженнаго состоянія чистоты и жизни съ Богомъ и вступите на путь тьмы государственныхъ необходимостей, оправдывающихъ все и даже нарушеніе закона Бога для человѣка.

Не простите, казните преступниковъ, Вы сдѣлаете то, что изъ числа сотенъ Вы вырвете трехъ, четырехъ, и зло ро-

дить зло, и на мѣсто трехъ, четырехъ вырастутъ 30, 40, и сами навѣки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего вѣка,—минуту, въ которую Вы могли бы исполнить волю Бога и не исполнили ея, и сойдете навѣки съ того распутья, на которомъ Вы могли выбрать добро вмѣсто зла и навѣки завязнете въ дѣлахъ зла, называемыхъ государственной пользой. (Мѳ. 5, 25).

Простите, воздайте добромъ за зло и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца минуту.

Государь! Если бы Вы сдѣлали это, позвали этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали бы ихъ куда-нибудь въ Америку и написали бы манифестъ съ словами вверху: „А я говорю: любите враговъ своихъ", не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы я слышалъ Ваше имя. Да что я говорю: „не знаю, что другіе". Знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.

Истины Христовы—живы въ сердцахъ людей, и однѣ онѣ живы, и любимъ мы людей только во имя этихъ истинъ.

И Вы, царь, провозгласили бы не словомъ, а дѣломъ эту истину. Но можетъ быть, это все мечтанія, ничего этого нельзя сдѣлать. Можетъ быть, что хотя и правда, что 1) болѣе вѣроятности въ успѣхѣ отъ такихъ дѣйствій, никогда еще не испытанныхъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которыя пробовали и которыя оказались негодными, и что 2) такое дѣйствіе навѣрно хорошо для человѣка, который совершитъ его и 3) что теперь Вы стоите на распутьи и это единственный моментъ, когда Вы можете поступить по-Божьи, и что упустивъ этотъ моментъ, Вы уже не вернете его,—можетъ быть,

что все это и правда, но скажутъ: это невозможно. Если сдѣлать это, то погубишь государство.

Но положимъ, что люди привыкли думать, что божественныя истины, истины только духовнаго міра, а не приложимы къ житейскому; положимъ, что враги скажутъ: мы не принимаемъ ваше средство, потому что, хотя оно и не испытано и само по себѣ не вредно, и правда, что теперь кризисъ, мы знаемъ, что оно сюда не идетъ и ничего, кромѣ вреда, сдѣлать не можетъ. Они скажутъ: христіанское прощеніе и воздаяніе добромъ за зло хорошо для каждаго человѣка, а не для государства. Приложеніе этихъ истинъ къ управленію государствомъ погубитъ государство.

Государь! Вѣдь это ложь, злѣйшая, коварнѣйшая ложь. Исполненіе закона Бога погубитъ людей? Если это законъ Бога для людей, то онъ всегда и вездѣ законъ Бога, и нѣтъ другого закона воли Его. И нѣтъ кощунственнѣе рѣчи, какъ сказать: законъ Бога не годится. Тогда онъ не законъ Бога. Но положимъ, мы забудемъ, что законъ Бога выше всѣхъ другихъ законовъ и всегда приложимъ, мы забудемъ это. Хорошо: законъ Бога не приложимъ и если исполнить его, то выйдетъ зло еще хуже. Если простить преступниковъ, выпустить всѣхъ изъ заключеній и ссылокъ, то произойдетъ худшее зло. Да почему же это такъ? Кто сказалъ это? Чѣмъ вы докажете это? Своей трусостью. Другого у васъ нѣтъ доказательства. И кромѣ того Вы не имѣете права отрицать ничьего средства, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваши не годятся.

Они скажутъ: выпустить всѣхъ, и будетъ рѣзня, потому что немного выпустить, то бываютъ малые безпорядки, много выпустить, — бываютъ большіе безпорядки. Они разсуждаютъ такъ, говоря о революціонерахъ, какъ о какихъ-то бандитахъ, шайкѣ, которая собралась и когда ее переловить, то она кончится. Но дѣло совсѣмъ не такъ: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать ихъ

побольше, а то, чтобы уничтожить ихъ закваску, дать другую закваску. Что такое революціонеры? Это люди, которые ненавидятъ существующій порядокъ вещей, находятъ его дурнымъ, и имѣютъ въ виду основы для будущаго порядка вещей, который будетъ лучше.

Убивая, уничтожая ихъ, нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеалъ есть общій достатокъ, равенство, свобода; чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеалъ такой, который бы былъ выше ихъ идеаловъ, включалъ бы въ себя ихъ идеалъ. Французы, англичане теперь борются съ ними и такъ же безуспѣшно.

Есть только одинъ идеалъ, который можно противопоставить имъ,—тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеалъ, идеалъ любви, прощенія и воздаянія добра за зло. Только одно слово прощенія и любви христіанской, сказанное и исполненное съ высоты престола, и путь христіанскаго царствованія, на который предстоитъ вступить Вамъ, можетъ уничтожить то зло, которое точитъ Россію.

Какъ воскъ отъ лица огня, растаетъ всякая революціонная борьба передъ царемъ-человѣкомъ, исполняющимъ законъ Христа.

Левъ Толстой.

Письмо это долго странствовало... Л. Н сначала передалъ письмо черезъ Николая Николаевича Страхова—К. П. Побѣдоносцеву, сопроводивъ письмо личной просьбой объ исполненіи важнаго порученія... Побѣдоносцевъ возвратилъ письмо къ Страхову съ отказомъ передать Государю. Страховъ тогда передалъ черезъ профессора К. Бестужева-Рюмина толстовское письмо Вел. Кн. Сергѣю Александровичу для подачи Александру III. Письмо было передано. Но о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не извѣстно.

(*„Левъ Николаевичъ Толстой“, Т. II. П. И. Бирюковъ*).

№ 336.

А. А. Фету.

(1881 г., Май 12).

Помню, когда получилъ ваше письмо, дорогой Афанасій Афанасьевичъ, какъ мнѣ удивительно показалось, что вы такъ далеко заглядываете,— 12 мая. Показалось особенно странно, потому что въ этотъ же день я узналъ о смерти Достоевскаго. А вотъ и 12 мая, и мы живы.

Пожалуйста простите меня за мое молчаніе и не накажите меня и жену тѣмъ, чтобы отмѣнить вашъ пріѣздъ къ намъ. Пожалуйста не сердитесь на меня. Я очень заработался и очень постарѣлъ нынѣшній годъ; но не виноватъ въ перемѣнѣ моей привязанности къ вамъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 337.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Изъ Самарской г., 1881 г., Іюль 24).

Интересны молокане въ высшей степени. Былъ я у нихъ на моленіи, [1]) присутствовалъ при ихъ толкованіи Евангелія и принималъ участіе, и они пріѣзжали и просили меня толковать, какъ я понимаю; и я читалъ имъ отрывки изъ моего изложенія; и серьезность, и интересъ, и здравый, ясный смыслъ этихъ полуграмотныхъ людей—удивительны.

Былъ я въ Гавриловкѣ у Субботнина. [2]) Тоже очень интересно.

Вообще впечатлѣній за эту недѣлю даже слишкомъ много.

---

[1]) Въ селѣ Патровкѣ, Самарск. губ.

[2]) Молоканинъ-крестьянинъ.

№ 338.

Гр. С. А. Толстой.

(Изъ Самарской г., 1881 г., Августъ 4).

... Хозяева наши такъ же неусыпно и естественно добры. Сейчасъ (утро) вошла Лиза [1]). „Что ты"?—„А вы тутъ? А я хотѣла подмести, убрать". А у нихъ еще и нянька ушла, бросила ихъ, и одна кухарка на всѣ дѣла.

Что ты пишешь въ одномъ письмѣ, что мнѣ вѣрно такъ хорошо въ этой средѣ, что о домѣ и своемъ бытѣ я буду думать съ неудовольствіемъ.

Это какъ разъ наоборотъ. Все больше и лучше думаю о васъ. Ничто не можетъ доказать яснѣе невозможность жизни по идеалу, какъ жизнь Бибикова съ семьей и Василія Ивановича. Люди они прекрасные и всѣми силами, всей энергіей стремятся къ самой лучшей, справедливой жизни, а жизнь и семья стремятся въ свою сторону, и выходитъ среднее. Со стороны мнѣ видно, какъ это среднее хотя и хорошо, какъ далеко отъ ихъ цѣли. То же переносишь на себя и поучаешься довольствоваться среднимъ. То же среднее въ молоканствѣ, то же среднее въ народной жизни, особенно здѣсь. Только бы Богъ донесъ насъ благополучно ко всѣмъ вамъ благополучнымъ, и ты увидишь, какой я въ твоемъ смыслѣ стану паинька.

1882 г.

№ 339.

Гр. С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1882 г., Апрѣль).

... Здѣсь всѣ ручьи налились, такъ что проѣхать трудно. Но нынче морозитъ и выдуло такъ, что я топлю другой

---

[1]) Дѣвочка, дочь Ел. Ал. Маликовой.

разъ. Нынче смотрю на домъ К. и думаю: зачѣмъ онъ себя мучаетъ, служитъ, гдѣ не хочетъ? И они всѣ и мы всѣ взяли бы да жили всѣ въ Ясной и лѣто, и зиму, воспитывали бы дѣтей.—Но знаю, что все безумное возможно, а разумное невозможно...

... Очень бы хотѣлось написать ту статью, которую я началъ, но если бы и не написалъ въ эту недѣлю, я бы не огорчился. Во всякомъ случаѣ мнѣ очень здорово отойти отъ этого задорнаго міра городского и уйти въ себя, читать мысли другихъ о религіи, слушать болтовню Агафьи Михайловны [1]) и думать не о дѣтяхъ, а о Богѣ...

... Чтеніе у меня превосходное. Я хочу собрать всѣ статьи изъ „Revues", касающіяся философіи и религіи и это будетъ удивительный сборникъ религіознаго и философскаго движенія за 20 лѣтъ. Когда устану отъ этого чтенія, беру „Revue Etrangère" 1834 г. и тамъ читаю повѣсти, тоже очень интересно. Письма твоего въ Тулѣ вчера не получилъ, вѣроятно, не умѣли спросить. Но зато я получилъ твое письмо на Козловкѣ. И очень оно мнѣ было радостно. Не тревожься обо мнѣ и, главное, себя не вини. „Остави намъ долги наши, яко же и мы". Какъ только другихъ простилъ, то и самъ правъ. А ты по письму простила и ни на кого не сердишься. А я давно уже пересталъ тебя упрекать. Это было только въ началѣ. Отчего я такъ опустился, я самъ не знаю. Можетъ быть, года, можетъ быть нездоровье... Но жаловаться мнѣ не на что. Московская жизнь мнѣ очень много дала, уяснила мнѣ мою дѣятельность, если еще она предстоитъ мнѣ и сблизила насъ съ тобой, больше, чѣмъ прежде... Я нынче думалъ о большихъ дѣтяхъ. Вѣдь они вѣрно думаютъ, что такіе родители, какъ мы, это не совсѣмъ хорошо, а надо бы много получше, и что когда они будутъ большіе, то будетъ много лучше. Такъ же, какъ

---

[1]) Дворовая старушка въ Ясной Полянѣ.

имъ кажется, что блинчики съ вареньемъ это уже самое скромное и не можетъ быть хуже, а не знаютъ, что блинчики съ вареньемъ это все равно, что 200,000 выиграть. И потому совершенно невѣрное разсужденіе, что хорошей матери должны-бы меньше грубить, чѣмъ дурной. Грубить желаніе одинаково — хорошей или дурной; а хорошей грубить безопаснѣе, чѣмъ дурной, потому ей чаще и грубятъ.

Боюсь я, какъ бы мы съ тобой не перемѣнились ролями я пріѣду здоровый, оживленный, а ты будешь мрачна, опустишься. Ты говоришь: „Я тебя люблю, а тебѣ этого теперь не надо".—Только этого и надо. И ничто такъ не можетъ оживить меня, и письма твои оживили меня.

Печень печенью, а душевная жизнь своимъ порядкомъ. Мое уединеніе мнѣ очень нужно было и освѣжило меня, а твоя любовь ко мнѣ меня больше всего радуетъ въ жизни.

1884 г.

№ 340.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Москва, 1884 г., Октябрь).

...Я затѣваю очень трудное.—Именно заниматься хозяйствомъ, имѣя въ виду не главное хозяйство, а отношенія съ людьми въ хозяйствѣ. Трудно не увлечься, не пожертвовать отношеніями съ людьми дѣлу, а надо такъ, чтобы вести хозяйственно; но всякій разъ, какъ вопросъ: выгода или человѣческія отношенія? — избрать послѣднее. Я такъ плохъ, что чувствую свою неспособность къ этому. Но вышло такъ, что это нужно и сдѣлалось само собой, и потому испробуемъ.

... Нынче ходилъ по хозяйству, потомъ поѣхалъ верхомъ, собаки увязались за мной. Агафья Мих. сказала, что безъ своры бросятся на скотину и послала со мной Ваську. Я хотѣлъ попробовать свое чувство охоты. Ѣздить, искать

по сорокалѣтней привычкѣ—очень пріятно. Но выскочилъ заяцъ, и я желалъ ему успѣха. А главное, совѣстно.

... Не могу я, душенька, не сердись, приписывать этимъ денежнымъ расчетамъ какую-либо важность. Все это не событія, какъ напримѣръ, болѣзнь, бракъ, рожденіе, смерть, знаніе пріобрѣтенное, дурной или хорошій поступокъ, дурныя или хорошія привычки людей намъ дорогихъ и близкихъ, а это наше устройство, которое мы устроили, такъ и можемъ перестроить иначе, и на сто разныхъ манеръ. Знаю я, что это тебѣ часто, а дѣтямъ всегда, невыносимо скучно (кажется, что это все извѣстно), а я не могу не повторять, что счастье или несчастье всѣхъ насъ не можетъ зависѣть ни на волосъ отъ того, проживемъ ли мы что, или наживемъ, а только отъ того, что мы сами будемъ. Ну, оставь Костенькѣ [1]) милліонъ, развѣ онъ будетъ счастливѣе? Чтобы это не показалось пошлостью, надо пошире, подальше смотрѣть на жизнь. Какова наша съ тобою жизнь съ нашими горестями и радостями, такова будетъ жизнь настоящая у нашихъ дѣтей, и потому важно помочь имъ пріобрѣсти то, что давало намъ счастье, и помочь избавиться отъ того, что намъ принесло несчастье, а не языки, не дипломы, ни свѣтъ, ни еще меньше деньги, не принимали участія въ нашемъ счастьи и несчастьи. И потому вопросъ о томъ, сколько мы проживемъ, не можетъ занимать меня; если приписывать ему важность, онъ заслонитъ то, что точно важно.

1885 г.

№ 341.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1885 г., лѣто).

Дорогой Павелъ Ивановичъ.

Вчера получилъ отъ Чер. длинное письмо изъ Берлина и посылку съ рукописью Свѣшниковой изъ Петербурга. Со-

---

[1]) К. Иславинъ, дядя гр. Софьи Андреевны.

держаніе статьи прекрасное. Не опасно ли? Не только въ виду запрещенія, но и въ виду возможности упрека въ направленіи. Вамъ виднѣе. Поправлять я ее не сталъ и прибавлять заключенія. Языкъ однохарактерный и въ разговорахъ даже очень хорошъ и чувствуется Hugo, т.-е. великій мастеръ. Заключеніе всякое будетъ или ложно или нецензурно. Заключеніе одно: Сюмурденъ думалъ, что онъ знаетъ, что хорошо и что дурно, что это онъ узнаетъ слѣдуя законамъ правительства; но убійство его друга показало ему, что по законамъ хорошимъ называется дурное и дурнымъ—хорошее и онъ потерялъ бывшую у него вѣру. Новую же вѣру онъ не сталъ, не могъ искать, потому что онъ чувствовалъ, что она совсѣмъ противоположна его прежней вѣрѣ и что обличитъ его въ непоправимомъ поступкѣ. Такъ повѣсился Іуда. И такъ убиваются всѣ, кто убиваются. Пока инерція лжи и сознаніе истины дѣйствуютъ подъ угломъ меньше двухъ прямыхъ — жизнь идетъ по равнодѣйствующей, но когда эти двѣ силы станутъ по одной линіи — жизнь прекращается и раздирается по своей ли или по чужой волѣ.

Сократа я пачкаю и порчу и даже запутался въ немъ и потому не присылаю. Я имъ очень дорожу и надѣюсь, что мы съ А. М. Калмыковой доведемъ это до еще много лучшаго. Я ей написалъ и жду отвѣта. Вотъ именно почему страшно издавать такія задорныя и не совсѣмъ понятныя по языку статьи, какъ передѣлка В. Гюго. Какъ бы онѣ не помѣшали возможности издать Сократа. А это такъ бы было полезно. Я на дняхъ выпишу страницы изъ отмѣченныхъ житій святыхъ Д. Р. [1]), какъ мнѣ пишетъ В. Г. [2]) и пришлю вамъ.

На счетъ редакторства будущей газеты [3]), я думаю, что вы будете прекрасный редакторъ, но Чертковъ еще лучше. Вы

---

[1]) Дмитрія Ростовскаго.

[2]) В. Г. Чертковъ.

[3]) П. И. Бирюковъ и В. Г. Чертковъ задумывали издавать газету.

во многихъ отношеніяхъ будете лучше его, но въ одномъ, въ пуризмѣ христіанскаго ученія — никого не знаю лучше его.

А это самое дорогое.

Какъ идетъ ваше книжное дѣло? [1]). Если будете писать, напишите подробно. Адресъ: Московско-Курская дорога, станція Козловка.

Очень благодаренъ вамъ за знакомство съ Грибовскимъ. Я совершенно раздѣляю то впечатлѣніе, к. онъ на васъ произвелъ и к. вы такъ хорошо описали.

Житіе Петра Мытаря надо бы изложить и издать. Бѣликовъ не сдѣлалъ этого? Я было началъ дѣлать изъ него народную драму, но затерялъ начало, да если бы и нашелъ, то постарался бы докончить въ драматической формѣ. Житіе Павлина прекрасно. Какіе другіе два? Можно бы присоединить и Петра М. [2]). И почему ихъ издавать безъ рамки? Какъ пишетъ Чертковъ. Я написалъ одинъ разсказъ, еще не поправилъ. Онъ ничего не имѣетъ нецензурнаго и потому когда кончу, прямо отдамъ его Сытину. Прощайте. Не забывайте меня. Не занесетъ ли васъ судьба въ нашу сторону лѣтомъ.

№ 342.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1885 г., осень).

Я былъ нездоровъ и отъ того не отвѣтилъ вамъ скоро. Библіотеки въ острогахъ очень важное дѣло и по моему заняться ими очень доброе дѣло. Это время досуга, котораго часто всю жизнь не знаетъ рабочій человѣкъ. Сколько я знаю внутреннихъ переворотовъ совершилось въ тюрьмахъ

---

[1]) „Посредникъ".
[2]) Мытаря.

среди политическихъ, начиная съ декабристовъ. Знаю и случаи между мужиками. Сютаевъ спрашивалъ у меня совѣта: хорошо ли будетъ сдѣлать какое-нибудь не грѣшное дѣло, но такое, чтобы посадили въ острогъ—для того, чтобы тамъ проповѣдывать. Въ острожную библіотеку я думаю хорошо бы включить Евангеліе Матѳея по 2 коп. и ученіе 12-ти Апостоловъ, Кіевское изданіе. Оно продается въ Кіевѣ. Есть ли оно у васъ въ складѣ. Какъ бы хорошо было его напечатать отдѣльно и дешево, хоть все, но лучше бы первыя 5 главъ. Въ Журналѣ „Дѣтская Помощь" № 8, 1885 годъ напечатанъ мой переводъ съ предисловіемъ и послѣсловіемъ. Нельзя-ли попытаться провести его черезъ цензуру, разумѣется, не упоминая, главное, моего имени.

До свиданья, дорогой Павелъ Ивановичъ. Сибиряковъ пишетъ о журналѣ и редакторѣ, я писалъ ему о васъ и Чертковѣ тоже. Что-то будетъ изъ этого?..

Л. Т.

№ 343.

Крестьянину Т. М. Бондареву.

(1885 г.)

Изъ вашей статьи я почерпнулъ много полезнаго для людей, и въ той книгѣ, которую я пишу объ этомъ предметѣ, упомянулъ о томъ, что я почерпнулъ это не отъ ученыхъ и мудрыхъ міра сего, но отъ крестьянина Тимофея Михайловича Бондарева. Свое писаніе объ этомъ я очень желалъ бы прислать вамъ, но, вотъ уже лѣтъ пять, все, что я пишу объ этомъ предметѣ, о томъ, что всѣ мы живемъ не по закону Бога, все это правительствомъ запрещается, и книжки мои запрещаютъ и сжигаютъ. По этому то самому я и писалъ вамъ, что напрасно вы трудитесь подавать прошеніе [1]) министру внутреннихъ дѣлъ . . . . .

---

[1]) Бондаревъ просилъ министра в. д., чтобы онъ вытребовалъ и трудъ и самого Бондарева въ Петербургъ.

Министры всѣ запрещаютъ даже говорить про это. Отъ этого самаго я и боюсь, что и вашу проповѣдь не позволятъ напечатать всю вполнѣ, а только съ сокращеніями. Большое сочиненіе ваше я бы желалъ прочесть, но если это такъ затруднительно, то что же дѣлать. Я думаю такъ, что если человѣкъ понялъ истину Божію и высказалъ или написалъ ее, то она не пропадетъ. Моисею не удалось увидать обѣтованной земли, а онъ то и привелъ въ нее народъ. Такъ-то и всѣмъ слугамъ Божіимъ. Плохой тотъ пахарь, который оглядывается назадъ: много ли онъ пропахалъ? Скажу вамъ про себя: пока я писалъ книжки о пустякахъ,—по шерсти гладилъ, — всѣ мои книжки хвалили и печатали, и... читалъ и хвалилъ; но какъ только я захотѣлъ служить Богу и показывать людямъ, что они живутъ не по закону Божію, такъ всѣ на меня опрокинулись, книжки мои не пропускаютъ и жгутъ, и правительство меня считаетъ врагомъ своимъ. Не скажу вамъ, что это не только не огорчаетъ меня, но радуетъ, потому что знаю, что они ненавидятъ мое писаніе не за меня, а за то, что оно обличаетъ ихъ; за то, что я говорю о Божіемъ законѣ, а они его ниспровергли. И я знаю, что законъ Божій скрыть нельзя, онъ въ огнѣ не сгоритъ и въ морѣ не потонетъ. А отъ гоненія онъ только яснѣе виденъ людямъ тѣмъ, которые стремятся къ Богу. Такъ-то и вы. Не тужите, что прошенія вашего не принимаютъ и отвѣта на него не даютъ. Вы сами говорите, что на кого жалуетесь, тому и прошеніе подаете. Не тужите и о томъ, что ваши ближніе васъ не понимаютъ и не цѣнятъ. Что вамъ за дѣло? Вѣдь вы не для славы человѣческой трудились и трудитесь. А если вы трудитесь для Бога, то Богъ, видящій въ тайнѣ, воздастъ явно. Только бы знать, что служишь Сыну Божьему, а ваше дѣло—Божье. Оно принесло плоды и принесетъ, только не придется намъ видѣть ихъ и вкусить отъ нихъ. Я знаю по себѣ, что ваше писаніе много помогло людямъ

и будетъ помогать. А чтобы сразу это все такъ сдѣлалось,— этого нельзя и ждать не надо. Заставить всѣхъ силкомъ трудиться никакъ нельзя, потому что сила-то вся въ рукахъ тѣхъ, которые не хотятъ трудиться. Надо, чтобы люди сами поняли, что жизнь трудовая по Закону Бога блаженнѣе, чѣмъ тунеядство. И есть люди, которые понимаютъ это и сами бросаютъ тунеядство и съ охотой берутся за земельный трудъ. Заблудшіе же люди еще не понимаютъ этого и отстаиваютъ всѣми силами свое тунеядство и нескоро поймутъ свое заблужденіе. А пока они сами не поймутъ, съ ними ничего не подѣлаешь. И вотъ, чтобы они поняли это, нужно имъ разъяснить законъ Бога. Вы это сами дѣлаете, служите этимъ Богу и потому знаете, что вы побѣдите, а не они; а скоро ли это будетъ? Это — дѣло Божіе. Такъ я сужу. Прощайте, уважаемый другъ и братъ, Тимофей Михайловичъ. Помогай вамъ Богъ. Рукопись вашу, если ее не напечатаютъ, пришлю вамъ.

№ 344.

Тифлисскимъ барышнямъ.

(1885 г. (?)).

Вы спрашиваете дѣла. Кромѣ общаго всѣмъ намъ дѣла— стараться уменьшать тѣ труды, которые употребляются другими на поддержаніе нашей жизни, сокращая свои потребности и дѣлая своими руками, что можешь сдѣлать для себя и для другихъ, у пріобрѣтающихъ знанія есть еще дѣло: подѣлиться этими знаніями, вернуть ихъ назадъ тому народу, который воспиталъ насъ. И вотъ такое дѣло есть у меня.

Существуютъ въ Москвѣ издатели народныхъ книгъ, азбукъ, арифметикъ, исторій, календарей, картинъ, разсказовъ. Все это продается въ огромныхъ количествахъ, независимо отъ достоинства содержанія, а только потому, что пріучены покупатели и есть искусные продавцы...

Благодарю Вас Иван Ивановичъ
что Вы меня имѣли в себѣ.
Посылаю еще поздравленіе
разъясненію того недоразумѣнія
что К. Вас видѣть мо[illegible] не
надоѣ на утѣхъ. Посылаю вам
книги и т. д. — Статьи о Дрезденѣ
у меня нѣтъ, но я передамъ
Ее отдѣльной книгой, в Кол.
она раздаваемъ и поздравляю
Доставить ее вамъ. Время мое
вторая свободна а вамъ о сильно
получилось это отъ Дениса
Ивановича о вашей кампаніи
и о васъ, которого они очень
любятъ и уважаютъ. Хотѣлось
чтобъ вы будѣ[illegible] ещё
Не оканчивайте свободно т.е. мо
бавлю Ин сидѣнія во тяжелыхъ
Раз и вмѣ ся. Знаю что это
очень трудно въ такомъ переводѣ
испытанія в которомъ вы
находитесь и не всѣ которыми
и все прошли но не стоит не
Унывать. Дорогой вашей т. к. это отъ
Великаго Бога и грѣхи на[illegible]

[illegible] всю [illegible] и без
[illegible] отношения.
Обращаюсь опять к вам
обратно [illegible] и дружно
Пребываю ваш Л. Толстой.

Письмо это было получено
точно по получении вашего
по несчастному недора-
зумению, задержанное отъ
Ко сент. — В этомъ письмѣ
я получилъ еще письмо
отъ вашей тещи, на вопросъ
не объяснить ли я, что значитъ
что если это письмо не
заданъ вас, на свободѣ
то на краткомъ [illegible]
досуги это [illegible]. —

Это письмо (№ 358) было адресовано Львомъ Николаевичемъ въ Московск. Бутырскую тюрьму, гдѣ подверглось двойной экспертизѣ: было прочитано прокуроромъ судебн. палаты (Н. В. Муравьевымъ — впослѣдствіи министръ юстиціи) и испытано полуторахлористымъ желѣзомъ: не переписывается ли авторъ „Войны и Мира“ Л. Н. Толстой посредствомъ водяныхъ знаковъ съ заключенными въ Московск. Бутырской тюрьмѣ.

Дѣло же, предлагаемое мною вамъ, слѣдующее: взять одну или нѣсколько изъ этихъ книгъ—азбуку ли календарь, романъ ли (особенно нужна работа надъ повѣстями: онѣ дурны и ихъ много расходится), прочесть и исправить или вовсе передѣлать.

Если вы исправите опечатки, безсмыслицы, тамъ встрѣчающіяся ошибки и безсмыслицы географическія и историческія—то и то будетъ польза, потому что, какъ ни плоха книга, она все таки будетъ продаваться. Польза будетъ въ томъ, что меньше будетъ вздору и безсмыслицы сообщаться народу. Если вы при этомъ выкинете еще мѣста глупыя или безнравственныя, замѣнивъ ихъ такими, чтобы не нарушался смыслъ,—это будетъ еще лучше. Если же вы подъ тѣмъ же заглавіемъ и пользуясь фабулой, составите свою повѣсть или романъ съ хорошимъ содержаніемъ, то это будетъ ужъ очень хорошо.

То же о календаряхъ, азбукахъ, арифметикахъ, исторіяхъ, картинахъ. Итакъ, если работа эта вамъ нравится, выбирайте тотъ родъ, въ которомъ вамъ кажется, что вы можете лучше работать и напишите мнѣ. Очень желалъ бы, чтобы вы согласились на мое предложеніе.

Работа, несомнѣнно, полезная. Степень пользы будетъ зависѣть отъ той любви, которую вы положите въ нее.

Левъ Толстой.

1886 г.

№ 345.

П. И. Бирюкову.

(Москва, 1886 г., Янв.—Февр. (?)).

Дорогой Павелъ Ивановичъ.

Вчера я получилъ письмо очень взволновавшее меня отъ офицера Артиллерійской Академіи, Анат. Петр. Залю-

бовскаго, брата того Залюбовскаго, кот. въ прошломъ году отказался отъ воинской повинности въ Москвѣ. Я думалъ, что его освободили отъ фронтовой службы и онъ живетъ въ Кишиневѣ, но оказывается, что его уже годъ мучаютъ, посылаютъ по этапамъ съ бродягами, помѣщаютъ въ госпитали, пересылаютъ изъ части въ часть и заслали теперь въ Закаспійскій край. И онъ до сихъ поръ продолжаетъ, на основаніи ученія Христа отказываться отъ участія въ убійствѣ. Я кое кому писалъ объ этомъ. Пишу вамъ, не можете ли узнать и что нибудь сдѣлать? Дѣло было у военнаго министра и въ главномъ штабѣ. Я прошу объ одномъ, чтобы съ нимъ поступили по закону, признавъ его такъ называемымъ сектантомъ. А то они сами не знаютъ, что дѣлать и прямо отступаютъ отъ закона и ведутъ дѣло тайно. Хорошо бы ужъ и то, чтобы начальствующіе знали, что дѣло это не тайно и есть люди, слѣдящіе за судьбой Залюбовскаго. Неужели мученичество первыхъ временъ христіанства опять возможно и нужно?

Жена въ Петербургѣ у Кузминскихъ, зайдите къ ней, я ей посылаю копію письма Залюбовскаго. Посовѣтуйтесь, подумайте и напишите.

Вашъ *Л. Толстой.*

Нельзя-ли гдѣ напечатать объ этомъ. Я бы написалъ съ радостью.

№ 346.

Ѳ. Ѳ. Тищенко.

(Москва, 1886 г., Февр.)

Получилъ ваше письмо и разсказъ. Разсказъ надѣюсь помѣстить и выслать вамъ за него деньги. Ждите спокойно, зная, что если деньги еще не пришли къ вамъ, то это значитъ только, что дѣло не кончено. Если бы былъ отказъ, то я бы извѣстилъ васъ. Но дѣло не въ 50-ти рубляхъ и не въ 50 милліонахъ. Денежная сторона дѣла не только

ничтожная, но и вредная. Избави васъ Богъ отъ того, чтобы сдѣлать свое писаніе средствомъ пріобрѣтенія денегъ.

Дѣло въ томъ, чтобы не погрѣшить словомъ, а употреблять его на служеніе людямъ. Отъ словъ своихъ оправдаешься и отъ словъ своихъ осудишься. За всякое слово праздное дашь отвѣтъ въ день суда. Изъ вашего разсказа я замѣчаю, что вы имѣете способность чувствовать за другихъ и словами ясно и связно выражать эти чувства, и потому полагаю, что вы можете быть полезнымъ людямъ писаніями, если только вы въ своемъ писаніи будете руководствоваться любовью къ людямъ и истиной. Получивъ и прочтя вашъ разсказъ, я тотчасъ же прикинулъ его на ту мѣрку, которою я руководствуюсь для писанія и выбора книгъ. Съ первыхъ же страницъ я замѣтилъ въ вашемъ разсказѣ достоинства: живое образное описаніе событій и недостатки, почерпнутые вами изъ нашей господской и ничтожной литературы: 1) непослѣдовательность разсказа (послѣ описанія болѣзни Луки—описаніе деверьевъ Анны, которое перебиваетъ разсказъ) и 2) ненужные эпитеты и украшенія и округленія слога, которыя только расхолаживаютъ впечатлѣніе. Читая дальше, я замѣтилъ, что разсказъ ведется съ знаніемъ быта и вѣрными описаніями и съ чувствомъ, но тѣ-же недостатки и украшенія слога, иностранное слово „горизонтъ“ и т. п. и, кромѣ того, недостатокъ полной естественности. Напримѣръ 1) если женщина могла родить и вернуться на работу, то это надо было подробнѣе объяснить; 2) ошибка Анны о томъ, что урядникъ спрашиваетъ ее о ея грѣхѣ. Это само по себѣ вѣрно и очень хорошо, но описано неестественно и отъ того много теряетъ. Преувеличена тоже сцена суда.

Но все это ничего. Недостатки есть въ каждомъ произведеніи; въ общемъ повѣсть написана хорошо. Но главное то, что вся повѣсть обращена не къ большинству людей, не къ простымъ людямъ, не къ такимъ Аннамъ, которыхъ

такъ много мучится на свѣтѣ, а къ интеллигентному читателю—къ урядникамъ, къ судейскимъ. Эти могутъ почерпнуть пользу изъ повѣсти. Люди же простые, сама Анна и ея близкіе ничего не почерпнутъ, кромѣ того, что грѣхъ не грѣхъ, или еще отчаянія. И въ этомъ вы испортили свою повѣсть вліяніемъ господской отрицательной и байронической литературы. Если бы вы писали, имѣя въ виду Анну и отца ея убитаго ребенка, вы бы написали то же, но освѣтили это иначе. И вышла бы прекрасная повѣсть. Общій выводъ тотъ, что если вы вѣрите въ истину (истина одна—ученіе Христа), то вы можете писать хорошо; но только при непремѣнномъ условіи, чтобы имѣть въ виду не исключительную публику образованнаго класса, а всю огромную массу рабочихъ мужчинъ и женщинъ. Если вы не читали тѣхъ книгъ, которыя я посылаю вамъ, то прочтите и вникните и въ направленіе, и въ характеръ ихъ и попытайтесь написать такую же. Мнѣ кажется, что вы можете. Направленіе ясно—выраженное въ художественныхъ образахъ ученіе Христа его 5 заповѣдей, характеръ,—чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщинамъ, ребенку, и тотъ и другой заинтересовались, умилились и почувствовали бы себя добрѣе. Постарайтесь писать въ этомъ родѣ. Если вамъ нужны деньги, то вы получите и деньги за этотъ трудъ. Но ради Христа не стройте свою матеріальную жизнь на литературной работѣ. Это развратъ.

Левъ Толстой.

№ 347.

Н. Н. Ге.

(Ясная Поляна, 1886 г., Іюль 18).

Вчера получилъ ваше радостное письмо, милый другъ, радостное, потому что оно отъ васъ и отъ того, что пишете про ваши работы. Больше всего мнѣ нравится по замыслу,

„Искушеніе“, потомъ „Вотъ Спаситель міра“; но, разумѣется, судить и понять можно только увидавъ. Большая была бы радость для всѣхъ нашихъ—всѣ васъ любятъ,—а главное для меня, если бы вы пріѣхали къ намъ, но не смѣю и не хочу васъ звать, отрывать, разстроивать теченіе вашей работы, т. е. жизни...

Л. Толстой.

№ 348.

Н. Н. Ге.

(1886 г., Сент. 14).

Очень порадовали вы меня вашимъ письмомъ, дорогой другъ. Главное—ваша работа. Какъ вы это дѣлаете, я не знаю; знаю только, что если выйдетъ, то это будетъ настоящее. Хотѣлось бы сказать: будьте какъ можно болѣе строже къ себѣ; но знаю, что и это излишне. Я не понялъ, какъ это будетъ, изъ описанія... Не могу не дать старческаго совѣта: поменьше предпринимать. Рѣдко приходится раскаиваться въ томъ, чего не сдѣлалъ, а часто въ томъ, что напрасно сдѣлалъ.

Л. Толстой.

№ 349.

Н. Н. Ге.

(1886 г., Ноябрь 4).

Оставилъ письмо ваше подъ конецъ, дорогой другъ, и теперь усталъ. Боюсь, что много не напишу. Но нужно сказать: 1) что картина „Кающагося грѣшника“ вѣроятно, будетъ прекрасна, но... это, мнѣ кажется, не та картина по сюжету, которая будетъ нравиться и продастся, а напротивъ... мистицизмъ... фантазіи... суевѣріе и т. д. Кромѣ того, сюжетъ „Кающагося грѣшника“ мало извѣстенъ. Извѣстенъ только, какъ католическій или въ русскомъ пересказѣ „Повѣсть о бражникѣ“. Такъ мнѣ кажется. Вы возложите на-

дежды, а надежды но сбудутся. Вамъ будетъ досадно, а мнѣ больно. А впрочемъ кто ее знаетъ, эту публику, а вдругъ всѣ мои дурныя ожиданія окажутся несправедливыми. Дай Богъ. Главное, чтобъ вы не досадовали. 2) „Не гнѣвайся“ и „Прелюбодѣяніе“—прекрасно, „Клятва“ не такъ ярко. Но не могу себѣ представить иначе. О, помогай вамъ Богъ въ этомъ великомъ дѣлѣ! У меня все хорошо. Божья благодать. Радостно мнѣ. Богъ даетъ слишкомъ много. Въ семьѣ доброе сѣмя хотя медленно, но несомнѣнно растетъ. Людей... все прибываетъ...

Л. Толстой.

№ 350.

Ѳ. Ѳ. Тищенко.

(Москва, 1886 г., Дек.).

Получилъ ваше письмо и рукопись... О повѣсти вашей, новой, которую сейчасъ прочелъ, скажу слѣдующее: до появленія генерала она очень хороша: дѣйствіе идетъ само собой и характеры, и описаніе душевныхъ состояній Семена очень вѣрны. Но потомъ начинается холодное и голое описаніе событій и событія ненужныя для основной мысли повѣсти. Весь конецъ нехорошъ. Не передѣлаете ли вы это? Эту повѣсть я сумѣю помѣстить не въ журналъ, а прямо въ „Посредникъ“ и выговорю вамъ вознагражденіе по 30 или 50 р. за печатный листъ. Согласны ли вы? Очень совѣтую вамъ передѣлать весь конецъ, вообще поработать надъ нимъ. Если будете передѣлывать, то разговоры судей, совѣты ихъ (они хороши) сократить. Какъ, въ какомъ смыслѣ передѣлать конецъ, я не могу вамъ опредѣлить. Можетъ быть и такъ, какъ теперь, будетъ хорошо, но надо поработать, чтобы было такъ же хорошо и живо, какъ начало. Напишите скорѣе, нужно ли вамъ возвратить рукопись или у васъ есть черновая.

Л. Толстой.

№ 351.

Ѳ. Ѳ. Тищенко.

(Москва, 1886 г., Дек. 11 (?)).

Сейчасъ получилъ ваше письмо и спѣшу отвѣтить, чтобы яснѣе выразить вамъ то, что писалъ тотчасъ по прочтеніи вашей повѣсти. Повѣсть до пистолета (пистолетъ неестественъ) хороша и по языку и по содержанію. Видна жизнь описываемыхъ людей и жизнь эта занимаетъ и трогаетъ... Но съ пистолета начинается холодная выдумка, не только не занимательная, но чрезвычайно скучная: жизни людей не видно, а видно, что авторъ разсказываетъ то, что никогда не было, видно даже, что ему самому скучно заниматься этимъ пустымъ дѣломъ. Зачеркните все отъ пистолета и продолжайте такъ же, какъ вы начали, живите жизнью описываемыхъ лицъ, описывайте въ образахъ ихъ внутреннія ощущенія, и сами лица сдѣлаютъ то, что имъ нужно по ихъ характерамъ сдѣлать, т. е. сама собой придумается и явится развязка, вытекающая изъ характера лицъ, тѣмъ болѣе, что лица очерчены прекрасно. Вы же вмѣсто этого бросаете внутренній ходъ чувствъ и описываете то, что никому не нужно знать, что не идетъ къ дѣлу и описываете поверхностно, безъ интереса къ новымъ лицамъ. Напрасно вы думаете, что это будетъ развлекать читателя. Лучше играть въ бабки или карты: больше будетъ развлеченія. Простите, голубчикъ, что я такъ рѣзко пишу вамъ. Мнѣ хочется отвратить васъ отъ легкомысленнаго отношенія къ искусству. Это великое дѣло и нельзя его дѣлать шутя или изъ-за цѣлей внѣ искусства. А вы можете овладѣть искусствомъ съ тѣмъ, чтобы посредствомъ его служить людямъ. Кончить исторію можно и убійствомъ генерала, и убійствомъ приказчика, и возвращеніемъ жены къ мужу, и смертью того или другого, какъ могла кончиться исторія въ жизни. И во все можно внести правду и освѣщеніе такое, какое вы-

текаетъ изъ взгляда автора на жизнь. Если вводить генерала и лавочника, то надо было ихъ вводить сначала и описывать событія съ ними, описывать ихъ такъ же, съ такими же любовью и подробностями ихъ внутреннихъ движеній, съ какими описаны Катерина и Семенъ. Иначе это будетъ то же, что картинка съ надписью: „это человѣкъ". Карпинскаго вы описываете длинно, а онъ все не живой.

Впрочемъ, я напрасно все это пишу вамъ. Если, какъ я понимаю васъ, у васъ есть талантъ, то вы все это должны сами чувствовать. Если же нѣтъ, то—тупо сковано не наточишь. Я понимаю васъ такъ: у васъ тонкая художественная натура, но взглядъ на жизнь у васъ невѣрный. Вы, напримѣръ, на писаніе смотрите, какъ на средство жизни. Это ужасная ошибка. Это значитъ высшее условіе подчинить низшему. Будете думать о томъ, что вамъ дастъ писаніе, и оно ничего вамъ не дастъ. Не будете думать объ этомъ, и оно дастъ вамъ гораздо больше того, что вы можете ожидать.

Пожалуйста примите всѣ мои рѣзкія слова съ тою же любовью, съ которой я пишу ихъ. Посылаю вамъ назадъ рукопись, надѣясь, что вы послѣдуете моему совѣту.

Л. Т.

1887 г.

№ 352.

Ив. Ив. Попову[1]).

(Москва, 1887 г., Апрѣль 14).

Я узналъ о вашемъ положеніи и старался содѣйствовать тому чтобы дѣло было ваше скорѣе разсмотрѣно

---

[1]) И. И. Поповъ, выйдя изъ военной службы въ отставку, былъ арестованъ въ 1886 г. во время производства подворной переписи подъ руководствомъ Ѳ. А. Щербины и затѣмъ сосланъ въ Сибирь. Когда И. И. П. находился въ Бутырской тюрьмѣ, Л. Н., узнавъ объ участи П., написалъ ему это письмо (87 г. Апр. 14).

и недоразумѣніе разъяснено. Не знаю насколько успѣшно. Я не могъ добиться свиданія съ вами [1]). Нынче я уѣзжаю изъ Москвы. Если возможно, напишите моей женѣ (Софьѣ Андреевнѣ Москва собств. домъ) не могу ли я быть вамъ полезнымъ. Пожалуйста не стѣсняйтесь, напишите что вамъ нужно. Вы вѣдь то же самое сдѣлаете и дѣлали для меня и всякаго другаго [2]).

Левъ Толстой.

№ 353.

Ѳ. Ѳ. Тищенко.

(1887 г., Апр.).

Получилъ вашу повѣсть и прочелъ. Вы хотите искреннее мнѣніе. Вотъ недостатки: все растянуто, въ особенности описаніе душевныхъ состояній Семена послѣ измѣны жены. Сцена передъ зеркаломъ и длинна и искусственна. А между тѣмъ недостаточно ясны перевороты, происходящіе въ душѣ Семена: сначала злоба, потомъ отчаяніе, потомъ успокоеніе и наконецъ рѣшимость вернуть жену. Все это надо бы, чтобы совершалось въ событіяхъ, а не только бы описывалось. У васъ есть попытки пріурочить эти перевороты къ событіямъ, но не всегда удачно.

Сцена съ одеколономъ длинна. Потомъ вы дѣлаете ошибку, повторяя нѣкоторыя вещи. Это ослабляетъ впечатлѣніе... Потомъ Семенъ сначала какъ бы задуманъ не для того конца, который теперь. Вотъ всѣ недостатки, которые старательно вспоминалъ. Но, что еще, иногда неправильность языка. Но про это не стоитъ говорить. И я не буду въ нихъ упрекать. Я люблю то, что называется неправильностью, что есть характерность.

Теперь достоинства: замѣчательно правдиво. Это важное, большое качество. И самое важное въ послѣдней превос-

---

[1]) Въ Бутырской тюрьмѣ.

[2]) Провѣрено по оригиналу.

ходной сценѣ съ ребенкомъ, есть задушевность. Вообще повѣсть хорошая. И я думаю, что у васъ есть тѣ особенности, которыя нужны писателю. Одно – главное, что я, судя по этой повѣсти, думаю, что у васъ есть – это внутреннее содержаніе. Безъ этого нечего и браться за писаніе. Писателю нужны двѣ вещи: знать то, что должно быть въ людяхъ и между людьми и такъ вѣрить въ то, что должно быть, и любить это, чтобы какъ будто видѣть передъ собой то, что должно быть, и то, что отступаетъ отъ этого. Повѣсть вашу я посылаю съ этой почтой къ Черткову въ Петербургъ. Я прошу его помѣстить эту повѣсть въ журналѣ какомъ-либо, какъ вы хотите, или прямо въ „Посредникѣ", но такъ, чтобы вы получили за нее вознагражденіе. Вы спишитесь съ нимъ объ этомъ. Вѣроятно, онъ напишетъ вамъ прежде. Это мой близкій другъ и отношенія съ нимъ могутъ быть вамъ только пріятны.

Напишите мнѣ, какъ вы живете. Почему вы теперь въ Ахтырскомъ уѣздѣ и что ваша семья и дѣти?

Помогай вамъ Богъ. Любящій васъ *Левъ Толстой.*

Черткову можете поручить сдѣлать нужныя сокращенія. Сокращенія, особенно тѣ, которыя сдѣлаетъ Чертковъ, могутъ только улучшить вещь.

Левъ Толстой.

№ 354.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1887 г., Май 5).

Спасибо, что написали мнѣ, милый другъ. Я скоро послѣ васъ пріѣхалъ въ Ясную и живу, какъ и жилъ при васъ, съ той только разницей, что изрѣдка работаю съ Конст. Никол., съ которымъ мы очень дружны. Письмо я нынче написалъ Сибирякову и совѣтовалъ ему отвѣтить вамъ, адресуя въ Кременчугъ (просто). Я все работаю надъ той

же работой [1]) и все, кажется, уясняется. Вы сдѣлали по моему то, что должно [2]), и я радъ за васъ. Только бы знать, что сдѣлалъ то, что должно, тогда можно быть всѣмъ довольнымъ.

Л. Толстой.

№ 355.

Н. Н. Ге.

(Яснаа Поляна, 1887 г., Май 14).

Мы съ П. И. Бирюковымъ говорили про васъ очень важное, а именно: всѣ художники настоящіе только потому художники, что имъ есть что писать, что они умѣютъ писать и что у нихъ есть способность писать, и въ одно и то же время читать или смотрѣть, и самымъ строгимъ образомъ судить себя. Вотъ этой способности, я боюсь, у васъ слишкомъ много, и она мѣшаетъ вамъ дѣлать для людей то, что имъ нужно. Я говорю про Евангельскія картины. Кромѣ васъ, никто не знаетъ того содержанія этихъ картинъ, которыя у васъ въ сердцѣ; кромѣ васъ, никто не можетъ ихъ такъ искренно выразить, и никто не можетъ ихъ такъ написать. Пускай нѣкоторыя изъ нихъ будутъ ниже того уровня, на которомъ стоятъ лучшія; пускай онѣ будутъ недодѣланы, но самыя низкія по уровню будутъ все таки большое и важное пріобрѣтеніе въ настоящемъ искусствѣ и въ настоящемъ единственномъ дѣлѣ жизни. Мнѣ особенно живо все это представилось, когда я получилъ прекрасные оттиски „Тайной Вечери"... Знаю я, что нельзя совѣтовать и указывать художнику, что ему дѣлать. Тамъ идетъ своя внутренняя работа, но мнѣ ужасно жалко подумать, что нача-

---

[1]) „О жизни и смерти".

[2]) Ф. далъ разводъ женѣ, требовавшей этого, въ виду принятаго имъ христіанства.

тое дѣло чудесное не осуществится. Меня затащили на выставку. Такъ вѣдь ничего похожаго на картины, какъ произведенія человѣческой души, а не рукъ, нѣту...

Л. Толстой.

№ 356.

И. Б. Фейнерману.

(1887 г., Іюнь).

Получилъ ваше письмо нынче и обрадовался, и досадно стало, что все таки вы мнѣ прежде написали. А я все собирался. Всегда помню и люблю васъ, какъ и всѣ здѣшніе. Буткевича все еще не выпустили, несмотря на то, что прокуроръ мнѣ говорилъ, что онъ ни въ чемъ не замѣшанъ. Я видѣлъ его брата. Они,—его родные, не безпокоятся, но ему тяжело, можетъ быть. Очень порадовали меня тѣмъ, что пишете о себѣ. Такъ и надо, не только надо, но иначе нельзя. Я все за своей работой „О жизни и смерти". Не могу оторваться, не кончивъ. Живу ею. Не знаю, грѣшу ли, но оторваться не могу.

Л. Толстой.

№ 357.

Л. Е. Оболенскому.

(Ясная Поляна, 1887 г., Авг.).

Простите, что доставляю вамъ хлопоты, дорогой Л. Е., но перерылъ всѣ старыя письма и не нашелъ ни адреса, ни фамиліи даже автора статьи о дешевомъ хлѣбѣ, к. забылъ и потому вынужденъ послать ваше письмо ему обратно: у васъ вѣрно есть адресъ. Я жалѣю, что она не напечатана, оригинальна, самобытна. Еще просьба: комедію (съ мнѣніемъ вашимъ о ней совершенно согласенъ) верните мнѣ, пожалуйста. Съ разныхъ сторонъ это очень замѣчательное явленіе. Интересна бы была критика о ней. Авторъ—молодой крестьянинъ, авторъ „Раздѣла".

Левъ Толстой.

№ 358.

Ив. Ив. Попову.

(1887 г., Октябрь).

Благодарю васъ Иванъ Ивановичъ что вы написали мнѣ о себѣ. Постараюсь еще посодѣйствоватъ разъясненію того недоразумѣнія по к. вы взяты, но никогда не надѣюсь на успѣхъ. Посылаю вамъ книги и 15 р.—Статьи о жизни у меня нѣтъ, но я печатаю ее отдѣльной книгой, въ кот. она разрослась и постараюсь доставить ее вамъ. Жена моя кажется сообщала вамъ о письмѣ полученномъ ею отъ Дмитрія Шаховскаго о вашей матушкѣ и о васъ, котораго онъ очень любитъ и уважаетъ. Желаю чтобы вы чувствовали себя такъ же хорошо свободно т. е. любовно къ людямъ въ тюрьмѣ какъ и внѣ ея. Знаю что это очень трудно въ томъ періодѣ испытанія въ которомъ вы находитесь и черезъ который я не прошелъ но не могу не желать этого вамъ п. ч. это единственное благо въ жизни къ которому мы всѣ сознательно и безсознательно стремимся.

Пожалуйста пишите мнѣ когда будетъ можно и нужно.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

Письмо это было написано тотчасъ по полученію вашего но по несчастному недоразумѣнію, вернулось опять ко мнѣ.— Съ тѣхъ поръ я получилъ еще письмо отъ вашей жены, на которое не отвѣчалъ п. ч. не зналъ что отвѣтить. Надѣюсь что если это письмо не застанетъ васъ на свободѣ то по крайней мѣрѣ дойдетъ до васъ.—

1888 г.

№ 359.

Л. Е. Оболенскому.

(1888 (?)).

Получилъ сейчасъ ваше доброе и умное—хорошее письмо, и оно вызвало во мнѣ, какъ большей частью ваши

письма (вызвало), рядъ мыслей. Я во всемъ совершенно согласенъ съ вами, но о значеніи науки уничтожающей суевѣрія ложныхъ понятій, хочется сказать кое-что, именно, о значеніи этой..... науки. Уничтожаетъ ложныя понятія—правда, но на ея пути безъ ложныхъ понятій, безъ суевѣрій обойтись нельзя. Не будетъ сводъ небесъ, дьяволовъ, личнаго Бога, будутъ эфиръ невѣсомый, а упругій, будутъ атомы, будутъ силы, спиритизма и многое другое. Человѣкъ, признающій небеса твердымъ сводомъ и дьяволовъ и чудеса святыхъ, и человѣкъ, признающій атомы и спиритизмъ, нисколько не рознятся по своей воспріимчивости и по своей пригодности для познанія истины и для нравственной дѣятельности. Они рознятся, только по—такъ сказать—умственному возрасту. Одинъ взрослый человѣкъ, другой лишь юноша (зачеркнуто: ребенокъ). Но какъ юноша можетъ быть прекраснымъ, какъ мужъ. И одинаково несправедливо утверждать, что молодые лучше старыхъ, какъ и обратное. Такъ же одинаково несправедливо, что наука (большая степень знанія) дѣлаетъ людей лучше, какъ и то, что она дѣлаетъ ихъ хуже. Наука (большая степень знанія) неизбѣжна, какъ возрастъ. Ея нельзя ни защищать, ни нападать на нее. Что ни дѣлай, она сама придетъ, какъ возрастъ. Помните, мы съ вами говорили въ Ясной о той способности внутренняго усилія къ добру, къ истинѣ которая есть въ человѣкѣ и которую вѣрующіе называютъ благодатью. Возможность этого усилія есть и усиліе это можетъ быть направлено къ добру и къ истинѣ, но къ наукѣ оно направлено быть не можетъ. Пріобрѣтенія научныя совершаются, — какъ все остальное, кромѣ стремленія къ истинѣ, и добру, по законамъ необходимости. И великая ошибка направленія того маленькаго кружка людей, который называется интеллигенціей, это то, что занимаясь наукой, они думаютъ, что дѣлаютъ то самое, что требуется отъ человѣка, способнаго дѣлать произвольныя усилія для

достиженія добра и истины. Занятія наукой суть спеціальныя занятія, наполняющія досугъ человѣка и служащія на пользу другимъ людямъ точно такъ же, какъ занятія дѣланія пирожковъ, лампъ и чего хотите. А наша несчастная молодежь придаетъ этимъ занятіямъ значеніе нравственной дѣятельности. Неправда ли? Вотъ въ чемъ бѣда.

А самыя знанія ни на волосъ не облегчаютъ нравственную дѣятельность. Вы сами вспоминаете о мужикахъ сектантахъ, какъ въ мужикахъ есть чуткія нравственныя личности. И тѣмъ не мѣшаетъ незнаніе науки. И есть нечуткіе, грубые—тѣ не идутъ дальше . . . . . Такъ и въ интеллигенціи. Однимъ не мѣшаетъ самое высшее знаніе (зачеркнуто: атомы и силы) видѣть, въ чемъ истинная дѣятельность человѣка, а другимъ — какъ вы ни раздвигаете для нихъ область знанія—упекаются въ атомы и силы . . . . . А если вопросъ такъ: нужно ли людямъ знать то, что они знаютъ теперь?— то разумѣется нужно. Такъ нужно взрослымъ быть и жить не какъ ребенку. Но проповѣдывать науку, то самое, что у насъ такъ обыкновенно дѣлаютъ—нельзя, какъ нельзя проповѣдывать то, чтобы у человѣка росла борода, когда пришло время.

Левъ Толстой.

Приписка на поляхъ:

Авторъ „Грѣшницы“ писалъ мнѣ, прося вознагражденія за статью. Я обратилъ его къ вамъ.

№ 360.

Л. Е. Оболенскому.

(1883 г.).

Дорогой Леонидъ Егоровичъ!

Я съ недѣлю тому назадъ написалъ Черткову письмо о васъ—съ порученіемъ къ вамъ—оно касалось общаго дѣла, а другое лично васъ и меня. Послѣднее было главное.

А именно то, что ваша статья въ первомъ номерѣ „О любви“ доставила мнѣ большую радость, и я очень благодаренъ вамъ за нее. Она, во-первыхъ отлично написана, ясно, кратко и горячо, а во-вторыхъ, напечатаніе и распространеніе этой статьи есть доброе дѣло, к. не могутъ не радоваться люди, ищущіе истины.

Дѣло же другое состоитъ въ томъ, чтобы напечатать статью Бондарева въ вашемъ журналѣ. П. И. [1]) скажетъ вамъ подробно.

Левъ Толстой.

№ 361.

Л. Е. Оболенскому.

(1888 г.).

Посылаю вамъ, Леонидъ Егоровичъ, комедію или драму, сочиненія Журавлева, крестьянина, автора „Раздѣла“. По моему хорошо и есть такія особенныя черты правды, к. не найдешь въ писаніяхъ нашего брата. Грубо страшно, но правдиво. Я бы напечаталъ и въ „Посредникѣ“, если бы можно было объяснить, что это зеркало, а не предметъ поученія, какъ смотрятъ читатели „Посредника“. Талантъ положительный. Если вы напечатаете, извѣстите. Вознагражденіе за трудъ ему я полагаю отъ 30—50 р. Дружески жму вамъ руку. Какъ живете? Я хорошо.

Левъ Толстой.

№ 362.

Н. Я. Гроту.

(Ясная Поляна, 1888 г. Іюль)

Простите, пожалуйста, дорогой Николай Яковлевичъ, что долго не отвѣчалъ вамъ. На словахъ, глядя вамъ въ глаза, отвѣтилъ бы и зналъ бы что про что сказать; но въ письмѣ трудно. Мнѣ трудно особенно теперь, особенно потому, что

---

[1]) П. И. Бирюковъ.

я каждый день и цѣлые дни на работѣ въ полѣ и не беру пера въ руки, и не скажу, что мало думаю, но совсѣмъ иначе думаю. Попробую, однако, нынче въ выдуманный и обязательный праздникъ 900-лѣтія Крещенія отвѣтить по пунктамъ.

Первый и второй пунктъ сходятся къ одному: вы считаете, что нехорошо жениться на женщинѣ, имѣя въ виду ея состояніе, или избрать друга, имѣя въ виду выгоды могущія быть отъ этой дружбы. Отчего? Отъ того, что вы считаете бракъ и дружбу такими важными и драгоцѣнными отношеніями, что вы боитесь нарушить чистоту ихъ соображеніями о выгодѣ. Но не въ тысячу ли разъ важнѣе духовная дѣятельность, ученье и учительство, и въ этихъ дѣлахъ мы ставимъ на первый планъ не только выгоды, но хуже этого. Мы прежде всего рѣшаемъ, что вся наша жизнь съ семьей будетъ держаться на матеріальныхъ условіяхъ извѣстнаго мѣста, а потомъ уже, сообразно съ условіями этого мѣста, устанавливаемъ нашу духовную дѣятельность. Что же можетъ быть ужаснѣе этого. Помоги вамъ Богъ утвердиться въ вашемъ сознаніи. А выйти матерьяльно изъ ложнаго положенія всегда легко. Въ 3-хъ, Ваше желаніе писать соціальный романъ очень вѣроятно есть ложныя потуги. Если бы онѣ были настоящія, ничто бы не помѣшало вамъ. Въ концѣ этихъ пунктовъ вы дѣлаете вопросъ: неужели измѣнить жизнь? Семья, лишенія? Какъ можетъ человѣкъ, спасающійся отъ бѣды, заглядывать впередъ, что онъ запачкаетъ или разорветъ платье или даже свое или даже чужое тѣло. Вѣдь дѣло все въ томъ, чтобы ясно сознать бѣду и дѣятельность, нужную для избавленія отъ нея. А тамъ все пойдетъ точно такъ же, какъ идетъ теперь, какъ идетъ у всѣхъ, т. е. въ перемежку дурное и хорошее...

Наши всѣ живы, здоровы и довольны и вамъ кланяются.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 363.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1888 г., Августъ).

Спасибо, милый другъ, что извѣщаете, но напишите подробнѣе, кто ваша жена? Будучи самъ въ вашемъ положеніи, я бы не старался разорвать съ прежней женой и жениться, и вы не старались, и не совѣтовалъ бы вамъ и всякому это дѣлать, но когда уже фактъ совершился, то я по слабости своей этому радъ, радъ потому что мнѣ кажется, что вамъ будетъ легче жить. Очень мнѣ жалко, что вы не получили моего письма: я писалъ вамъ съ мѣсяцъ тому назадъ. Въ отвѣтъ на письмо изъ Елисаветграда и адресовалъ туда на почту, и по совѣту Колички [1]) или Бирюкова, или обоихъ, съ которыми мы читали ваше письмо, надписалъ: „а если нѣтъ, то въ Кременчугъ". Можетъ оно и найдется. Но хорошо то, что вы пишете и вѣрите въ мою и всѣхъ нашихъ друзей къ вамъ, какъ и ко всѣмъ людямъ, любовь. Теперь у насъ гоститъ Ге Старшій. Хотѣлъ сказать, что онъ такой же, но это была бы неправда, не такой же, но много ушедшій впередъ, какъ и всѣ люди живые. Я живу хорошо: очень много больше всѣхъ годовъ работаю въ полѣ съ дѣвочками, особенно съ Машей, которая самая большая моя радость, и ничего не пишу. Здѣшніе всѣ помнятъ и любятъ васъ. Вчера я послѣ обѣда копалъ съ Титомъ [2]) и Павломъ Ш. [3]) могилу для Гани и поминали васъ [4]). Передайте мою любовь вашей женѣ и всѣмъ братьямъ.

Цѣлую васъ, любящій васъ *Л. Толстой.*

---

[1]) Ге.

[2]) Буфетный мужикъ изъ деревенскихъ парней.

[3]) Шорникъ на барскомъ дворѣ.

[4]) Мнѣ тоже пришлось разъ копать могилу для одной покойницы вдовы въ Ясной Полянѣ.

И. Ф.

№ 364.

Е. И. Попову.

(1888 г., Октябрь).

Много, много, любя, думалъ о васъ и вашемъ положеніи и духовномъ, и матеріальномъ, которое есть ничто иное, какъ послѣдствіе духовнаго. Не хорошо мнѣ кажется одно: это то, что вы недовольны не собой, а своимъ положеніемъ. Кто вы и что вы? Вы молодой мужъ богатой и милой и доброй любящей жены. Въ этомъ положеніи васъ застаетъ сознаніе того, что есть требованія главныя жизни истинной, и что требованія эти несовмѣстимы съ жизнью широкой, т. е. роскошной, богатой и эгоистичной жизнью, поѣдающей жизнь другихъ. Что надо дѣлать такому человѣку?—Коротко и грубо, но существенно вѣрно, въ практическомъ приложеніи можно сказать: уменьшить сколько возможно требованія на себя труда другихъ людей, т. е. свои потребности, и увеличить, или, если не былъ, начинать свой трудъ для другихъ людей. Дѣлать же все это съ чистотой, т. е. избѣгая пороковъ, оскверняющихъ тѣло и душу (пьянство, развратъ) и любовно, т. е. дѣлая это, не дѣлать больно людямъ, связаннымъ со мною или стоящимъ на дорогѣ моего дѣла.

Что же; сколько я знаю, вы не сдѣлали все это, но дѣлали, что умѣли въ этомъ направленіи. Если вы нагрѣшили въ чемъ, то покайтесь и исправляйте. И каяться, и исправлять легко потому, что то, что вы дѣлали, дѣлали не для себя. Если бы вы, какъ вы писали разъ, дѣлали бы для славы людской, то это всетаки не для себя, а это есть тотъ соблазнъ, который угрожаетъ при всякомъ добромъ дѣлѣ.

Вотъ что, милый другъ. Провѣрьте себя на основаніи этой программы, чего вы не сдѣлали, что передѣлали, въчемъ ошиблись вы. Ошиблись вы, какъ мнѣ кажется, въ томъ, въ чемъ

всѣ мы склонны ошибаться, о чемъ третьяго дня я разсуждалъ съ Н. и многими другими молодыми, желающими жить по-Божьи. Да, надо освободиться отъ рабовладѣльчества, т. е. денегъ, главное, нужды въ деньгахъ, отъ многихъ потребностей, и надо увеличить свой трудъ, трудъ самый простой, презираемый; такой трудъ—черная работа. Все это правда и все это хорошо. Но вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы во что бы то ни стало пахать, чистить нужники и никогда не перемѣнять рубашку, если самъ ее не вымоешь.

Все это то самое, къ чему нельзя не стремиться тому, кто не на словахъ только признаетъ людей братьями, но, стремясь къ этому, нельзя отступать отъ другихъ двухъ требованій совѣсти—чистоты и любовности. Можно и должно подвигаться, не нарушая этихъ требованій.

Мірской человѣкъ считаетъ, что хорошо быть богатымъ, но по законамъ мірскимъ нельзя вдругъ сдѣлаться богатымъ, укравъ, т. е. нарушивъ ту безопасность богатства, безъ которой богатство не въ прокъ. То же и съ богатствомъ духовнымъ—достичь того, чтобы не жить трудами другихъ, а самому служить — хорошо, но нельзя достигнуть этого, какъ дѣлалъ Алексѣй Божій человѣкъ, уйдя и заставляя мучиться и страдать и жену, и родителей.

Если допустить нечистоту или жестокость или нелюбовность при достиженіи справедливаго положенія между людьми, то положеніе это уже несправедливо. И вотъ я боюсь, что вы ошиблись въ этомъ. Вамъ такъ хотѣлось (этимъ всѣ мы страдаемъ) достичь такого положенія, въ которомъ бы вы могли сказать: „смотрите, я чистъ передъ людьми", что, достигая его, вы нарушили любовь, сдѣлали больно. Помогай вамъ Богъ поправить то, что нарушено. Главное, не думайте о своемъ положеніи: похоже ли оно на то, что люди считаютъ справедлвымъ для васъ при вашихъ убѣжденіяхъ, а думайте объ одномъ, чтобы не отступить, достигая цѣли, не переставая никогда достигать ея,—отъ чистоты и

любви. А о людяхъ надо помириться съ тою мыслію, что какъ бы вы ни жили по Христу, люди, не слѣдующіе Христу, будутъ осуждать васъ.

Левъ Толстой.

1889 г.

№ 365.

Н. Н. Г е.

(Начало 1889 г.).

Вѣсти ваши очень хороши и мнѣ радостныя. А мнѣ напишите, какъ подвигается ваша теперешняя работа: „Послѣдняя бесѣда". Хотѣлось бы мнѣ тоже на зиму сдѣлать кое-что по своей выработанной спеціальности, да не велитъ видно Богъ. Хотѣлось бы, но и безъ этого живу радостно. Часто себѣ говорю: жить не переставая радуюсь тому, чему никто никогда нигдѣ помѣшать не можетъ, радости исполненія воли Бога въ чистотѣ, смиреніи и любви. И бываетъ чаще и чаще, что удается испытывать эту радость при исполненіи того дѣла, къ которому чувствуешь себя непреодолимо и несомнѣнно призваннымъ, какъ вы теперь въ своей теперешней работѣ—это бываетъ чаще всего. Только бы съ чистотою т. е. чистымъ отъ всякой похоти—объяденія, вина, куренія, половой похоти и славы людской, въ смиреніи т. е. готовымъ всегда на то, чтобы мой трудъ ругали и меня срамили и въ мысли при этомъ безъ злобы, досады, желанія удаленія отъ какого бы то ни было человѣческаго существа. Тогда очень хорошо. И мнѣ часто бываетъ такъ, и кажется мнѣ, того желаетъ мое сердце, что и вамъ теперь такъ...

Л. Толстой.

№ 366.

Н. Н. Ге и Н. Н. Ге (сыну).

(1889 г., Мартъ 22).

Хоть два слова припишу, милые друзья, чтобы сказать вамъ, что люблю васъ и думаю о васъ часто, — и о вашей работѣ, Н. Н. старшій. Надо дѣлать и выражать то, что созрѣло въ душѣ. Никто вѣдь никогда этого не выразитъ, кромѣ васъ. Я жду всей серіи евангельскихъ картинъ. Слышалъ о той, которая въ Петербургѣ отъ Прянишникова. По словамъ В. Маковскаго, очень хороша, говорили. Вотъ поняли же и они. А простецы то и подавно. Да не въ томъ, дѣло, какъ вы знаете, чтобы Н. Н. хвалилъ, а чтобы чувствовать' что говоришь нѣчто новое и важное, и нужное людямъ. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого,—какъ вы, надѣюсь, теперь работаете,—то это слишкомъ большое счастіе на землѣ. Даже совѣстно передъ другими...

Л. Толстой.

№ 367.

Л. Е. Оболенскому.

(1889 г., Апрѣль).

Дорогой Леонидъ Егоровичъ!

Все еще не кончилъ статью, все уясняю, добавляю. Надѣюсь кончить скоро и тогда пришлю. Напишите пожалуйста, къ какому номеру вы ее готовите.—Еще вотъ что: мой хорошій знакомый Герасимовъ, кандидатъ, прошлаго года, написалъ статью о Лермонтовѣ, весьма замѣчательную. Онъ показываетъ въ Лермонтовѣ самыя высокія нравственныя требованія, лежащія подъ скрывающимъ ихъ напущеннымъ байронизмомъ. Статья очень хорошая. Онъ читалъ ее въ психологическомъ обществѣ. Я предложилъ ему напечатать ее у васъ. Онъ согласенъ. Какъ человѣкъ женатый и живущій своимъ трудомъ, гонораръ ему не лишній. 40 р. за

листъ ему обѣщали въ „Трудахъ психол. общества". Впрочемъ, если вы не хотите, то напишите прямо ему, Москва, Хамовники, № 15, Осипу Петровичу Герасимову. Пожалуйста, вы на меня не сердитесь за то, что я опять задержалъ статью объ искусствѣ. Какая то странная судьба. А ужъ какъ хочется быть вамъ пріятнымъ и полезнымъ вашему журналу.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 368.

Н. Н. Ге.

(1889 г., Апрѣль 24).

Постоянно думаю о васъ обоихъ [1]) и все почему то чего то боюсь за васъ обоихъ. Должно быть, оттого, что люблю. Въ любви нѣтъ страха. Не боюсь, что вы меня обидите, не боюсь, что вы заболѣете и помрете, а боюсь, что вы не будете дѣлать того, что хотите, и будете страдать, и я съ вами. Устроилось у васъ очень хорошо въ крупныхъ чертахъ, но знаю, что много мелочей, которыя мелочи для людей, а важны для Бога. Помогай Онъ вамъ, — не устроиться въ нихъ, устроиться нельзя, а устроять ихъ ежедневно. Картину вашу ждалъ и видѣлъ. Поразительная иллюстрація того, что есть искусство, на нынѣшней выставкѣ: картина ваша и Х—у Х. представлено, что человѣкъ... т. е. дѣлаетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ и важныхъ дѣлъ... У васъ представлено, для меня и для одного изъ милліона, то, что въ душѣ Христа происходитъ внутренняя работа, а для всѣхъ то, что Христосъ съ учениками, кромѣ того, что преображался, въѣзжалъ въ Іерусалимъ, распинался, воскресалъ, — еще жилъ, жилъ, какъ мы живемъ, думалъ, чувствовалъ, страдалъ, и ночью, и утромъ, и днемъ. У Х. сказано то, что

---

[1]) Н. Н. Ге и его старшій сынъ—Николай.

онъ хотѣлъ сказать, такъ узко, тѣсно, что на словахъ это бы еще точнѣе можно сказать. Сказано и больше ничего... А потомъ? Но мало того: такъ какъ содержаніе не художественно, не ново, не дорого автору, то даже и то не сказано. Вся картина безъ фокуса, и всѣ фигуры ползутъ врозь. У васъ же сдѣлано то, что нужно. Я знаю эскизъ, слышалъ про картину, но когда увидалъ, я умилился. Картина дѣлаетъ то, что нужно—раскрываетъ цѣлый міръ той жизни Христа внѣ знакомыхъ моментовъ и показываетъ Его намъ такимъ, какимъ каждый можетъ себѣ Его представить по своей духовной силѣ. Единственный упрекъ — это зачѣмъ Іоаннъ, отыскивая въ темнотѣ что то, стоитъ такъ близко отъ Христа. Удаленная отъ другихъ фигура Христа мнѣ лучше понравилась. Настоящая картина. Она даетъ то, что должно давать искусство. И какъ радостно, что она пробрала всѣхъ, самыхъ чуждыхъ ея смыслу людей...

Я гостилъ три недѣли у Урусова . . . Въ уединеніи у него пописалъ. Здѣсь опять изсякъ. Началъ писать статейку объ искусствѣ, между прочимъ и не могу кончить. Но не то, не то надо писать. А надо писать. Кое что есть такое, что я вижу, а никто кромѣ меня, не видитъ. Такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ. У васъ тоже такое есть. И вотъ, сдѣлать такъ, чтобы и другіе это видѣли, это надо прежде смерти. Тому, чтобы жить честно и чисто, т. е. не на чужой счетъ, это не только не мѣшаетъ, но одно поощряетъ другое...

Л. Толстой.

№ 369.

Л. Е. Оболенскому.

(Ясная Поляна, 1889 г., Іюнь (?)).

Посылаю вамъ статью крестьянина-молоканина Ѳ. Желтова. Я знаю этого Желтова. Онъ человѣкъ очень хорошій и очень оригинальный по своему развитію, крестьянинъ—христіанинъ, удержавшій всю нравственную твердость и

вмѣстѣ съ тѣмъ усвоившій литературный складъ мысли и рѣчи. Въ статьѣ есть много недостатковъ, но есть и хорошее, настоящее. Сдѣлайте съ нею что найдете нужнымъ, и войдите съ нимъ въ сношеніе по его адресу. Онъ можетъ быть вамъ интереснымъ сотрудникомъ и безъ непріятнаго условія и необходимости гонорара (мнѣ кажется). Очень, очень вамъ благодаренъ, дорогой Леонидъ Егоровичъ, за ваше послѣднее письмо, простите, что не отвѣтилъ. Я отвыкаю совсѣмъ лѣтомъ отъ пера, что дольше живу, то больше и больше сближаюсь съ вами, хотя и не вижу.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 370.

Л. Е. Оболенскому.

(1889 г., Іюнь (?)).

Дорогой Леонидъ Егоровичъ! Вѣрьте, что очень бы хотѣлъ помочь вамъ [1]), не разбирая на пользу для васъ эта помощь или нѣтъ, а просто по сердцу хочется сдѣлать то, чего вы желаете, кромѣ того. Правда, что журналъ хорошій и кажется полезный, но, никакъ не могу теперь, сейчасъ. Я не знаю, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ день, но рѣдко я бывалъ въ столь отдаленномъ отъ всякаго писанія состояніи, какъ теперь. Я имѣлъ въ виду, если напишу что-нибудь художественное, отдать вамъ, и теперь сдѣлаю, если придетъ возможность.

Напишу ли или не напишу я для васъ, будетъ или не будетъ существовать вашъ журналъ—это неважно: важно то, чтобы съ вами мы любили другъ друга. И затѣмъ я и пишу. Писалъ совсѣмъ другое письмо и вспомнилъ о васъ, оторвался и вотъ написалъ. Такъ, пожалуйста, не то, что не сердитесь, а будьте добры ко мнѣ.

Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

---

[1]) Л. Е. Оболенскій просилъ дать что-нибудь для журн. „Русское Богатство“.

№ 371.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1889 г., Августъ).

Милый другъ Е. И., пишу вамъ и всѣмъ вашимъ сотоварищамъ. Р., пріѣхавъ много разсказывалъ про вашу жизнь и мы много говорили за и противъ общины, о томъ самомъ, о чемъ вы пишете въ своемъ письмѣ. Я думаю такъ: нельзя достаточно цѣнить то положеніе, въ которомъ вы находитесь и тотъ опытъ, который у васъ производится. Мы всѣ, откинувъ кое-что отъ мірской людской жизни, сдѣлавъ кое-какія усилія для участія въ общемъ трудѣ, поддерживающемъ жизнь людей, очень склонны думать, что мы сдѣлали все, что нужно, что мы чисты передъ людьми и можемъ успокоиться, и потому нельзя достаточно цѣнить того строгаго опыта, который производится въ общинѣ и который показываетъ, какую степень суровости жизни и напряженія труда надо держать для того, чтобы быть болѣе или менѣе чистымъ отъ людоѣдства (мнѣ очень нравится точность этого выраженія). Я говорю: „болѣе или менѣе", потому что собственность земли и инвентаря нарушаютъ полную чистоту. Нельзя достаточно цѣнить того положенія, при которомъ нѣтъ мѣста лжи христіанскаго сантиментальничанія. „Я люблю, жалѣю и отдаю, что имѣю", а имѣю то я незаконно, такъ что мнѣ безъ всякаго состраданія и милосердія надо было бы отдать то, что я имѣю. Это сантиментальничаніе невозможно у васъ, гдѣ всякій поступокъ жалости и милосердія неизбѣжно выражаются лишними часами работы, и меньшей и худшей пищей, или другими неудобствами. Такое положеніе драгоцѣнно для провѣрки себя и нельзя достаточно дорожить имъ.

Но Бондаревъ не правъ, говоря, что хлѣбный трудъ включаетъ въ себя любовь, а любовь не включила. Любовь

не только къ Богу, но и къ ближнему, которая есть только послѣдствіе любви къ Богу (объ этомъ скажу послѣ), включаетъ въ себя хлѣбный трудъ, такъ что хлѣбный трудъ есть только частный случай любви къ ближнему, не говоря о любви къ Богу. Любовь къ ближнему вѣдь требуетъ, кромѣ накормленія и одежды, еще и посѣщенія заключеннаго и больного, слова, подъ которыми нельзя не понимать всѣхъ тѣхъ духовныхъ утѣшеній, которыя могутъ быть поданы страдающимъ. Любовь же къ ближнему требуетъ того, чтобы свѣтъ вашъ свѣтилъ передъ людьми, т. е. сообщенія имъ той истины, которую вы знаете. Всѣ эти требованія любви къ ближнему, и думаю, что еще многія другія не включены въ хлѣбный трудъ. Требованія же любви къ Богу еще менѣе включаются въ него. „Люби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ и т. д.“ я понимаю, какъ законъ любви къ Богу моему, къ тому, что во мнѣ божественно. Любовь эта обязываетъ или влечетъ ко многому, никакъ не включающемуся въ хлѣбномъ трудѣ. Она влечетъ къ чистотѣ, къ соблюденію и возращенію въ себѣ божественной сущности. Это, и, думаю, еще многое другое, не включено въ хлѣбный трудъ. Да, человѣкъ, который будетъ любить Бога своего, будетъ любить неизбѣжно ближняго (какъ и сказано у Іоанн.), а, любя ближняго, будетъ чутко слѣдить за собой, чтобы, скрываясь за христіанскимъ сантиментальничаніемъ, не поѣдать братьевъ, и будетъ дорожить повѣркой хлѣбнаго труда. Но человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью хлѣбный трудъ, очень легко можетъ нарушить во многихъ отношеніяхъ и любовь къ ближнему (можетъ не утѣшить страдающаго, не просвѣтить темнаго и мн. др.), и любовь къ Богу (можетъ быть распутникомъ, можетъ не двигаться и не расти духовно и мн. др.)...

Левъ Толстой.

№ 372.

Н. Я. Гроту.

(Ясная Поляна, 1889 г., Августъ).

Дорогой Николай Яковлевичъ! И получилъ я ваше письмо поздно въ концѣ іюля и отвѣтъ промедлилъ, такъ что пишу въ Кочетокъ, въ который вы вѣроятно вернулись полны парижскими впечатлѣніями. На выраженныя вами положенія о волѣ и ея свободѣ не стану дѣлать замѣчаній. Это невозможно въ письмѣ. Я понялъ васъ и многое мнѣ понравилось; но все разсужденіе слишкомъ обще и требуетъ постановки точекъ на і, что мы и сдѣлаемъ при личномъ свиданіи, если Богъ велитъ. Мы, говорятъ, пробудемъ зиму въ деревнѣ. Это не помѣшаетъ намъ видѣться, потому что вы кажется мимо ѣдете и вѣрно заѣдете. Мы всѣ живы и здоровы; я и въ полѣ работаю и на письменномъ столѣ; но ничего еще не кончилъ; надѣюсь сдѣлать это осенью. Наши вамъ кланяются. Передайте мой привѣтъ вашей женѣ.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 373.

Ив. Ив. Попову.

(1889 г.).

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогой Иванъ Ивановичъ тому что узналъ про васъ и тому что вы собой не довольны, но жаль что вы какъ будто отчаиваетесь. Въ томъ что въ жизни своей не соотвѣтствуешь тому идеалу к. ставишь себѣ нѣтъ ничего дурнаго и потому мучительнаго; дурно то когда оглянувшись назадъ не видишь ни малѣйшаго приближенія къ идеалу, когда перестаешь примѣривать свою жизнь къ идеалу когда идеалъ самый становится неподвижнымъ а не отдаляется еще и еще

по мѣрѣ приближенія къ нему, представляя новыя и новыя черты. Вотъ этого бойтесь, того что на монашескомъ языкѣ называется грѣхомъ унынія.—

Рукописи [1]) я получилъ и просмотрѣлъ ихъ. Состояніе ихъ автора очень знакомо мнѣ и очень тяжелое положеніе. Во всемъ написанномъ нѣтъ ни малѣйшаго ни смысла, ни связи, ни толка, что вы и сами могли видѣть; и чѣмъ скорѣе авторъ убѣдится въ этомъ, тѣмъ для него лучше. Что дѣлать съ рукописями? Пишите мнѣ о себѣ. Поклонъ А. И. Что мальчикъ? [2]).

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 374.

М. А. Новоселову.

(1889 г.)

На дняхъ былъ Ф. и разсказывалъ мнѣ про Алехинскихъ и про васъ, милые друзья, М. А.[3]) и В. В.[4]). Пишу же главное и обращаюсь къ Н. (М. А.)

Онъ разсказывалъ мнѣ, что вамъ тяжело стало ваше положеніе въ общинѣ, въ особенности потому, что вы—воображаемый хозяинъ, и къ вамъ, какъ къ таковому, обращаются. Я подумалъ по этому случаю слѣдующее: отказаться отъ собственности и отъ того, что она даетъ: удобства, прихоти и обезпеченіе жизни,—это одинъ шагъ, по странному заблужденію кажущійся ужасно труднымъ людямъ мірскимъ, но въ сущности — шагъ этотъ не очень труденъ бываетъ, потому что когда поднимаешь эту тяжесть, — на другую сторону вѣсовъ кладется незамѣтно тяжелая гиря тщеславія,

---

[1]) Нѣкто Ж. написалъ странное сочиненіе подъ страннымъ названіемъ и просилъ И. И. Попова послать сочиненіе на судъ Л-ва Н-ча. Отвѣтъ Л. Н. подѣйствоовалъ на Ж. отрезвляющимъ образомъ.

[2]) Провѣрено по оригиналу.

[3]) М. А. Новоселовъ.

[4]) В. В. Рахмановъ.

славы передъ людьми. „Вотъ посмотрите: я что говорю, то и дѣлаю“. Но за этимъ шагомъ идетъ слѣдующій, предстоитъ поднять слѣдующую тяжесть—отреченіе отъ славы людской. Тутъ ужъ мірского нечего положить на другую сторону коромысла и потому является тó, что тó, что мірскими людьми считается далеко не столь труднымъ, какъ первое, оказывается гораздо труднѣе.

Ну, вы—хозяинъ земли, вы передъ людьми землевладѣлецъ, вы отстаиваете свои интересы, ну и пускай. Что вамъ за дѣло, что они будутъ думать и говорить? Если у васъ есть то, что надо тутъ положить на вѣсы (а у васъ оно есть), именно любовь къ Богу, къ добру, желаніе служить Ему, то и кладите на вѣсы и смотрите что перевѣситъ. Вы вѣдь знаете и Богъ знаетъ, зачѣмъ вы покупали землю и жили какъ живете, и если это дѣлано для служенія Богу, то ужъ никакъ то, что будутъ думать и говорить про васъ, не можетъ это разстроить.

Хорошо сказано: и блаженны вы, когда поносятъ васъ. Да, только тогда вы найдете въ своей душѣ, а не найдете, то выработаете, ту силу, для которой не нужно ни личныхъ радостей, ни славы людской.

Помогай вамъ Богъ. Пишите.

Л. Толстой.

№ 375.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1889 г., Августъ).

Благодарствуйте, дорогая Леонила Ѳоминична, за ваши носки и платки и полотенца: все превосходно и всего такъ много, что вѣроятно не успѣю до смерти износить ихъ. Пишу вамъ нѣсколько словъ, потому что усталъ нынче писать, а откладывать не хочется. Хочется васъ попрекнуть

за то, что вы пишете, что кромѣ Маши никто не будетъ радъ вашему пріѣзду. Я навѣрно радъ.

Все, что вы пишете про Медвѣдевыхъ, очень радостно, помогай имъ Богъ. Мы живемъ хорошо и умирать мнѣ хочется только очень рѣдко, и я всегда браню себя за это. У меня теперь гоститъ Ге старшій, и намъ очень хорошо вмѣстѣ. Радуюсь, что ваша жизнь идетъ хорошо и что вы все недовольны ею. Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 376.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1889 г., Октябрь).

... Я веду довольно правильную жизнь: утромъ пишу, все передѣлываю, дополняю, измѣняю то, что при васъ писалъ. Я и прежде говорилъ и чувствую справедливость, что надо говорить не: „скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается", а наоборотъ: „скоро дѣло дѣлается, а не скоро сказка сказывается". Я рѣшилъ давно, что такъ какъ мнѣ остается жить не долго, а кажется, что нужно еще кое-что сказать, чего по всѣмъ вѣроятіямъ, я не успѣю сказать наилучшимъ образомъ, то надо оставить авторское кокетство, а писать, какъ напишется, но вотъ никакъ не могу. Такъ по утрамъ пишу, а послѣ обѣда работаю въ лѣсу. За сапожную работу, которая даже очень нужна, никакъ не могу взяться. Еще занятіе это переписка, чтеніе и общеніе съ людьми, которые приходятъ и пріѣзжаютъ...

Левъ Толстой.

1890 г.

№ 377.

М. А. Новоселову.

(1890 г.).

Спасибо вамъ, дорогой М. А., что написали мнѣ. Все что вы пишете, хорошо, помогай вамъ Богъ, одно страшно

мнѣ—за П. Н. Какъ бы не было ему слишкомъ тяжело тамъ. Я очень его полюбилъ и мы всѣ, съ Ванечкой включительно. Да и нельзя его не полюбить. А, впрочемъ, мнѣ кажется, что его выздоровленіе прочное и что онъ теперь твердъ. Какъ жаль, что не довелось еще повидаться. Напишите пожалуйста о себѣ и о немъ. Я былъ близехонько отъ него въ Богород. уѣздѣ, куда ѣздилъ. Былъ и въ Ефремовск., и въ Епифанск. уѣздѣ въ самыхъ дурныхъ мѣстахъ. Пишу теперь о голодѣ. Но выходитъ совсѣмъ не о голодѣ, а о нашемъ грѣхѣ раздѣленія съ братьями.

И статья разростается, очень занимаетъ меня и становится нецензурною. Цѣлую васъ и всѣхъ друзей.

Какъ хорошо, что вы побывали у насъ и мы повидались.

Л. Толстой.

№ 378.

В. А. Алексѣеву.

(Ясная Поляна, 1890 г., Конецъ Авг.).

Сейчасъ получилъ ваше хорошее, бодрое письмо. Переводовъ вашихъ я получилъ, сколько помню только Эпиктета. Дѣло ваше очень мнѣ сочувственно, и я желаю вамъ успѣха. Очень радъ буду и прочесть передѣлки Эзопа и Плутарха и высказать вамъ свое мнѣніе.

Прекрасное дѣло не скажу думать о смерти, но—жить такъ, чтобы мысль о смерти не нарушала жизни.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 379.

Е. И. Попову.

(1890 г., Сентября 17).

Дорогой Евгеній Ивановичъ, представьте себѣ, что я измаралъ 8 листовъ почтовой бумаги, три раза принимаясь отвѣчать на ваше письмо. Все это отъ того соблазна, что

я знаю, что письма мои читаютъ и переписываютъ. Хотѣлось написать яснѣе и глубже захватить, и ничего не вышло. Пишу теперь, не думая о томъ, будутъ или не будутъ читать, и чтó ни напишу, пошлю. Пишу, главное, съ мыслью, быть, если могу, хоть сколько-нибудь полезенъ вамъ.

Думаю, что причина тяжести и борьбы, которыя вы испытываете и я испытываю, происходитъ преимущественно отъ того, что мы не освободились отъ заботы о славѣ людской, о мнѣніи людей о насъ. (Подъ словомъ „людей" разумѣйте иногда одного человѣка...) Постарайтесь рѣшить свои сомнѣнія о томъ, какъ поступить, независимо отъ мнѣнія людского, представивъ себѣ, что никто никогда не узнаетъ, какъ вы поступили, что, поступивъ такъ или иначе, вы сейчасъ же умрете или, что легче всего, выставивъ себя нарочно передъ людьми въ дѣйствительности въ самомъ подломъ, низкомъ свѣтѣ такъ, что, какъ бы ни поступилъ, упасть ниже было бы некуда. „Я лгунъ и свинья и хвастунъ и одно говорю, а другое дѣлаю, и жестокій и плутъ". Сдѣлать это, если осилишь въ дѣйствительности, а не осилишь, то хоть въ воображеніи.

Ничто такъ не путаетъ насъ въ нашихъ рѣшеніяхъ, и не ослабляетъ въ нашихъ поступкахъ и не вызываетъ такого мучительнаго сознанія борьбы, какъ смѣшеніе двухъ мотивовъ—дѣятельности для Бога, и для славы людской. Не знаешь, гдѣ кончается одно, и гдѣ начинается другое. Не знаешь, во чтó точно вѣришь: точно ли вѣришь, или хочешь, чтобы люди думали, что ты вѣришь. Иногда бываетъ, что думаешь, что вѣришь въ то, во чтó не вѣришь,— а, иногда, наоборотъ, думаешь, что не вѣришь въ то, во чтó вѣришь. Можетъ быть, что, какъ монахъ, далъ обѣтъ цѣломудрія, не вѣря въ то, что цѣломудріе лучше наслажденія, и мучаешься; можетъ быть и то, что думаешь, что ты не выдержишь соблазна, и мучаешься своей слабостью, а ты уже сильнѣе соблазна и выдержишь его.

И потому мой одинъ совѣтъ: всѣми силами стараться устранить заботу о мнѣніи людскомъ, чтобы узнать, во что вѣришь. Средство для этого самое лучшее и всегда сподручное—униженіе себя и тогда уже жить сообразно тому, во что вѣришь. Жить же сообразно тому, во что вѣришь, по моему состоитъ вотъ въ чемъ: положимъ, человѣкъ про себя знаетъ, что онъ вѣритъ въ то, что распутство—будемъ говорить по отношенію къ половымъ сношеніямъ,—зло, и потому не можетъ блудить съ разными женщинами, а живетъ съ одной, и кромѣ того хочетъ вѣрить въ то, что полное цѣломудріе лучше распущенности, и потому стремится прекратить свои сношенія и съ одной женщиной, но еще не достигъ того, чтобы могъ сказать, что онъ не можетъ этого. И вотъ между этими двумя предѣлами движется, живетъ человѣкъ, подвигаясь все ближе и ближе къ второму, и такъ жить хорошо. И это я вамъ совѣтую, т. е. найти, опредѣлить предѣлъ того, чего вы по своей вѣрѣ не можете, и предѣлъ того, чего бы вы хотѣли не мочь, но еще можете, и подвигаться отъ перваго ко второму.

А то всегда дѣлаемъ ошибку: задаемъ себѣ непосильную задачу, говоримъ напр. то, что я буду вполнѣ цѣломудренъ, и потомъ, не достигнувъ непосильной задачи, говоримъ себѣ: это невозможно, и отрекаемся отъ добра, къ которому должны бы стремиться.

Не цѣломудрія задачу долженъ задавать себѣ человѣкъ, а приближеніе къ цѣломудрію. Цѣломудреннымъ живой человѣкъ, строго говоря, не можетъ быть. Живой человѣкъ можетъ только стремиться къ цѣломудрію, именно потому, что онъ не цѣломудренъ, а похотливъ. Если бы человѣкъ не былъ похотливъ, то для него не было бы никакого цѣломудрія и понятія о немъ. Ошибка въ томъ, чтобы задавать себѣ задачу цѣломудрія (внѣшняго состоянія цѣломудрія), а не стремленія къ цѣломудрію, внутренняго признанія всегда во всѣхъ условіяхъ жизни преимущества цѣло-

мудрія передъ распущенностью, преимущества большей чистоты передъ меньшей.

Ошибка эта очень важная. Для человѣка, поставившаго задачей внѣшнее состояніе цѣломудрія, отступленіе отъ этого внѣшняго состоянія, паденіе разрушаетъ все и прекращаетъ возможность дѣятельности и жизни; для человѣка, поставившаго себѣ задачей стремленіе къ цѣломудрію, нѣтъ паденія, нѣтъ прекращенія дѣятельности, и искушенія, и паденіе могутъ не прекращать стремленія къ цѣломудрію, часто даже усиливаютъ его.

Такъ вотъ, стараясь свести къ короткому выраженію то, что я думаю объ этомъ, вотъ что:

1) Стараться какъ можно отстранять отъ себя заботу о славѣ людской и рѣшать этотъ вопросъ, какъ бы наканунѣ смерти, какъ Ренанъ написалъ драму, что во время французской революціи аббатъ и графиня, въ которую онъ былъ влюбленъ, ночь наканунѣ казни, къ которой оба приговорены, проводятъ вмѣстѣ. Рѣшить, какъ бы я поступилъ въ такихъ условіяхъ, и такъ поступать безъ приговора къ казни.

2) Какъ можно больше унизить себя въ людскомъ мнѣніи и особенно во мнѣніи той, которая служитъ предметомъ соблазна. Тетеревъ и индійскій пѣтухъ куражится, распущается, гордится, величится, чтобы прельстить ее и самого себя возбудить. Чтобы достигнуть обратнаго, надо дѣлать обратное — смириться, унизиться передъ ней.

Не забывать, что ты никогда не былъ и не будешь вполнѣ цѣломудренъ, а что ты находишься на извѣстной степени приближенія къ цѣломудрію, и потому никогда не унывать въ этомъ приближеніи: въ минуты искушенія, въ минуты паденія даже, не переставай сознавать то, къ чему стремишься, и говорить себѣ: падаю, а ненавижу паденіе и знаю, что если не теперь, то послѣ побѣда будетъ не за нимъ, а за мною.

Ну вотъ, ясно, неясно, какъ умѣлъ, сказалъ вамъ, милый другъ, что передумывалъ и передумываю, что перечувствовалъ и перечувствоваю. Можетъ вамъ пригодится, даже навѣрно, потому что мы всѣ идемъ одной дорогой.

Левъ Толстой.

№ 380.

Е. И. Попову.

(1890 г., Сентябрь 21).

То, о чемъ я писалъ вамъ, продолжаетъ занимать меня. Это всѣмъ намъ, всѣмъ людямъ нужно. И дорога хоть какая нибудь помощь въ единой нужной всѣмъ работѣ. Я думалъ объ этомъ и не дописалъ вамъ, кажется еще вотъ что:

Ослабляетъ насъ въ нашей борьбѣ съ искушеніемъ то, что мы задаемся впередъ мыслью о побѣдѣ, задаемъ себѣ задачу сверхъ силъ, задачу, которую исполнить или не исполнить не въ нашей власти. Мы, какъ монахъ, говоримъ себѣ впередъ: я обѣщаюсь быть цѣломудреннымъ, подразумѣвая подъ этимъ внѣшнее цѣломудріе. И это во-первыхъ невозможно, потому что мы не можемъ себѣ представить тѣхъ условій, въ которыхъ мы можемъ быть поставлены, и въ которыхъ мы не выдержимъ соблазна. И кромѣ того, дурно; дурно потому, что не помогаетъ достиженію цѣли— приближенія къ наибольшему цѣломудрію, а напротивъ.

Рѣшивъ, что задача въ томъ, чтобы соблюсти внѣшнее цѣломудріе, или уходятъ изъ міра, бѣгутъ женщинъ, какъ Афонскіе монахи, или скопятся и пренебрегаютъ тѣмъ, что важнѣе всего, внутренней борьбой съ помыслами, въ міру среди соблазновъ. Это все равно какъ воинъ, который сказалъ бы себѣ, что онъ пойдетъ на войну, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы навѣрно побѣдить. Такому воину придется уходить отъ враговъ настоящихъ, воевать съ воображаемыми врагами. Такой воинъ не выучится воевать, и будетъ всегда плохъ.

Кромѣ того это поставленіе себѣ задачей внѣшняго цѣломудрія и надежда, иногда увѣренность осуществить его, невыгодно еще и отъ того, что стремясь къ этому, всякое искушеніе, которому подпадаетъ человѣкъ, и тѣмъ болѣе паденіе, сразу уничтожаетъ все, заставляетъ усумниться въ возможности, даже законности борьбы. „Такъ стало быть, нельзя быть цѣломудреннымъ, и я поставилъ себѣ ложную задачу". И кончено, и человѣкъ отдается весь похоти и погрязаетъ въ ней. Это все равно, что воинъ съ амулетомъ, который въ его воображеніи обезпечиваетъ его въ томъ, что онъ не будетъ ни убитъ, ни раненъ. Такой воинъ теряетъ послѣднее мужество и бѣжитъ при малѣйшей ранѣ-царапинѣ.

Задачей можетъ быть одно: достиженіе наибольшаго по моему характеру, темпераменту, условіямъ прошедшаго и настоящаго, цѣломудрія—не передъ людьми, которые не знаютъ того, съ чѣмъ мнѣ надо бороться, а передъ собой и Богомъ. Тогда ничто не нарушаетъ, не останавливаетъ движенія, тогда искушеніе, паденіе даже, все ведетъ къ одной вѣчной цѣли,—удаленія отъ животнаго и приближенія къ Богу.

Это-то и приводитъ меня къ самому главному, о чемъ я тоже писалъ, но не договорилъ.

Всѣ дѣла, которыя совершаетъ человѣкъ, можно раздѣлить на три разряда дѣлъ: одни, такія, которыя мы дѣлаемъ, не спрашивая себя о нихъ, хороши ли они дурны, дѣлаемъ ихъ, не замѣчая ихъ; другія такія дѣла, которыя мы, какъ говоритъ Павелъ, считаемъ дурными, но все-таки дѣлаемъ, такія дѣла, которыя мы желаемъ дѣлать, но не всегда дѣлаемъ, или не желаемъ дѣлать, а все-таки иногда дѣлаемъ. И третьи такія дѣла, которыя мы желаемъ дѣлать и всегда дѣлаемъ или не желаемъ дѣлать и никогда не дѣлаемъ. Первый разрядъ дѣлъ это тѣ, которыя еще не подпали подъ судъ нашей совѣсти, но

изъ которыхъ, по мѣрѣ движенія нашей жизни, все больше и больше дѣлъ подпадаетъ подъ судъ и переходятъ во второй разрядъ. Третій разрядъ дѣлъ это тѣ, которыя уже прошли судъ нашей совѣсти и, раздѣлившись на добрыя и злыя, желательныя и нежелательныя, стали достояніемъ нашей нравственной природы,—это нашъ ростъ жизни, наше единственное и неотъемлемое богатство, пріобрѣтенное жизнью, (это то, что я прежде могъ подраться, напиться, блудить и т. п., теперь не то, что не хочу, но уже не могу). Такъ что первый разрядъ это матеріалъ для переработки жизнью; третій разрядъ это изготовленное, совершенное жизнью, лежащее въ кладовой,—второй разрядъ это то, что теперь на верстакѣ, что̀ работается.

И какъ удивительно счастливо, радостно положеніе людей: хочешь, не хочешь въ жизни перерабатывается тотъ третій разрядъ: мужаетъ человѣкъ,—мудрѣетъ умомъ и опытомъ, старѣется,—слабѣетъ страстями, и дѣло жизни совершается. Если же въ этомъ дѣлѣ положить весь смыслъ, всю цѣль жизни, то постоянная радость постояннаго успѣха.

Такъ вотъ понимать это и сознавать, какія дѣла принадлежатъ къ какому разряду, и все вниманіе напрягать на второй разрядъ,—это поможетъ въ борьбѣ.

Левъ Толстой.

№ 381.

Н. С. Лѣскову.

(1890, Дек. 2).

Получилъ ваше и послѣднее письмо, дорогой Николай Семеновичъ и книжку Обозр. съ вашей повѣстью. Я началъ читать и мнѣ очень понравился тонъ и необыкновенное мастерство языка, но.... потомъ выступилъ вашъ особенный недостатокъ, отъ кот. такъ легко казалось бы исправиться, и кот. есть само по себѣ качество, а не недостатокъ—exubérance образовъ, красокъ, характерныхъ выраженій, которая васъ

опьяняетъ и увлекаетъ. Много лишняго несоразмѣрнаго, но verve и тонъ удивительны.—Сказка все таки очень хороша, но досадно, что она если бы не излишекъ таланта была бы лучше.

Намѣреніе ваше пріѣхать къ намъ съ Гольцевымъ кромѣ большого удовольствія во всякое время, намъ ничего доставить не можетъ.

Ге былъ еще у насъ когда пришло ваше послѣднее письмо и мы вмѣстѣ съ нимъ смѣялись вашему описанію. Но тутъ кромѣ смѣха дѣло очень интересное и знаменательное. Когда увидимся поговоримъ.

Такъ до свиданія.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 382.

Н. Я. Гроту.

(Зима 1890/91 г.г.).

Je vous prends au mot, дорогой Николай Яковлевичъ, и прошу васъ держать мои корректуры. Воздержусь отъ выраженій моей благодарности и пишу прямо о дѣлѣ.

1) Корректуры подписывайте къ печати, если не найдете ничего такого неладнаго, о которомъ бы надо списаться со мной. О цензурности совсѣмъ не думайте и не принимайте въ соображеніе.

2) Если милость ваша будетъ дѣлать синтаксическія измѣненія и исключенія (поправки), дѣлайте,—чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

3) По существу не дѣлайте мнѣ возраженій. Я уже слишкомъ много переработалъ эту работу и всякія замѣчанія, особенно одобрительныя, очень путаютъ меня.

Остальное и подробности передастъ П. И. [1]).

У насъ Фетъ и я заработался, и потомъ съ трудомъ собираю мысли и больше не пишу.

Л. Толстой.

---

[1]) Бирюковъ.

1891 г.

№ 383.

А. И. Ярышкину.

(1881 г. Февр. 19).

Очень сожалѣю, что не могу исполнить вашихъ желаній, дорогой Александръ—извините не знаю отчества.—Денегъ [1]) я уже очень давно не имѣю никакихъ и ни на что ихъ не употребляю. Признаюсь, мнѣ всегда даже обидно, когда у меня просятъ денегъ. Если я считаю деньги зломъ, то я или не имѣю ихъ, или если имѣю, то я лгунъ и ко мнѣ не слѣдуетъ обращаться. Статью свою я очень радъ буду предоставить въ ваше распоряженіе, но послѣ того, какъ она появится какъ предисловіе къ книжкѣ Алексѣева, для котораго она предназначена. То что она появилась въ газетѣ съ англійскаго произошло по замедленію выхода книжки Алексѣева и противъ моего желанія. Очень желаю успѣха вашему обществу, но не удивляюсь, что много приходится бороться. Это удѣлъ всякихъ организацій. Еще разъ благодарю васъ за вашу дружбу къ Долнеру, которому передайте мой привѣтъ. Теперь вы могли полюбить его за него, а начали вы сношеніе съ нимъ для меня, за что я очень благодаренъ вамъ. Желаю вамъ всего хорошаго.

Левъ Толстой.

Передайте пожалуйста мой привѣтъ Долнеру. Я получилъ его письмо и благодарю его за него.

№ 384.

Е. И. Попову.

(1891 г.).

Письмо ваше очень тронуло меня, дорогой Евг. Ив. Мнѣ очень жалко стало васъ, особенно жалко, потому что ваши страданія близки мнѣ.

---

[1]) А. И. Я. просилъ Л. Н-ча о денежной помощи на организацію Общества трезвости.

Всѣ мы тѣмъ же страдаемъ—всѣ мы несемъ грѣхи своего прошедшаго, своихъ живыхъ и умершихъ братьевъ. И слава Богу, что мы страдаемъ, т. е. чувствуемъ страданіе.

Страданіе и есть искупленіе. Развѣ можемъ мы, испорченные до мозга костей и воспитаніемъ, и привычкой и праздностью, и исключительностью положенія, изъ котораго мы частью по слабости, частью по другимъ причинамъ, не можемъ выйти—развѣ можемъ мы не страдать. Всѣ мы тѣмъ или другимъ способомъ, дѣломъ или помысломъ оскверняемся и страдаемъ изъ-за этого.

Для того, чтобы не страдать, намъ надо не знать своего грѣха,—имѣть любовницъ, женъ, быть влюбленнымъ и все это считать хорошимъ, честнымъ, какъ мы прежде это считали; а мы слава Богу, не можемъ этого. И остается намъ одно—падать, пока не окрѣпнемъ, и страдать, все такъ же страдать, ни на минуту не спуская требованія отъ себя.

Вы пишете, что апатія, лѣнь. У меня то же самое. Все это отъ того же. Только бы не перестать быть себѣ гадкимъ.

Утѣшать васъ не умѣю и не могу: одного желаю, чего и себѣ—не перестать страдать.

Теперь о другомъ. Хотя и имѣетъ отношеніе къ этому же. Знаете ли, что я замѣчаю послѣднее время,—то, что путь нашъ (всѣхъ насъ, идущихъ по одному пути) становится или скорѣе начинаетъ казаться особенно труднымъ. Восторгъ, увлеченіе новизны, радость просвѣтлѣнія прошли. Возможность осуществленія становится все труднѣе и труднѣе, разочарованія въ возможности осуществленія—все чаще и чаще. Недоброжелательство людей и радость при видѣ нашихъ ошибокъ все сильнѣе и сильнѣе. Все больше и больше людей отпадающихъ.

Мнѣ кажется, теперь такое время. И я радъ, что знаю это. Всѣ эти явленія меня не огорчаютъ. Главное же я радъ тому, что внутреннее чувство—сознаніе пути жизни и исти-

ны—ни на одинъ волосъ не ослабѣваетъ. Напротивъ крѣпнетъ.

Одна слабость—хочется испытанія, жертвы. Знаю, что грѣхъ, но хочется.

Какъ вы?

Любящій вашъ *Левъ Толстой.*

№ 385.

Е. И. Попову.

(1891 г., Апрѣль).

Мнѣ пришло въ голову переписать вамъ это письмо, дорогой Е. И., и потому что и письмо хорошо само по себѣ, и хорошо поминаетъ о васъ. Маша и А. Н. и переписали мнѣ его. Вотъ тутъ мы всѣ пятеро въ общеніи духовномъ.

Какъ радостно, когда люди любятъ другъ друга, и какъ мало кажется разницы между тѣмъ, чтобы сказать доброе, любовное слово о человѣкѣ, или злое, и какая это не то что разница, а противоположность: одно служитъ любви—Богу, другое ненависти—діаволу. Странно даже думать, какъ легко мы говоримъ злое.

А. Н. живая грамота. Мы живемъ по-старому. Работа моя медленно и туго, но подвигается, передѣлываю и очень то, что вы послѣднее диктовали, и иногда кажется, что это нужно. Ну пока прощайте. Что вы? Извѣщайте о себѣ. Любящій васъ—. А. Н. идетъ завтра къ Бутк., и я можетъ быть послѣ завтра съѣзжу туда верхомъ.

Л. Толстой.

№ 386.

Е. И. Попову.

(1891 г., Апрѣль 9).

Дорогой Ев. Ив. Получилъ ваше письмо и стало ужасно грустно, какъ это можетъ быть, чтобы такіе два человѣка могли перестать любить друга. Зачѣмъ вѣра, зачѣмъ Богъ,

Христосъ, ученіе истины, если можно не любить. Да пропади пропадомъ все и не то, что моя гордость, самолюбіе, мои привычки, мои взгляды, а вся моя земная жизнь, если я долженъ раздѣлиться съ любовью. — N. мнѣ не писалъ объ этомъ, но я отношу къ нему то же самое, что и къ вамъ.

И не надо объясняться, мириться, а просто надо быть— вы сами знаете—научиться отъ Него быть кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ. Помоги вамъ, помоги вамъ Богъ. Я въ этихъ случаяхъ ищу уединенія и молюсь. Потомъ примиряюсь, если опять не очистился, опять ищу уединенія и молюсь.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 387.

В. В. Рахманову.

(1891 г., Апрѣль).

Дорогой В. В. На послѣднее письмо ваше я хотѣлъ отвѣчать и откладывалъ, потому что казалось, что занятъ, но переписка Л. П. побудила отвѣчать. Колебался я отвѣчать, потому что мнѣ не ясенъ вашъ вопросъ. Вы какъ то связываете сознаніе того, что вы пользуетесь насиліемъ съ состраданіемъ къ мучающимся и мученнымъ людямъ. Я связи этой не вижу. Это первое, а второе, не согласенъ съ тѣмъ, что вы живете насиліемъ. Я сужу по себѣ: я живу въ условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ вы, и все таки не считаю, что живу насиліемъ. Да и вообще не понимаю хорошенько, что разумѣть подъ этими словами. Я не живу насиліемъ въ томъ смыслѣ, что знаю, что всякій разъ, какъ мнѣ представится вопросъ, употребить ли насиліе или нѣтъ, я не пожелаю насилія и не употреблю его сознательно. (Примѣръ, который я всегда для себя употребляю: если скажутъ, что подходитъ Пугачевъ, убивающій и насилую-

щій всѣхъ, не только не приготовлю порохъ и ружье, а утоплю ихъ, чтобы избавиться отъ искушенія). Но сказать, что я никогда не употребляю насилія или незамѣтно для себя не воспользуюсь имъ—не могу, потому что сказать это, значитъ сказать, что я святъ. И колебаться и сомнѣваться о томъ, дѣйствительно ли я не участвую въ насиліи, я не могу, потому знаю очень хорошо, что было, когда я участвовалъ въ немъ, знаю, что все мое міросозерцаніе и вся моя жизнь другія, и что я не обманываю себя, когда думаю, что ненавижу насиліе и всѣми силами души стремлюсь жить безъ него, т. е. жить по закону Бога—любовью.

Теперь вопросъ о страданіяхъ людей, производимыхъ насиліемъ. Я знаю, что они есть. Я ненавижу насиліе и отрекаюсь отъ него только потому, что знаю, что они есть, что есть эти страданія. Мое отреченіе отъ насилія я знаю не спасетъ отъ страданія людей. Я этого и не ждалъ. Спасетъ людей отъ страданій установленіе царства Божія, и оно устанавливается и мною. Средства установленія его есть любовь. Любовь и руководитъ тѣми поступками, которые надо совершать. А какіе это поступки, которые по любви надо совершать—это знаетъ тотъ, кому надо поступать. Итти ли въ копи и вмѣстѣ работать, увѣщевать ли хозяевъ, измѣнить положеніе рабочихъ или свою жизнь, чтобы имъ не нужно были итти? Или еще что, это знаетъ каждый въ своемъ положеніи. И если онъ слушается голоса любви, а не эгоизма, то онъ сдѣлаетъ, что должно, и сдѣлавъ или дѣлая не то, что будетъ спокоенъ, но не будетъ безпокоенъ. Ученіе же Христа покажетъ ему, чего не надо дѣлать,—не злить, не злиться, не раздѣлять людей.

Главное же, главное то, что мнѣ очень ясно теперь и чтобы мнѣ такъ хотѣлось съ тою же ясностью передать другимъ: это то, что какъ идеалъ внутренняго совершенства безконеченъ, не безконеченъ, а достижимъ только безконеч-

нымъ приближеніемъ (какъ многоугольникъ въ кругѣ), такъ и идеалъ внѣшняго совершенства Царствія Божія (льва съ ягненкомъ и дальше...) достижимъ только въ безконечности, и что потому повѣрку своихъ поступковъ человѣкъ долженъ искать не во внѣшнемъ сравненіи себя своихъ достоинствъ съ идеаломъ внутренняго совершенства (будьте совершенны какъ Отецъ), ни съ внѣшнимъ идеаломъ Царства Божія, а во внутреннемъ сознаніи наибольшаго возможнаго въ его положеніи исполненія воли пославшаго. Въ родѣ, какъ работникъ, которому отъ хозяина велѣно бить молотомъ и которому нечего заботиться о томъ, что отъ его ударовъ не разбивается сразу, что онъ разбиваетъ, о томъ, что заводъ, на которомъ онъ работаетъ, не кончитъ всю работу къ празднику, а которому надо только дѣлать въ томъ, къ чему онъ приставленъ, все, что онъ можетъ твердо вѣруя, что то, что онъ дѣлаетъ, нужно и разумно.

Нѣтъ, не сумѣлъ сказать: надо не думать о томъ, какъ бы мнѣ сдѣлать, какъ можно болѣе важное дѣло, отличиться и о томъ, что выходитъ изъ того, что я дѣлаю, а только о томъ, какъ бы мнѣ не прозѣвать чего на томъ мѣстѣ, къ которому я приставленъ. А дѣло дѣлается и дѣлается и безъ меня, я же имѣю счастье быть участникомъ его. Такъ какъ бы мнѣ воспользоваться этимъ счастіемъ и не подгадить себѣ.

Напишите пожалуйста о себѣ и о Гостевѣ. Скажите Л. П., что я благодарю его за книги; я не успѣлъ еще просмотрѣть ихъ, не просматривалъ и Достоевскаго, какъ я и ждалъ, мнѣ нравится, хотя жалко, что изъ одного „Дневника писателя“, а Enfantin менѣе нравится—неясностью, поднятостью выраженій, хотя мысль о вѣчной жизни я вполнѣ раздѣляю. На дняхъ былъ Дунаевъ и ходилъ къ Буткевичамъ и вынесъ самое хорошее впечатлѣніе. Я немного нездоровъ — простудился и отъ того не ясно пишу. Пишите, я буду отвѣчать. Что дѣлаете и собираетесь дѣлать?

Левъ Толстой.

№ 388.

И. Б. Фейнерману.

(1891 г., Апрѣль).

Въ отвѣтѣ вамъ я не сказалъ вполнѣ того, что хотѣлъ, о мысли вашего перваго письма, съ которой я согласенъ и не согласенъ. Я согласенъ совершенно въ томъ, что жить принципами одними пагубно, но не согласенъ въ томъ, чтобы можно было жить безъ нихъ, т. е. безъ умственной дѣятельности, опредѣляющей жизнь. Жить одной вѣрой также пагубно, какъ и жить одними принципами. Одно не только связано съ другимъ, но есть часть одного цѣлаго—нравственнаго движенія впередъ, т. е. жизни. Сказать, что безполезно и пагубно составлять опредѣленія жизни и пытаться сообразовать съ ними дѣйствительность — все равно, что сказать, что безполезно и пагубно заносить одну ногу впередъ, не перенесши на нее тяжесть всего тѣла. Какъ нельзя идти, не занося ноги, а прыгая на одной, такъ нельзя двигаться въ жизни, не опредѣляя умственно пути, не составляя принциповъ и не соображая съ ними жизнь. И то и другое, т. е. и опредѣленіе впередъ принципа и неизбѣжное слѣдованіе вѣрѣ одинаково важно для движенія. И даже трудно отдѣлить одно отъ другого, сказать, гдѣ одно начинается и другое кончается, точно такъ же, какъ при ходьбѣ сказать, на какую ногу я въ данную минуту опираюсь и которая движетъ меня. Вы поймете меня, и надѣюсь, что согласитесь. Я пишу не то, что вздумалось, а я много объ этомъ думалъ. Пишите мнѣ чаще и напишите подробно, что и какъ вы переѣзжаете въ Екатеринославскую губ. Анатолій Буткевичъ читалъ у меня ваше письмо, и оно ему очень понравилось. Теперь я давно не видалъ его. Онъ писалъ только о томъ, что Ел. Филипповну хотѣли изгнать, какъ еврейку, но теперь это уладилось.

Л. Толстой.

№ 389.

Н. Н. Ге.

(Ясная Поляна, 1891, Іюль 21).

Вы все еще заняты копіями и вѣрно до осени не приступите къ новой картинѣ. Надо, надо до смерти дѣлать все, что можешь. Я работаю медленно, но не безуспѣшно. Портреты ваши отличны,—спасибо. Сюжеты ваши мнѣ нравятся. Не нравится одно, что такъ много нужно для картинъ. Жизни не много намъ осталось. Холсты расписывать много есть мастеровъ, а выразить тѣ моменты евангельскихъ истинъ, которыя вамъ ясны, я не знаю никого, кромѣ васъ,—это одно... Другое объ ищущихъ людяхъ. Они тяжелы. Я знаю, что они тяжелы, не говоря, какой и что, но мнѣ скажутъ: вотъ человѣкъ хочетъ измѣнить жизнь, жить по-Божьи, и хочетъ для этого съ вами видѣться, говорить. Первое чувство непріятное. Думается иногда, что это дѣло открыто всякому и я тутъ ничего помочь не могу, но потомъ говоришь себѣ: тебѣ непріятно, такъ тѣмъ болѣе ты долженъ сдѣлать то, что можетъ быть ему нужно. Но что дѣлать не знаешь. И большею частью при этомъ совѣстно... Я нынѣшній годъ очень слабъ физически, занятъ своимъ писаніемъ, которое не кончено, но подвигается, и, сверхъ того, одолѣваемъ гостями всякихъ сортовъ. И вы не можете себѣ представить, какъ теперь, во время уборки, мнѣ скверно, совѣстно, грустно жить въ тѣхъ подлыхъ мерзкихъ условіяхъ, въ которыхъ я живу. Особенно вспоминая прежніе годы...

Л. Толстой.

№ 390.

Н. Н. Ге.

(1891 Авг., 21).

Вы меня не такъ поняли. Я не о студіи и передѣлкахъ въ ней говорю, а о томъ, что мнѣ страшно и жалко, что

нынѣ—завтра вы помрете, и все то, что вы передумали и перечувствовали въ художественныхъ образахъ объ евангельской исторіи останется не высказаннымъ. И даже не то, что страшно и жалко—это не бѣда—я такъ то и о себѣ думаю—что будетъ невысказано. Если это нужно, то Богъ вложитъ это другому въ душу и выскажетъ; но то, что мнѣ кажется, что высказываю, это—вы радостно будете жить, т. е. будете имѣть болѣе твердое сознаніе того, что вы дѣлаете дѣло Божіе. Я разумѣю тѣ картины, которыя вы начали рисовать тогда. Я это хотѣлъ сказать, но сейчасъ же и отказываюсь, прибавляя, что все таки вы лучше всякаго другого знаете, что вамъ дѣлать. Меня только пугаетъ продолжительность большихъ картинъ и заставляетъ желать маленькихъ, то что многое уже почти сдѣлано и сочинено, и задумано. Ну да вы это знаете лучше... У насъ много посѣтителей, и я относительно ихъ всегда стараюсь держаться вашего правила, что „человѣкъ дороже полотна". И бываютъ за это тяжесть, скука, но бываютъ и награды. Избавиться отъ этого одно средство—работа, когда ею живешь и другихъ кормишь, но намъ не только нельзя отказываться, но надо радоваться, что мы на что пригодились. Но еще лучше если и отъ работы можно оторвать время для человѣка, для болтовни съ нимъ. Крайности всегда сходятся: болтовня—самое пустое и самое великое дѣло.

Л. Толстой.

№ 391.

Е. И. Попову.

(1891 г.).

Получилъ ваше письмецо, дорогой Е. И., и виноватъ, не отвѣтилъ до сихъ поръ. Очень я увлеченъ своей работой, приходящей къ концу. Утро пишу, а вечеромъ не хочется думать. Грустно, что не сумѣли вы перенести недостатки другъ друга съ XXX.—Я это по себѣ знаю, какъ трудно это при

постоянномъ сожитіи. Это самый простой, обыкновенный и трудный экзаменъ не столько доброты, сколько самоотреченія, отсутствія самолюбія. Письма о васъ Ч. и особенно Г. самыя хорошія; ему вѣроятно такъ же больно, какъ и вамъ, что онъ экзаменъ не выдержалъ и онъ такъ же, какъ и вы, считаетъ, что разстались вы все таки въ любви. — Но не это главное въ вашей жизни теперь, главное то, что вы мнѣ написали о вашемъ желаніи и надеждѣ сойтись съ N. Объ этомъ то я и хотѣлъ написать вамъ; ничего особеннаго, но только то, что я всей душой сочувствую вамъ, потому что понимаю, какъ это мучительно тяжело: не желать желать и желать.—Одно могу сказать, чѣмъ мнѣ приходилось самого себя утѣшать и укрѣплять въ такія минуты борьбы: это мысль о томъ, что чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ очевидно хозяинъ надѣется больше на меня, задавъ мнѣ такую трудную задачу. Буду помнить, что я боролся по его волѣ. Прощайте пока, извѣщайте о себѣ. Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 392.

Н. Я. Гроту.

(1891 г., Сент. 22).

Отвѣчаю со станціи. Хотя и согласенъ, что сравненіе оставляетъ желать лучшаго, но я думаю, что (? будетъ хорошо), если выпустить слово: „неизвѣстное“ передъ словомъ направленіе и слово „найти“ замѣнить словомъ „узнать“. Очень, очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь на той недѣлѣ съ вами увидѣться.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 393.

Н. Я. Гроту.

(Бѣгичевка, Ряз. г., 1891 г., Осень).

Если можно, то вставьте это, дорогой Николай Яковлевичъ. На 3-й гранкѣ „цѣна колотыхъ дровъ шкаликъ,

т. е. $^1/_{16}$ кубической сажени, 90 коп.". Слѣдующія за этимъ слова; „шкаликъ хватаетъ на крестьянскій дворъ на недѣлю"—вычеркнуть.

На 4-ой гранкѣ послѣ словъ „замѣнить отчасти посыпку мукой скотинѣ" — прибавить: „такъ это тамъ, гдѣ была хоть солома. Во многихъ же уѣздахъ соломы совсѣмъ не было".

Не помню, на какой гранкѣ 4-ой гл. почти по серединѣ гр., тамъ, гдѣ говорится о совѣтахъ, учрежденныхъ при попечительствахъ, послѣ словъ: „но даже и эти совѣты" слова: „какъ они ни похожи на министерства" — выкинуть.

Передъ концомъ, гдѣ разсказъ о маломъ, привезенномъ съ поля послѣ словъ: „одна баба принесла" поставить такъ:— „картошекъ, другая пирожка, третья молока". Тутъ же послѣ словъ: „всѣмъ дорогъ, п. ч. одинъ пожалѣлъ его" [1]): Тѣмъ то и важна любовная дѣятельность, что она заразительна. Дѣятельность общая, правительственная, выражающаяся въ теперешнихъ обстоятельствахъ даровой раздачей по росписаніямъ и спискамъ хлѣба и денегъ, вызываетъ самыя дурныя чувства: жадность, зависть, притворство, осужденіе; дѣятельность личная вызываетъ напротивъ лучшее чувство—любовь и желаніе жертвы.—„Я работалъ, трудился, мнѣ—ничего, а лѣнтяя, пьяницу—награждать. Кто-жъ ему велѣлъ пропивать. По дѣламъ вора и мука" говорятъ богатый и средній мужикъ, которымъ не даютъ пособій. Съ неменьшей злобой говоритъ бѣднякъ про богача, требующаго равную долю: „Мы и бѣдны-то отъ нихъ—отъ богачей. Они насъ сосутъ, а имъ еще давай нашу долю. Онъ и такъ гладокъ" и т. п. Такія чувства вызываетъ раздача дарового пособія. Но напротивъ—увидитъ одинъ, какъ другой подѣ-

---

[1]) Пропустивъ слова: „спасаетъ людей дѣятельная любовь, п. ч. дѣятельность эта заразительна". На мѣсто ихъ вставить это.

(Примѣчаніе Льва Николаевича).

лился послѣднимъ, потрудился для несчастнаго, и ему хочется сдѣлать то же. Въ этомъ сила любовной дѣятельности. Сила въ томъ, что она заразительна, а какъ скоро она заразительна, то распространенію ея нѣтъ предѣловъ".

За этими словами слѣдуютъ слова: „какъ одна свѣча зажигаетъ другую" и т. д.

Не сердитесь, что утруждаю васъ. Надѣюсь, что вы хорошо доѣхали и нашли вашихъ здоровыми.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 394.

Н. Я. Гроту.

(Бѣгичевка, Ряз. г., 1891 г., Осень.)

Дорогой Николай Яковлевичъ, если можно успѣть, то будьте добры выключить, при описаніи первой деревни Епифанскаго уѣзда, описаніе двухъ-лѣтняго мальчика на порогѣ. А еще что бы мнѣ очень хотѣлось, это—послѣ словъ „онъ голоденъ, потому что мы слишкомъ сыты"—включить слѣдующее: „Намъ, русскимъ, это должно быть особенно понятно. Могутъ не видѣть этого промышленные, торговые народы, кормящіеся колоніями, какъ англичане. Благосостояніе богатыхъ классовъ такихъ народовъ не находится въ прямой зависимости отъ положенія ихъ рабочихъ. Но наша связь съ народомъ такъ непосредственна, такъ очевидна, что наше богатство обусловливается его бѣдностью или его бѣдность нашимъ богатствомъ, что намъ нельзя не видѣть, отчего онъ бѣденъ и голоденъ"—и за этимъ уже слова: „если мы искренно хотимъ помочь народу, то перестанемъ объѣдать его" или что-то въ этомъ родѣ.

Простите, что утруждаю. Дружески жму руку.

Л. Толстой.

№ 395.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Рязанск. г. 1891 г., Ноябрь 7).

М. [1]) ѣздитъ каждый день въ три столовыя въ Рыхотской волости за четыре версты. Тамъ много дѣла: и въ томъ, чтобы слѣдить за хозяйками (тѣ, у которыхъ столовыя), и допускать просящихъ и отклонять попытки злоупотребленій. И тутъ есть. И разумѣется не важно, что поѣстъ тотъ, кто желаетъ, но, во-первыхъ, не достанетъ тѣмъ, кому нужно, и хожденіе въ столовыя не нуждающихся возбуждаетъ дурныя чувства къ другимъ. Кромѣ того, со вчерашняго дня тамъ началась выдача муки отъ земства и потому надо было отчислить тѣхъ, которыхъ при этой выдачѣ не нужно и Т. [2]) облюбовала ближнюю большую деревню, гдѣ уже получаютъ отъ земства муку, но несмотря на то, остается много бѣдняковъ, которыхъ она и хочетъ кормить. Нынче она хотѣла начать.

Левъ Толстой.

№ 396.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Рязанск. г., 1891 г., Нояб. 9).

Вчера я съ М. ѣздилъ на одной лошадкѣ въ наши столовыя въ Т., за пять верстъ, а Т. ходила въ свою ближайшую столовую. У насъ теперь идетъ пертурбація съ тѣхъ поръ, какъ деревни стали получать муку отъ земства. Прежде было опредѣленно и несомнѣнно нуждающіеся, а теперь съ выдачей, является сомнѣніе, и, казалось бы, должно уменьшиться количество посѣщающихъ столовыя, а оно увеличилось. Время идетъ запасы истощаются, тѣ, которые были ненуждающимися, становятся ими...

---

[1]) Марья Львовна.

[2]) Татьяна Львовна.

...На деньги твои, на 1,100 руб., мы рѣшили купить дровъ, которыя нашлись въ околоткѣ. Это было самое нужное и трудное достать. Хлѣба въ нашей мѣстности, судя по тому, что закуплено теперь земствомъ, должно достать хотя на половину, но топлива совсѣмъ нѣтъ. Эти же дрова близко и дешево, по 18 р. за сажень. Они пойдутъ по столовымъ и прямо на помощь нуждающимся.

№ 397.

Графинѣ С. А. Толстой.

(1891 г., Ноябрь 11).

Ѣздили съ М. цѣлый день, и день былъ удачный, и погода была хороша, и все спорилось. Мы теперь открываемъ столовыя около другого центра запасовъ. Прежнія столовыя около склада Е. Тамъ его управляющій будетъ отпускать провизію на открывающіяся вокругъ него столовыя. И теперь очень нужно. Много нужды. М. застала человѣка дѣйствительно не ѣвшаго два дня и ослабѣвшаго. Я вчера устраивалъ двѣ столовыя на новомъ основаніи, именно на томъ, чтобы намъ не отбирать тѣхъ, которыя имѣютъ и не имѣютъ права (по впередъ составленнымъ спискамъ) ходить, а на совѣсть людей предоставить ходить всѣмъ, безъ разбора, ограничивая только количество заготовленнаго обѣда.

№ 398.

Графинѣ С. А Толстой.

(1891 г., Ноябрь 19).

Положеніе становится все напряженнѣе и напряженнѣе: проѣдаютъ послѣднія средства и количество совсѣмъ неимущихъ все увеличивается: главное—топливо и праздность мужчинъ и женщинъ. Нынче пишу В. о высылкѣ намъ лыкъ для работы лаптей. Ленъ на дняхъ получится. Знаменательный признакъ нужды, что по тремъ небольшимъ де-

ревнямъ въ одинъ день набралось охотниковъ отдать на прокормъ лошадей 80 и приходятъ еще и еще просятъ взять лошадей. Отдаютъ незнакомому человѣку, неизвѣстно куда своихъ лошадей, и все хорошихъ, молодыхъ. Очевидно считаютъ этотъ рискъ выгоднѣе, вѣрнѣе погибели, если оставить у себя лошадь...

Тобой полученныя пожертвованія очень хороши. Поразительны 1,500 арш. матеріи и количество вермишели. Ее надо будетъ раздавать въ большіе праздники. Матеріи же тоже поразительно нужны. Нынче я видѣлъ вдову съ дѣтьми положительно голыхъ. Только одинъ мальчикъ можетъ выходить. Я еще не видалъ такой бѣдности.

№ 399.

Графинѣ С. А. Толстой.

(1891 г., Ноябр. 25).

... Столовыя расползаются, какъ сыпь. Теперь уже болѣе 30 и идутъ хорошо. Я вчера вечеромъ посѣтилъ двѣ. Трогательно видѣть, какъ ребята съ ложками бѣгутъ толпой. Попался нищенка-мальчикъ изъ чужой деревни. Его пригласили и накормили, и спать положили въ столовой.

Левъ Толстой.

№ 400.

П. А. Усову.

(1891 г., Декабрь).

Павелъ Александровичъ!

Очень благодаренъ вамъ отъ себя и отъ крестьянъ, кот. ваше пожертвованіе будетъ очень благодѣтельно, за лыко. Я еще не получилъ его. Сейчасъ посылаю на станцію гдѣ надѣюсь получить накладную и если получу, то завтра же придетъ и лыко. Если оно по качеству своему будетъ одобрено крестьянами, въ чемъ я не сомнѣваюсь (дешевле оно

здѣшнихъ базарныхъ цѣнъ втрое), то я тотчасъ попрошу васъ взять еще одинъ или и два вагона и вышлю на нихъ, имѣющіяся у меня свидѣтельства Красн. Креста.—Ленъ тоже еще не получалъ. И жду полученія, чтобы рѣшить, сколько и какого выписать.

Очень очень вамъ благодаренъ за вашу помощь намъ. Дѣло наше растетъ и растетъ. Въ особенности растетъ нужда и требованія, заявляемыя къ намъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 401.

П. А. Усову.

(1891 г., Декабрь).

Уважаемый Павелъ Александровичъ!

Всѣ три пожертвованія ваши я получилъ и приношу вамъ за нихъ сердечную благодарность отъ лица тѣхъ, кто воспользуется вашими благодѣяніями. Лыко мы продаемъ и потихоньку раздаемъ такъ чтобы не вызвать слишкомъ большую зависть и отдаемъ изъ полу съ тѣмъ, чтобы потомъ одѣлять нуждающихся лаптями.

Отъ Владимірова идутъ еще $1^1/_2$ вагона лыка, такъ что пока мы не будемъ выписывать лыко. Тоже и со льномъ. Вашъ ленъ расхватали за деньги по вашей цѣнѣ и изъ полу холстомъ. Но теперь идутъ свой купленный вагонъ и полвагона Владимірова и потому тоже и льна пока не нужно. Сѣно еще на станціи и такъ хорошо, что мой комиссіонеръ Ермолаевъ, соблазнившись его добротою и только сказанными какъ предположеніе словами, что не выгоднѣе ли будетъ продать его, чтобы промѣнять на солому, сталъ безъ моего приказа продавать его, что я остановилъ, рѣшивъ держать его до весны съ тѣмъ чтобы въ самое критическое время смѣшивая его съ соломою, давать погибающему скоту.

Вы такъ добры что неоднократно предлагали мнѣ свою помощь. Я желаю воспользоваться ею. Теперь нужнѣе всего

дрова. Не можете ли вы приторговать намъ на какую либо изъ станцій дровъ осиновыхъ или березовыхъ. Цѣна 8 осин. и 10 бер. для насъ будетъ доступна и выгодна и мы возьмемъ десятки вагоновъ. 50 вагоновъ т. е. 100 саж. тѣхъ и другихъ. Нужда въ дровахъ становится все больше и больше.

Дѣло наше все ползетъ врозь, т. е. расширяется независимо отъ нашей воли.

Съ совершеннымъ уваженіемъ вашъ *Л. Толстой.*

1892 г.

№ 402.

Н. Я. Гроту.

(Бѣгичевка, Ряз. г. (?), 1892 г., Май 22).

Дорогой Николай Яковлевичъ, съ какой бы радостью разсказалъ вамъ свои впечатлѣнія за это время: много новаго отложилось въ душѣ, но въ письмѣ не съумѣю, да и некогда. Ужасно мнѣ грустно за васъ, за вашу жену. Надо надѣяться, что это только испытаніе легкое по силамъ вамъ обоимъ и что вы хорошо перенесете его, и выйдете изъ него съ увеличенными духовными силами.

За напечатанное и хлопоты по моей статьѣ очень благодаренъ. Выпуски всѣ очень умѣренные. — До сихъ поръ письмо это было написано уже недѣлю тому назадъ. Хотѣлъ что-то много сказать. Теперь же наканунѣ отъѣзда спѣшу и заканчиваю безсовѣстной эгоистической просьбой. Я передалъ въ Русск. Вѣд. давно уже разсказъ Семенова. Напечатаютъ ли его и если напечатаютъ, то не пошлютъ ли ему гонораръ: Московск. губ. Волокол. уѣзда, деревня Андреевское.

Завтра ѣду въ Ясную, но не надолго: нашъ главный помощникъ Чистяковъ долженъ уѣхать и оставить дѣло не на кого. А дѣло все растетъ. И на будущій годъ будетъ то

же бѣдствіе. Какъ мы выйдемъ изъ этого, не могу представить.

Дай вамъ Богъ здоровья, женѣ, и главное—душевнаго спокойствія и вслѣдствіе этого работы, которой бы вы были довольны.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 403.

Н. Н. Ге.

(1892 г., Іюнь 17).

...У меня есть картинка шведскаго художника, гдѣ Христосъ и разбойники распяты такъ, что ноги стоятъ на землѣ. Я скажу Машѣ прислать вамъ. Ахъ, кабы вы сдѣлали въ этой картинѣ что хотите! Я все пишу то-же. И какъ ни тяжело не могу оторваться. Надѣюсь все таки кончить въ сентябрѣ [1]). Изъ одной главы уже вышло теперь 4, такъ что всѣхъ 12. Все хочется сказать пояснѣе, попроще.

Л. Толстой.

№ 404.

П. А. Усову.

(Ясная Поляна, 1892 г., Іюнь 27).

Павелъ Александровичъ.

Очень благодаренъ вамъ за 4 вагона дровъ, которые вы вѣроятно выслали уже въ Караси. Сколько мы вамъ должны за нихъ? Еще буду просить васъ выслать намъ 30 (тридцать) вагоновъ, куда не могу еще сказать; но прошу очень сообщить намъ, можно ли разсчитывать на это количество.

Я теперь въ Ясной. Къ началу же Іюля буду въ Бѣгичевкѣ и тамъ рѣшимъ, куда именно намъ нужны дрова и тогда вновь напишу вамъ и вышлю свидѣтельства.

---

[1]) „Царство Божіе внутри насъ“.

Хоть вы и отказываетесь отъ моей благодарности, не могу не выражать вамъ то, какъ драгоцѣнна и важна намъ была ваша помощь. Во многихъ мѣстахъ около насъ и нынѣшній годъ очень плохо и нельзя оставить дѣло.

Въ особенности нужны будутъ дрова, т. к. соломы 2-й годъ нѣтъ.

Дружески жму вамъ руку.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 405.

Н. Н. Г—ву.

(1892 г., Сент. 22).

...Ужасно крѣпко засѣла мнѣ въ голову мысль, что въ вашей „Повиненъ смерти“ необходимо переписать Христа: сдѣлать его съ простымъ добрымъ лицомъ и съ выраженіемъ состраданія—такимъ, какое бываетъ на лицѣ добраго человѣка, когда онъ знакомаго, добраго стараго человѣка видитъ мертвецки пьянымъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Мнѣ представляется, что будь лицо Христа простое, доброе, сострадающее, всѣ все поймутъ. Вы не сердитесь, что я совѣтую, когда вы все думали, передумали тысячи разъ. Ужъ очень мнѣ хотѣлось бы, чтобы поняли всѣ то, что сказано въ картинѣ: что велико предъ людьми—мерзость передъ Богомъ и мн. др.

Л. Толстой.

№ 406.

Н. Я. Гроту.

(1892 г.)

Очень вамъ благодаренъ, дорогой Николай Яковлевичъ, за ваше письмо и опредѣленье науки. Это то самое, что мнѣ нужно было. Слышалъ съ большимъ сожалѣніемъ о томъ, что вы заработались и слабѣете здоровьемъ. Это нехорошо, и я бы очень совѣтовалъ вамъ бросить все лишнее, все, къ

чему не влечетъ непреодолимо сердце, и не заботиться. Я вѣрю, что „ищите Царствія Божія и правды его, а остальное приложится вамъ“ — не пустыя слова, а практическое правило. Журналъ вашъ читалъ съ интересомъ и о каждой изъ статей поговорилъ бы устно; въ письмѣ же всего не выскажешь и не такъ, какъ хотѣлъ бы. Въ послѣднемъ выпускѣ мнѣ очень не понравилась статья о Вундтѣ. Тогда тотчасъ по прочтеніи я что-то много ядовитаго хотѣлъ сказать о ней, теперь же, къ счастью, все забылъ, кромѣ того, что статья роняетъ журналъ и по содержанію и по тону.

Я было принялся писать опять объ искусствѣ, да не объ одномъ искусствѣ, а о наукѣ и искусствѣ (я не могу раздѣлить ихъ) и очень многое хочется сказать, но опять отложилъ и продолжаю другую прежде начатую работу.

Вашимъ предложеньемъ, переданнымъ мнѣ черезъ сына, я съ радостью и благодарностью воспользовался бы, но вся статья въ такомъ еще хаосѣ, что трудно въ ней разобраться, а матерьялъ мнѣ дорогъ и хотѣлось бы товаръ, хоть не лицомъ показать, а въ такомъ видѣ, который заставилъ бы обратить на себя вниманіе и потому принесъ бы ту пользу, какую можетъ.

Передайте мой поклонъ вашей женѣ. Лева (сынъ) съ восхищеньемъ говоритъ о вашемъ мальчикѣ Алѣ.

Желаю вамъ поскорѣе освободиться отъ излишней и нелюбимой работы и отдаться любимой.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

1893 г.

№ 407.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1893 г., Іюль).

Дорогая Леонила Ѳоминична. Спасибо вамъ за ваше доброе отношеніе къ В. Вы своимъ добрымъ сердцемъ и

яснымъ умомъ поняли его лучше меня и нашли, что дѣлать. Я не беру на себя дать совѣтъ, но вѣрю вамъ. Онъ мнѣ тоже понравился: натура хорошая, но ужъ очень изуродована, изломана.—Я радуюсь мысли, что скоро увижу васъ. Мы завтра ѣдемъ съ Таней въ Бѣгичевку на 10 дней. Я кончилъ свою книгу. Она переводится за границей. Немного пишу кое-что. Но послѣднее время увлекаюсь покосомъ. Силъ уже мало.

До свиданья. Очень радуюсь васъ увидать. Привѣтъ мой вашему мужу. Любящій васъ очень

Л. Т.

Транскомедія не годится.

№ 408.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1893 г., Май 29).

... Скоро ли вы окончите и пріѣдете къ намъ. Мы 3-го дня вернулись изъ Бѣгичевки.—

... Распечатываю письмо, чтобы дополнить отвѣтъ мой на вашъ вопросъ: можно ли передать статью К.? Я какъ будто уклоняюсь отъ прямого отвѣта, говоря, что я не имѣю ничего противъ распространенія этого писанія. Сущность моей мысли та, что я писалъ и пишу для того, чтобы сообщать мои мысли людямъ, и потому желаю наибольшаго распространенія ихъ, и потому никогда и никому не отказываю въ сообщеніи того, что мною написано (я даже не знаю, хорошо ли дѣлали мы, не сообщая всѣмъ желающимъ знать во время писанія), но желаю въ этомъ отношеніи поступать открыто, т. е. читать, говорить, давать переписывать, печатать открыто въ русскихъ типографіяхъ, какъ я это сдѣлалъ съ „В. Ч. М. В.“ (если я этого не дѣлаю теперь, то только потому что это очевидно совершенно непроизводительная трата труда) и печатать за границей въ подлинникѣ и переводахъ, но не желаю ничего дѣлать

скрывая такъ, чтобы быть вынужденнымъ говорить неправду. Такъ что если бы меня допрашивали и я счелъ бы нужнымъ отвѣчать, чтобы я могъ сказать вполнѣ правду, именно то, что я писалъ для того, чтобы сообщить мои мысли людямъ и потому какъ никогда не скрывалъ своихъ мыслей въ разговорѣ, такъ и не препятствовалъ и не препятствую распространенію ихъ въ спискахъ или книгахъ, а напротивъ, содѣйствую этому, когда имѣю возможность. И считаю себя обязаннымъ такъ поступать и такъ всегда и буду поступать.

Левъ Толстой.

№ 409.

(1893 г., Іюнь).

Дорогая Леонила Ѳоминична.

Податель этого, выключенный изъ Горн. Института студентъ В., можетъ быть, зайдетъ къ вамъ, если не найдетъ своего курскаго товарища. Помогите ему, если ему нужна будетъ помощь, чѣмъ можете — главное, духовно тѣмъ, чѣмъ вы такъ богаты. И простите меня, если я утрудилъ васъ этой просьбой и Константина Никаноровича, которому прошу передать мой привѣтъ.

Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 410.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1893 г., Іюль 2).

Дорогой Евгеній Ивановичъ!

Вчера я написалъ Ч. о рукописяхъ. Надѣюсь, что онѣ найдутся.

Таня и Маша въ Москвѣ—были на свадьбѣ и нынче пріѣзжаютъ, такъ что Таня вамъ сама отвѣтитъ. К—у я ей посовѣтовалъ не посылать рукописи. Мнѣ почему то это непріятно.

Статью о письмахъ Дюма и Зола я послалъ въ Петербургъ, и тотъ послалъ уже въ Парижъ, обѣщая не выпускать безъ моихъ поправокъ; но перевода и рукописи, которые по письму Villot высланы уже, я еще не получалъ. Я ихъ не задержу. Но исправить и прибавить нужно: очень это въ сжатой формѣ выражаетъ многое нужное.

Отъ Кирхнера есть увѣдомленіе о полученіи 12 ой главы и изъ Америки кажется, но отъ Гальперина — ничего. По-русски печатаніе кажется, состоится, но вѣроятно, издатель не знаетъ, стоитъ ли, и потому не далъ опредѣленнаго отвѣта.

Я началъ многое, но ни во что не втянулся и теперь занятъ покосомъ. Очень это освѣжаетъ духовно. И я въ самомъ хорошемъ состояніи.

Мнѣ жалко, что вы бросаете приготовленіе къ ручному земледѣлію. Я боюсь, что то, что вы пишете о невозможности отдавать свои силы продолжительному дѣлу, есть соблазнъ, что это опять онъ, діаволъ прикинулся добрымъ совѣтчикомъ. Отчего же не залечивать раны мѣсяцами? Отчего не воспитывать физически—хоть ребенка годами, если я въ тѣхъ условіяхъ, что я могу это дѣлать, и ничто меня не отрываетъ? А даже мнѣ кажется, что извѣстныя внѣшнія условія, въ которыхъ мы находимся, и которыя мы не измѣняемъ для себя, для своей выгоды, своего удобства, обязываютъ насъ къ извѣстной продолжительной дѣятельности. Я старикъ, живу въ деревнѣ, меня кормятъ, а я знаю грамотѣ, я буду учить дѣтей, буду проходить съ ними курсъ цѣлый, буду дѣлать планы ихъ ученія. Меня обязываетъ къ этому не передъ ними, а передъ своей совѣстью, Богомъ, мое положеніе. Само собой разумѣется, что планы мои подлежатъ мгновенному пренебреженію въ случаѣ требованій другихъ, высшихъ и опредѣленныхъ.

М. А. и М. О. еще здѣсь. М. А. зоветъ Леонтьева на Кавказъ; они — Бодянскій, Скороходовъ и Леонтьевъ покупаютъ землю около Кутаиса. Маша пріѣхала, веселая,

здоровая, но теперь похварываетъ. Лева все хворъ. Очень тронутъ былъ письмомъ Черткова. Скажите ему.

Меня очень встревожило то, что вы пишете про милаго Трегубова. Настойте на томъ, чтобы онъ жилъ болѣе физической жизнью. Поцѣлуйте его отъ меня.

Какъ мнѣ жаль бы было „Посредника", такъ мнѣ жаль бы было вашихъ попытокъ ручного земледѣлія. И длява съ какъ хорошо.

Прощайте. Любящій васъ.

Левъ Толстой.

№ 411.

Н. Я. Гроту.

(1893 г., Авг. 9).

Очень благодаренъ вамъ, дорогой Николай Яковлевичъ, за опредѣленіе науки. Пожалуйста, простите меня за то, что я не прямо написалъ вамъ. Покаюсь вамъ, что не написалъ отъ того, что передъ тѣмъ только-что скончался вашъ отецъ и, пиша къ вамъ, надо было упомянуть объ этомъ, сказать нѣсколько словъ de condoléance, а я этого, доживъ до старости, не умѣю, а ничего не сказать нельзя. Вотъ я теперь послѣ нѣкотораго времени пишу это и то неловко; но за то правда я ничего не могу писать вамъ объ этой смерти, потому что не знаю вашего отношенія къ этому; а вы напишите. Я думаю, вашей матушкѣ эта потеря преимущественно тяжела.

Кромѣ того, я не писалъ вамъ еще потому, что былъ вполнѣ увѣренъ, что вы заѣдете къ намъ и ждалъ этого съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ: обо многомъ желаю поговорить съ вами.

У меня написалась статья, которую я обѣщалъ въ „Сѣверный Вѣстникъ", но Чертковъ совѣтуетъ отдать ее вамъ, предполагая, что въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" не пропустятъ, а вы проведете; я бы радъ это сдѣлать, но

уже обѣщалъ и нынче отсылаю статью въ „Сѣв. Вѣстн.“. Если тамъ усумнятся, то позвольте обратиться къ вамъ. Что вы теперь пишете? Если у васъ есть определеніе искусства такое, которое опредѣляло бы его какъ по отношенію къ производящему его, такъ и къ воспринимающему его, то не сообщите ли мнѣ?

Очень бы обязали.

Пока прощайте, дружески жму вамъ руку; привѣтъ Наталіи Николаевнѣ отъ меня и всѣхъ нашихъ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 412.

Н. Я. Гроту.

(1893 г., Ноябрь).

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогой Николай Яковлевичъ. Я очень желалъ бы, чтобы вы прочли то, что я пишу о религіи, а еще лучше то, что я пишу въ книгѣ „Царство Божіе“. Тамъ я стараюсь показать, что, кромѣ точки зрѣнія, при которой всякій человѣкъ любитъ прежде себя, свое животное, потомъ свою семью животныхъ, потомъ свое отечество и человѣчество, существуетъ еще другая точка зрѣнія, совсѣмъ другая, при которой эта градація совсѣмъ измѣняется. При свиданіи поговоримъ о многомъ, а пока спѣшу на почту. Дружески жму вамъ руку.

Вашъ *Л. Толстой.*

№ 413.

Н. Н. Ге.

(1893 г., Дек. 24).

Сейчасъ получили ваше письмо къ Машѣ, милый другъ и мы порадовались, что у васъ все хорошо. Жду васъ съ картиной. Я ничего путнаго не дѣлаю. Бьюсь надъ статьей о Тулонѣ. Мнѣ все кажется, что время, „конецъ вѣка

сего“ близится и наступаетъ новый, и въ связи съ тѣмъ, что и мой вѣкъ здѣсь кончается и наступаетъ новый. Все хочется торопить это наступленіе, сдѣлать по крайней мѣрѣ все отъ себя зависящее для этого наступленія. И всѣмъ намъ, всѣмъ людямъ на землѣ только это и есть настоящее дѣло. И утѣшительно и бодрительно то дѣлать, дѣлаешь, что можешь и никто не знаетъ, ты ли, или кто дѣлаетъ то, что движется. И себѣ никто ничего приписывать не можетъ и всякій можетъ думать, что отъ его то усилій и движется все.

Л. Толстой.

1894 г.

№ 414.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1894 г., Іюнь 1).

Получилъ отъ васъ извѣстіе, Исаакъ Борисовичъ, черезъ В—ую. Она хорошій, движущійся къ свѣту, живой человѣкъ.—Помѣшаютъ или не помѣшаютъ вамъ, хорошо то, что вы успѣли сдѣлать. Какъ и въ наше время, только въ болѣе расширенномъ смыслѣ, вѣрно то, что ученикамъ Христа надо идти въ другое мѣсто, когда ихъ выгоняютъ въ одномъ. Такъ и дѣлается и дѣлалось. И не можетъ не дѣлаться, потому что другого дѣлать нечего. Третьяго дня были мы съ Чертковымъ въ Крапивнѣ у Булыгина, который тамъ сидитъ въ тюрьмѣ за отказъ представить лошадей на воинскую повинность. Онъ въ самомъ твердомъ и радостномъ духѣ и спокойно и невольно проповѣдуетъ въ тюрьмѣ. Завтра хочу еще съѣздить къ нему.

Слышали вы, что Кудрявцевъ [1]) взятъ жандармами и гдѣ то сидитъ.

---

[1]) Д. Р. Кудрявцевъ, милліонеръ, самъ переписывавшій и издававшій сочиненія Л. Н. въ г. Николаевѣ.

Мнѣ тяжело быть на волѣ...

Впрочемъ, не надо напрашиваться также, какъ и отказываться. Поклонъ Ан. Львовнѣ и всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Л. Толстой.

№ 415.

Л. Ѳ. Анненковой.

(Ясная Поляна, 1894 г., Іюнь).

Леонила Ѳоминична.

Въ отвѣтъ на вопросъ вашего мужа о моемъ мнѣніи касательно дѣлаемаго ему вызова имѣю сказать слѣдующее. Константинъ Никаноровичъ работаетъ постоянно въ области юридической и потому, вѣроятно, считаетъ эту дѣятельность плодотворной. Вызывается онъ для работы въ той же области, но уже не книжной, не обязательной, а живой законодательной, переходящей въ жизнь. Я думаю, что эта вторая дѣятельность можетъ быть болѣе плодотворной. Перемѣны они сдѣлаютъ, будетъ или не будетъ въ нихъ участвовать К. Н. Участіе же его можетъ дать этимъ перемѣнамъ болѣе полезный или менѣе вредный характеръ. Въ юриспруденціи, какъ въ медицинѣ, я думаю, что движеніе впередъ, совершенствованіе состоитъ въ самоуничтоженіи, въ отказѣ отъ лѣченія и отъ суда. И въ этомъ направленіи я думаю, что К. Н. можетъ быть очень полезенъ свойственнымъ ему самымъ гуманнымъ либерализмомъ, который онъ навѣрное внесетъ въ свои занятія и который всегда ведетъ къ уменьшенію судебнаго вмѣшательства въ жизнь людей...

Теперь выскажу вамъ, Л. Ѳ., чувства, вызванныя во мнѣ вашимъ письмомъ.—Вы уже знаете, вѣрно, про смерть нашего друга Н. Н. Ге... Не помню, чтобы какая-либо смерть такъ сильно дѣйствовала на меня. Какъ всегда при близости смерти дорогого человѣка стала очень серьезна жизнь, яснѣе стали свои слабости, грѣхи, легкомысліе, недостатокъ любви, одного того, что не умираетъ, и просто жалко стало, что въ

этомъ мірѣ стало однимъ другомъ, помощникомъ, работникомъ меньше... А вотъ и въ вашемъ письмѣ звучитъ нота усталости, унынія. Не поддавайтесь этому чувству, дорогой другъ. Вамъ есть, чѣмъ бороться съ нимъ, и ясный умъ, и главное, любящее сердце. Совѣстно мнѣ писать вамъ то, что вы вѣроятно знаете не хуже меня, но пишу то, чѣмъ я постоянно проникнутъ послѣднее время. Для того, чтобы быть твердымъ и не унывать, нужно главное ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смыслъ нашей жизни, состоящій въ томъ чтобы не только пронести черезъ эту жизнь, не потушивъ ее, ту искру божественной любви, которая вложена въ насъ и составляетъ нашу душу. но разжечь ее, сколько хватитъ нашихъ силъ, чтобы внести ее въ ту жизнь уже не искрой, а пламенемъ.

Прощайте пока. Любящій васъ

Л. Т.

№ 416.

Е. И. Попову.

(Ясная Поляна, 1894 г., Іюнь 20).

Всей душой былъ съ вами, Евгеній Ивановичъ, въ обоихъ дѣлахъ въ испытаніи, которое вамъ довелось пережить. Ив. Ив. такъ хорошо разсказалъ мнѣ про ваше отношеніе къ обыску [1]) что я какъ будто присутствовалъ при этомъ. Зная васъ, я живо представляю себѣ ваше душевное состояніе и отношеніе къ людямъ, и какъ я понимаю и то, и другое было хорошее. Меня особенно радостно поразило то что вы говорили, про все, что вы говорили приготовленное (я тоже иногда приготавливаю) выходило „не то“ и наоборотъ. Хорошо сдѣлали, что отказались участвовать въ обыскѣ. Ничто такъ не укрѣпляетъ заблужденія заблудшихъ, какъ содѣйствіе имъ. Ухудшать же это положенія не можетъ. Да хоть бы и ухудшило. Дай Богъ вамъ силы, хотѣлъ сказать,

---

[1]) По поводу біографіи Дрожжина.

перенести то гоненіе—если бы даже и заключеніе, кот. придется нести, а потомъ подумалъ, что силы надо просить у Бога не меньше для того, чтобы нести тѣ условія свободной жизни, кот. мы несемъ всѣ всегда. Думаю постоянно, хотя и не пишу теперь объ изложеніи, главное, о самомъ ученіи жизни, о самой сущности его и очень радъ, что занялся этимъ: все яснѣе и яснѣе мнѣ становится то, что только единое на потребу—одно нужно: блюсти въ себѣ свое божественное *я* и растить его съ тѣмъ, чтобы перенести его въ другую жизнь возращеннымъ,—слѣдъ же, который онъ оставилъ въ этой жизни есть только неизбѣжное послѣдствіе этого возращенія, совершенствованія. Я боюсь, что это покажется словами только: для меня это дѣло, не только дѣло, но единственная связь моя съ жизнью. Только этимъ можно жить бодро, энергично послѣ того, какъ въ сознаніи по крайней мѣрѣ отказался отъ земныхъ внѣшнихъ радостей, какъ цѣли жизни. Земныя радости, когда ихъ не ставишь цѣлью, прикладываются. Вѣрите ли вы въ это? Мнѣ думается, что да. Второе по времени, первое ваше испытаніе съ X., я тоже переживалъ съ вами. И мнѣ кажется, что понялъ ваше состояніе по вашимъ письмамъ. Вопросъ этотъ я думаю, надо рѣшить только на основаніи того же, что нужно для своей души, для соблюденія и возращенія ея. Можетъ быть, нужно отказать, можетъ быть, нужно согласиться, это знаете только вы. Что нужно сдѣлать для того, чтобы поступить по отношенію X. и самого себя такъ, какъ того хочетъ для X. и для вашего блага Богъ. Словами выразить, какъ и почему рѣшено такъ или иначе, этого нельзя, а рѣшить можно, потому что рѣшитель есть въ насъ: та частица Бога, которая составляетъ нашу жизнь.

Только бы не заглушать его, очистить отъ всѣхъ наносовъ, и рѣшеніе будетъ вѣрно.

Цѣлую васъ и люблю.

Левъ Толстой.

№ 417.

И. Б. Фейнерману.

(Ясная Поляна, 1894 г., Іюль).

Американецъ-еврей, проповѣдникъ д-ръ Іосифъ Краускопфъ пріѣхалъ ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы русскимъ евреямъ отвели землю для колонизаціи въ Россіи. Они же въ Америкѣ соберутъ капиталы для обзаведенія этихъ колоній и пришлютъ руководителей. Планъ хорошъ, но сомнительно, чтобы правительство согласилось. Все таки я имъ выразилъ свое полное сочувствіе и далъ записку къ вамъ, думая, что вы можете ему дать хорошій совѣтъ. Ѣхать вамъ къ нему не стоитъ. Духа человѣкъ—этотъ далеко не христіанскаго. Онъ оставилъ мнѣ книжку своихъ проповѣдей, въ одной изъ которыхъ доказывается, что не слѣдуетъ подставлять другую щеку и отдавать кафтанъ, а слѣдуетъ показать кулакъ и кнутъ, чтобы васъ не ударили еще и не взяли кафтанъ. Человѣкъ, совсѣмъ чуждый по духу.

Радуюсь вашей дѣятельности. Прощайте пока, привѣтъ вашей женѣ и нашимъ друзьямъ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 418.

Л. Ѳ. Анненковой.

(1894 г., Іюль).

Дорогая Леонила Ѳоминична. Письмо это вамъ передастъ Ив. Егор. Черкасовъ, учитель изъ сельско-хозяйственной школы, воспитанникъ Великанова, молодой человѣкъ очень хорошаго и серьезнаго направленія. Онъ ѣдетъ въ Суджанскій уѣздъ къ своему товарищу. Я думалъ, что и вамъ и, главное, имъ, ему и его другу, хорошо узнать другъ друга. Вчера читалъ ваше письмо Черткову, и душевно порадовался мысли скоро увидѣться съ вами.

Л. Толстой.

№ 419.

И. Б. Фейнерману.

(1894 г., Октябрь 6).

Письмо это вамъ передастъ Василій Яковлевичъ Головня [1]), человѣкъ сколько мнѣ извѣстно, серьезно и искренно занятый вопросами осуществленія истиннаго христіанства. Если у васъ или у нашихъ общихъ друзей есть тѣ изъ моихъ книгъ, которыя интересуютъ его,—я ссудилъ его, тѣми, которыя у меня были,—то дайте ему возможность прочесть ихъ. Я слышалъ, что первый фазисъ вашего суда [2]) оконченъ и хорошо, т. е. съ пользой для людей и радуюсь этому. Какъ вы живете? Передайте мой привѣтъ вашей женѣ, Леонтьеву, Волькенштейну.

Левъ Толстой.

№ 420.

Е. И. Попову.

(1894 г., Октябрь 22)

Дорогой Евгеній Ивановичъ [3]), я слышалъ отъ Поши про ваше искушеніе съ NN. и очень сожалѣлъ о васъ.

Я очень радъ, что вы, какъ мнѣ думается, рѣшили такъ, какъ велитъ Богъ,—не ниже и не выше своей совѣсти. Вы такъ знаете мои мысли, такъ одинаковъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ, что боишься говорить вамъ давно знакомое; именно то хочу сказать, что главное дѣло въ душѣ, передъ совѣстью, не кривить душою, не называть зла добромъ, а ненавидѣть зло, которое самъ дѣлаешь, не только

---

[1]) Племянникъ Гоголя, сынъ сестры писателя.

[2]) По обвиненію Ф. въ открытіи въ Полтавѣ двухъ ремесленныхъ школъ-мастерскихъ для безплатнаго обученія столярному ремеслу крестьянскихъ и еврейскихъ мальчиковъ. Дѣти жили при школѣ, ихъ одѣвали, кормили. Участіе принимало почти все интеллигентное толстовское общество. Присудили: школы закрыть, а Ф. оштрафовать.

[3]) Опять бросаю безэпитетность, не съ вами, а съ другими неловко, и безъ эпитета, и съ эпитетомъ. (*Примѣчаніе Л. Н.*).

такъ же, какъ то зло, которое дѣлаетъ другой, но еще больше въ тысячу разъ. Въ этомъ, въ области духовной, т. е. свободной, все дѣло, а что сдѣлаешь подъ давленіемъ соблазна нельзя предрѣшить. Одно знаешь,—что ненавидишь зло и цѣпляешься за все, и всѣмъ готовъ пожертвовать чтобы не сдѣлать его.

Вчера пришелъ сюда ZZ. Вотъ тоже искушеніе. Онъ больной душевно, т. е. очень приблизившійся къ полюсу безумія, и помочь ему я по крайней мѣрѣ чувствую, что не въ силахъ, а оставить его, отвернуться отъ него, тоже еще менѣе въ силахъ. Хотѣлъ онъ уходить, но все остается. Я умолялъ его, чтобы онъ вернулся къ отцу и въ физически спокойномъ состояніи трудился бы надъ установленіемъ добрыхъ любовныхъ отношеній съ людьми, которыя онъ всѣ потерялъ и отъ этого ужасно несчастливъ.

Какое мало интересное запутанное письмо отъ X. X. Я получилъ хорошее письмо отъ Маковицкаго.

Я не могу даже сказать, что продолжаю свою работу, дня три ничего не пишу и чувствую необходимость все измѣнить и все начать сначала. Я увидалъ на этой работѣ опасность отвлеченнаго умствованія. Не успѣешь оглянуться, какъ забредешь въ страшныя дебри. Кажется, что остановился во-время. Повѣрка одна—доступность младенцамъ и простымъ людямъ,—чтобы было понятно Ваничкѣ и дворнику. А если нѣтъ, то ищи, въ чемъ заврался.

Ну, такъ вотъ, пока до свиданія, пишите о томъ, что будетъ съ вами. Помогай вамъ Богъ не измѣнить Ему, т. е. правдѣ. Это кажется такъ мало, а практическое дѣло для другой стороны такъ велико и важно. Мой привѣтъ всѣмъ Посредникамъ, Ивану Михайловичу особенно. Скажите, чтобы они не сѣтовали, что не отвѣчаю. Въ эти послѣдніе дни написалъ десятки необходимыхъ писемъ. Е. И. особенно поклонитесь и передайте благодарность за чудный шарфъ и сожалѣніе, что она не пріѣхала.

№ 421.

Н. Я. Гроту.

(Ясная Поляна, 1894 г.)

Сейчасъ только получилъ ваше заказное письмо изъ Тулы, дорогой Николай Яковлевичъ. Очень вамъ благодаренъ за поправку, какъ вы сдѣлали: мысль остается та же, но выражена умѣреннѣе, что всегда лучше.

Вы меня ловите на словѣ: я не знаю Аристотеля въ томъ смыслѣ, что не читалъ его сочиненій въ подлинникѣ, но изложеніе его взглядовъ читалъ много и много разъ и никогда не былъ привлеченъ къ тому, чтобы прочесть его. Мало того, прочтя и вникнувъ самымъ тщательнымъ образомъ въ смыслъ и связь ученія его (тоже съ большинствомъ философскихъ книжническихъ ученій), я въ состояніи выдержать изъ нихъ экзаменъ въ продолженіе не болѣе недѣли послѣ прочтенія — и потомъ совершенно забываю ихъ (за что, признаюсь, и благодарю Бога). Но не то бываетъ со мною по отношенію къ тѣмъ, которые мнѣ представляются не книжниками, а мудрецами: я не могу ихъ забыть, за что еще больше благодарю Бога. Очень можетъ быть, что это мое личное свойство, связанное съ неправильностью моихъ мыслей: но таково свойство всѣхъ насъ, не имѣющихъ профессіональнаго отношенія къ философіи. Мнѣ кажется, что въ этой разницѣ—мы и вы имѣемъ свои выгоды и невыгоды. Мы теряемъ изъ вида ту общую связь мысли человѣческой, которая всегда ясна вамъ, много знающимъ, но вы зато склонны смѣшивать боковыя, случайныя теченія мысли съ кореннымъ, основнымъ потокомъ. Поэтому общеніе такихъ людей, какъ вы и мы, которое вы такъ охотно вызываете, очень полезно для обѣихъ сторонъ. И я очень, очень благодарю васъ за вашъ трудъ и за ваши совершенно вѣрныя замѣчанія.

Я нездоровъ эти дни, и поэтому читалъ и прочелъ въ 1-й разъ „Критику практическаго разума“ Канта — и пришелъ въ радостное восхищеніе. Мнѣ кажется, что вы въ своей работѣ о свободѣ воли, указавши на нелѣпыя опредѣленія свободы новѣйшихъ, напрасно оставили опредѣленіе Канта, которое нельзя обойти. Выдѣленіе свободы воли, какъ единственной постигаемой нами вещи въ самой себѣ, изъ критики всего остального познанія, есть вѣнецъ всей его философской дѣятельности, какъ онъ и самъ говоритъ это. Если несправедливо его опредѣленіе свободы, то несправедлива и вся его работа критики познанія, на которой зиждется вся новая философія. Нельзя вѣдь сказать: nous avons changé tout ça. И потому мнѣ кажется, что для изложенія новаго опредѣленія свободы воли необходимо показать: или что Кантовское — неудовлетворительно, или что вы признаете его.

По послѣднему же письму, которое вы мнѣ писали изъ деревни, о томъ, что доказательство свободы воли должно быть построено на доказательствахъ неправильности всѣхъ отрицаній ея, я заключаю, что вы признаете въ сущности опредѣленіе Канта, хотя и чувствуете необходимость изложить его вновь соотвѣтственно тѣмъ возраженіямъ и недоумѣніямъ, которыя возникли послѣ Канта. Читали ли вы и давно ли читали „Критику практическаго разума“?

Я писалъ П. И. Бирюкову, прося его передать вамъ мои нѣкоторыя просьбы о печатаніи, но такъ какъ онъ можетъ не скоро быть въ Москвѣ, то повторю ихъ. Есть „вступленіе“ напечатанное мелкимъ шрифтомъ: я надписалъ на немъ, чтобы его печатать, какъ прибавленіе въ концѣ книги, но потомъ усомнился, не лучше ли оставить его вступленіемъ. Будьте добры, прочтите это вступленіе и рѣшите—оставить ли его вступленіемъ или отнести къ прибавленіямъ. Въ пользу его говоритъ то, что оно наводитъ читателя на главный смыслъ книги: противъ него говоритъ дурной тонъ его.

У меня вѣсы стоятъ совсѣмъ ровно, такъ что ваше мнѣніе пускай перевѣситъ въ ту или другую, т. е. рѣшите вы. Еще я просилъ о томъ, чтобы слѣдующія послѣ 20-й главы или около того (послѣ тѣхъ корректуръ, которыя я послѣднія вернулъ), мнѣ бы присылали корректуры сюда. Это послѣднее, вѣроятно, сдѣлаетъ П. И. Бирюковъ, когда пріѣдетъ, а до его пріѣзда до этой главы не дойдетъ дѣло, и вамъ не надо будетъ безпокоиться. Очень, очень благодарю. Наши всѣ вамъ посылаютъ привѣты.

Вашъ *Л. Толстой.*

Пишите мнѣ на Козловку. Изъ Тулы, особенно заказныя, долго не доходятъ.

№ 422.

Редактору англійской газеты.

(1894 г., Декабрь 15).

Со времени появленія моей книги „Царство Божіе внутри насъ“ и статьи „Христіанство и патріотизмъ“, мнѣ часто приходится слышать и читать въ статьяхъ и письмахъ возраженія, не скажу противъ моихъ мыслей, но противъ лжетолкованія ихъ. Дѣлается это иногда сознательно, иногда же безсознательно только по непониманію духа христіанскаго ученія.

„Все это хорошо, говорятъ мнѣ, деспотизмъ, смертная казнь, вооруженіе всей Европы, угнетенное положеніе рабочихъ и войны, все это великія бѣдствія, и вы правы, осуждая существующій порядокъ, но какъ же быть?... Какое имѣемъ мы, люди съ ограниченнымъ пониманіемъ и разумомъ, какое имѣемъ мы право только потому, что это кажется намъ лучшимъ уничтожить тотъ существующій порядокъ вещей, посредствомъ котораго предки наши достигли настоящей высокой степени цивилизаціи и всѣхъ ея благъ. Уничтожая государство, мы должны же что-ни-

будь поставить на его мѣсто? Если же нѣтъ, то какъ же рисковать тѣми страшными бѣдствіями, которыя неизбѣжно должны возникнуть, если бы государство было уничтожено?"

Но дѣло въ томъ, что христіанское ученіе, въ его истинномъ смыслѣ, никогда не предлагало и не предлагаетъ ничего разрушать, и не предлагало и не предлагаетъ никакого новаго своего устройства, которое должно замѣнить прежнее. Христіанское ученіе тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ и религіозныхъ и общественныхъ ученій, что оно даетъ благо людямъ не посредствомъ общихъ законовъ для жизни всѣхъ людей, но уясненіемъ каждому отдѣльному человѣку смысла его жизни, показывая ему въ чемъ заключается зло и въ чемъ истинное благо его жизни. И этотъ смыслъ жизни, открываемый человѣку христіанскимъ ученіемъ, до такой степени ясенъ, убѣдителенъ и несомнѣненъ, что разъ человѣкъ понялъ его и потому позналъ то, въ чемъ зло и въ чемъ благо его жизни, онъ уже никакъ не можетъ сознательно дѣлать то, въ чемъ онъ видитъ зло своей жизни, и не дѣлать того, въ чемъ онъ видитъ истинное благо ея, точно такъ же какъ вода не можетъ не течь книзу, или растеніе не стремиться къ свѣту.

Смыслъ же жизни, открываемый христіанствомъ человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Того, отъ Кого мы пришли въ этотъ міръ и къ Кому мы придемъ, выходя изъ него. Такъ что зло нашей жизни только въ отступленіи отъ этой воли, и благо только въ исполненіи требованій этой воли, которыя такъ просты и такъ ясны, что ихъ также невозможно не понимать, какъ и превратно перетолковывать. Если ты не можешь дѣлать другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, то по крайней мѣрѣ не дѣлай другому чего ты не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали: не хочешь, чтобы тебя заставляли работать на фабрикѣ, или въ рудникахъ по десяти часовъ къ ряду, не хочешь, чтобы дѣти твои были голодны, холодны, невѣжественны, не хо-

чешь, чтобы у тебя отняли землю, на которой ты могъ бы кормиться, не хочешь, чтобы тебя запирали въ тюрьму, вѣшали за то, что ты по старости, соблазну или невѣжеству совершилъ незаконный поступокъ: не хочешь, чтобы тебя ранили, убивали на войнѣ — не дѣлай всего этого другимъ.

Все это такъ просто, ясно и несомнѣнно, что малый ребенокъ не можетъ не понять этого, и никакой софистъ не можетъ опровергнуть.

Представимъ себѣ, что работникъ, находящійся весь во власти хозяина, приставленъ къ понятному и любимому имъ дѣлу. И вдругъ къ этому работнику, находящемуся въ полной власти хозяина, приходятъ люди, которые, онъ знаетъ, находятся въ той же зависимости отъ хозяина, какъ и онъ, и которымъ поручено такое же, какъ и ему опредѣленное дѣло,—и люди эти, не исполняя сами порученнаго имъ хозяиномъ дѣла требуютъ отъ работника, чтобы онъ дѣлалъ прямо обратное тому, что ему несомнѣнно и ясно безъ всякихъ исключеній предписано хозяиномъ. Что можетъ отвѣтить на такое требованіе всякій разумный работникъ?...

Такъ что вопросъ для христіанина не въ томъ, какъ его неумышленно, а иногда и умышленно ставятъ сторонники государства имѣетъ ли человѣкъ право разрушить существующій порядокъ и замѣнить его новымъ, — христіанинъ и не думаетъ объ общемъ порядкѣ, предоставляя веденіе этого порядка Богу, твердо увѣренный въ томъ, что Богъ вложилъ въ нашъ разумъ и сердце свой законъ не для безпорядка, а для порядка и что отъ слѣдованія открытому намъ несомнѣнному закону Бога ничего кромѣ хорошаго выйти не можетъ...

Въ томъ то и сила христіанскаго ученія, что оно изъ области вѣчныхъ сомнѣній и гаданій переводитъ вопросы жизни на почву несомнѣнности.

Но скажутъ: „Мы тоже не отрицаемъ необходимости измѣненія существующаго порядка и желаемъ также исправить его, но желаемъ исправить не отказомъ отъ участія въ правительствѣ, въ судѣ, въ войскѣ, уничтоженіемъ государства, а напротивъ, участіемъ въ правительствѣ, пріобрѣтеніемъ свободы, правъ, избраніемъ представителями истинныхъ друзей народа и враговъ войны и всякаго насилія".

Все это было бы прекрасно, если бы содѣйствіе улучшенію формъ правленія совпадало бы съ цѣлью человѣческой жизни. Къ несчастью же, оно не только не совпадаетъ, но противорѣчитъ ей. Если жизнь человѣческая органичивается этимъ міромъ, то цѣль ея гораздо ближе, чѣмъ постепенное усовершенствованіе правительства: она въ его личномъ благѣ; если же жизнь не кончается въ этомъ мірѣ, то она гораздо дальше: въ исполненіи воли Бога. Если она въ моемъ личномъ благѣ и жизнь кончается здѣсь, то какое мнѣ дѣло до будущаго медленнаго благоустройства государства, которое наступитъ когда то и гдѣ то, по всѣмъ вѣроятіямъ тогда, когда меня не будетъ? Если же жизнь моя безсмертна, то цѣль благоустройства англійскаго, нѣмецкаго, русскаго или какого бы то ни было государства въ двадцатомъ столѣтіи слишкомъ мала для меня и никакъ не можетъ удовлетворить требованіямъ моей безсмертной души. Цѣлью достаточной для моей жизни можетъ быть только или сейчастное мое благо, которое никакъ не совпадаетъ съ государственней дѣятельностью податей, судовъ, войнъ или вѣчное спасеніе моей души, достигаемое только исполненіемъ воли Бога, а воля это точно такъ же не совпадаетъ съ требованіями насилія, казней, войнъ, существующаго порядка.

И потому повторяю: вопросъ не только для христіанина но и для каждаго человѣка нашего времени... только одинъ, и такой отъ котораго уклониться нельзя: хочешь ли ты, разумное и доброе существо, нынче появившееся, а завтра

могущее исчезнуть, - хочешь ли ты, если ты признаешь Бога, поступать противно закону и волѣ Его, зная, что ты каждую минуту можешь вернуться къ Нему, или, если ты не признаешь Бога,—поступать противно тѣмъ свойствамъ разума и любви, которыми ты одними можешь руководиться въ жизни, зная, что если ты ошибешься, ты никогда уже не будешь въ состояніи поправить свою ошибку.

И отвѣтъ на этотъ вопросъ для тѣхъ людей, для которыхъ онъ возникъ, можетъ быть только: нѣтъ, не могу, не хочу.

Говорятъ, „это... уничтоженіе существующаго порядка". Но если исполненіе воли Бога разрушаетъ существующій порядокъ, то развѣ это не есть несомнѣнное доказательство того, что существующій порядокъ противенъ волѣ Бога...

Л. Толстой.

№ 423.

Н. Я. Гроту.

(Ясная Поляна, Конецъ 1894 г.)

Очень радъ былъ получить отъ васъ письмо, дорогой Николай Яковлевичъ: всегда съ удовольствіемъ вспоминаю наши бесѣды въ Москвѣ. Затѣмъ вы пишете, что вы разошлись со мною. Этого не можетъ быть. Я — напротивъ, чѣмъ дальше живу, тѣмъ больше сближаюсь со всѣми и увѣренъ, что въ томъ, что намъ обоимъ важно, мы опять будемъ вполнѣ согласны, а въ томъ, что не важно, предоставимъ каждому думать по своему. Вотъ сейчасъ примѣръ несогласія въ томъ что не важно; насчетъ мнѣнія о значеніи царствованія Александра III... Но наши мнѣнія объ этомъ—мое навѣрное—нисколько не важны и потому мы и не будемъ спорить. Очень интересуюсь вашимъ разсужденіемъ о времени. Должно прочту его въ Москвѣ и тамъ поговоримъ о немъ.

Я вполнѣ согласенъ съ вами, и потому желаю, чтобы вы какъ можно лучше выразили свою мысль и надѣюсь, что вы сдѣлаете это, судя по той напряженности, съ которой вы работаете надъ этимъ. Мой привѣтъ вашей женѣ.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

1895 г.

№ 424.

Д. П. Маковицкому.

(Ясная Поляна (?), 1895 г., Февр. 10).

Получилъ вчера ваше письмо, дорогой Душанъ Петровичъ, и очень былъ тронутъ и пораженъ сообщаемымъ вами извѣстіемъ о поступкѣ нашего общаго друга Шкарвана [1]). Когда я узнаю про такого рода поступки то испытываю всегда очень сильное смѣшанное чувство страха, торжества, состраданія и радости. Во всѣхъ такого рода дѣлахъ непремѣнно одно изъ двухъ: или это есть проявленіе всемогущаго Бога въ человѣкѣ и тогда это торжество и радость и несомнѣнная побѣда, хотя бы и сгорѣлъ тотъ человѣкъ, въ которомъ проявляется Богъ, или дѣло человѣческаго личнаго—побужденія—славолюбія, раздраженія, страсти и тогда это проявленіе только служитъ источникомъ страданія для того, кто проявляетъ его и не только не служитъ, но только вредитъ дѣлу Божьему. Признакъ же того, что это дѣло Божье а не человѣческое есть то, что совершая его человѣкъ дѣлаетъ не то, что ему хочется, а то, чего онъ не можетъ не дѣлать.

Надѣюсь и вѣрю, что нашъ дорогой Шкарванъ поступилъ такъ какъ онъ поступилъ т. е. не могъ поступить иначе и тогда это дѣло Божье творится черезъ него и что бы съ нимъ

---

[1]) **Отказъ д-ра Шкарвана отъ военной службы.**

ни дѣлали онъ не будетъ страдать, а будетъ радоваться вмѣстѣ съ нами. Пишите пожалуйста о немъ все, что знаете. Не можемъ ли мы чѣмъ служить ему? Передайте ему мою любовь.

Брошюра обо мнѣ [1]) не хороша.

Авторъ приписываетъ ложное значеніе художеству, ставитъ его выше всего, и потому совершенно не понимаетъ того, въ чемъ состоитъ религія вообще и христіанство въ частности.—Также поразила меня брошюра о Назаренахъ [2]).

Видно среди вашего духовенства также ужасная недобросовѣстность и выставленіе человѣческихъ государственныхъ интересовъ впереди Божескихъ. Поразителенъ страхъ духовенства передъ истиной, часть которой проявилась въ ученіи Назареновъ, и сознаніе своего безсилія. Гнать нельзя—совѣстно, надо быть либеральнымъ, а толкованіе ученія только обличаетъ правду Назаренъ и ложь церквей. Что же дѣлать? Надо вилять. Они это и дѣлаютъ, стараясь хоть на время, на свою жизнь отстоять свое положеніе.

Благодарю васъ за письмо и присылку. Пожалуйста пишите.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 425.

Н. Я. Гроту.

(Москва, 1895 г.).

Очень радъ былъ получить ваше доброе письмо, дорогой Николай Яковлевичъ: я радъ былъ почувствовать, что vous me manquez въ Москвѣ и дѣйствительно съ самыми хорошими чувствами вспоминалъ о васъ. Какъ интересно и справедливо все, что вы пишете объ отношеніи народностей въ томъ краю, гдѣ вы живете. Какъ вы знаете, этотъ вопросъ патріотизма много занималъ меня въ послѣднее время. Онъ,

---

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ „Славянскаго Обозрѣнія“ статьи Светозаръ—Гурбанъ Ваянскаго: „Левъ Толстой какъ художникъ и мудрецъ“.

[2]) Die Secte der Nasarener in Ungarn von L. S. Seberini.

какъ и всѣ вопросы, самые важные, которые неизбѣжно требуютъ отъ людей извѣстнаго отношенія къ нимъ, предоставляется какъ будто старымъ и давно рѣшеннымъ, а между тѣмъ — есть вопросъ самый новый и допускающій самыя неожиданныя соображенія. Такъ напримѣръ, одни люди считаютъ несомнѣннымъ необходимость признанія патріотизма и съ презрѣніемъ относятся ко всѣмъ, не признающимъ этого, а между тѣмъ доводы противъ патріотизма до такой степени ясны и очевидны, что ихъ невозможно опровергнуть и можно только обойти умалчиваньемъ и показаніемъ вида, что въ пользу патріотизма существуютъ всѣми признанные, неопровержимые аргументы, а ихъ то и нѣтъ.

Прочелъ я внимательно ваши лекціи о Платонѣ; на мой взглядъ онѣ очень интересны, прямо поучительны для того круга людей, для которыхъ назначаются наши изданія. Я на себѣ провѣрилъ это, узнавъ изъ нихъ многое, чего не зналъ, и изложеніе, какъ и всегда у васъ, очень хорошо. Но есть кое-что, по моему, для нашей цѣли излишнее: вступленіе, общій взглядъ на задачи философіи вообще и Платона въ особенности. Излишни тоже подробности объ источникахъ и критика ихъ и, само собой, нѣкоторыя формы обращенія къ аудиторіи. Если бы оставить біографію и изложеніе сущности философіи Платона, какъ она у васъ есть, то это вышла бы превосходная книга, за которую не только издатели Посредника, но и всѣ ея будущіе читатели будутъ вамъ очень благодарны.

Если бы вы сдѣлали это приспособленіе для изданія сами, это было бы лучше всего. Если же нѣтъ, то сдѣлаютъ это, разумѣется, хуже, чѣмъ вы, издатели.

Очень радуюсь тѣмъ нормальнымъ дружескимъ отношеніямъ, которыя возстановились между нами.

Дружескій привѣтъ Наталіи Николаевнѣ. Нынче иду въ деревню.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 426.

Л. Ѳ. Анненковой.

(1895 г., Августъ).

Семеновъ ѣдетъ къ вамъ и хотя онъ вамъ на словахъ разскажетъ все про насъ, разскажетъ, какъ мы, главное я (про себя я знаю), васъ любимъ, мнѣ хочется про это же написать вамъ. Жалѣю о васъ за ваше нездоровье, по своей человѣческой слабости, но знаю, что вы не только твердо перенесете болѣзнь, но что сумѣете извлечь изъ нея для души пользу.

Про себя скажу, что мое приближеніе къ плотской смерти, которое я все болѣе и болѣе чувствую, укрѣпляетъ меня въ этой жизни и иногда прямо радуетъ, не потому что я уйду отъ этой жизни, а потому что чувствую большую твердость въ этой жизни.

Братски цѣлую васъ. Мой привѣтъ Конст. Ник. Искренно любящій васъ

Л. Толстой.

№ 427.

А. Л. Волынскому.

(1895, Сент. 5. (?)).

Сейчасъ прочелъ вашу замѣтку [1]) о Соловьевскомъ смыслѣ войны и почувствовалъ радость сознанія того, что есть единомышленный органъ. Кромѣ васъ никто не скажетъ этого и нигдѣ кромѣ какъ въ вашемъ журналѣ, а сказать это было необходимо.

И мнѣ это было очень радостно и захотѣлось высказать вамъ это. И замѣтка написана прекрасно. Хотѣлось бы сказать, что она слишкомъ зла, но въ глубинѣ души, къ сожалѣнію, одобряю и злость. Ужъ очень скверно то, что написалъ Соловьевъ.

Дружески жму вамъ руку.

Левъ Толстой.

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ“ 1895 г. Сент.

№ 428.

Д. П. Маковицкому.

(1895 г., Сент. 11).

...Что дорогой Шкарванъ? Видите ли вы его, или друзья, мать его? Въ какомъ онъ состояніи духа? Страшно трудно ему если онъ не вполнѣ отдался жизни духа. Трудно ему и потому, что онъ молодъ и силенъ и потому что онъ врачъ всю свою молодость обращавшій вниманіе свое на тѣло. Пожалуйста извѣстите меня о немъ, все что знаете. То, что газеты писали о немъ мнѣ извѣстно. Сначала больно бываетъ, когда слышишь клевету на лучшихъ людей, думаешь, что клевета помѣшаетъ успѣху дѣла Божія, что люди скорѣе бы почувствовали свои заблужденія если бы они вѣрили въ чистоту и безупречность тѣхъ людей, которые какъ Шкарванъ указываютъ имъ путь, но подумавши утѣшаешься тѣмъ, что это мое мнѣніе, что для дѣла Божья нужна добрая слава Его служителей. Можетъ быть нужна не добрая а дурная слава. Христосъ умеръ оклеветаннымъ и неизвѣстнымъ. Я бы желалъ сказать это Шкарвану; желалъ бы чтобы въ перенесеніи страданій его не поддерживала слава людская, чтобы онъ подломилъ эти искусственные подмостки съ тѣмъ чтобы опереться на незыблемую основу сознанія жизни въ духѣ, въ Богѣ.

Что онъ дѣлаетъ въ тюрьмѣ? Какъ его содержатъ? Читаетъ-ли? Работаетъ-ли? — Желалъ бы я сказать ему тоже, чтобы онъ въ тюрьмѣ устроилъ себѣ сколько возможно правильный и здоровый образъ жизни съ смѣной умственнаго и физическаго труда: учился бы умственно языку, который не знаетъ и физически какому-нибудь ремеслу. Не можемъ-ли мы, его друзья, насъ хоть не много, но мы хорошо любимъ его, хотѣли бы чѣмъ-нибудь служить ему. Нельзя ли чѣмъ-нибудь? Напишите...

Л. Толстой.

№ 429.

Д. П. Маковицкому.

(1895 г., Октябрь).

Получилъ ваши оба письма, дорогой Душанъ Петровичъ, и очень очень васъ благодарю за тѣ свѣдѣнія, кот. вы мнѣ сообщаете въ нихъ. Радуюсь очень тому душевному состоянію, въ которомъ находится Шкарванъ и той надеждѣ, которую вы даете, что его скоро освободятъ.—Деньгами я не могу располагать. Но собрать эти деньги я могу, но думаю, что лучше бы было не быть вынужденнымъ просить о нихъ.

Л. Толстой.

№ 430.

Д. П. Маковицкому.

(1895 г., Октябрь 25).

Очень былъ радъ доброй вѣсти о Шкарванѣ. Я получилъ отъ него письмо, которое доставило мнѣ одну изъ лучшихъ радостей жизни. Ничто такъ очевидно и несомнѣнно не убѣждаетъ въ томъ, что есть Богъ и что духъ живущій во мнѣ есть частица Его, что я есмь сынъ Божій, по выраженію Христа, какъ то, что этотъ духъ точно такой же во всѣхъ своихъ свойствахъ и стремленіяхъ проявляется въ другомъ человѣкѣ по матерьяльнымъ условіямъ совершенно чуждомъ мнѣ. Письмо Шкарвана произвело на меня это впечатлѣніе. Я хочу нынче же написать ему. Если же не успѣю, то передайте ему мою любовь.

Л. Толстой.

№ 431.

Е. И. Попову.

(1895 г., Ноябрь (?)).

Ваша статья мнѣ такъ понравилась, что я просилъ К. Бооль, которая была у насъ, перевести ее по-нѣмецки,

что она и сдѣлала. Статья у меня, и если бы вы вписали туда описанія гоненій, я бы послалъ ее Шмиту или Грунскому.

Маковицкій прислалъ мнѣ книжечку „Жизнь и смерть Дрожжина", по-нѣмецки въ переводѣ Гауфа. Вы вѣрно получили тоже.—Страховъ Н. Н. пишетъ мнѣ, что написалъ вамъ. Примите къ свѣдѣнію его совѣты. А, главное, сами построже отнеситесь къ своей работѣ и исправьте 2-ое изданіе. Великое дѣло: слово—выраженіе мысли. Выкинуть надо многое изъ сырого матеріала. Онъ вѣдь писалъ для себя Если бы онъ думалъ, что все, что онъ пишетъ, напечатается, онъ бы обдумалъ все.

Какъ написать Веригину въ Обдорскъ? Мнѣ хотѣлось бы Прощайте пока. Люблю васъ.

Левъ Толстой.

№ 432.

А. Шкарвану.

(1895 г., Ноябрь 14).

Давно уже получилъ ваше радостное письмо дорогой другъ и не отвѣчалъ потому что все это время былъ нездоровъ. Письмо ваше мнѣ было особенно радостно п. ч. по всѣмъ чувствамъ и мыслямъ выраженнымъ въ немъ я узнавалъ въ немъ брата по духу. Радостно оно было мнѣ, для меня, какъ радостно (какъ и вы говорите) найти новаго спутника по дорогѣ, радостно было и за васъ въ томъ смыслѣ, что прочтя ваше письмо мнѣ перестало быть страшно за васъ, не боюсь того, чего боялся прежде, что вы ослабѣете духомъ или отъ тяжести гоненія, или напротивъ отъ того, что прекратится гоненіе и послѣ того какъ люди дѣлавшіе, хотя и невольно, дѣло Божіе за васъ тѣмъ, что гнали васъ перестанутъ это дѣлать, и вамъ самимъ придется продолжать это дѣло. Я не боюсь этого теперь п. ч. по письму вашему вижу, что у васъ есть никогда не измѣ-

няющая точка опоры—вѣра въ духовную жизнь, въ то, что сущность жизни не въ матеріальномъ познаваемомъ нашими чувствами мірѣ, а въ томъ, что мы называемъ Богомъ и что сознаемъ въ себѣ.—Очень часто встрѣчаешь людей, казалось бы, очень близкихъ намъ по взглядамъ, признающихъ добромъ и зломъ то же, что и мы признаемъ таковымъ, но не знающихъ никакой другой жизни, не допускающихъ даже возможности другой жизни, кромѣ той, которую они познаютъ чувствами, и всегда оказывается, что сближеніе съ этими людьми только случайное, что мы сблизились съ ними только п. ч. пути наши перекрестились, но что мы не идемъ вмѣстѣ и при дальнѣйшемъ движеніи жизни расходимся съ ними. Этого не можетъ быть съ людьми полагающими сущность жизни въ духѣ. Представленіе о мірѣ матеріальномъ можетъ быть безконечно различнымъ, но сознаніе своей души и Бога у всѣхъ одно и то же. Вы принадлежите къ этимъ и потому я увѣренъ, что и безъ того поощренія, которое даютъ гоненія вы будете продолжать дѣло Божіе. Не думайте, чтобы я подъ словами: дѣлать дѣло Божіе подразумѣвалъ какую нибудь особенную дѣятельность внѣшнюю. Подъ этими словами я разумѣю дѣятельность внутреннюю духовную, которая иногда ничѣмъ внѣшнимъ не выражается и даже часто заглушается попытками преднамѣренной внѣшней дѣятельности. И какъ это ни непріятно революціонерамъ и соціалистамъ, истинная христіанская и иная плодотворная въ мірѣ дѣятельность состоитъ вся только изъ отрицательныхъ поступковъ—какъ вашъ—не дѣлать того, что противно Богу и совѣсти. Многіе не понимаютъ того, что сама жизнь, движеніе жизни, то, что Шопенгауэръ называетъ Wille zum Leben есть любовь, думаютъ что только отрицательные поступки безъ положительныхъ могутъ уменьшать силу любви и плодотворность дѣятельности. Но думать такъ все равно, что думать, что плотина на мельницѣ и спускъ воды на колеса умень-

шаетъ силу воды и пользу ея движенія. О, если бы только 0,001 той энергіи, которую употребляютъ люди на произведеніе всякихъ глупостей и гадостей подъ видомъ общаго блага, была направлена на то чтобы не дѣлать того, что прямо противно нашему разуму и нашей совѣсти, какъ плодотворна бы сдѣлалась дѣятельность людей! Я пишу также, какъ вы, отдаваясь теченію своихъ мыслей, но имѣю въ виду васъ, ваше теперешнее положеніе, и мнѣ хочется посовѣтовать вамъ то, что вы вѣроятно и безъ меня знаете, именно чтобы вы теперь не тяготились своимъ бездѣйствіемъ, если оно наступитъ, а только не дѣлая того, что противно вашей совѣсти, отдавались бы любовно тѣмъ требованіямъ (опять-таки согласнымъ съ совѣстью), которыя предъявятъ вамъ люди окружающіе васъ и ваша личность.

Еще есть три пункта, о которыхъ хочется написать вамъ: 1) Что вы думаете объ Eugen Schmitt и его дѣятельности? Не смотря на большую горячность, поспѣшность и потому часто напыщенность и многословность его писаній, я вижу въ немъ человѣка искренняго, очень даровитаго и главное принадлежащаго къ разряду [1]) людей не матеріалистовъ, вѣрующихъ въ духовную жизнь и поэтому совпадающаго центромъ съ нами. Что вы объ немъ думаете? Слышали? Какое о немъ мнѣніе и какое его вліяніе?

2) Возьметесь ли вы переводить мои не переведенныя вещи по-нѣмецки? Если да, то напишите объ этомъ Черткову. Воронежск. губ. Станція Россоша, Владиміру Григорьевичу Черткову, онъ вышлетъ вамъ тѣ рукописи, которыя онъ переводитъ на англійскій языкъ. Если же кончу какую-либо новую работу, и вы согласны, то я пришлю вамъ съ тѣмъ чтобы она вышла одновременно въ Англіи и Германіи.

---

[1]) Извѣстный нѣмецкій писатель и христіанско-анархистическій агитаторъ, жившій въ то время въ Венгріи, брошюры и журналъ „Die Religion des Geistes“ котораго Левъ Николаевичъ уже зналъ тогда.

3) Меня очень заинтересовало ваше отношеніе къ Вѣнской дамѣ. Если вамъ не непріятно разскажите мнѣ. Вообще все, что касается вашей частной жизни, вашихъ отношеній къ матери вашей, къ вашимъ роднымъ, друзьямъ, того, какъ вы матеріально устроили свою жизнь, все это очень близко трогаетъ меня потому что я васъ очень полюбилъ.

Левъ Толстой.

№ 433.

П. В. Веригину.

(Москва, 1895 г., Ноябрь 21).

Дорогой братъ!

И. М. Трегубовъ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему и я очень радовался, читая его, радовался тому, что узналъ про васъ и какъ будто услыхалъ вашъ голосъ, понялъ, о чемъ вы думаете, какъ думаете и чѣмъ живете. Вижу изъ письма вашего, что вы живете въ духовномъ мірѣ и заняты духовными вопросами. А для блага человѣка это главное, потому что только въ духѣ человѣкъ свободенъ и только духомъ творится дѣло Божіе и только въ духѣ человѣкъ чувствуетъ себя въ единеніи съ Богомъ, такъ какъ „Богъ есть духъ". Мысли, высказываемыя вами въ письмѣ о преимуществахъ живого общенія надъ мертвой книгой, мнѣ очень понравились и я раздѣляю ихъ. Я пишу книги и потому знаю весь тотъ вредъ, который онѣ производятъ, знаю, какъ люди не желающіе принять истину, умѣютъ не читать или не понимать того, что имъ противъ шерсти и обличаетъ ихъ, какъ перетолковываютъ и извращаютъ, какъ они перетолковали Евангеліе. Все это я знаю, но все-таки считаю въ наше время книгу неизбѣжною. Я говорю: въ наше время, въ противоположность временамъ евангельскимъ, когда не было книгопечатанія, не было книгъ, и средство распространенія мыслей было только устное. Тогда можно было обхо-

диться безъ книги, потому что и у враговъ истины не было книги; теперь же нельзя предоставлять однимъ врагамъ это могущественное орудіе для обмана и не пользоваться имъ для истины. Не пользоваться книгой или письмомъ для передачи своихъ мыслей или воспріятія мыслей другихъ людей все равно, что не пользоваться силой своего голоса для передачи сразу многимъ людямъ того, что имѣешь сказать, и своимъ слухомъ для того, чтобы понять то, что громко говоритъ другой человѣкъ, а признавать возможность передачи и воспріятія мыслей только одинъ на одинъ или шопотомъ. Письмо и печать только увеличили въ тысячи, сотни тысячъ разъ число людей, которымъ можетъ быть слышенъ выражающій свои мысли, но отношеніе между выражающимъ и воспринимающимъ остается то же: какъ въ устной бесѣдѣ слушающій можетъ вникнуть и понимать или можетъ точно также пропускать мимо ушей то, что ему говорится, то же и въ печати, какъ можетъ читающій книгу вкривь и вкось перетолковывать ее, также и слушающій ушами; какъ въ книгахъ можно—какъ мы это и видимъ—много писать лишняго и пустого, такъ точно можно и говорить. Разница есть, но разница иногда въ пользу устнаго, иногда въ пользу печатнаго общенія. Выгода устной передачи та, что слушатель чувствуетъ душу говорящаго, но тутъ же и не выгода та, что очень часто пустые говоруны, какъ напр. адвокаты, одаренные даромъ слова, увлекаютъ людей не разумностью рѣчи, а мастерствомъ ораторскаго искусства, чего нѣтъ при книгѣ; выгода другая устной передачи та, что непонявшій можетъ переспросить, зато невыгода та, что непонимающіе, часто нарочно непонимающіе, люди могутъ спрашивать то, что не нужно, и перебивать ходъ мысли, чего тоже нѣтъ при книгѣ. Невыгоды книги тѣ, что во 1-хъ бумага все терпитъ и можно печатать всякій вздоръ, стоющій такихъ огромныхъ трудовъ рабочихъ бумаги и типографщиковъ, чего нельзя дѣлать при устной

передачѣ, потому что вздоръ не станутъ слушать; во 2-хъ тѣ, что онѣ (книги) разростаются въ огромномъ количествѣ и хорошія теряются въ морѣ глупыхъ, пустыхъ и вредныхъ книгъ. Но за то выгоды печати тоже очень велики и состоятъ главное въ томъ, что кругъ слушателей раздвигается въ сотни, тысячи разъ противъ слушателей устной рѣчи. И это увеличеніе круга читателей важно не потому, что ихъ становится много, а потому, что среди милліоновъ людей разнообразныхъ народовъ и положеній, которымъ доступна книга, отбираются сами собой единомышленники и благодаря книгѣ, находясь за десятки тысячъ верстъ другъ отъ друга, не зная другъ друга, соединяются въ одно и живутъ единой душой и получаютъ духовную радость и бодрость сознанія того, что они не одиноки. Такое общеніе теперь я имѣю съ вами и съ многими и многими людьми другихъ націй, никогда не видавшихъ меня, но которые мнѣ близки больше моихъ сыновей и братьевъ по крови. Главное же соображеніе въ пользу книги то, что при извѣстной степени развитія внѣшнихъ условій жизни, книга, печать вообще сдѣлалась средствомъ общенія людей между собой и потому нельзя пренебрегать этимъ средствомъ. Сколько вредныхъ книгъ написано и распространено, что противодѣйствовать этому вреду можно только книгой же. Клинъ выбивать клиномъ. Христосъ сказалъ; „что я говорю вамъ на ухо, то будете говорить съ крышъ". Это самое превозглашеніе съ крышъ и есть печатное слово. Печатное слово есть тотъ же языкъ, только хватающій очень далеко, и потому къ печатному слову относится и все то, что сказано объ языкѣ: имъ же благословляемъ Бога и имъ же проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію; и потому нельзя не быть достаточно внимательнымъ къ тому, что говоришь и слушаешь, также какъ и къ тому, что печатаешь и читаешь. Пишу все это не потому, чтобы думать, что вы иначе думаете (изъ вашего письма вижу, что вы такъ и понимаете это),

но потому, что эти мысли пришли мнѣ въ голову и захотѣлось подѣлиться ими съ вами. Въ особенности полюбилось мнѣ въ письмѣ вашемъ то, что вы говорите о томъ, что „если бы мнѣ сохраняли все, данное уже свыше намъ, то вполнѣ бы были счастливы. А то, что необходимо и законно, то непремѣнно должно быть въ каждомъ и получается непосредственно свыше или отъ самого себя". — Это совершенно справедливо, и я точно также понимаю человѣка. Всякій человѣкъ несомнѣнно зналъ бы всю истину Божію, все то, что ему нужно знать для того, что бы исполнять въ этой жизни то, чего хочетъ отъ него Богъ, если бы только эта открытая человѣку истина не затемнялась бы ложными толкованіями человѣческими. И потому для познанія Божеской истины человѣку нужно прежде всего откинуть всѣ ложныя толкованія и всѣ соблазны мірскіе, влекущіе его къ принятію этихъ толкованій, и тогда останется одна истина, которая доступна младенцамъ, потому что она свойственна душѣ человѣческой. Трудность же главная въ томъ, чтобы, откидывая ложь, не откинуть вмѣстѣ съ ней и часть истины, и въ томъ, чтобы, разъясняя истину не внести новыхъ заблужденій.

Благодарю васъ, любезный братъ, за поклонъ, который вы прислали мнѣ. Пишите мнѣ, если ничто этому не помѣшаетъ, въ Москву. Не могу ли чѣмъ нибудь служить вамъ? Вы меня очень обрадуете, если дадите какое-либо порученіе.

Братски обнимаю васъ. *Левъ Толстой.*

№ 434.

А. Шкарвану.

(1895 г., Декабрь 16).

Дорогой Шкарванъ.

Я очень виноватъ передъ вами за то, что получивъ ваше письмо и записки такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Старость нестолько вслѣдствіе слабости, сколько вслѣдствіе очень

усложнившейся жизни, что я особенно чувствую въ городѣ, дѣлаетъ, что времени становится все меньше. Пожалуйста извините меня.

Ваши записки въ высшей степени интересны и важны. Я съ умиленіемъ и большой духовной радостью читалъ ихъ. Такое же впечатлѣніе онѣ производятъ и на другихъ. Нѣмецкій дневникъ доктора (очень интересный) переведенъ, записки же переписываются. Чертковъ здѣсь и я ему передалъ ихъ. Одно что въ высшей степени любопытно и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятно это отношенія ваши съ графиней М. Что ее привлекло къ вамъ и что оттолкнуло? Не пишите про это если какое-нибудь чувство мѣшаетъ вамъ это сдѣлать. Ваши записки еще особенно тронули меня потому что теперь въ Москвѣ сидитъ въ военномъ госпиталѣ въ отдѣленіи душевно больныхъ, нашъ молодой другъ Суллержицкій, бывшій художникъ, также, какъ вы отказавшійся отъ военной службы. Замѣчательно, что отношеніе къ нему властей и его къ нимъ почти тоже въ Россіи, какъ и въ Австріи. Онъ написалъ свои записки во время своего ареста и я спрошу у моихъ друзей экземпляръ ихъ и пришлю вамъ. Поразительно несмотря на различность положеній и характеровъ, единство внутренняго состоянія: душевныхъ движеній. Извѣстіе о томъ, что вы не освобождены совсѣмъ, а что вамъ предстоитъ опять служба или борьба очень поразило и огорчило меня. Пожалуйста простите меня если то что я скажу покажется вамъ непріятнымъ, но мнѣ нужно это сказать вамъ: именно то, что если бы вы въ предстоящемъ вамъ рѣшеніи поступить или не поступить на службу избрали бы первое то уваженіе и любовь моя и всѣхъ нашихъ друзей къ вамъ ни на волосъ бы не уменьшились. Во мнѣ же лично есть одна сторона души, та которая просто по человѣчески любитъ васъ, какъ брата, эта сторона души очень бы обрадовалась узнавъ, что ей не предстоитъ страдать за васъ когда васъ опять станутъ му-

чить. Я увѣренъ, что всѣ эти соображенія вѣсятъ очень мало для людей рѣшающихъ въ своемъ сознаніи тѣ вопросы, которые вамъ приходится рѣшать, но мнѣ хотѣлось снять съ вѣсовъ и эти маленькія тяжести, которыя въ такія минуты, когда вѣсы колеблются могутъ человѣческими соображеніями и соблазнами нарушать рѣшеніе божеское.

Прощайте пока. Братски любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 435.

А. М. Кузминскому.

(1896 года).

...Во всемъ, что я пишу въ послѣдніе годы о вопросахъ соціальныхъ, я выражаю, какъ умѣю, мысль о томъ, что главное зло, отъ котораго страдаетъ человѣкъ и неустройство жизни, происходитъ отъ дѣятельности правительства. Одна изъ поразительныхъ иллюстрацій этого положенія—есть приготовленіе и распространеніе правительствомъ губительнаго яда—вина, изъ-за того, что эта продажа даетъ одну треть бюджета...

Прости меня, пожалуйста, что я такъ перемаралъ это письмо. Я хотѣлъ сначала написать такъ, чтобы ты могъ прямо мой отвѣтъ передать В. Но кажется, что это нельзя, что это или раздражитъ или огорчитъ его, чего я истинно не желалъ. На счетъ же свиданія нашего я тоже желалъ бы избѣжать этого. Мы стоимъ на такихъ отдаленныхъ другъ отъ друга точкахъ и думаю, что и направленія, по кот. мы движемся до такой степени противоположны, что ничего изъ этого свиданія кромѣ потери времени, выйти не можетъ.—Нельзя-ли тебѣ такъ написать ему, „что Толстой не сочувствуетъ вообще казенной продажѣ вина, какъ возвращенію къ старымъ формамъ и не думаетъ, чтобы общества трезвости, ведомыя правительственными чиновниками,

могли влiять на народъ. Вообще же онъ (Толстой) такой крайнiй человѣкъ, что съ нимъ лучше не водиться" или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Прощай, цѣлую тебя.

Любящiй тебя *Левъ Толстой*.

1896 г.

№ 436.

А. Шкарвану.

(1896 г., Май).

Дорогой другъ Шкарванъ. Давно бы надо было отвѣтить на ваше длинное и очень хорошее письмо, да было то некогда, а то былъ нездоровъ, и нерасположенъ. Спасибо вамъ за то, что отвѣтили на мои вопросы вполнѣ удовлетворительно такъ, какъ я ожидалъ. Письмо ваше я передалъ Черткову и теперь у меня нѣтъ его, такъ что долженъ отвѣчать на память. Прежде о графинѣ. Романъ вашъ съ нею очень трогателенъ, въ особенности тѣмъ, что драма вышла не изъ какихъ либо поступковъ того или другого лица, а изъ основныхъ свойствъ мужского и главное женскаго характера. Какъ въ двухъ разныхъ мелодiяхъ есть одни и тѣ же звуки, но разница въ томъ, какiе берутся послѣ, какiе прежде, и главное, на какихъ дѣлается удареніе, такъ и въ гаммѣ чувствъ человѣческихъ и мущина, и женщина перебираетъ тѣ же звуки, но тотъ и другой дѣлаютъ различныя ударенiя на различныхъ звукахъ и отъ этого все выходитъ другое. Религiозное чувство есть у женщины, но половое (поэтизированное) особенно властвуетъ надъ нимъ. Для мущины наоборотъ; и въ этомъ вся разница вашихъ отношенiй. Но вы были очень счастливы въ нихъ.—Раскаиваетесь ли вы, что не поступили дурно? Дай Богъ, чтобы—нѣтъ.

Другое вашъ отвѣтъ о N. То, что вы мнѣ пишете о немъ, я чуялъ, но оставлялъ безъ вниманiя это, отчасти въ

моихъ письмахъ къ нему намекалъ ему объ этомъ по случаю... и другихъ его статей, не одобряя ихъ. У него есть свойственная всѣмъ нѣмцамъ не замѣчаемая ими запутанность выраженій (про что Гете говоритъ, что когда недостаетъ понятія вставляется слово), которую они наивно принимаютъ за глубокомысліе. Этому недостатку подлежатъ лучшіе ихъ мыслители, какъ Кантъ и Гегель (только Шопенгауеръ свободенъ отъ этого). Неясность эта еще усиливается, когда они захотятъ быть краснорѣчивы и украшаютъ свою рѣчь риторикой. что и составляетъ слабую сторону N. Ему кажется, что онъ открылъ что-то новое, когда онъ очень неясно и неопредѣленно повторяетъ основную мысль Евангелія и въ особенности Евангелія Іоанна о томъ, что въ людяхъ живетъ проявленіе Бога, Отца — сынъ человѣческій, который одинъ во всѣхъ людяхъ. Напрасно онъ боится говорить рабочимъ объ ученіи Христа въ его истинномъ смыслѣ и хочетъ въ дурныхъ и неясныхъ формахъ передавать ученіе Христа, не называя его христіанскимъ. Все, что онъ говоритъ и можетъ сказать, будетъ только дурная парафраза того, что прекрасно сказано въ ученіи Христа.

Третій пунктъ, о которомъ хотѣлось писать вамъ, это ваша личная жизнь. Хотя я очень хорошо понимаю ваше положеніе и одобряю ту свободу отъ внѣшнихъ формъ, въ которой вы живете, я боюсь, что вы не удовлетворены. Мож. быть, я ошибаюсь. Но такъ мнѣ кажется, и такъ какъ я люблю васъ, и старше васъ, и испытывалъ то, что мнѣ кажется, что вы испытываете, то хочется дать вамъ совѣтъ. Если нѣтъ ясно опредѣленнаго дѣла, о которомъ знаешь, что служишь дѣлу Божію, или по крайней мѣрѣ думаешь, что служишь, то тѣмъ сомнительнѣе это служеніе Богу, тѣмъ сильнѣе надо направлять свою энергію на внутреннее служеніе, на совершенствованіе себя, на приготовленіе своего я (орудія служенія) къ тому, чтобы быть способнымъ

служить не въ этой жизни, такъ въ той. Эта неопредѣленность положенія есть время отдыха, какъ у рабочихъ, которое надо и употреблять, какъ рабочіе: на точеніе косы или лопаты и на приготовленіе себя къ работѣ по первому призыву. Можетъ быть, я ошибаюсь, предполагая въ васъ такое состояніе, въ которомъ нуженъ этотъ совѣтъ, можетъ быть, вы это самое дѣлаете, тогда простите.—Что Назарены? Наши духоборы не смотря на гоненія или вслѣдствіе гоненій только растутъ духомъ. Что дѣлаетъ милый Душанъ Петровичъ? Мы всѣ его помнимъ и любимъ.

Недавно получилъ изъ Штутгарта сочиненія Африкана Spir: Denken und Wirklichkeit и др. Это одна изъ лучшихъ философскихъ книгъ, которыя я знаю. Знаете-ли вы ее?

Прощайте пока. Цѣлую васъ и Душана.

Левъ Толстой.

1897 г.

№ 437.

С. Б.

(Никольское им. Олсуфьевыхъ, 1897 г., Февр. 18.)

Получилъ ваше хорошее письмо и порадовался тому христіанскому, свободному доброму настроенію, которымъ оно проникнуто и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался и продолжаю бояться за васъ, за то, что бы вы не увлеклись борьбой неизбѣжной въ христіанской жизни, но законной только тогда, когда человѣкъ поставленъ въ необходимость или отречься отъ того, что ему дороже жизни, или бороться христіанскимъ орудіемъ терпѣливаго перенесенія гоненій за неисполненіе противнымъ его сознанію требованій, а не тогда, когда человѣкъ увлекается самой борьбой, борется для борьбы.

Вотъ этого я боюсь за васъ и противъ этого желалъ бы предостеречь васъ. Намъ, живущимъ въ нашей христіанской жизни, такъ много работы внутренней надъ самимъ собой, для искорененія не христіанскихъ привычекъ, такъ во многомъ нужно утвердиться, особенно вамъ молодымъ, что лучше всего энергію употребить на эту внутреннюю работу. И работа эта самая плодотворная даже и для борьбы, которая неизбѣжна для всякаго человѣка, живущаго или стремящагося жить христіанской жизнью и потому обреченнаго на постоянныя самыя разнообразныя столкновенія съ міромъ. Я всегда вспоминаю Достоевскаго, который говоритъ о томъ, какъ смѣшно видѣть человѣка, желавшаго перевернуть весь міръ и не могущаго обойтись безъ папиросъ и готоваго на все, только бы ему дали покурить. Я говорю не о куреніи, а о томъ, что самое важное, не борьба а то, чтобы орудія борьбы, т. е. люди были сильны вѣрою, были чисты, какъ голуби и мудры, какъ змѣи, а если люди будутъ таковы, то они безъ борьбы будутъ побѣждать. Пожалуйста не распространяйте ничего, а вступайте въ борьбу только тогда, когда вамъ нельзя будетъ поступать иначе.

Левъ Толстой.

№ 438.

Н. Г. Молоствову.

(Москва, 1897 г., Февр. 19).

Н. Г., то что вы пишите о внутренней работѣ, которая происходила и происходитъ въ васъ не только въ высшей степени интересуетъ меня, но и радуетъ и трогаетъ. Одна изъ самыхъ большихъ радостей моей жизни въ томъ, чтобы встрѣчать узнавать про существованіе людей работающихъ ту же работу, которую вы пытаетесь работать. Работа эта есть установленіе въ себѣ царства Божія т. е. приближеніе къ совершенству (хоть очень отдаленное, но все таки приближеніе) и вслѣдствіе этого внутренняго уста-

новленія и внѣшняго царства Божія (тоже приближеніе къ нему). И въ этомъ дѣлѣ я всей душой сочувствую вамъ и готовъ по мѣрѣ своихъ силъ служить вамъ. Но другая сторона вашей дѣятельности, составленіе моей біографіи, не только не вызываетъ моего сочувствія, но прямо непріятна мнѣ и я думаю безполезна для васъ и потому помогать вамъ въ ней не считаю нужнымъ. Не думайте, пожалуйста, что я говорю это изъ ложной скромности я истинно убѣжденъ въ томъ, что моя личность есть только помѣха для того дѣла, которому я хотѣлъ бы служить и чѣмъ больше уничтожается и сотрется она, тѣмъ это будетъ лучше для дѣла. Оставимъ въ покоѣ личности и будетъ разрабатывать, дѣлая ихъ ясными и доступными всѣмъ истины, которыя открыты намъ будемъ разсѣивать мракъ, который скрываетъ эти истины и это такая нужная и благодарная работа, что не остается времени не для какой другой, особенно такой суетной и сомнительной, которая можетъ быть и вредна, какъ та, которою вы затѣваете.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 439.

N. N.

(Ясная Поляна, 1897 г., Февраль).

Цѣль всѣхъ артелей одна и та же: побольше пріобрѣсти денегъ, чтобы лучше жить въ матеріальномъ отношеніи. Многіе говорятъ, что кромѣ того, артели или общины полезны тѣмъ, что живя въ нихъ и подчиняясь ихъ правиламъ, люди становятся лучше, болѣе добры и братолюбивы. Я считаю, что это несправедливо, что прежде надо людямъ сдѣлаться добрыми и братолюбивыми, т.-е. ставить братскую любовь выше личныхъ выгодъ, и тогда артель устроится сама собой и артель не въ одной волости или уѣздѣ, а въ цѣломъ мірѣ. И уставъ такой артели написанъ давнымъ

давно, и вотъ уже 1800 лѣтъ люди понемножку складываются въ эту артель. И дѣло каждаго изъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы готовить себя къ этой артели, выучиться не жалѣя отдавать свое имущество и трудъ въ общую кассу, не требуя вознагражденія, и распространять между людьми словомъ и примѣромъ ученіе объ этой артели, устранять все, что мѣшаетъ ей, и приводить ее понемножку въ дѣйствіе.

Уставъ этотъ Евангеліе, а участники—весь родъ человѣческій, и я думаю, что устройство маленькихъ артелей мѣшаетъ устройству большой и настоящей. Служеніе же устройству этой большой артели совсѣмъ не такъ непріятно и тяжело, какъ думаютъ многіе. Служеніе это даетъ гораздо больше удовлетворенія, чѣмъ служеніе въ маленькихъ артеляхъ, уже по одному тому, что участіе въ маленькихъ артеляхъ произвольно и можетъ быть хорошо, а можетъ быть и дурно, служеніе же этой артели есть то дѣло, на которое послалъ насъ Богъ въ этотъ міръ, и больше и лучше того, чѣмъ исполнять то, на что Онъ насъ послалъ, мы ничего дѣлать не можемъ.

Левъ Толстой.

№ 440.

Н. Г. Молоствову.

(1897 г., Мартъ 16).

Письмо Ваше я давно получилъ и давно уже оно лежитъ у меня въ числѣ писемъ, на которыя мнѣ хотѣлось-бы отвѣтить. Но отвѣчать на то письмо надо такъ много, а я такъ занятъ и слабъ, что рѣшился не отвѣчать совсѣмъ. На послѣднее-же ваше письмо вмѣстѣ съ предшествующимъ отвѣчу слѣдующее:

Зачѣмъ и какъ вамъ писать мою біографію. Трудно, даже невозможно вамъ въ 25, 30 лѣтъ понять то, что я

переживалъ, когда мнѣ было вдвое больше. Да и зачѣмъ. Если уже вы хотите непремѣнно писать, опишите то, что происходило и происходитъ въ вашей душѣ, и это будетъ очень важно и поучительно людямъ, потому что это все вы знаете и это все ново, потому что нѣтъ ни одного человѣка такого-же какъ другіе. Важно-же и поучительно будетъ, потому что если только вы будете искренни, вы выскажете то, что другіе чувствуютъ, но не вѣрятъ себѣ, хотятъ и боятся сказать. Но вамъ нѣтъ надобности писать и я не совѣтовалъ-бы вамъ. Еще успѣете, когда много переживете. Теперь-же вамъ надо жить и жить согласно съ тѣмъ идеаломъ, который вы видите передъ собою или по крайней мѣрѣ по мѣрѣ силъ приближаясь къ нему. И на это осуществленіе идеала въ жизни и приближеніе къ нему нужно много энергіи. Вы всю и употребите на это.

Такъ вотъ, пожалуйста, не сердитесь на меня и вѣрьте, что въ томъ, что пишу вамъ я имѣю только въ виду васъ, ваше добро.

Если будете писать и я смогу чѣмъ служить вамъ буду очень радъ.

Любящій васъ *Л. Толстой*.

№ 441.

Редактору журнала „Русская Мысль".

(1897 г., Апрѣль 5).

Милостивый Государь!

Прилагаемые стихи написаны молодымъ человѣкомъ крестьяниномъ. Стихи, по моему мнѣнію, очень хороши и не только стоятъ того, чтобы быть напечатанными, но должны обратить на себя вниманіе, если будутъ напечатаны.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовый
къ услугамъ

Левъ Толстой.

№ 442.

Г. А. Джаншіеву.

(1897 г., Апрѣль 17).

Милостивый Государь Григорій Аветовичъ.

Очень сожалѣю о томъ, что не могъ принять дѣятельнаго участія въ предпринятомъ Вами добромъ дѣлѣ [1]). Болѣзнь и другія обстоятельства помѣшали мнѣ докончить то что я намѣревался предложить Вамъ въ Сборникъ.

Отъ всей души желаю Вамъ успѣха и достиженія цѣли ради которой онъ предпринятъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ остаюсь готовымъ
къ услугамъ

Левъ Толстой.

№ 443.

Гр. С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1897 г., Іюнь 8).

Дорогая Соня!

Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ, уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая что я лишу дѣтей, пока они малы, хоть того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же такъ жить, какъ я жилъ эти 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ подпадая подъ тѣ вліянія и соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: уйти, во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе

---

[1]) Сборникъ въ пользу армянъ.

мое уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе.

Главное же то, что, какъ Индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, тенису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70 годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть не единичнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью.

Если бы я открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, и я бы ослабѣлъ, можетъ быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больное, и въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня и не сѣтуй на меня, не осуждай меня.

То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой. Я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить своей жизни и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а, напротивъ, съ любовью и благодарностью вспоминаю длинныя 35 лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, съ свойственнымъ твоей натурѣ материнскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать. Дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни—послѣднія 15 лѣтъ мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я ни для себя, ни для людей, а потому, что не могъ ина-

че. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ.

Прощай, дорогая Соня.

Любящій тебя

Левъ Толстой.

(На конвертѣ): „Если не будетъ особаго отъ меня объ этомъ письмѣ рѣшенія, то передать его послѣ моей смерти С. А.“ [1]).

1898 г.

№ 444.

Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“.

(1898 г,. Февраль 4).

Полагаю, что напечатаніе прилагаемаго частнаго письма отъ лица,—очевидно хорошо знающаго крестьянство и вѣрно описывающаго его положеніе въ своей мѣстности, — было-бы полезно. Положеніе крестьянъ въ описываемой мѣстности не составляетъ исключенія: таково-же, какъ мнѣ хорошо извѣстно, положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Козловскаго, Елецкаго, Новосильскаго, Чернскаго, Ефремовскаго, Землянскаго, Нижнедѣвицкаго и другихъ уѣздовъ черноземной полосы. Лицо, писавшее письмо, и не думало о напечатаніи его и только по просьбѣ своихъ друзей согласилось на это.

Правда, что положеніе большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бываетъ провести черту между тѣмъ, что можно назвать голодомъ и нормальнымъ состояніемъ, и что та помощь, которая особенно нужна въ нынѣшнемъ году, была также нужна, хотя и въ меньшей степени, и въ прошломъ, и во всякое время; правда,

---

[1]) Письмо это было обнаружено только послѣ смерти Льва Николаевича.

что благотворительная помощь населенію очень трудна, такъ какъ часто вызываетъ желаніе воспользоваться помощью и тѣхъ, которые могли-бы продышать и безъ этой помощи; правда, что то, что могутъ сдѣлать частные люди, только капля въ морѣ крестьянской нужды; правда и то, что помощь въ видѣ столовыхъ, удешевленія продажи хлѣба или раздачи его, прокормленія скота и т. п. суть только палліативы и не устраняютъ основныхъ причинъ бѣдствія. Все это правда, но правда и то, что во-время оказанная помощь можетъ спасти жизнь старика, ребенка, можетъ замѣнить отчаяніе, враждебность заброшеннаго человѣка, чувствомъ вѣры въ добро и братство людей. И что важнѣе всего, несомнѣнно правда то, что всякій человѣкъ нашего круга, который вмѣсто того, чтобы не только думать объ увеселеніяхъ: театрахъ, концертахъ, подписныхъ обѣдахъ, бѣгахъ, выставкахъ и т. п., подумаетъ о той крайней, сравнительно съ городской показной жизнью, нуждѣ, въ которой сейчасъ, въ эту самую минуту, живутъ многіе и многіе изъ нашихъ братьевъ,—что такой человѣкъ, если онъ постарается, хоть какъ-бы то ни было, неумѣло, пожертвовать хоть малѣйшей долей своихъ удовольствій, помочь этой нуждѣ, — несомнѣнно поможетъ самому себѣ въ самомъ важномъ на свѣтѣ дѣлѣ,—въ разумномъ пониманіи смысла жизни и въ исполненіи въ ней своего человѣческаго назначенія.

Левъ Толстой.

№ 445.

А. Шкарвану.

(1898 г., Мартъ 15).

Милый другъ Шкарванъ. Спасибо вамъ за ваше письмо. Я предполагалъ то самое, что вы пишете о Ив. Странный соблазнъ этотъ славы людской. Онъ тѣмъ ужасенъ, что претворяетъ добрыя чувства въ дурныя, какъ будто не из-

мѣнія ихъ. Мы всѣ знаемъ это чувство и, вѣроятно, каждому изъ насъ приходилось бороться съ нимъ. Для борьбы съ этимъ чувствомъ драгоцѣнна мысль о смерти. Я по крайней мѣрѣ всегда для этой цѣли вызываю ее въ себѣ и мнѣ это легко по моему возрасту. Ваша болѣзнь тоже вамъ должна помогать въ этомъ, хотя мнѣ кажется, что несмотря на вашу молодость, у васъ было мало этого грѣха.

Я теперь съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о вашей болѣзни, часто думаю о васъ и вспоминаю и цѣню больше, чѣмъ прежде. Сколько я знаю, болѣзнь можетъ не помѣшать вамъ жить еще долго, особенно если вы будете жить въ хорошемъ климатѣ А то, что она можетъ унести васъ всякій день, то это общій удѣлъ всѣхъ людей. Ваше положеніе только вызываетъ болѣе серьезное и какъ я слышу кроткое настроеніе въ васъ и большую любовь къ окружающимъ васъ, и всѣхъ насъ, удаленныхъ отъ васъ, друзьяхъ. Мы недавно такъ хорошо говорили про васъ съ Лукаевымъ, который горячо любитъ васъ.

Два вопроса о васъ, нѣтъ, три, на которые я желалъ бы знать отвѣты.

1) Страдаете-ли вы? И какъ? 2) Что ваша мать? Что она знаетъ и какъ смотритъ и какое общеніе ваше съ ней теперь и какое предвидится? 3) Какое ваше душевное состояніе, большую часть времени, или скорѣе въ лучшія самыя свѣтлыя минуты? На всѣ эти вопросы мнѣ вѣроятно отвѣтитъ Галя.

Прощайте, милый другъ. Всегда чувствовалъ, а теперь особенно чувствую полное единеніе съ вами, единеніе, которое меня радуетъ и ничѣмъ не можетъ быть нарушено. Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

P. S. Письма, которыя хочу прислать Черткову, не переписаны еще, но не хочу задерживать это письмо. Пришлю тотчасъ, когда будутъ готовы. *Л. Т.*

1899 г.

№ 446.

Проф. М. Э. Здзѣховскому.

(1899 г., Іюнь 26).

Простите меня, пожалуйста, любезный Маріанъ Эдмундовичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на ваше пріятное письмо. — Телеграммы, которую вы записали въ вашемъ письмѣ, я не получалъ, но т. к. вы выписали ее, то я все-таки испыталъ тѣ чувства благодарности и особенной радости духовнаго общенія, которыя я всегда испытывалъ въ сближеніи съ поляками [1]). Сердечно благодарю васъ, и вы передайте мою благодарность Соколовскому и Моравскому.— Мои отношенія съ вами мнѣ очень памятны и оставили во мнѣ самыя хорошія воспоминанія. Вашей статьей и разговорами вы помогли мнѣ сознательно сблизиться душевно съ поляками,—то, къ чему я всегда чувствовалъ несознательное влеченіе. Не отвѣчалъ я вамъ до сего п. ч. во-первыхъ, съ годами все больше и больше становится дѣла, а во-вторыхъ п. ч. былъ тяжело боленъ и только на дняхъ поправился.

Желаю вамъ всего хорошаго.

Левъ Толстой.

1900 г.

№ 447.

Князю В.

(Москва, 1900 г., Дек. 4).

Когда двое пьяныхъ подерутся въ трактирѣ за картами, я никакъ не могу рѣшиться осудить одного изъ нихъ, какъ бы ни были убѣдительны оправданія и объясненія другого. При-

---

[1]) Телеграмма изъ Кракова отъ представителей науки и литературы во время банкета въ честь А. Пушкина.

чина недостойнаго и неприличнаго поведенія того или другого не въ томъ, что одинъ изъ нихъ правъ, а другой — не правъ, но въ томъ, что оба вмѣсто того, чтобы мирно отдыхать или работать, сочли необходимымъ пойти въ трактиръ пить вино и играть въ карты. Точно такъ же не могу и согласиться, когда мнѣ говорятъ, что въ той или въ другой войнѣ виновата только одна сторона. Можно конечно допустить, что одна изъ сторонъ поступаетъ хуже другой, но разслѣдованіе о томъ, которая сторона поступаетъ хуже нисколько не выясняетъ, почему мы должны быть свидѣтелями такого ужаснаго жестокаго и безчеловѣчнаго явленія, какъ война. Причины, вызывающія войну, ясны для каждаго кто не закрываетъ намѣренно глазъ—идетъ ли рѣчь о трансваальской войнѣ или о какой-либо другой войнѣ послѣднихъ годовъ.

И потому я думаю, что не только безполезно, но и вредно искать причины войны въ дѣйствіяхъ гг. Чемберленовъ и комп., закрывая глаза на истинныя причины, которыя лежатъ гораздо ближе и, между прочимъ, и въ насъ самихъ. На Чемберленовъ можно сердиться и бранить ихъ но гнѣвомъ и бранью мы только портимъ себѣ кровь, хода же вещей измѣнить не можемъ. Чемберлены только слѣпыя орудія силъ, стоящихъ далеко за ними. А потому совершенно безполезно сердиться на этихъ людей и порицать ихъ. Больше того: это прямо невозможно, когда видишь истинныя причины ихъ дѣйствій и чувствуешь себя до извѣстной степени причастнымъ ихъ войнѣ.

Левъ Толстой.

№ 448.

М. А. С.

(Москва, 1900 г., Дек. 17).

М. А. Письмо ваше получено мною около мѣсяца назадъ, но я до сихъ поръ не могъ удосужиться чтобы отвѣтить на

него. Вы спрашиваете - въ чемъ заключается мое христіанское вѣроисповѣданіе?

Вы читали „Краткое Изложеніе Евангелія“ и потому знаете, какъ я понимаю ученіе Христа.

Если же вы желаете знать, въ чемъ я вижу главный смыслъ ученія, то, по-моему, главный смыслъ ученія Христа, который я бы желалъ передать всѣмъ людямъ, въ которомъ желалъ бы, чтобы воспитывались всѣ дѣти, — состоитъ въ томъ что человѣкъ пришелъ въ міръ не по своей волѣ, а по волѣ Того, кто его послалъ въ міръ. Для того же, чтобы человѣкъ зналъ то, чего отъ него хочетъ Тотъ, кто его послалъ въ міръ,— Онъ вложилъ въ него разумъ, посредствомъ котораго человѣкъ всегда, если онъ точно хочетъ этого, можетъ знать волю Бога, т. е. то, чего хочетъ отъ него Тотъ, кто послалъ его въ міръ.

Фарисеи и книжники нашего времени всегда говорятъ, что не надо вѣрить разуму, потому что онъ обманетъ, а надо вѣрить имъ и они не обманутъ. Но они говорятъ неправду. Если вѣрить людямъ и . . . . . преданіямъ человѣческимъ, то мы всѣ располземся въ разныя стороны, какъ слѣпые щенята, и возненавидимъ другъ друга, какъ это происходитъ теперь: христіанинъ—церковникъ ненавидитъ магометанина, магометанинъ христіанина, и самые христіане ненавидятъ другъ друга: православный католика, старовѣра, старовѣръ православнаго и т. д. Если же мы будемъ держаться того, что намъ говоритъ разумъ, то всѣ соединимся, потому что разумъ у всѣхъ одинъ, и только разумъ соединяетъ людей и не мѣшаетъ проявленію свойственной людямъ любви другъ къ другу.

Разумъ соединяетъ не только людей, одновременно живущихъ, но соединяетъ насъ съ людьми, жившими до насъ за тысячи лѣтъ, и съ тѣми, которые будутъ жить послѣ насъ. Такъ, мы пользуемся всѣмъ тѣмъ, что произвелъ ра-

зумъ и Исаіи, и Христа, и Будды, и Сократа, и Конфуція, и всѣхъ людей, жившихъ до насъ и вѣровавшихъ разуму и служившихъ ему. Поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобы поступали съ тобой, не мсти людямъ, дѣлающимъ тебѣ зло, а плати добромъ за зло, будь воздерженъ, цѣломудренъ; не только не убивай людей, но не гнѣвайся на нихъ; соблюдай миръ со всѣми, и многое другое,— все это произведеніе разума и все это проповѣдовалось одинаково и буддистами, и конфуціанцами, и христіанами, и таосистами, и мудрецами греческими и египетскими, проповѣдуется и всѣми добрыми людьми нашего времени, и всѣ въ этомъ согласны.

И потому, повторяю, главный смыслъ христіанскаго ученія, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что выражено въ Евангеліи въ притчѣ о виноградаряхъ, которымъ былъ данъ въ пользованіе садъ, за который они должны были платить хозяину, а они вообразили, что садъ ихъ собственный, и въ притчѣ о талантахъ. Смыслъ въ томъ, что люди должны исполнять волю Того, Кто ихъ послалъ въ жизнь, воля же эта въ томъ, чтобы люди, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ, были совершенны, какъ ихъ Отецъ небесный, т. е. приближались, сколько могутъ, къ этому высшему совершенству.

То, что въ этомъ только воля Бога, показываетъ намъ тоже разумъ и такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора и сомнѣнія. Всякій подумавшій объ этомъ человѣкъ, не можетъ не видѣть, что во всѣхъ дѣлахъ жизни человѣкъ можетъ встрѣчать и встрѣчаетъ препятствія, и только въ одномъ дѣлѣ нѣтъ человѣку препятствій — въ томъ, чтобы совершенствоваться, очищать свою душу отъ зла и дѣлать добро всему живущему. Не прекращаетъ и не нарушаетъ, не мѣшаетъ этому дѣлу и смерть, прекращающая, нарушающая и лишающая смысла всякое другое мірское дѣло. Не прекращаетъ и не нарушаетъ этого дѣла смерть потому, что человѣкъ, исполняющій волю Того, кто его послалъ,

зная, что исполняемое имъ дѣло нужно хозяину, спокойно исполняетъ ее здѣсь до тѣхъ поръ пока у него есть силы исполнять ее и знаетъ, что смерть не уничтожаетъ ни его самого, ни его отношенія къ Хозяину, а что и тамъ, хотя и въ совершенно другой формѣ, онъ будетъ въ той же зависимости отъ Хозяина и будетъ имѣть ту же радость все большаго и большаго участія въ жизни и дѣлѣ Хозяина т. е. Бога.

Такъ я понимаю ученіе Христа и такъ бы желалъ, чтобы понимали всѣ его и такъ бы воспитывались дѣти; чтобы они не вѣрили на слово тому, что имъ говорятъ о Богѣ и о жизни,—чтобы вѣрили тому чему вѣрятъ, не потому, что это выдается за изреченіе пророковъ . . . . . , а потому что это говоритъ имъ ихъ разумъ. Разумъ старше и достовѣрнѣе всѣхъ писаній и преданій, онъ былъ уже тогда, когда не было никакихъ преданій и писаній, и онъ данъ каждому изъ насъ прямо отъ Бога.

Слова Евангелія о томъ, что всѣ грѣхи простятся но только не хула на Святого Духа, по моему мнѣнію, относятся прямо къ утвержденію того, что разуму не надо вѣрить. Дѣйствительно, если не вѣрить разуму, данному намъ отъ Бога, то кому же вѣрить? Неужели тѣмъ людямъ, которые хотятъ заставить насъ вѣрить тому, что несогласно съ разумомъ, даннымъ отъ Бога...

Левъ Толстой.

№ 449.

А. Шкарвану.

(1900 г., Дек. 28).

Получилъ ваше длинное хорошее письмо, милый другъ Шкарванъ. Все мнѣ въ немъ интересно. И свѣдѣнія о вашихъ сосѣдяхъ и болѣе всего о васъ самихъ въ вашей брачной жизни. Очень радъ за васъ. Не считайте этого письмомъ, а только распиской въ полученіи вашего.

Я уже болѣе двухъ мѣсяцевъ нахожусь въ состояніи умственной усталости, ничего не пишется. Сначала это тяготило меня, но потомъ я не только примирился съ этимъ (если такъ продолжится и до смерти), а даже нахожу въ этомъ большую выгоду, такъ какъ при умственномъ бездѣйствіи нравственная работа идетъ гораздо лучше.

Прощайте. Братски цѣлую васъ. Привѣтъ вашей женѣ и всѣмъ друзьямъ.

Левъ Толстой.

1901 г.

№ 450.

N. N.

(Москва, 1901 г., Янв. 3).

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я писалъ о безполезности молитвы, какъ для осуществленія нашихъ желаній по отношенію событій внѣшняго міра точно такъ же и для внутренняго міра—для своего усовершенствованія. Боюсь, что по моей винѣ вы не такъ поймете меня, какъ бы я хотѣлъ и потому добавлю здѣсь кое что объ этомъ предметѣ—именно о молитвѣ.

О внѣшнихъ событіяхъ: о томъ, чтобы пошелъ дождь, или былъ живъ любимый мною человѣкъ, или я былъ здоровъ и не умеръ,—нельзя молиться потому, что эти событія происходятъ по законамъ, установленнымъ Богомъ разъ навсегда, и такъ, что если мы поступаемъ, какъ должно, то они всегда благодѣтельны для насъ. Все равно, какъ если бы добрый человѣкъ построилъ мнѣ домъ съ крѣпкими стѣнами и крышей, защищающими меня, а я бы по прихоти своей желалъ расширить или перемѣнить положеніе стѣнъ и просилъ бы объ этомъ.

О внутреннемъ же своемъ совершенствованіи нельзя молиться потому, что намъ дано все то, что нужно для на-

шего совершенствованія, и прибавлять къ этому ничего не нужно и нельзя.

Но то, что просительная молитва не имѣетъ смысла, не значитъ того, что нельзя и не нужно молиться. Напротивъ, я считаю, что невозможно жить хорошо безъ молитвы, и что молитва есть необходимое условіе и доброй, и спокойной, и счастливой жизни. Въ Евангеліи указано, какъ должно молиться, и въ чемъ должна состоять молитва.

Въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божія, духъ Божій, каждый человѣкъ есть сынъ Божій. Молитва состоитъ въ томъ, чтобы отрѣшившись отъ всего мірского, отъ всего, что можетъ развлекать мои чувства, (магометане прекрасно дѣлаютъ, когда входя въ мечеть или начиная молиться, закрываютъ пальцами глаза и уши), вызвать въ себѣ божеское начало. Самое лучшее для этого то, чему учитъ Христосъ: войти одному въ клѣть и затвориться, т. е. молиться въ полномъ уединеніи, будетъ ли оно въ клѣти, въ лѣсу, или въ полѣ. Молитва въ томъ, чтобы отрѣшившись отъ всего мірского внѣшняго,—вызвать въ себѣ божественную часть своей души, перенестись въ нее, посредствомъ нея вступить въ общеніе съ Тѣмъ, Кого она есть частица, сознать себя рабомъ Бога и провѣрить свою душу, свои поступки, свои желанія и по требованію не внѣшнихъ условій міра, а этой божественной части души.

И такая молитва . . . . . .
всегда помогаетъ жизни, измѣняя и направляя ее. Такая молитва есть исповѣдь, повѣрка прежнихъ и указаніе направленія будущихъ поступковъ. Положимъ меня оскорбили, и я питаю недоброжелательство къ человѣку и желаю ему зла, или не желаю ему сдѣлать то добро, которое могу; или я потерялъ имущество, или любимаго человѣка; или живу, поступая несогласно со своей вѣрой. Если я не молюсь по настоящему, а продолжаю жить въ разсѣяніи—я не избавлюсь отъ того мучительнаго чувства недоброжелатель-

ства къ оскорбителю; точно такъ же потеря имущества или любимаго человѣка будетъ отравлять мнѣ жизнь; и, собираясь поступить не такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть, я буду тревоженъ. Но если я самъ съ собой и съ Богомъ провѣрю себя,—все измѣнится, я обвиню себя, а не врага, и буду искать случая сдѣлать ему добро; потери свои я приму, какъ испытанія, и буду стараться съ покорностью переносить ихъ и въ томъ найду утѣшеніе; и въ поступкахъ своихъ разберусь: не буду, какъ прежде, скрывать отъ себя то несоотвѣтствіе моей жизни съ моей вѣрой, а буду, каясь, стараться привести ихъ къ единству, и въ этомъ стараніи найду успокоеніе и радость.

Но вы спросите: въ чемъ же должна состоять молитва?

Христосъ далъ намъ образецъ молитвы въ „Отче нашъ", и молитва эта,—напоминая намъ сущность нашей жизни, состоящую въ томъ, чтобы быть въ волѣ Отца и исполнять ее, и самые обычные грѣхи наши: осужденіе и непрощеніе братьевъ, и главныя опасности нашей жизни, искушенія,—до сихъ поръ остается лучшей молитвой и самой полной изъ всѣхъ, какія я знаю.

Но кромѣ этой молитвы, истинная, уединенная молитва состоитъ еще изъ всего того, что въ словахъ другихъ мудрыхъ и святыхъ людей, или въ своихъ собственныхъ, возвращаетъ нашу душу къ сознанію своего божескаго начала, къ болѣе живому и ясному выраженію требованій своей совѣсти, т. е. божеской природы.

Молитва есть провѣрка по высшимъ требованіямъ души своихъ прошедшихъ и настоящихъ поступковъ. Такъ что молитву, уединенную и возстанавливающую божественность души, я не только не отрицаю, но считаю необходимымъ условіемъ жизни духовной, т. е. истинной...

Христосъ прямо и положительно сказалъ, что молиться должно уединенно и что просить ни о чемъ не нужно, потому

что „прежде чѣмъ откроешь ротъ, Отче нашъ знаетъ, что вамъ нужно“.

Про себя скажу,—вовсе не думая о томъ, что это для всѣхъ хорошо и такъ нужно всѣмъ дѣлать,—что я уже давно взялъ привычку молиться каждый день поутру въ уединеніи. И эта моя ежедневная молитва такова:

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое. И послѣ этого я прибавляю изъ Евангелія Іоанна: Имя Твое есть любовь, Богъ есть любовь. Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Бога никто не видитъ нигдѣ, но если мы любимъ друга друга, то Онъ пребываетъ въ насъ, и любовь Его въ насъ совершилась. Если кто говоритъ: люблю Бога, но брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ онъ любить Бога, котораго не видитъ. Братья, будемъ любить другъ друга, любовь отъ Бога, и любящій каждый отъ Бога и знаетъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

Да пріидетъ царствіе Твое. И я прибавляю: ищите царства Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Царство Божіе внутри васъ есть.

Да будетъ воля Твоя, яко же на небеси, такъ и на земли. И при этомъ спрашиваю себя: точно ли я вѣрю въ то, что я въ Богѣ и Богъ во мнѣ? И вѣрю ли я въ то, что жизнь моя въ томъ, чтобы увеличивать въ себѣ любовь? Спрашиваю себя: помню ли то, что я нынче живъ, а завтра померъ? Правда ли то, что я не хочу жить для похоти личной и для славы людской, а только для исполненія воли Бога? И прибавляю слова Христа изъ 3-хъ Евангелій: не моя воля да будетъ, но Твоя, и не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь, и не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ Ты хочешь.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь нашъ днесь. Прибавляю: пища моя въ томъ, чтобы творить волю послав-

шаго меня и сотворить волю Его. Отвергнись отъ себя, возьми крестъ свой на каждый день и слѣдуй за мной. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, яко кротокъ, смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо иго мое благо и бремя мое легко.

И остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникамъ нашимъ, прибавляю: и не проститъ вамъ Отецъ вашъ прегрѣшеній вашихъ, если каждый изъ васъ не проститъ брату своему всѣхъ прегрѣшеній его.

И не введи насъ во искушенія. Прибавляю: берегись искушеній — похоти, тщеславія, нелюбви, объяденія, блуда, славы людской. Не твори милостыни передъ людьми, но чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая. И ненадеженъ для царствія Божія взявшійся за плугъ и оглядывающійся назадъ. Радуйся тому, что тебя ругаютъ и срамятъ.

Но избави насъ отъ лукаваго. Прибавляю: берегись зла выходящаго изъ сердца: злые помыслы, убійства (всякое недоброжелательство къ человѣку), кражи (пользованія тѣмъ, что не заработалъ), любодѣянія, прелюбодѣянія (хотя и мысленно), лжесвидѣтельства, хуленія.

Заключаю молитву опять словами Евангелія Іоанна: И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ брата своего. Не любящій брата своего не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ.

Такъ я молюсь каждый день, примѣняя къ своимъ дѣламъ и своему душевному состоянію слова этой молитвы. Иногда болѣе задушевно, иногда менѣе. Но кромѣ этой молитвы я молюсь еще, когда одинъ, самъ съ собой, — читаю мысли мудрыхъ и святыхъ людей, не однихъ христіанъ и не однихъ древнихъ, и думаю, отыскивая передъ Богомъ то дурное, что есть въ моемъ сердцѣ, и стараюсь вырвать его.

Стараюсь также молиться и въ жизни, когда я съ людьми, и меня захватываютъ страсти. Вотъ тутъ я стараюсь вспомнить то, что происходило въ моей душѣ во время молитвы уединенной, и чѣмъ искреннѣй была молитва, тѣмъ легче удерживаюсь отъ дурного.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ о молитвѣ, чтобы вы не думали, что я отрицаю ее.

Братъ вашъ *Левъ Толстой.*

№ 451.

М. А. С.

(1901 г., Янв. 14.)

Вы спрашиваете, что можетъ дать человѣку слабому и испорченному, развращенному, какъ всѣ мы среди окружающихъ его со всѣхъ сторонъ соблазновъ, — что можетъ дать такому человѣку силу жить христіанской жизнью?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать, и прежде, чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я спрошу — что собственно онъ означаетъ? Мы такъ привыкли къ этому вопросу, что онъ кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ, а, между тѣмъ, вопросъ этотъ не только не естественнъ, и не понятенъ, но чрезвычайно удивителенъ и страненъ для всякаго разумнаго человѣка не воспитаннаго въ суевѣріяхъ...

Почему кузнецъ, кующій желѣзо, или пахарь, пашущій поле, не спрашиваетъ о томъ, откуда онъ возьметъ силы для исполненія предпринятаго имъ дѣла, а дѣлаетъ его по мѣрѣ силъ своихъ; ошибается и старается поправить сдѣланную ошибку; устаетъ — останавливается, оставляетъ на время работу, отдыхаетъ и опять берется за нее? Развѣ не въ томъ же самомъ положеніи всякій рабъ Божій, старающійся жить христіанской жизнью—исполнять сознанную имъ волю Бога? Точно также такой человѣкъ, если онъ искренъ, будетъ по мѣрѣ силъ, жить христіанской жизнью, ис-

полнять волю Бога, и, если будетъ ошибаться, будетъ поправляться, и будетъ уставать, и отдыхать, и опять браться за то же дѣло своей жизни: приближаться по мѣрѣ силъ къ тому совершенству Отца небеснаго, которое указано ему.

Вопросъ о томъ, гдѣ взять силы для христіанской жизни, показываетъ только то что людей кто-то увѣрилъ въ томъ, что есть какія-то особенныя средства, посредствомъ которыхъ люди безъ своего ежечаснаго усилія борьбы, паденій, раскаянія, подъемовъ и опять паденій, и опять подъемовъ, могутъ получить нужныя имъ силы для хорошей, святой жизни. Это-то суевѣріе, что человѣкъ не собственными медленными усиліями приближается къ совершенству, а можетъ сразу очиститься и стать святымъ, есть одно изъ самыхъ ужасныхъ и зловредныхъ заблужденій...

Суевѣріе это очень вредно потому что заключаетъ въ себѣ обманъ.

Обманъ, во первыхъ въ томъ, что человѣкъ можетъ сдѣлаться совсѣмъ чистымъ, святымъ, тогда какъ для живого человѣка это невозможно. Человѣкъ не можетъ быть совершеннымъ и безгрѣшнымъ, онъ можетъ только болѣе или менѣе приближаться къ совершенству, полагая въ этомъ приближеніи весь смыслъ своей жизни. (Я даже думаю, что жизнь послѣ смерти будетъ состоять хотя и въ совершенно другомъ видѣ, но опять только въ приближеніи къ совершенству). Въ этомъ личномъ усиліи къ совершенству весь смыслъ и радость жизни. И потому, если бы совершенство достигалось внѣшними средствами, мы бы были лишены самой сущности жизни.

Обманъ, во вторыхъ, въ томъ, что силы человѣка отвлекаются отъ того, что ему нужно дѣлать, — работать надъ собой,—и направляются на то, что не нужно дѣлать...

Просить Бога и придумывать средства, какъ совершенствоваться можно было бы только тогда, когда бы намъ были поставлены какія либо преграды для этого дѣла, и мы

сами не имѣли бы для этого силъ. Въ дѣлѣ совершенствованія, или христіанской жизни, или исполненія воли Бога, Богъ не требуетъ отъ насъ того, чтобы дать намъ все, что намъ нужно для исполненія его воли.

Мы здѣсь въ этомъ мірѣ какъ на постояломъ дворѣ, въ которомъ хозяинъ устроилъ все, что намъ, путешественникамъ, точно нужно, и самъ ушелъ оставивъ наставленіе, какъ намъ вести себя въ этомъ временномъ пріютѣ. Все, что намъ нужно, у насъ подъ руками; такъ какія же намъ еще придумывать и о чемъ просить? Только бы исполнить то, что намъ предписано. Такъ и въ нашемъ духовномъ мірѣ—все нужное намъ дано, и дѣло только за нами.

Понятно, что если мы хотимъ быть сразу святыми, или чувствовать себя оправданными и, кромѣ того, еще богатыми, хотимъ, чтобы наши друзья и мы сами не болѣли и не умирали, чтобы у насъ были всегда хорошіе урожаи, и чтобы враги наши были уничтожены,—то намъ тоже надо просить обо всемъ этомъ Бога, какъ просятъ объ этомъ въ нашихъ церквахъ. Но вѣдь Богъ ничего этого не предназначалъ намъ; Онъ не только не предписалъ намъ быть праведными и безгрѣшными, но напротивъ, далъ намъ жизнь, смыслъ которой въ томъ только, чтобы мы сами освобождались отъ грѣховъ своихъ и приближались къ Нему; и не предназначилъ насъ быть богатыми, безболѣзненными и безсмертными, а далъ намъ испытанія: бѣдность, болѣзни, смерть друзей и свою, именно затѣмъ, чтобы научить полагать свою жизнь не въ богатствѣ, здоровьѣ и этой временной жизни, а въ служеніи Ему; и далъ намъ враговъ не затѣмъ, чтобы мы желали ихъ погибели, а затѣмъ, чтобы мы научились уничтожать враговъ любовью; далъ намъ такой законъ, при которомъ намъ всегда хорошо, если мы исполняемъ его. Такъ что придумывать какія то особенныя средства спасенія и просить Бога намъ не о чемъ. Все, что намъ нужно, намъ дано, если мы только слѣдуемъ указа-

ніямъ и нашей совѣсти, и Бога, выраженнымъ въ Евангеліи.

Въ-третьихъ обманъ въ томъ, и особенно этимъ вреденъ, что люди, повѣрившіе въ то, что они своими силами не могутъ исполнять волю Бога и жить хорошо, перестаютъ работать надъ собою и не только перестаютъ работать, но теряютъ возможность совершенствоваться. Стоитъ увѣриться, что человѣкъ боленъ, и онъ станетъ больнымъ. Порченые отъ того кричатъ, что они вѣрятъ, что они порченые. Пьющіе запоемъ отъ того не исцѣляются, что увѣрены, что они не могутъ воздержаться. Нѣтъ болѣе безнравственнаго и вреднаго ученія, какъ-то, что человѣкъ не можетъ совершенствоваться своими силами.

Это разсужденіе о томъ, что для доброй христіанской жизни недостаточно своихъ усилій, а необходима какая-то внѣшняя сила, совершенно подобно тому, по которому (о чемъ я писалъ вамъ въ первомъ письмѣ), недостаточно разума для познанія истины, а необходимы внѣшнія несомнѣнныя доказательства. Тамъ впередъ предполагается, что есть что то такое, что можетъ дать человѣку силы жить христіанской жизнью и исполнять волю Бога; тутъ же впередъ предполагается, что есть что то такое, почему человѣкъ можетъ навѣрное узнать, что то, что ему говорится, есть несомнѣнная истина. Предполагается, что существуетъ какое-то средство познать истину помимо личнаго усилія разума, и истину, полную, совершенную. Но вѣдь это такъ же невозможно, какъ увидать свѣтъ безъ глазъ. Истина есть то, что познается усиліями и ничѣмъ другимъ познаться не можетъ. И истина, познаваемая разумомъ человѣческимъ, никогда совершенною быть не можетъ, а только болѣе или менѣе приближается къ совершенной истинѣ. Такъ что истина можетъ быть высшей, доступной въ данное время человѣку, истиной; но никогда не можетъ быть совершенной на всѣ времена, несомнѣнной истиной. Никакое положеніе не можетъ быть такой совершенной на всѣ

времена, несомнѣнной истиной уже по тому одному, что жизнь, какъ всего человѣчества, такъ и каждаго отдѣльнаго человѣка, вся проходитъ и даже состоитъ въ достиженіи все болѣе и болѣе совершенной истины.

Превратное и нелѣпое понятіе о томъ, что человѣческій разумъ своими усиліями не можетъ приближаться къ истинѣ, происходитъ отъ такого же ужаснаго суевѣрія, какъ и то, по которому человѣкъ не можетъ безъ помощи извнѣ приближаться къ исполненію воли Бога. Сущность этого суевѣрія въ томъ, что полная совершенная истина, будто бы открыта самимъ Богомъ: для евреевъ, она открыта на горѣ Синаѣ... для браминовъ открыта въ Ведахъ; для буддистовъ въ Тринитакѣ, для магометанъ—въ Коранѣ. Суевѣріе это ужасно... человѣкъ перестаетъ вѣрить единственному средству познанія истины—усиліемъ своего разума. Человѣкъ, поступающій такъ, дѣлаетъ то же, что сдѣлалъ бы человѣкъ, отыскивающій путь, если бы онъ вмѣсто того, чтобы дѣлать всевозможныя усилія для узнанія пути, закрылъ бы глаза и отдался руководству того человѣка, который первый взялся бы проводить его.

Говорятъ: какъ же вѣрить разуму, когда мы видимъ, что люди руководимые разумомъ, ошибаются? Люди, руководимые разумомъ—протестанты расходятся на безчисленное количество вѣръ, и даже одинъ и тотъ же человѣкъ, довѣряясь своему разуму, переходитъ отъ одного ученія къ другому. Стало быть, говорятъ, разумъ можетъ ошибаться, нельзя довѣрять ему.

Почему же? Когда человѣкъ вѣрилъ въ одно что-нибудь и разумъ его не указывалъ ему ничего болѣе истиннаго, онъ познавалъ высшую для него истину и былъ правъ; потомъ онъ позналъ болѣе высокую истину и былъ правъ, признавая ее. Точно такъ же онъ былъ правъ, познавъ еще болѣе высокую или чистую истину. Та выше, яснѣе,

истиннѣй чего человѣкъ не можетъ видѣть и представить себѣ,—то для него и есть истина.

Очень можетъ быть, что было бы очень хорошо и желательно, чтобы люди всѣ сразу познали одну и ту же совершенную истину, (хотя, если бы это было такъ, то жизнь прекратилась бы), но если и допустить, что это было бы желательно, то вѣдь не все дѣлается такъ, какъ мы желаемъ. Очень можетъ быть, желательно неразумнымъ людямъ чтобы люди не болѣли, или чтобы было средство, которое лѣчило бы отъ всѣхъ болѣзней, или чтобы всѣ люди говорили на одномъ языкѣ; но вѣдь это не сдѣлается отъ того, что мы вообразимъ, что всѣ люди вылечиваются отъ нашего лекарства или всѣ говорятъ и понимаютъ по-русски. Если мы вообразимъ это, то только самимъ себѣ дѣлаемъ хуже. Особенно же вредно такое ложное воображеніе потому, что оно болѣе всего другого разъединяетъ людей. Люди должны бы все болѣе и болѣе соединяться, какъ учитъ Христосъ, и какъ это указываетъ намъ нашъ разумъ и сердце, а такія ученія... болѣе всего разъединяютъ людей.

Кромѣ того надо понять и то, что если человѣкъ вѣритъ въ откровеніе, то и тогда онъ вѣритъ только потому, что разумъ его сказалъ ему, что надо вѣрить въ такое или такое откровеніе—въ магометанское, буддійское или христіанское. Хотимъ мы этого или не хотимъ, помимо разума никакая истина не можетъ войти въ душу человѣка. Разумъ все равно, что грохотъ или сито, которое прилажено къ молотилкѣ и вѣялкѣ такъ, что зерно нельзя получить иначе, какъ черезъ этотъ грохотъ. Можетъ быть сквозь грохотъ проходилъ и проходитъ соръ, но другого средства получить зерно—нѣтъ. Если же мы вообразимъ, что у насъ можетъ быть чистое зерно безъ просѣвки, то мы обманемъ сами себя и будемъ—питаться соромъ вмѣсто хлѣба, какъ это происходитъ съ церковниками.

Такъ что не надо воображать, что все дѣлается, какъ мы хотѣли бы, а надо понимать, что все дѣлается такъ, какъ это установлено Богомъ. А установлена Богомъ жизнь человѣческая такъ, что люди не могутъ познать всей истины, а постоянно приближаются къ ней и познавая яснѣе и яснѣе единую истину,—все болѣе и болѣе сближаются между собою.

О загробной жизни мы знаемъ, что она есть, что жизнь не кончается смертью; о томъ же, какая будетъ тамъ жизнь, намъ знать не дано, потому что и не нужно намъ знать....

Левъ Толстой.

№ 452.

Редактору „Свободной Мысли".

(1901 г., Іюнь).

Я вамъ очень благодаренъ за свѣдѣнія, которыя вы мнѣ доставили о Шоповѣ. Хотя я не могъ вполнѣ понять его дѣла (на болгарскомъ языкѣ), я однако увидѣлъ, что этотъ человѣкъ, глубоко убѣжденный христіанской истиной.

Онъ очень молодъ и испытаніе поэтому для него ужасно. Да поможетъ ему Богъ не быть той землей, въ которой зерна растутъ быстро, но никогда не раскрываются. Пусть онъ будетъ землей, которая въ обиліи приноситъ плоды.

Чѣмъ болѣе я живу и думаю, приближаюсь къ смерти, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь въ томъ, что спасеніе только въ одномъ, только въ поступкахъ дорогого и хорошаго Шопова.

Да поможетъ ему Богъ.

Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе я удивляюсь ослѣпленію нашего ученаго міра (иногда мнѣ кажется, что это

ослѣпленіе преднамѣренно),—предлагающаго всевозможныя средства спасти людей отъ всѣхъ золъ, но не предлагающаго ни единственнаго средства способнаго спасти ихъ разумъ отъ всѣхъ бѣдъ и отъ ужаснаго грѣха убійства, которымъ поддерживается существующій порядокъ вещей.

Вы, вѣроятно, знаете русскій языкъ; и вы простите меня за то, что я отвѣчаю вамъ не на вашемъ языкѣ. Если вы можете сообщиться съ дорогимъ Шоповымъ, передайте ему, я васъ прошу, выраженія моей любви, признательности и моего уваженія, съ однимъ только совѣтомъ: пусть онъ не настаиваетъ на своемъ отказѣ, если онъ дѣлаетъ это для людей, а не для Бога. Пусть онъ руководится единственно чувствами къ Богу. Если вы сообщите мнѣ о его судьбѣ, я вамъ буду очень благодаренъ.

Съ почтеніемъ всегда къ вашимъ услугамъ

Левъ Толстой.

1902 г.

№ 453.

Е. И. Попову,

(Гаспра, начало 1902 г. (?)).

Дорогой Евгеній Ивановичъ!

Простите, что не отвѣтилъ вамъ письменно. Надѣюсь поговоримъ. Пріѣзжайте какъ нибудь къ намъ съ К. Н., которой очень кланяюсь и хотѣлъ бы повидать такъ же, какъ и наши семейные.

А еще вотъ что: письмо это передастъ вамъ очень милый близкій намъ человѣкъ Петръ Леонид. Мануиловъ. Онъ слабъ здоровьемъ, но очень силенъ духомъ. Онъ одинокій, и ему хорошо будетъ съ вами. Здоровье мое все, какъ

должно быть, приближая меня къ переходу и не давая забыть переходности этой жизни, что очень полезно для серьезнаго и хорошаго отношенія къ ней.

Такъ, пожалуйста приходите.

Л. Толстой.

№ 454.

Ф. А. Г—у.

(Гаспра, 1902 г., Янв. 20).

Дорогой Ф. А.

Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что вы пишете. Я понемногу приходилъ къ этому убѣжденію и теперь пришелъ окончательно, что и выразилъ въ своей статьѣ „Что такое религія и въ чемъ ея сущность?", которая теперь вѣроятно печатается у Черткова.

Дѣло христіанина, посредствомъ котораго онъ достигаетъ всѣхъ цѣлей, въ томъ числѣ и той, которая теперь у насъ въ Россіи предстоитъ ему вездѣ и всегда одно: разжигать свой огонь и свѣтить имъ передъ людьми. Обращеніе же всего своего вниманія, всѣхъ своихъ усилій на какую нибудь одну частную цѣль, какъ напримѣръ, на жизнь трудами рукъ, на проповѣдь или, какъ въ данномъ случаѣ, на борьбу съ тѣми или другими обманами, есть всегда ошибка, подобная тому, чтобы дѣлалъ человѣкъ при наводненіи, если бы вмѣсто того, чтобы спускать воду изъ главнаго источника или работать надъ плотиной, удерживающей всю воду, дѣлалъ преграды въ своей улицѣ, не видя того, что вода съ другихъ сторонъ зальетъ его.

Получивъ ваше письмо, я хотѣлъ писать вамъ, напоминая о томъ, что въ борьбѣ надо быть мудрыми, какъ змѣи и кроткими, какъ голуби; но этого мало: надо не забывать ни на минуту главную общую цѣль и не отдаваться работѣ къ достиженію частной цѣли. Это не значитъ того, чтобы не бороться съ обманами (когда знаешь, что они величай-

шее зло, невольно будешь дѣлать это), но бороться только тогда, когда борьба эта является слѣдствіемъ общаго стремленія къ совершенствованію. Еще сравненіе: надо защитить дома отъ возможности пожаровъ сообщаться всѣмъ домамъ. Можно нарубить зеленыхъ вѣтокъ и натыкать ихъ между домовъ. И это будетъ какъ будто дѣйствительно на день, два. Но можно посадить маленькія деревца и, когда они укоренятся и вырастутъ, это будетъ дѣйствительно навсегда. Надо чтобы въ дѣятельности нашей были корни. А корни эти въ нашей покорности волѣ Бога, въ нашей личной жизни, посвященной совершенствованію и увеличенію любви.

Физическое здоровье мое все плохо, но душевно мнѣ очень хорошо, и могу работать, и работаю, какъ умѣю, болѣе серьезно въ виду близкаго конца. Васъ помню и люблю и боюсь за вашу горячность.

Левъ Толстой.

№ 455.

N. N.

(1902 г.)

Вопросъ о томъ, имѣетъ ли вообще человѣкъ право убить себя неправильно поставленъ. О правѣ не можетъ быть и рѣчи. Вопросъ можетъ быть только о томъ, разумно ли и нравственно-ли (разумное и нравственное всегда совпадаетъ) убить себя? Нѣтъ, неразумно, такъ же неразумно, какъ срѣзать побѣги растенія, которое хочешь уничтожить: оно не погибнетъ, а только станетъ расти неправильно. Жизнь неистребима—она внѣ времени и пространства, а потому смерть только можетъ измѣнить ея форму, прекратить ея проявленіе въ этомъ мірѣ. А прекративъ ее въ этомъ мірѣ, я, во-первыхъ, не знаю будетъ ли проявленіе въ другомъ мірѣ болѣе пріятно, а во-вторыхъ, лишаю себя возможности извѣдать и пріобрѣсти для своего (?) все то, что оно

могло пріобрѣсти, въ этомъ мірѣ. Кромѣ того, и главное, это неразумно потому, что, прекращая свою жизнь изъ за того что она мнѣ кажется непріятной я тѣмъ показываю, что имѣю превратное понятіе о назначеніи своей жизни, предполагая, что назначеніе ея есть съ одной стороны, личное совершенствованіе, съ другой—служеніе тому дѣлу, которое совершается всею жизнію міра. Этимъ же самоубійство и безнравственно: человѣку дана жизнь вся и возможность жить до естественной смерти только подъ условіемъ его служенія жизни міра, а онъ, воспользовавшись жизнью, настолько, насколько она была ему пріятна, отказывается отъ служенія ею міру, какъ скоро она ему непріятна, когда какъ по всѣмъ вѣроятіямъ, это служеніе начиналось именно съ того времени, когда жизнь показалась непріятной. Всякая работа представляется сначала непріятной. Въ Оптиной пустынѣ въ продолженіе болѣе 30-ти лѣтъ лежалъ на полу разбитый параличемъ монахъ, владѣвшій только лѣвой рукой. Докторъ говорилъ, что онъ долженъ былъ сильно страдать, но онъ не только не жаловался на свое положеніе, но постоянно крестясь, глядя на иконы улыбаясь выражалъ свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась въ немъ. Десятки тысячъ посѣтителей бывали у него, и трудно представить себѣ все то добро, которое распространилось на міръ отъ этого лишеннаго всякой возможности дѣятельности человѣка. Навѣрно, этотъ человѣкъ сдѣлалъ больше добра, чѣмъ тысячи и тысячи здоровыхъ людей, воображающихъ, что они въ разныхъ учрежденіяхъ служатъ міру. Пока есть жизнь въ человѣкѣ онъ можетъ совершенствоваться и служить міру. Но служить міру онъ можетъ только совершенствуясь, а совершенствоваться—только служа міру.

Левъ Толстой.

№ 456.

П. И. Бирюкову.

(Гаспра, 1902 г., Май 19.)

Получилъ, милый другъ Поша, Ваше письмо и переводъ „о религіи“...

... Сначала я думалъ, что не буду въ состояніи помочь вамъ въ моей біографіи, несмотря на все мое желаніе сдѣлать это. Боялся неискренности, свойственной всякой автобіографіи, но теперь я какъ будто нашелъ форму, въ которой могу исполнить ваше желаніе, указавъ на главный характеръ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ періодовъ моей жизни въ дѣтствѣ, юности и возмужалости, Какъ только оправлюсь настолько, что буду въ состояніи писать, непремѣнно посвящу на это нѣсколько часовъ и постараюсь сдѣлать это.

Прощайте, цѣлую Пашу и Борю и Новорожденную.

Вашъ вѣрный другъ

Левъ Толстой.

№ 457.

N. N.

(Ясная Поляна, 1902 г., Августъ 20).

Любезный N. N. Простите, пожалуйста, за то, что я не исполняю вашей просьбы. Я почти что не могу этого: я и слабъ, и очень занятъ, но, несмотря на это, я бы съ радостью, съ истинной радостью принялъ васъ, если бы чувствовалъ, что это нужно вамъ: читать всего совсѣмъ не нужно, читать надо только то, что отвѣчаетъ на возникшіе въ душѣ вопросы.

Скажите, какіе вопросы занимаютъ васъ, и я, какъ умѣю, постараюсь отвѣтить вамъ или письменно, или прислав отвѣчающія на ваши вопросы, сочиненія.

Любящій васъ *Левъ Т.*

№ 458.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1902 г., Августъ 20).

Милый другъ Поша, сто лѣтъ не писалъ вамъ и это очень огорчаетъ...

Боюсь, что я напрасно обнадежилъ васъ обѣщаніемъ писать свои воспоминанія. Я попробовалъ думать объ этомъ и увидалъ, какая страшная трудность избѣжать Харибды—самовосхваленія (посредствомъ умалчиванія всего дурного) и Сциллы—цинической откровенности о всей мерзости своей жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость—совсѣмъ правдиво, правдивѣе даже, чѣмъ Руссо,—это будетъ соблазнительная книга или статья. Люди скажутъ: вотъ человѣкъ, котораго многіе высоко ставятъ, а онъ вонъ какой былъ негодяй, такъ ужъ намъ-то, простымъ людямъ, и Богъ велѣлъ.

Серьезно, когда я сталъ хорошенько вспоминать свою жизнь и увидалъ всю глупость (именно глупость) и мерзость ея, я подумалъ, что же другіе люди, если я, хваленный многими, такая глупая гадина? А между тѣмъ, вѣдь это объясняется еще тѣмъ, что я хитрѣе другихъ. Это все я вамъ говорю не для красоты слога, а совсѣмъ искренно. Я все это пережилъ.

Прощайте, цѣлую васъ.

Л. Т.

№ 459.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1902 г., Ноябрь 11.)

Милый другъ Поша.

Спасибо вамъ за ваше хорошее, обстоятельное письмо...

Про свою біографію скажу, что очень хочется помочь вамъ и написать хоть самое главное. Рѣшилъ я, что могу

написать, потому что—понялъ, что интересно бы было и полезно, можетъ-быть, людямъ показать всю мерзость моей жизни до моего пробужденія и, безъ ложной скромности говоря, всю доброту (хотя бы въ намѣреніяхъ, не всегда по слабости выполненныхъ) послѣ пробужденія. Въ этомъ смыслѣ мнѣ и хотѣлось бы написать вамъ. Ваша программа семилѣтняя мнѣ полезна и, дѣйствительно, наводитъ на мысли.

Постараюсь заняться этимъ при первомъ окончаніи начатой работы.

Прощайте, милые друзья, цѣлую васъ.

Л. Толстой.

№ 460.

А. Шкарвану.

(1902 г., Ноябрь 15).

Спасибо вамъ, дорогой Шкарванъ, что вы, несмотря на мое непростительное неряшество, пишете мнѣ и извѣщаете о своей жизни. Радуюсь на вашу жизнь и желаю только, чтобы она также продолжалась. Милый Абрикосовъ мнѣ живо напомнилъ васъ своими разсказами. Давайте же, хотя и никогда, вѣроятно, не увидимся, не переставая общаться хотя письменно.

Одно изъ важныхъ событій послѣдняго времени, это отпускъ Веригина Петра. Онъ теперь уже въ Англіи. Пробылъ у меня два дня. Я былъ очень радъ полюбить его.

Я понемногу работаю, послалъ на дняхъ Черткову „Къ духовенству".

Чѣмъ кончилось ваше столкновеніе съ властями? Надѣюсь, что хорошо. Семейныхъ жалко.

Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

Знаю про три отказа отъ военной службы. Это капля въ морѣ. Какъ бы трудно было жить, если бы опредѣлять важность дѣлъ по ихъ видимымъ послѣдствіямъ.

№ 461.

Въ редакцію „Русскаго Слова".

(1902 г., Дек. 9).

По моимъ годамъ и перенесеннымъ, оставившимъ слѣды болѣзнямъ, я очевидно не могу быть вполнѣ здоровъ, и естественно будутъ повторяться ухудшенія моего положенія. Думаю, что подробныя свѣдѣнія объ этихъ ухудшеніяхъ хотя и могутъ быть интересны для нѣкоторыхъ,— и то въ двухъ самыхъ противоположныхъ смыслахъ,—печатаніе этихъ свѣдѣній мнѣ непріятно, и потому я просилъ бы редакціи газетъ не печатать свѣдѣній о моихъ болѣзняхъ.

Левъ Толстой.

1903 г.

№ 462.

П. Ф. Наживину.

(1903 г., Янв. 21).

Я все еще очень слабъ, любезный Иванъ Федоровичъ, но все таки хочется написать вамъ хоть нѣсколько словъ на ваше письмо. Замыселъ вашъ [1]) мнѣ кажется почти неосуществимымъ. Боюсь, что вы потратите много силъ безъ внутренняго удовлетворенія. Не отговариваю васъ, но только указываю на трудность. Работая надъ этой задачей вы сами увидите всю трудность ея осуществленія. Но работа эта во всякомъ случаѣ вамъ будетъ полезна. Я послалъ вамъ тотъ портретъ, который нашелся у меня.

Прощайте. Всего хорошаго.

Левъ Толстой.

№ 463.

N. N.

(Ясная Поляна, 1903 г., Февр. 3).

Дорогой другъ. Около недѣли тому назадъ я получилъ отъ нѣкоего г. Моррисона изъ Берлина письмо, копію котораго я прилагаю.

---

[1]) Трудъ о Христѣ.

Я былъ въ дурномъ настроеніи духа, слабъ, и потому продиктовалъ моей дочери отвѣтъ, копію съ котораго тоже посылаю Вамъ [1]). Я имѣлъ намѣреніе перечитать свое отвѣтное письмо, поправить его редакцію, но оно было послано безъ моего вѣдома, и съ тѣхъ поръ я постоянно вспоминаю то, что я сказалъ въ этомъ письмѣ, и меня мучитъ мысль, что я поступилъ очень нехорошо и что письмо можетъ нанести совершенно незаконно обиду той женщинѣ, о которой я писалъ, разъ оно будетъ оглашено въ печати. Въ такомъ случаѣ переведите это второе мое письмо и тоже напечатайте его содержаніе въ газетахъ.

Я очень жалѣю, что необдуманно высказался, я знаю какъ коваренъ и силенъ соблазнъ, въ который впала несчастная женщина. Я знаю, какъ онъ временно ослѣпляетъ и заставляетъ забывать о всѣхъ высшихъ требованіяхъ души, а потому, будучи самъ полонъ грѣховъ, я даже и подумать не могу бросить камень въ страдающую женщину.

Если мое первое письмо будетъ опубликовано и попадется въ глаза принцессѣ, то я прошу у нея прощенія въ моихъ жестокихъ и необдуманныхъ словахъ.

Я не только не осуждаю ее, но всей душой соболѣзную ей въ ея страданіи и желаю ей освободиться отъ навожденія, желаю ей мира, который всегда можно найти тому, кто вѣруетъ въ Бога и проситъ у Него помощи.

Итакъ, если вы хотите оказать мнѣ услугу, хоть какимъ нибудь облегченіемъ моей совѣсти и если вы полагаете, что опубликованіе этого письма хоть нѣсколько исправитъ мою ошибку, то пожалуйста исполните мою просьбу.

Вашъ

Левъ Толстой.

---

[1]) По поводу Луизы Тосканской.

№ 464.

Великому Князю Николаю Михайловичу.

(Ясная Поляна, 1903 г., Апрѣль 1).

Дорогой Николай Михайловичъ!

Благодарю за ваше письмо и за книгу[1]). Я получилъ ее, но еще не читалъ во I-хъ п. ч. некогда во 2-хъ п. ч. ожидаю отъ чтенія ея большого удовольствія и оставляю его на закуску.

Здоровье мое идетъ, какъ должно итти здоровье человѣка хотя и медленно, но разномѣрно приближающагося къ смерти и собирающагося to join the majority т. е. присоединиться къ большинству, какъ говорятъ англичане. Но я доволенъ тѣмъ, что могу работать à tort ou à raison, думая, что работа моя нужна. Въ числѣ моихъ работъ есть и характеристика Вашего дѣда Николая I. Я составилъ было довольно отрицательное представленіе объ его характерѣ и личности,—но потомъ, прочтя подробности объ его рожденіи, какъ Екатерина любовалась имъ, какъ чудеснымъ ребенкомъ и подробности объ его смерти, я измѣнилъ свои сужденія и постарался глубже вникнуть въ то что онъ былъ въ душѣ и почему онъ былъ такимъ какимъ онъ былъ.

Хорошо бы было намъ при всѣхъ сужденіяхъ о людяхъ помнить что каждый изъ насъ былъ невиннымъ ребенкомъ и каждый умиралъ или будетъ умирать. При этомъ созерцаніи двухъ концовъ жизни каждаго человѣка, тотчасъ же уничтожается недоброе или поверхностно легкомысленное отношеніе къ человѣку.

Прощайте пока. Желаю вамъ всего хорошаго.

Вашъ

Левъ Толстой.

---

[1]) „Графъ Строгановъ“.

№ 465.

Л. Е. Оболенскому.

(Изъ Ясной Поляны, 1903 г., Май 6).

Леонидъ Егоровичъ!

Сказать, что чувство, испытываемое при приближеніи къ вступленію въ другую форму жизни, есть только чувство радости отъ ожиданія прекращенія усталости, все равно, что сказать, что чувство блуднаго сына, возвращающагося домой, есть только чувство радости отъ прекращенія усталости. Если и есть доля этого чувства, то она такая крохотная, а главное, по качеству своему такая ничтожная, что она не только не можетъ затемнить, но и никакъ не можетъ быть смѣшана съ тѣмъ носящимъ на себѣ характеръ безконечности чувствомъ благодарнаго умиленія передъ сознаніемъ всего значенія всей своей жизни, которое испытываешь при близости смерти.

Кромѣ того, чувство усталости и даже желанія смерти мы всѣ испытываемъ и я испытывалъ много разъ—не тогда, когда освободился отъ временныхъ страстей,—желаній, а напротивъ, когда порабощенъ ими и не получаешь удовлетворенія. Мало того, когда просто нездоровится, болитъ животъ, зубы, ревматизмы, — не видишь жизни и часто думается, какъ бы заснуть совсѣмъ, заснуть навсегда; когда же стоишь точно на краю смерти, жизнь разгорается такимъ свѣтомъ, что и въ голову не можетъ придти нелѣпое желаніе уйти отъ того, что одно вѣчно и неистребимо. Вотъ что я могу отвѣтить на вопросы вашей знакомой. И съ горя и безъ горя ужасна жизнь человѣка, который воображаетъ себѣ, что только свѣта, что въ окошкѣ, что только и жизни, что та частица ея, которую мы знаемъ здѣсь.

Радъ случаю возобновленія общенія съ вами.

Левъ Толстой.

№ 466.

Редактору Сборника въ пользу пострадавшихъ евреевъ.

(Ясная Поляна, 1903 г., Май 6).

Ужасное совершенное въ Кишиневѣ злодѣяніе болѣзненно поразило меня. Я выразилъ отчасти мое отношеніе къ этому дѣлу въ письмѣ къ знакомому еврею, копію съ котораго прилагаю.

На дняхъ мы изъ Москвы послали коллективное письмо кишиневскому головѣ, выражающее наши чувства по случаю этого ужаснаго дѣла.

Я очень радъ буду содѣйствовать вашему сборнику и постараюсь написать что-либо соотвѣтствующее обстоятельствамъ.

Къ сожалѣнію, то что я имѣю сказать, а именно, что виновникъ не только кишиневскихъ ужасовъ, но всего того разлада, который поселяется въ нѣкоторой малой части— и не народной — русскаго населенія, . . . къ сожалѣнію этого-то я не могу сказать въ русскомъ печатномъ изданіи.

Левъ Толстой.

№ 467.

П. Бордакову.

(Ясная Поляна, 1903 г., начало Августа).

Конецъ вашего письма также сильно огорчилъ меня, какъ обрадовало его начало. Разубѣждать васъ я не стану, во 1-хъ потому, что по моему наблюденію, люди вѣрящіе въ спиритическое общеніе съ душами людей, никогда не убѣждаются внѣшними доводами, во 2-хъ потому, что всѣ неопровержимыя опроверженія спиритизма давно уже высказаны и мнѣ пришлось бы повторять ихъ. Скажу только

про себя, что представленіе или вѣра въ существованіе душъ и въ возможность общенія ихъ съ живущими, не дало бы мнѣ какой либо увѣренности въ будущей жизни, но, напротивъ разрушило бы то несомнѣнное сознаніе внѣвременности внѣпространственности духовной основы моей жизни, которой я живу и которая даетъ мнѣ радость и спокойствіе. Вѣра въ общеніе съ душами умершихъ до такой степени, не говоря уже о томъ, что она мнѣ совершенно не нужна, до такой степени нарушаетъ все то основанное на разумѣ мое міровоззрѣніе, что если бы я услышалъ голосъ духовъ или увидалъ бы ихъ проявленіе, я обратился бы къ психіатру, прося его помочь моему очевидному мозговому разстройству.

Ваше буддійское представленіе о многократныхъ послѣдовательныхъ жизняхъ есть такое же произвольное предположеніе, какъ адъ и рай и всѣ религіозныя суевѣрія.

Одно, что мы можемъ утверждать съ полной увѣренностью это то, что мы живемъ, что основа этой нашей жизни есть существо духовное и потому не подлежащее измѣненіямъ началу, концу, а было, есть и будетъ „τὸ ὄν“ сущее, и что существо это ограничено и ограниченіе это, предѣлы этого существа представляется намъ въ видѣ матеріи въ пространствѣ и движенія во времени. Расширеніе этихъ предѣловъ, что возможно черезъ признаніе собою другихъ существъ (любовью), составляетъ сущность и назначеніе жизни человѣческой. Для чего это ограниченіе и раздѣленіе на отдѣльныя существа единаго духовнаго существа? Этого мы не можемъ познать нашимъ ограниченнымъ умомъ. Одно, что мы знаемъ несомнѣнно, это то, что то, что составляетъ основу нашей жизни, не только не можетъ умереть, но всегда было и будетъ существовать. Вопросъ же о томъ, въ какой формѣ будетъ это существовать послѣ нашей смерти, неразрѣшимъ для нашего ограниченнаго ума. Мы можемъ предполагать два положенія: первое, что наша от-

дѣленная сущность сольется со Всѣмъ, и второе, что она такъ же какъ и теперь проявится въ ограниченномъ состояніи и опять также, хотя и въ новыхъ формахъ, которыя мы представить себѣ не можемъ, задача ея будетъ состоять въ большемъ и большемъ расширеніи предѣловъ. Такъ что жизнь наша здѣсь съ нашей борьбой со зломъ и увеличеніемъ любви есть единственная свойственная намъ жизнь, и потому смотрѣть на нее, какъ на приготовленіе къ другой жизни, есть грубая и вредная ошибка. Другой жизни, другого назначенія жизни не будетъ. Изъ этихъ двухъ предположеній вѣроятнѣе второе. Оно вѣроятнѣе потому, что, не зная никакой другой жизни, какъ жизнь въ ограниченныхъ предѣлахъ, мы не имѣемъ права ожидать жизни неограниченной въ соединеніи со Всѣмъ.

Вотъ вамъ вкратцѣ то мое міровоззрѣніе, при которомъ вѣра въ спиритизмъ для меня не только излишня, но и несовмѣстима съ тѣмъ, что я не могу не считать несомнѣннымъ. Согласитесь вы или не согласитесь вы со мною, пожалуйста, не доказывайте мнѣ справедливость вашихъ воззрѣній. Вы высказали мнѣ свои взгляды, я свои. И доказывать больше нечего.

Первая часть вашего письма и то опредѣленіе назначенія жизни человѣка, къ которому вы пришли, глубоко тронуло меня. И я горячо желаю вамъ истиннаго блага, которое возможно найти только на истинномъ пути. Помогай вамъ Богъ найти.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 468.

А. В. Жиркевичу.

(Ясная Поляна, 1903 г., Октябрь 6).

Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Александръ Владиміровичъ, рукопись Одаховскаго, которая меня разочаровала. Удивительно, что онъ могъ все такъ забыть, но еще уди-

вительнѣе, что могъ увѣрить себя, что было то, чего не было. Я отмѣтилъ на поляхъ его ошибки. Самъ я теперь точно не могу вспомнить, какъ и куда переходила батарея, пока я служилъ въ ней, но помню, что, отпросившись изъ Дунайской арміи въ Крымскую, я прямо пріѣхалъ въ Севастополь. Очень сожалѣю, что вы напрасно потрудились, описывая эти воспоминанія. Очень радъ буду видѣть васъ, если задумаете заѣхать.

Желаю вамъ всего лучшаго.

Левъ Толстой.

№ 469.

Октаву Мирбо.

(Ясная Поляна, 1903 г., Окт. 12).

Дорогой собратъ.

Ваше письмо отъ 26 мая я получилъ только третьяго дня.

Я думаю, что каждый народъ по своему выражаетъ въ искусствѣ общечеловѣческіе идеалы, вотъ почему мы испытываемъ особое наслажденіе, встрѣчая собственные идеалы, выраженные новымъ, неожиданнымъ для насъ способомъ. Такое впечатлѣніе новизны произвела на меня французская литература, когда, въ былое время, я впервые прочелъ Альфреда де Виньи, Стэндаля, Виктора Гюго и особенно Руссо.

Думая, что подобному же чувству слѣдуетъ приписать преувеличенное значеніе, придаваемое Вами произведеніямъ Достоевскаго и, въ особенности, моимъ.

Во всякомъ случаѣ, благодарю Васъ за письмо и посвященіе. Для меня будетъ праздникомъ прочесть Вашу новую драму.

Л. Толстой.

№ 470.

В. И. С.

(1903 г., Ноябрь 21).

Мнѣ хочется сказать вамъ, что я все сильнѣе и сильнѣе испытываю, помня приближеніе конца то, что и вы знаете, что надо все больше и больше переносить свои цѣли изъ жизни мірской въ жизнь духовную, въ жизнь не передъ людьми, а передъ Богомъ: жить, въ виду не одной этой жизни, а въ виду вѣчной жизни. А жить такъ можно только полагая всю свою энергію на свое внутреннее совершенствованіе.

Привыкли думать такъ и такъ учатъ враги истины, что совершенствованіе есть эгоизмъ, что нельзя для совершенствованія уходить изъ жизни. Это великая неправда. Совершенствоваться можно только въ жизни и въ общеніи съ людьми. И если человѣкъ, живя среди людей, полагаетъ свою главную цѣль въ совершенствованіи передъ Богомъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ достигаетъ большихъ результатовъ, чѣмъ человѣкъ, ищущій одного успѣха внѣшнихъ дѣлъ.

Можетъ быть, вамъ скучно, какъ слишкомъ знакомое, то, что я пишу, но я пишу потому, что самъ живу только этимъ, и опытъ подтверждаетъ мнѣ справедливость этого.

№ 471.

М. А. Т.

(Ясная Поляна, 1903 г., Дек.).

... Ученіе буддизма, какъ и еврейскихъ пророковъ (въ особенности то, что извѣстно подъ именемъ Исаіи, а также и китайскія ученія Конфуція, Лаоцзы и мало-извѣстнаго Ми-ти), всѣ возникшія почти одновременно около 6-го вѣка до Рождества Христова, всѣ одинаково признаютъ сущностью человѣка его духовную природу, и въ этомъ ихъ величайшая заслуга. Отличаются они отъ христіанства

явившагося послѣ нихъ, тѣмъ что они останавливаются на признаніи духовности человѣка, видя въ этомъ признаніи спасеніе и благо личности. Христіанство же дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ. Выводя изъ признанія людьми своей духовности по христіанскому выраженію — признанія въ себѣ Сына Божія—оно провозглашаетъ возможность и необходимость установленія на землѣ Царства Божія, т. е. всеобщаго блага, включающаго въ себѣ понятіе всеобщаго мира.

№ 472.

А. И. С—ву

(Ясная Поляна, 1903 г., Ноябрь).

...О томъ, какая будетъ жизнь послѣ смерти, людямъ, для ихъ блага, не дано знать, да и не нужно знать, потому что, если бы люди знали это, и знали бы, что жизнь загробная будетъ хуже этой, то они не заботились бы этой жизнью и торопились бы умереть.

Такъ что знать о томъ, какая будетъ жизнь за гробомъ, намъ не дано и не нужно, а то, что нужно намъ знать, что жизнь наша не кончается, это самое и дано намъ знать. Все ученіе Христа въ этомъ, именно въ томъ, что у человѣка есть двѣ жизни: жизнь плотская, уничтожающаяся, и жизнь духовная, не измѣняющаяся и не уничтожающаяся. „Прежде, чѣмъ былъ Авраамъ, Я есмь“,—сказалъ Христосъ, и это относится ко всѣмъ намъ. Какъ скоро мы свое „Я“ перенесемъ въ жизнь духовную, будемъ жить только для цѣли духовной, такъ жизнь наша уже не можетъ прекратиться: она есть частица Бога, всегда была, есть и будетъ. И дѣлать добро намъ надлежитъ не изъ страха ада, или ради надежды на рай, а потому, что, живя духовной жизнью, человѣкъ и не можетъ желать ничего, кромѣ добра. А вѣря въ свою духовность, онъ не можетъ бояться смерти, уничтоженія.

О томъ же, какая будетъ жизнь онъ не заботился, вѣря въ того Бога-Отца, отъ Котораго онъ и сошелъ и къ Которому идетъ и въ Которомъ жилъ, живетъ и будетъ жить...“

Левъ Толстой.

№ 473.

N. N.

(1903 г., Декабрь 11).

Получилъ ваше письмо, дорогой N. N., и хочется хоть нѣсколькими словами откликнуться. Хорошо или дурно вы поступили, зависитъ отъ того, насколько побужденіе было божеское или человѣческое. Во всякомъ случаѣ это меня трогаетъ, пугаетъ и умиляетъ.

Помогай вамъ Богъ поступать только по Его требованіямъ, тогда Онъ съ вами. А когда Онъ съ нами, все хорошо.

Любящій васъ *Л. Толстой.*

№ 474.

И. Ф. Наживину.

(1903 г., Декабрь 3).

Забылъ ваше отчество, за что прошу извинить. Сейчасъ попрошу моихъ домашнихъ приложить мою послѣднюю карточку. О здоровьѣ же своемъ извѣщаю васъ, что я очень поправился и могу работать, чему радуюсь, хотя и болѣть было очень, очень хорошо. Отъ души желаю вамъ найти въ невѣстѣ единовѣрку—тогда она будетъ и помощницей и другомъ. Любящій васъ *Л. Толстой.*

1904 г.

№ 475.

А. М. Булыгиной.

(1904 г., Февраль 19).

Дорогая Анна Максимовна.

Получилъ ваше прекрасное письмо и совершенно согласенъ съ вами. Очень бы желалъ его напечатать. Да не позволятъ.

Видно вы живете въ хорошей духовной атмосферѣ, что вамъ приходятъ такія хорошія мысли и вы такъ хорошо ихъ выражаете.

Левъ Толстой.

№ 476.

И. Ф. Наживину.

(1904 г., Фев. 27).

Милый Иванъ Федоровичъ! Какъ всегда радъ былъ получить ваше письмо, но, простите меня, это письмо ваше меня огорчило. Въ немъ я увидалъ недоброе отношеніе къ людямъ, осужденіе. И, кромѣ того, неясность и внутреннее противорѣчіе. Вы пишете о томъ, какъ должно быть исполнено ученіе Христа, а потомъ говорите что самое важное то, что въ настоящемъ, въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя вступаешь съ человѣкомъ, руководиться только любовью. Если это такъ, (а я думаю, что это такъ), то нельзя впередъ опредѣлить форму христіанской жизни. Служеніе Богу и людямъ, любовь, что тотъ клубокъ, который въ сказкѣ волшебница даетъ юношѣ, чтобы онъ шелъ туда, куда, разматываясь, покатится клубокъ. Такъ и въ жизни идти надо туда, куда поведетъ разматывающійся клубокъ любви, а куда онъ приведетъ, мы знать не можемъ, а если будемъ воображать, что знаемъ, то собьемся съ дороги... Простите, что такъ мало пишу. Не подражайте моему примѣру. Братски цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 477.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1904 г., Апр. 15).

Получилъ ваше письмо, милый другъ П., и радуюсь тому, что вы освободились отъ испытанія и хорошо освободились.

Біографія ваша лежитъ еще не читанная; хочется читать, а въ такомъ настроеніи, при которомъ бы былъ въ состояніи и охотѣ дѣлать примѣчанія поправки, вообще отнестись съ полнымъ вниманіемъ. На дняхъ сдѣлаю это.

Сколько помню ѣздилъ за-границу два раза. Первый разъ сушей одинъ, должно быть въ 1857 году и второй разъ съ сестрой на Штеттинъ моремъ должно быть въ 1860-омъ. Помню, что уѣхалъ изъ Лондона въ Россію въ день объявленія войны.

2) Смертную казнь видѣлъ въ первую поѣздку.

3) На Кавказъ поѣхалъ съ братомъ по Волгѣ черезъ Астрахань.

(Послѣ брата, въ томъ смыслѣ, что онъ былъ на Кавказѣ и я поѣхалъ съ нимъ, когда онъ возвращался).

4) Вызвалъ я Тургенева на дуэль гораздо позже, у Фета, гдѣ мы были вмѣстѣ. А въ Парижѣ ничего подобнаго не было.

5) Съ Герценомъ я увидался въ бытность въ Лондонѣ перваго мѣсяца (кажется), почти каждый день были разговоры всякіе и интересные. Записаннаго кажется ничего нѣтъ, впрочемъ посмотрю въ дневникахъ. Герценъ, когда я уѣхалъ въ Брюссель, далъ мнѣ туда письмо къ Прудону, котораго я видалъ въ бытность тамъ и который мнѣ очень понравился. Такъ же былъ и у Лелеваля, который жилъ дряхлымъ старикомъ въ большой бѣдности. Въ Брюсселѣ чаще всего я бывалъ у Дондуковыхъ-Корсаковыхъ. Князь Дондуковъ былъ живъ, его жена и дочери. Одну изъ нихъ я видѣлъ въ Крыму. Она замужемъ за Псковскимъ дѣятелемъ графомъ И. Гейденомъ.

Назарова свѣдѣнія о карцерѣ вѣрны. Сидѣлъ за не посѣщеніе лекцій Иванова профессора исторіи, почему то возненавидящаго меня.

6) Всѣ воспоминанія прибавились чуть-чуть еще только описаніе лицъ въ дѣтствѣ.

7) Пѣсни были двѣ. Я пришлю вамъ то, что мнѣ прислала дама. Привѣтъ милой Пашѣ очень помню и люблю васъ обоихъ.

Л. Толстой.

№ 478.

В. А. Гольцеву.

(Ясная Поляна, 1904 г.).

Дорогой Викторъ Александровичъ!

Мой знакомый, А. И. Орловъ, сдѣлалъ прекрасный переводъ мыслей Паскаля, особеннымъ, выгоднымъ для оцѣнки ихъ способомъ расположивъ ихъ.

Не могу хвалить этого расположенія, п. ч. оно принадлежитъ мнѣ; но все-таки думаю, что оно будетъ содѣйствовать успѣху книги. Не издадите ли Вы ее? Орловъ бѣдный человѣкъ и желалъ бы получить вознагражденіе за свой трудъ. Я съ этой же почтой пишу ему, прося его, чтобы онъ пошелъ къ Вамъ за отвѣтомъ. Простите пожалуйста, если я этимъ утруждаю васъ, но книгу эту я желалъ бы видѣть напечатанною не потому, какъ это часто бываетъ, что хотѣлъ бы сдѣлать пріятное или нужное составителю ея, но потому, что книга, дѣйствительно, очень хорошая.

Какъ жаль, что за зиму не пришлось увидаться. Можетъ къ намъ соберетесь. Благодарю за книгу Алексѣева; она, вѣрно, уже вышла теперь.

Желаю Вамъ всего лучшаго

Л. Толстой.

Не пишите мнѣ, что Вы возьметесь издать, если я напишу предисловіе, а рѣшайте такъ, какъ есть. Предисловіе писать мнѣ всегда совѣстно и непріятно, а кромѣ того, я и вообще не умѣю ихъ писать, а тѣмъ болѣе цензурно.

1905 г.

№ 479.

Е. Е. Гончаренко.

(Ясная Поляна, 1905 г., Февр. 12).

Любезный братъ, получилъ ваши оба письма и радуюсь и боюсь за васъ: радуюсь тому доброму дѣлу, которое вы дѣлаете, и боюсь того, чтобы вы не увлеклись славой людской, не дѣлали бы это доброе дѣло ради похвалы и одобренія людского. Помоги вамъ Богъ дѣлать дѣло для одного Его, такъ, что, если бы никто не зналъ про васъ, вы все таки дѣлали бы то же и находили бы поддержку и радость въ немъ одномъ. Благодарю васъ за то, что извѣстили меня о себѣ. Пожалуйста, извѣстите о томъ, что будетъ дальше. Буду радъ, если могу быть чѣмъ нибудь полезенъ вамъ.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

№ 480.

А. Ф. Кони.

(Ясная Поляна, 1905 г., 5 Окт.).

Очень, очень благодаренъ вамъ, милый Анатолій Федоровичъ, за то, что вы сдѣлали для Гончаренки и меня. Какъ ваша работа (объ Э. П.) и здоровье? Я теперь занятъ Алекс. I. Не знаете-ли есть въ продажѣ мемуары Эд. Стурдзы? Какъ-бы хорошо если-бы здоровье и работы позволили вамъ побывать у насъ и была-бы къ этому охота.

Дружески жму вашу руку и надѣюсь.

Левъ Толстой.

1906 г.

№ 481.

А. М. Бодянскому.

(Ясная Поляна, 1906 г., Январь 1).

Вчера получилъ ваше письмо и статьи, любезный Александръ Михайловичъ.

Я согласенъ съ вами, что желательно бы было, чтобы въ печати раздавался голосъ, обсуживающій событія нашего времени, не съ партійной точки зрѣнія, но съ высшей, христіанской, примиряющей. И такіе голоса раздаются въ разныхъ органахъ. Устройство же для этой цѣли — спеціальнаго органа—журнала, газеты, я думаю, не достигнетъ цѣли. Періодичность, обязательство выходить въ извѣстные сроки, избави Богъ—ежедневно, несовмѣстимы съ серьезностью, искренностью и обдуманностью. Пишите, что думаете (ваша о клятвѣ прекрасная статья) и помѣщайте, гдѣ попало, и голосъ вашъ будетъ раздаваться и будетъ услышанъ тѣми, кому онъ родственененъ. А не помѣстятъ въ газеты, печатайте въ отдѣльныхъ листкахъ. А нѣтъ средствъ, оставляйте въ рукописи. Для мысли нѣтъ спѣха. Она возьметъ свое. Такъ я думаю.

Левъ Толстой.

№ 482.

В. А. Шеерману.

(Ясная Поляна, 1906 г., Янв. 16).

Письмо ваше прекрасно и еще лучше вашъ поступокъ. Дай вамъ Богъ не поддаться никакимъ соблазнамъ и удержаться въ томъ счастливомъ, свойственномъ человѣку, состояніи, въ которомъ вы писали ваше письмо. Сдѣлаю все возможное, чтобы напечатать его и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Очень радъ буду общенію съ вами.

Левъ Толстой.

Вы, вѣроятно, молодой человѣкъ, и поступокъ вашъ вызванъ порывомъ, въ которомъ побудительныя причины и требованія совѣсти и желаніе славы—любви людской. Берегитесь этого второго побужденія. Дѣла, вызванныя этимъ побужденіемъ, непрочны. Бываетъ то, что въ добрыхъ дѣлахъ, вызванныхъ однимъ этимъ побужденіемъ, человѣкъ раскаивается. Это бываетъ ужасно жалко. Спросите себя: то же ли вы сдѣлали бы, если бы навѣрное знали, что никто никогда не узнаетъ о вашемъ поступкѣ?

Если то, что я пишу, лишнее, то простите меня.

№ 483.

Великому Князю Николаю Михайловичу.

(Ясная Поляна, 1906 г., Янв. 26).

Дорогой Николай Михайловичъ.

Только что кончилъ разсматриванье и чтеніе текстовъ вашего изданія портретовъ и не могу достаточно благодарить васъ за присылку мнѣ этого превосходнаго изданія. Въ особенности меня плѣнили тексты: они такъ прекрасно, умно, талантливо составлены. Вообще все это изданіе есть драгоцѣнный матеріалъ исторіи, не только de la petite histoire, но настоящей исторіи того времени. Я испыталъ это п. ч. занятъ теперь временемъ съ 1780-хъ до 1820-хъ годовъ. По этой же причинѣ я теперь только прочелъ и Долгорукихъ и Строганова и тоже радовался и благодарилъ васъ. Особенно Строгановъ неоцѣненъ для исторіи Алек. I. Желаю вамъ продолжать съ такимъ же успѣхомъ ваши прекрасныя и полезныя изслѣдованія и изданія и еще разъ благодарю за то, чѣмъ я до сихъ поръ изъ нихъ воспользовался.

Думаю, что вы пережили и переживаете много тяжелаго за это послѣднее время; думаю тоже, что эти тяжелыя условія, если мы отнесемся къ нимъ какъ должно, безъ раздраженія, а съ сожалѣніемъ къ заблужденію людей, могутъ

быть не такъ тяжелы, могутъ даже быть полезны для нашей внутренней духовной жизни, чего отъ души желаю вамъ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 484.

П. А. Сергѣенко.

(Ясная Поляна, 1906 г., Февр. 6).

Спасибо, милый Петръ Алексѣевичъ, за ваше письмо и за ваши прекрасныя записки. Рамакришну я знаю. И много есть изъ нея выписокъ.

Недавно думалъ про васъ и желая помочь вашему дѣлу, вспомнилъ о томъ, что у меня было два (кромѣ А. А. Толстой, это третье) лица, къ которымъ я много написалъ писемъ и сколько я вспоминаю интересныхъ для тѣхъ, кому можетъ быть интересна моя личность. Это: Страховъ и Кн. Серг. Сем. Урусовъ. Можетъ быть вы бы могли найти эти письма для своей работы. Я тоже читаю Кругъ Чтенія и готовлю много измѣненій, исправленій для второго изданія. Вижу много недостатковъ.

Поклонъ всѣмъ вашимъ.

Левъ Толстой.

Я знаю Рамакришну по теозофич. журналамъ. Такихъ прекрасныхъ мыслей, к. вы выписали нѣтъ тамъ. Откуда вы брали?

№ 485.

П. И. Бирюкову.

(Ясная Поляна, 1906 г., Февр. 18).

Вы очевидно правы, милый другъ Поша. Такія ошибки происходятъ отъ того, что самъ скажешь или услышишь

отъ кого недосмотришь, повѣришь, повторишь и увѣришься что именно такъ.

Что касается до моего отношенія тогда къ возбужденному состоянію всего общества, то долженъ сказать (и эта моя хорошая или дурная черта, но всегда мнѣ бывшая свойственной), что я всегда противился невольно вліяніямъ извнѣ, эпидемическимъ, и что если тогда я былъ возбужденъ и радостенъ, то своими особенными, личными, внутренними мотивами, тѣми, которые привели меня къ школѣ и общенію съ народомъ.

Вообще я теперь узнаю въ себѣ тоже чувство отпора противъ всеобщаго увлеченія, которое было и тогда, но проявлялось въ робкихъ формахъ.

Привѣтъ Пашѣ, Ан. Ник. и дѣтямъ. Я живу по своимъ грѣхамъ незаслуженно хорошо. Прощайте, голубчикъ.

Л. Толстой.

№ 486.

Крестьянину Бычкову.

(Ясная Поляна, 1906 г., Мартъ 1).

Отвѣтъ мой на оба ваши вопроса таковъ: надо поступать всегда, въ особенности въ дѣлахъ, отъ которыхъ могутъ страдать люди, по собственному разсужденію совѣсти, а не поддаваться внушенію, какъ всегда совершается при забастовкѣ. Сотни же, какъ красная, такъ и черная, допускающія насилія и буйства, одинаково гадки.

Левъ Толстой.

№ 487.

М. С. Дудченко.

(Ясная Поляна, 1906 г., Мартъ 4).

Милый Митрофанъ Семеновичъ.

Хочется сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ письмѣ къ Дидерихсу. Ваша жизнь такая хорошая, что страшно

за всякое нарушеніе ея. Очень опасна и незамѣтна та стрѣлка по которой переходятъ люди съ Христіанскихъ рельсовъ на революціонные. При всякой внѣшней, общественной дѣятельности, почти невозможно не стать съ одними людьми въ исключительно близкія, а съ другими почти въ враждебныя отношенія. Забота христіанина, мнѣ кажется, только въ томъ, чтобы соблюсти свою душу въ томъ состояніи чистоты и покорности воли Божьей, которая ей предназначена. И для этого нѣтъ никакой нужды соединяться съ другими людьми и внѣшнимъ образомъ проявлять себя. Я думаю, что вы строго держитесь христіанской жизни и не сбиваясь на чуждую ей революціонную или общественную дѣятельность больше будете содѣйствовать дѣлу христіанства, чѣмъ какими бы то ни было обществами или внѣшними проявленіями.

Пишу ремингтономъ п. ч. дочь пишетъ скоро подъ диктовку.

Любящій и уважающій васъ очень

Левъ Толстой.

№ 488.

И. Ф. Наживину.

(Ясная Поляна, 1906 г., Ноябрь 14).

Получилъ ваше хорошее письмо, милый Иванъ Федоровичъ. Только отрѣшиться хорошенько отъ славы человѣческой, установить твердыя, всегда чувствуемыя отношенія съ Богомъ, съ хозяиномъ моей жизни, хорошенько вполнѣ отказаться отъ осуществленія какихъ бы то ни было желаній, хорошенько проникнуться великимъ словомъ: „fais ce que dois, advienne que pourra“, или по-русски: „человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ“, и не будетъ заботы о томъ, Закхей я или Будда. Я, Толстой или Наживинъ, хочу только одного, истинно хочу дѣлать Его волю, а что выйдетъ изъ моего хотѣнія, не мое дѣло. Все это ясно, когда есть полная

искренность. Если же я не только Закхей, но фарисей въ глазахъ людей, то это только тѣмъ лучше, чтобы я устанавливалъ свое отношеніе съ однимъ Богомъ. Не представляйте себѣ никакого своего внѣшняго положенія, а только какъ можно чаще, особенно при сношеніяхъ съ людьми, отъ жены до генералъ-губернатора и нищаго, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вамъ истинно хорошо для вашего блага дѣлать, и вы будете совершенно спокойны: можетъ быть, вырѣжете свое мясо для голодной тигрицы, а можетъ быть будете сажать яблони и ѣсть яблоки въ своемъ саду. Говорю вамъ отъ всей души, по опыту, милый другъ. Главное, хорошенько отрѣшиться отъ заботы о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ. Посылаю вамъ письмо С. Я. Прослезился читая... Мнѣ пришло въ голову написать о страдающихъ отъ отказовъ военной службы. Напишите мнѣ подробнѣе о тѣхъ, о которыхъ вы знаете. Прощайте. Привѣтъ вашей женѣ. Напишите.

Л. Толстой.

1907 г.

№ 489.

Т. А. Кузминской.

(Ясная Поляна, 1907 г.).

Милый другъ Таня, радъ узнать, что ты читаешь и одобряешь „Кругъ Чтенія“. Я не переставая занятъ новымъ, иначе сложеннымъ и расположеннымъ. Читая всѣ эти мысли, все больше и больше, особенно въ мои годы, понимаешь и чувствуешь, что жизнь серьезное дѣло. „Ernst ist das Leben“,— сказалъ Шиллеръ прежде меня. И такъ хорошо, спокойно, радостно бываетъ, когда живо чувствуешь это. Радостно жить,—радостно умирать.

Левъ Толстой.

№ 490.

А. Шеерману.

(Ясная Поляна, 1907 г., Мартъ 11).

То, что вы мнѣ пишете о вашемъ сочувствіи моимъ взглядамъ и согласіи съ ними, мнѣ очень пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ во мнѣ еще большее удивленіе къ тѣмъ мотивамъ, по которымъ правительство нашло возможность казнить и преслѣдовать васъ.

Сколько я знаю, жизнь духоборовъ прекрасная и въ матеріальномъ, и въ духовномъ смыслѣ, и они не имѣютъ намѣренія возвращаться въ Россію. Не совѣтовалъ бы и вамъ уѣзжать изъ Россіи. Жить вездѣ можно, если главная цѣль жизни не есть осуществленіе какого-либо внѣшняго плана, а исполненіе въ своей жизни закона Бога— любви къ Нему, къ пребыванію Его въ себѣ и къ проявленію Его же во всѣхъ людяхъ.

Левъ Толстой.

№ 491.

А. Шкарвану.

(Ясная Поляна, 1907 г., Мартъ 15).

Спасибо вамъ, милый Шкарванъ, за поправку нѣмецкаго письма, а главное за ваше хорошее письмо, которое дало мнѣ заглянуть въ вашу добрую душу. Всегда вспоминаю о васъ съ настоящею любовью, не требующей никакого усилія, а, напротивъ, скорѣе носящей въ себѣ частицу пристрастія. Радъ знать, что жизнь ваша преимущественно духовная, а потому и независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ условій, преимущественно счастлива. Обо мнѣ вы, вѣроятно, все знаете черезъ милаго Душана (не могу безъ этого законно принадлежащаго ему эпитета).

Ваше письмо о томъ, что я раздѣляю міропониманіе на три рода. Представьте себѣ, что я не помню, гдѣ сдѣлалъ

это дѣленіе и мысль эта была не моя, а взялъ ее у Бирюкова и совершенно напрасно, такъ какъ это третье дѣленіе: общественное—очень поверхностное и настоящихъ міропониманій есть только два, какъ и два начала—жизни: ограниченное и не ограниченное, тѣлесное и духовное, животное и божеское.

Мнѣніе мое—по секрету вамъ скажу—о другихъ вѣчныхъ образцахъ поэзіи „Divina Comedia", „Потерянный рай" такое, что я съ великими трудами читалъ ихъ и тотчасъ же мгновенно забывалъ все, что читалъ.

Левъ Толстой.

№ 492.

Е. И. Попову.

(1907 г., Апрѣля 7).

Милый Евгеній Ивановичъ.

Давно ужъ получилъ ваше 1-ое письмо о воспитаніи и внимательно прочелъ и сейчасъ перечелъ его. Вотъ мое мнѣніе. Вамъ можно и должно писать объ этомъ. Думаю, что вы скажете новое и полезное людямъ. Въ этомъ I-мъ письмѣ первая часть вполнѣ хороша, вторая, проектъ школы менѣе удовлетворяетъ. Въ подробностяхъ приложенія основныхъ началъ можетъ быть слишкомъ много соображеній, слишкомъ много различныхъ средствъ достиженія цѣлей. То, что вы пишете, можетъ представиться непримѣнимыъ или невѣрнымъ. Вообще эти подробности дѣло практики. Я этимъ не хочу сказать, что эта 2-ая часть нехороша или не нужна, но то, что она менѣе убѣдительна, чѣмъ 1-я, которая очень хороша. Очень одобряю и дальнѣйшій планъ, особенно объ обученіи искусству нравственной жизни, и о томъ, что важность этого искусства передъ всѣми другими искусствами и знаніями, какъ милліонъ къ одному. А у насъ то, что должно быть милліонъ — нуль. Искусство же это основано на одномъ, на религіи, на признаніи внѣ себя

непостижимаго, но существующаго (одного истинно существующаго) начала и на установленіи своего отношенія къ этому началу такого понятнаго и нужнаго и всеобщаго, которое уясняетъ и облегчаетъ жизнь. Все въ этомъ сознаніи этого начала и есть выработанное вѣками отношеніе къ нему, но отношеніе это такъ запутано, заслонено, что прежде чѣмъ передавать его дѣтямъ, надо очистить его, почти возстановить его, надъ этимъ мы всѣ работаемъ.

Я и не отвѣчалъ вамъ долго, потому что весь поглощенъ моими занятіями съ дѣтьми деревенскими, которыхъ учу только этому. И чувствую всю страшную трудность, но не отчаиваюсь: не отчаивайтесь и вы. Я увѣренъ, что ваши дальнѣйшія письма будутъ очень хороши. Прощайте.

Левъ Толстой.

№ 493.

И. Ф. Наживину.

(Ясная Поляна, 1907 г., Апрѣль 24).

Изъ письма Баба Барати [1]) дѣлайте выписки, но только такія, которая бы не были непріятны ему. А то я просилъ его мое письмо къ нему не печатать, а вдругъ его письмо появится въ печати въ непріятномъ для него смыслѣ.

Что же касается моего письма къ вамъ, милый Иванъ Федоровичъ, то думаю, ваше непосредственное чувство вамъ вѣрно подсказываетъ, что этого [2]) не нужно.

Вполнѣ понимаю, какъ непріятно (не могу сказать: больно), что трудъ большой и задушевный, предназначенный для людей, не дошелъ еще (а можетъ быть и совсѣмъ не дойдетъ) до нихъ. Но во всякомъ настоящемъ трудѣ (а такимъ я считаю вашъ) послѣдствія несомнѣнныя и всегда

---

[1]) Индусъ - проповѣдникъ.

[2]) Опубликовать его.

благотворныя для самого трудящагося. Такъ это для васъ и помиритесь съ этимъ. Примиреніе съ этимъ—другое благотворное послѣдствіе.

Я никогда ничего не имѣю противъ оглашенія всего моего, но для васъ не совѣтую. Привѣтъ вашей женѣ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 494.

А. Шкарвану.

(1907 года, Апрѣль).

Спасибо вамъ, милый братъ Шкарванъ, за ваше письмо. Общеніе съ вами мнѣ всегда радостно. О политикѣ я думаю совершенно также, какъ вы и она мнѣ, занятіе ею, одновременно и смѣшно, и гадко.—То, что у меня нѣтъ въ „Кругѣ Чтенія" ничего о цѣломудріи очень удивило меня и огорчило. Постараюсь въ слѣдующемъ изданіи исправить это, такъ какъ цѣломудріе, стремленіе къ наибольшему, считаю важнѣйшимъ условіемъ духовной жизни и вѣрнымъ признакомъ искренности этого стремленія.

О томъ, что дѣтямъ лучше не ходить въ школу, тоже для меня нѣтъ вопроса, но рѣшеніе это зависитъ и отъ матери, и отъ нихъ, такъ что нельзя сказать, какая выйдетъ равнодѣйствующая. Думаю, что нужно дѣтей учить главному предмету, закону Божьему, закону жизни, которому у насъ не учатъ или хуже чѣмъ не учатъ, учатъ превратно. Я думаю, что какъ во всѣхъ семьяхъ учатъ дѣтей читать: „А, Б" такъ точно и прежде всего надо дѣтей посадить подлѣ себя и начать учить тому, что все хорошее на свѣтѣ отъ любви, все дурное отъ нелюбви, что Богъ это любовь и т. д. и заставить ихъ понимать и повторять, что это, какъ—А и Б.—Это можно и должно. И можетъ это дѣлать только любящій родитель.

Цѣлую васъ и вашу жену и дѣтей.

Л. Толстой.

№ 495.

Е. И. Попову.

(Яснаа Поляна, 1907 г., Іюнь 9).

Получилъ вашъ переводъ [1]), милый Евгеній Ивановичъ. Хотя и нѣсколько искусственно, статья составлена умно. Я занятъ очень этимъ вопросомъ и никакъ не могу придти къ рѣшенію: слѣдуетъ или не слѣдуетъ все сообщать дѣтямъ. Непосредственное чувство говоритъ мнѣ, что не надо. И не могу сдѣлать этого съ моими ребятами.—Но не рѣшаю этого вопроса. Ваше рѣшеніе жить одному, очень одобряю. Мое здоровье по моимъ годамъ слишкомъ хорошо.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 496.

П. Ф. Наживину.

(1907 г. Іюль 17).

Простите, что я долго не отвѣчалъ вамъ, милый Иванъ Федоровичъ!

Книгу „Resist not Evil“ [2]) переводитъ Д. Я не читалъ ее, только заглянулъ, но Чертковъ говорилъ мнѣ, что въ ней есть много несогласнаго съ христіанствомъ.

Книгу Брамина, пожалуйста, пришлите. Чтеніе такихъ книгъ больше, чѣмъ удовольствіе, это расширеніе души. Надѣюсь, что теперь вы уже не хвораете, и, какъ всегда, полны жизни.

Братскій привѣтъ вашей милой женѣ.

Левъ Толстой.

---

[1]) „Что разсказывалъ дядя—докторъ“... Изд. „Поср.“

[2]) Американца—адвоката Barrow.

№ 497.

И. М. Трегубову.

(1907 г., Сент. 26).

Получилъ ваше письмо, милый И. М., и спѣшу отвѣтить. Малеванный, отецъ, такъ разуменъ, что я и не нашелъ нужнымъ спрашивать его о томъ, признаетъ ли онъ себя Богомъ. Я спросилъ его только, не находитъ ли онъ излишнимъ то поклоненіе, которое ему оказываютъ? Онъ сказалъ, что онъ всегда старается противодѣйствовать этому. Онъ человѣкъ очень духовно-сильный, но мало подвижной.

Сынъ же его, пріѣзжавшій послѣ него, мнѣ особенно показался близокъ.

Единственное неполное согласіе съ нимъ было то, въ чемъ, я думаю, я расхожусь и съ вами. Это то, что онъ приписываетъ большую важность проповѣди, я же считаю это ненужнымъ. Нужно всѣ силы употреблять на себя, на сліяніе своей жизни съ волей Бога. А такъ какъ воля Бога въ томъ, чтобы всѣ люди были причастны къ благу, то и соединеніе своей воли съ волей Бога самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ способомъ содѣйствуетъ благу всѣхъ. Разница въ томъ, что я считаю сознательную проповѣдь всегда слабою, неполною, часто и лишней; безсознательная же проповѣдь, вытекающая изъ всей жизни, всегда истинна и дѣйствуетъ всегда болѣе могущественно.

Очень радъ буду, если заѣдете къ намъ.

Левъ Толстой.

№ 498.

А. И. Иконникову.

(Ясная Поляна, 1907 г., Ноябрь 2).

Очень радъ былъ получить ваше письмо, любезный братъ Антонъ Ивановичъ. Могу только радоваться на то душевное состояніе, въ которомъ вы находитесь, и которое

высказывается въ вашихъ письмахъ. Помогай вамъ Богъ. Хотя я и твердо знаю, что то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете для своей души и для Бога, я все-таки не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ о томъ, какъ благотворно отражается ваша жизнь на людяхъ, въ томъ числѣ на мнѣ, за что сердечно благодарю васъ. Пожалуйста, хоть коротко извѣщайте меня о всякой перемѣнѣ въ вашемъ положеніи.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 499.

И. Ф. Наживину.

(Ясная Поляна, 1907 г., Дек.15).

Вы ничего не пишете о здоровьѣ ребенка, изъ чего заключаю, что все хорошо...

...Не скучайте, что временно мало внѣшне работаете. Въ эти періоды тамъ, въ глубинѣ, идетъ самая настоящая и нужная работа. Ну, досвиданія, милый другъ, цѣлую васъ и вашу жену.

Л. Толстой.

№ 500.

Генриху Сенкевичу.

(Ясная Поляна, 1907 г., Дек. 27).

Любезный Генрихъ Сенкевичъ,

Странное обращеніе это [1]) вызвано желаніемъ избѣжать непріятнаго, до враждебности холоднаго „Милостивый Государь“ и столь же отдаляющаго „Monsieur“, а стать въ письмѣ къ вамъ въ тѣ близкія, дружелюбныя отношенія, въ которыхъ себя чувствую по отношенію къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ прочелъ ваши сочиненія: „Семья Поланецкихъ“, „Безъ догмата“, и др., за которыя благодарю васъ. Эта же

---

[1]) Л. Н. получилъ въ 1907 г. отъ Генриха Сенкевича письмо по поводу притѣсненій прусскимъ правительствомъ поляковъ въ Галиціи. Письмо Сенкевича было написано по-французски и начиналось „Monsieur“.

причина побуждаетъ меня писать вамъ на языкѣ своемъ, на которомъ мнѣ легче ясно и точно выразиться.

То дѣло, о которомъ вы пишете, мнѣ извѣстно и вызвало во мнѣ не удивленіе, даже не негодованіе, а только подтвержденіе той, для меня несомнѣнной истины—какъ ни кажется она парадоксальной людямъ, подпавшимъ государственному гипнозу, — что существованіе насильническихъ правительствъ отжило свое время....

Въ языческомъ мірѣ могъ быть добродѣтельный властитель, Маркъ Аврелій, но въ нашемъ христіанскомъ мірѣ даже правители прошлыхъ вѣковъ,—всѣ французскіе Людовики и Наполеоны...., всѣ Фридрихи, Генрихи и Елизаветы, нѣмецкіе и англійскіе, — несмотря на всѣ старанія хвалителей, не могутъ въ наше время внушать ничего, кромѣ отвращенія.... Бороться надо не съ людьми, а съ тѣмъ суевѣріемъ необходимости государственнаго насилія, которое такъ несовмѣстимо съ современнымъ нравственнымъ сознаніемъ людей христіанскаго міра и болѣе всего препятствуетъ человѣчеству нашего времени сдѣлать тотъ шагъ, къ которому оно давно готово....

Что же касается до подробностей того дѣла, о которомъ вы пишете: о приготовленіи прусскаго правительства къ ограбленію польскихъ землевладѣльцевъ крестьянъ, то и въ этомъ дѣлѣ мнѣ жалко больше тѣхъ людей, которые устраиваютъ это ограбленіе и будутъ приводить его въ исполненіе, чѣмъ тѣхъ, кого ограбятъ. Эти послѣдніе ont le beau rôle. Они и на другой землѣ и въ другихъ условіяхъ останутся тѣмъ, чѣмъ они были, а жалко грабителей, жалко тѣхъ, которые принадлежатъ къ націи, государству грабителей и чувствуютъ себя съ ними солидарными. Я думаю, что и теперь для всякаго нравственно чуткаго человѣка не можетъ быть сомнѣнія въ выборѣ: быть пруссакомъ, солидарнымъ со своимъ правительствомъ, или изгоняемымъ изъ своего гнѣзда полякомъ.

Такъ вотъ мое мнѣніе о томъ, что совершается или готовится теперь въ Познани, и если не мнѣніе о самомъ дѣлѣ, то тѣ мысли, которыя оно вызвало во мнѣ. Простите, если письмо мое не отвѣчаетъ тому, чего вы отъ меня желали. Если письмо это вамъ не годится, бросьте его въ корзину или сдѣлайте изъ него то употребленіе, какое найдете нужнымъ.

Во всякомъ случаѣ былъ радъ вступить съ вами въ общеніе.

Любящій васъ сотоварищъ по писательству

Левъ Толстой.

1908 г.

№ 501.

И. М. Трегубову.

(1908 г., Янв. 1).

Получилъ ваше письмо, милый И. М., и проекты Общины и спѣшу вамъ отвѣтить. Вообще скажу, что радуюсь вашей хорошей дѣятельности и радъ содѣйствовать вамъ чѣмъ могу. Проектъ общины я прочелъ внимательно съ перомъ въ рукахъ и началъ было дѣлать измѣненія, но потомъ увидалъ что изложеніе основъ христіанскаго пониманія соединяющаго людей есть дѣло такой для меня огромной важности что я долженъ или самъ изложить его, что я и дѣлаю, или въ чужомъ изложеніи дѣлать только незначительныя замѣчанія. Это самое я и сдѣлалъ и я съ такими замѣчаніями возвращаю вамъ проектъ. Я измѣнилъ нѣсколько словъ и отмѣтилъ нѣкоторые пункты, вопросительнымъ знакомъ не потому, чтобы я былъ несогласенъ съ ними, а потому что считаю ихъ излишними для той цѣли для которой пишется и подается проектъ.

Въ общемъ же основы проекта мнѣ кажутся вѣрными и я желаю успѣха вашему дѣлу.

Въ то время, какъ я получилъ вашъ проектъ, у меня были Булыгинъ и Абрикосовъ и оба выразили свое большое сочувствіе вашему дѣлу. П. И. Бирюковъ (вы вѣрно увидитесь въ П-гѣ) тоже и еще больше другихъ считаетъ такое дѣло очень желательнымъ.

Очень сочувствую вашей дѣятельности, посвященной Духоборамъ. Я на дняхъ получилъ изъ Канады письмо отъ нѣкоего Сахатова, который встрѣтилъ на пути общину свободниковъ въ 80 человѣкъ, которые идутъ на югъ съ тѣмъ, чтобы тамъ питаться фруктами и не мучить животныхъ. Вообще среди духоборовъ идетъ, какъ всегда среди людей, живущихъ духовной жизнью, непрестающее движеніе.

Помогай вамъ Богъ во всѣхъ вашихъ хорошихъ дѣлахъ.

Любящій васъ

Л. Толстой.

№ 502.

Л. С.

(1908 г., Январь 2).

Получилъ ваше, очень мнѣ пріятное и интересное, письмо, милый Леонидъ, и хочется получше отвѣтить. На вопросъ вашъ,—какъ вамъ устроить свою жизнь,—отвѣчаю отрицаніемъ самаго вопроса: устраивать нашу жизнь не въ нашей власти, и попытки такого устроенія только нарушаютъ то ея устройство, которое предстоитъ намъ, о которомъ мы не знаемъ, и которое единое и лучшее и для насъ, и для всѣхъ, соприкасающихся съ нами. Задача нашей жизни, смыслъ ея — въ чемъ вы, навѣрно, согласны со мной,—въ томъ, чтобы проявить во всей доступной намъ силѣ того Бога любви, Который живетъ въ насъ; а чтобы проявить Его, намъ много надо работать надъ собою, надъ уничтоженіемъ тѣхъ грѣховъ, которыми мы полны, и которые мѣшаютъ проявленію любви,—и тѣлоугодничество, и праздность, и сладострастіе, и недоброжелательство, и слава людская, и гордость личная, и сословная, и народная, и не-

справедливость всякаго рода, всякаго рода суевѣріе, и церковное, и государственное, и научное, и искусства. Все это такъ въѣлось въ насъ и такъ затемняетъ, заглушаетъ въ насъ духъ Божій, что нельзя достаточно упорно и напряженно бороться со всѣмъ этимъ для того, чтобы все больше и больше освобождать духъ Божій, любовь и пользоваться тѣмъ благомъ, которое даетъ это все большее и большее освобожденіе. Только положите всѣ силы на это усиліе,— то усиліе, которымъ берется царство Божіе внутри насъ. Всякую минуту настоящаго насколько возможно больше употребляйте на эту внутреннюю работу совершенствованія,—освобожденіе, и жизнь сложится такъ, какъ она должна сложиться. И, по всѣмъ вѣроятіямъ, не такъ, какъ вы бы того хотѣли, но сложится наилучшимъ образомъ. Знаю, какъ несогласна своими внѣшними формами та жизнь, которой вы живете теперь, и какъ она тяжела вамъ, но будьте увѣрены, что вы нигдѣ, ни въ своей, ни въ чужой деревнѣ, ни въ общинѣ (въ общинѣ меньше всего) не найдете того положенія, въ которомъ бы ваши внѣшнія отношенія не были тяжелы. Тяжесть этихъ отношеній вездѣ, всегда есть необходимое условіе нашей жизни. И эти условія становятся мучительно тяжелы, когда мы думаемъ, что это такія условія, которыя могутъ быть измѣнены, замѣнены болѣе легкими. Это заблужденіе. Условія эти не только облегчаются, но перестаютъ быть мучительными только когда мы смотримъ на нихъ не какъ на что-то, что можетъ быть измѣнено, а какъ на матеріалъ, надъ которомъ мы призваны работать, то-есть на ту форму жизни, въ которой, какъ и во всякой другой, у насъ есть одно дѣло—проявлять живущій въ насъ духъ Божій и соединяться имъ посредствомъ любви со всѣмъ окружающимъ насъ.

Въ общемъ совѣтъ мой въ томъ, чтобы не заботиться о внѣшнемъ, а всѣ силы употреблять на внутреннее. Ищите царствія Божія и правды его, а остальное приложится, т.-е.

жизнь сложится, какой она должна быть, соотвѣтственно внутреннему усилію.

Пишу вамъ тѣ мысли, которыя вызвало во мнѣ ваше письмо, и то, чѣмъ живу и съ чѣмъ умираю, пишу вамъ то, думая, что понимаю васъ, понимаю любовью къ вамъ, пишу то, чего не написалъ бы другому, зная, какъ легко можно перетолковать эти мысли. Очень, очень радостно мнѣ было ваше письмо. Пожалуйста, пишите мнѣ, чтобы я зналъ, не то, что вы сдѣлаете (я бы не желалъ, чтобы вы сдѣлали что нибудь), а что Богъ сдѣлаетъ съ вами.

Любящій васъ братъ
Левъ Толстой.

№ 503.

Н. П. Петерсону.

(Ясная Поляна, 1908 г., Февраль 2).

Милый Николай Павловичъ, если не ошибаюсь, это вы прислали мнѣ брошюру къ 55-лѣтію моему. Брошюра эта доставила мнѣ только удовольствіе, именно воспоминаніемъ о васъ и дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Ѳедоровичѣ [1]). Мнѣ только очень жаль было видѣть, что вы съ недобротою относитесь ко мнѣ, тогда какъ я, кромѣ самаго нѣжнаго, добраго чувства, не испытываю къ вамъ, а уже не говорю къ памяти именно незабвеннаго, замѣчательнѣйшаго человѣка Николая Ѳедоровича. Если я не ошибся, пожалуйста напишите мнѣ прямо; очень мнѣ будетъ дорого общеніе съ вами.

Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ тѣмъ, что вы пишете, такъ строго разбирая мои, очень неважныя, слабыя легенды, не могу согласиться потому, что теперь, стоя на порогѣ плотской смерти, все больше и больше убѣждаюсь въ благодѣтельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которымъ живу. „Если живу имъ, т. е. любовью“.

---

[1]) Н. Ѳ. Ѳедоровъ.

И мы знаемъ, что мы перешли изъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Не любящій брата не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ. Любящій же брата имѣетъ жизнь вѣчную, пребывающую въ немъ. Я не только вѣрю въ это, но всѣмъ существомъ испытываю истинность этого.

Любящій васъ
Левъ Толстой.

№ 504.

А. М. Бодянскому.

(1908 г., Февр. 12).

Прочелъ вашу драму, милый А. М., но въ тотъ же день прочелъ и о вашемъ заключеніи въ тюрьму. Правда ли это? Не измѣнено ли это рѣшеніе? Очень мнѣ это больно. Столыпинъ, какъ вы знаете, на мою просьбу о васъ, отвѣчалъ, что сдѣлаетъ, что можетъ. Жду извѣстій о васъ. Теперь о драмѣ.

Мысли, чувства, выраженныя въ драмѣ, мнѣ близки и выражены для меня понятно, но они таковы, что форма драмы несвойственна для ихъ выраженія. Онѣ, (мысли) не только ничего не выигрываютъ отъ того, что выражены въ этой формѣ, а, напротивъ, теряютъ. Я безъ чувства sacrilège не могу себѣ представить разодѣтыхъ актеровъ, изображающихъ эти лица. И потому не желалъ бы, чтобы она была не только играна, но и напечатана.

Братски привѣтствую и жду извѣстій.

Левъ Толстой.

№ 505.

М. М. Д.-К — ой.

(Ясная Поляна, 1908 г., Февраль 27).

Милая Марія Михайловна,—сказалъ бы, сестра по духу, если бы зналъ, что вы позволите назвать васъ такъ. Сейчасъ прочелъ ваше письмо женѣ, которое глубоко тронуло меня. Вы открыли мнѣ то, что я по своему легкомыслію и эгоизму не думалъ, а то, что вы открыли мнѣ, очень важно.

Готовящіяся мнѣ юбилейныя восхваленія мнѣ въ высшей степени—не скажу тяжелы—мучительны. Я настолько старъ, настолько близокъ къ смерти, настолько желаю уйти туда, пойти къ Тому, отъ Кого я пришелъ, что всѣ эти тщеславныя жалкія проявленія мнѣ только тяжелы. Но это все для меня лично, я же не думалъ о томъ, о чемъ вы мнѣ (?) пишете: о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое произведутъ на тѣхъ людей, которые вѣрятъ такъ же, какъ вы, вѣрятъ искренно и глубоко—какое впечатлѣніе произведутъ эти восхваленія человѣка, нарушившаго то, во что они вѣрятъ. Объ этомъ я не подумалъ и вы напомнили мнѣ. Постараюсь избавиться отъ этого дурного дѣла, отъ участія моего въ немъ, отъ оскорбленія тѣхъ людей, которые, какъ вы, гораздо, несравненно ближе мнѣ всѣхъ тѣхъ, невѣрующихъ людей, которые Богъ знаетъ для чего, для какихъ цѣлей будутъ восхвалять меня и говорить эти пошлыя, никому ненужныя слова. Да, милая Марія Михайловна, чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что всѣ мы, вѣрующіе въ Бога, если только искренно вѣруемъ, всѣ мы соединены между собою, всѣ мы сыновья одного отца и братья и сестры между собою. Хотимъ мы или не хотимъ этого, мы все едино. Такъ вотъ прощайте, милая Марія Михайловна. Спасибо, что вспомнили обо мнѣ. Общеніе съ вами мнѣ очень радостно. Если бы я былъ съ вами, я бы попросилъ позволенія просто поцѣловать васъ, какъ братъ сестру. Теперь же прощайте. Благодарю васъ за любовь и прошу васъ не лишать меня ея.

Л. Толстой.

№ 506.

Арвиду Эрнфельду.

(Ясная Поляна, 1908 г., Фев. 27).

Очень радъ былъ получить Ваше письмо, милый Арвидъ, хотя и грустно было узнать, что Вы тамъ были. Будемъ

крѣпиться, милый другъ. Отъ христіанина не можетъ быть ничего дурного, кромѣ того, что въ немъ самомъ. А то, что въ немъ самомъ, въ его власти... Что же касается письма Вашихъ журналистовъ, то я никакъ не могу исполнить ихъ желанія, такъ какъ не знаю и не могу знать никакой Финляндіи, какъ также не знаю и не могу знать никакой Россіи. Знаю я людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ земного шара, болѣе или менѣе близкихъ мнѣ, никакъ не потому, что они по странному заблужденію считаютъ себя подданными такого или иного правительства и привыкли говорить на томъ или иномъ языкѣ, а потому, насколько мы соединены съ ними однимъ и тѣмъ-же пониманіемъ жизни и взаимной любовью, вытекающей изъ такого пониманія. Нѣтъ никакихъ условій жизни, при которыхъ люди — добрые люди—могли бы совершать такія ужасныя преступленія, какъ тѣ, кот. совершаются во имя патріотизма. Понимаю я, что угнетенныя народности, какъ польская, финляндская, могутъ особенно легко поддаваться тому страшному искушенію, но все таки не могу безъ жалости думать о людяхъ, которые поддаются ему. Вотъ все, что могу сказать имъ.

Прощайте, милый другъ Арвидъ. Пожалуйста, почаще пишите мнѣ. Очень радъ буду имѣть общеніе съ Вами, потому что душевно люблю Васъ.

Левъ Толстой.

№ 507.

И. Ф. Наживину.

(1908 г., Мартъ 9).

. . . Я странно сказать—что дальше живу, то все лучше и лучше мнѣ. Казалось бы, некуда больше, а все лучше. . . .

Л. Толстой.

№ 508.

Т. А. Кузминской.

(Ясная Поляна, 1908 г., Мартъ 25).

Получилъ твое письмо, милая Таня, и очень былъ радъ ему. Радъ какъ всегда вспомнить и живо возстановить отношенія съ тобой.

Ты напишешь, какъ ты вѣрно говоришь, навѣрное больше сердцемъ, а это самый хорошій инструментъ для того, чтобы хорошо написать то, что пишешь. Пожалуйста печатай, а я съ удовольствіемъ и, навѣрное съ большой радостью прочту это твое писаніе. Передай мой привѣтъ твоимъ, братски цѣлую тебя, извини что письмо коротко, я говорю въ фонографъ, я усталъ, много работалъ и не совсѣмъ здоровъ.

Левъ Толстой.

P. Былъ вчера не совсѣмъ здоровъ, а нынче совсѣмъ хорошо. Соня уѣхала въ Москву, а у насъ Сережа. Хорошо бы повидаться. Можно ли надѣяться?

Л. Т.

№ 509.

М. С. Дудченко.

(Ясная Поляна, 1903 г., Апрѣль 7).

Получилъ ваше хорошее письмо, дорогой Митрофанъ Семеновичъ. Очень радъ былъ прочесть то, что вы пишете въ немъ, и почувствовать ту любовь, которую вы имѣете ко мнѣ и желаете мнѣ именно самаго лучшаго, чего только я и могу желать себѣ.

Одно могу сказать, что причины удерживающія меня отъ той перемѣны жизни, которую вы мнѣ совѣтуете и отсутствіе которой составляетъ для меня мученіе,—что причины препятствующія этой перемѣнѣ, вытекаютъ изъ тѣхъ самыхъ основъ любви, во имя которыхъ эта перемѣна желательна и вамъ и мнѣ. Весьма вѣроятно, что я не знаю, не умѣю.

или просто во мнѣ есть тѣ дурныя свойства, которыя мѣшаютъ мнѣ исполнять то, что Вы совѣтуете мнѣ.

Но что же дѣлать? Со всѣмъ усиліемъ моего ума и сердца я не могу найти этого способа и буду только благодаренъ тому, кто мнѣ укажетъ его. И это я говорю совсѣмъ не съ ироніей, а совершенно искренно.

Прощайте, благодарю васъ за вашу любовь ко мнѣ и не только стараюсь, но всей душой отплачиваю вамъ тѣмъ же.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 510.

Л. С.

(Ясная Поляна, 1908 г., Май 10).

Послѣдніе дни много думалъ о васъ, милый братъ Леонидъ.

Во-первыхъ, получилъ ваше письмо, за которое хочется упрекнуть васъ за ту неподходящую роль, которую вы мнѣ приписываете. Вѣрьте, что это—не желаніе быть смиреннымъ, но совершенно искреннее сознаніе ничтожности своей жалкой личности не только въ сравненіи съ тѣмъ идеаломъ, который вижу иногда передъ собой, но въ сравненіи съ самыми обыкновенными людьми, которыхъ встрѣчаю. Я все жду, когда это, какъ это случилось съ голымъ царемъ, гулявшимъ по улицамъ, найдется такое дитя, которое скажетъ: „Да на немъ нѣтъ ничего". И все поймутъ, что они видѣли во мнѣ хорошее, и чего не было, и не видѣли того плохого, которое que crève les yeux. Отъ этого мнѣ, любя васъ, было непріятно то, что вы въ такомъ же обо мнѣ заблужденіи. Вѣрьте, что говорю то, что думаю и чувствую. То, что пишете о себѣ, очень порадовало меня. Не скажу, что работа должна быть поденная, но совершенно согласенъ, что это очень хорошая форма работы. Радуюсь, радуюсь

очень тому душевному состоянію, которое чувствуется въ вашемъ письмѣ. Одно могу желать: чтобы вы держались въ немъ до смерти. Лучше этого состоянія я ничего не знаю. Вотъ это ваше письмо былъ одинъ поводъ мыслей о васъ. Другой поводъ, это—посѣщеніе вчера милаго вашего хозяина, Григорія. Мы много бесѣдовали съ нимъ, но я жалѣю, что мало. Хотѣлось бы подѣлиться, а главное — попользоваться отъ него многимъ. Какъ я радъ, что умѣю понимать такихъ людей, ихъ душу. Онъ много мнѣ сказалъ полезнаго, и много говорилъ о васъ. И все, что я узналъ, все хорошо. Третій поводъ, это—корректурные листы вашего писанія, которые я получилъ отъ Левинсона и вчера прочелъ вмѣстѣ съ Горбуновымъ и Гусевымъ. Начало слабо: неясно, авторъ хочетъ слишкомъ многое сказать, и не можетъ сказать и ясно, и просто, и сильно. Нѣтъ строгой, послѣдовательной мысли, и нѣтъ яркости и художественности, нѣтъ опредѣленныхъ образовъ. Я не боюсь говорить вамъ, милый другъ, всю правду. Есть много мыслей, намековъ, много близкихъ, понятныхъ, но все расплывчато и даже, кажется, многословно. Такъ шло до „Храма". Но тутъ, съ самаго начала, описаніе заключенныхъ, ихъ душевнаго состоянія и казни: инженеръ, гимназистъ, священникъ, докторъ, сынъ дьякона, да всѣ, — все это превосходно, такъ хорошо, что не могу себѣ представить ничего лучше. То же впечатлѣніе произвело и на Горбунова, и Гусева. Я не могъ говорить отъ слезъ, душившихъ меня. Непремѣнно надо стараться напечатать. Прощайте, милый другъ и братъ. Всей душой люблю васъ. Мой привѣтъ Григорію.

Левъ Толстой.

№ 511.

П. И. Бирюкову.

(1908 г., Май, 24).

Милый другъ Павелъ Ивановичъ. Очень радъ исполнить ваше желаніе и сообщить вамъ болѣе подробно то, что

было передумано, и перечувствовано мною въ связи съ тѣмъ случаемъ моей защиты солдата, о которомъ вы пишете въ своей книгѣ. Случай этотъ имѣлъ на всю мою жизнь гораздо болѣе вліянія, чѣмъ всѣ кажущіеся болѣе важными событія жизни: потеря или поправленіе состоянія, успѣхи или неуспѣхи въ литературѣ, даже потеря близкихъ людей.

Разскажу, какъ все это было, а потомъ уже постараюсь высказать тѣ мысли и чувства, которыя тогда вызывало во мнѣ это событіе и теперь воспоминаніе о немъ.

Чѣмъ особенно я занимался и увлекался въ это время, я не помню;—вы это лучше меня знаете; знаю только, что жилъ я въ это время спокойной самодовольной и вполнѣ эгоистичной жизнью. Лѣтомъ 1866 года насъ посѣтилъ совершенно неожиданно Гриша Колокольцовъ, кадетомъ еще ходившій въ домъ Берсовъ и знакомый моей жены. Оказалось, что онъ служилъ въ пѣхотномъ полку, расположенномъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Это былъ веселый добродушный мальчикъ, особенно занятый въ это время своей верховой казачьей лошадкой, на которой онъ любилъ гарцовать и часто пріѣзжалъ къ намъ.

Благодаря ему, мы познакомились и съ его полковымъ командиромъ, полковникомъ Ю., и съ разжалованнымъ или отданнымъ въ солдаты по политическимъ дѣламъ (не помню) А. М. Стасюлевичемъ, роднымъ братомъ извѣстнаго редактора, служившимъ въ этомъ же полку. Стасюлевичъ былъ уже не молодой человѣкъ. Онъ только недавно изъ солдатъ былъ произведенъ въ прапорщики и поступилъ въ полкъ къ бывшему своему товарищу Ю., теперь его главному начальнику.

И тотъ и другой, Ю. и Стасюлевичъ, тоже изрѣдка ѣзжали къ намъ. Ю. былъ толстый, румяный, добродушный, холостой еще человѣкъ. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, такъ часто встрѣчающихся людей, въ которыхъ человѣческаго совсѣмъ не видно изъ за тѣхъ условныхъ положеній, въ

которыхъ они находятся и сохраненіе которыхъ они ставятъ высшею цѣлью своей жизни. Для полковника Ю. условное положеніе это было положеніе полкового командира. Про такихъ людей, судя по-человѣчески, нельзя сказать, добрый ли, разумный ли онъ человѣкъ, такъ какъ неизвѣстно еще, какимъ бы онъ былъ, если бы пересталъ быть полковникомъ, профессоромъ, министромъ, судьей, журналистомъ, а сталъ бы человѣкомъ. Такъ это было и съ полковникомъ Ю. Онъ былъ исполнительный полковой командиръ, приличный посѣтитель; но какимъ онъ былъ человѣкомъ, нельзя было знать. Я думаю, не зналъ и онъ самъ, да и не интересовался этимъ. Стасюлевичъ же бытъ живой человѣкъ, хотя и изуродованный съ разныхъ сторонъ, болѣе же всего тѣми несчастьями и униженіями, которыя онъ, какъ честолюбивый и самолюбивый человѣкъ, тяжело переживалъ. Такъ мнѣ казалось, но я недостаточно зналъ его, чтобы поглубже вникнуть въ его душевное состояніе. Одно знаю, что общеніе съ нимъ было пріятно и вызывало смѣшанное чувство состраданія и уваженія. Стасюлевича я потомъ потерялъ изъ виду, но не долго послѣ этого, когда полкъ ихъ стоялъ уже въ другомъ мѣстѣ, я узналъ, что онъ безъ всякихъ, какъ говорили, личныхъ причинъ лишилъ себя жизни и сдѣлалъ это самымъ страннымъ образомъ. Онъ рано утромъ надѣлъ въ рукава ваточную тяжелую шинель и въ этой шинели вошелъ въ рѣку и утонулъ, когда дошелъ до глубокаго мѣста, такъ какъ не умѣлъ плавать.

Не помню, кто изъ двухъ, Колокольцовъ или Стасюлевичъ въ одинъ день лѣтомъ, пріѣхавъ къ намъ, разсказалъ про случившееся у нихъ,—для военныхъ людей самое ужасное необыкновенное событіе: солдатъ ударилъ по лицу ротнаго командира капитана, академика, Стасюлевичъ особенно горячо, съ сочувствіемъ къ участи солдата, котораго ожидала, по словамъ Стасюлевича, смертная казнь, разсказы-

валъ про это и предложилъ мнѣ быть защитникомъ на военномъ судѣ солдата.

Долженъ сказать, что приговоры одними людьми другихъ къ смерти и еще другихъ къ совершенію этого поступка—смертная казнь—всегда не только возмущала меня, но представлялась мнѣ чѣмъ-то невозможнымъ, выдуманнымъ, однимъ изъ тѣхъ поступковъ, въ совершеніе которыхъ отказываешься вѣрить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь какъ была, такъ и осталась для меня однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, свѣдѣнія о совершеніи которыхъ въ дѣйствительности не нарушаютъ во мнѣ сознанія невозможности ихъ совершенія.

Я понимаю, что подъ вліяніемъ минуты раздраженія, злобы, мести, потери сознанія своей человѣчности, человѣкъ можетъ убить, защищая близкаго человѣка, даже себя, можетъ подъ вліяніемъ патріотическаго, стаднаго внушенія, подвергая себя смерти, участвовать въ совокупномъ убійствѣ на войнѣ. Но то, чтобы люди спокойно, въ полномъ обладаніи своихъ человѣческихъ свойствъ могли обдуманно признавать необходимость убійства, такого же, какъ они человѣка, и могли бы заставлять совершать это противное человѣческой природѣ дѣло другихъ людей,—этого я никогда не понималъ. Не понималъ и тогда когда въ 1866 году жилъ своей ограниченной, эгоистической жизнью, и потому я, какъ это ни было странно, съ надеждой на успѣхъ взялся за это дѣло.

Помню, что пріѣхавъ въ деревню Озерки, гдѣ содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это въ особомъ помѣщеніи или въ томъ самомъ, въ которомъ и совершился поступокъ) и войдя въ кирпичную низкую избу, я былъ встрѣченъ маленькимъ, скуластымъ, скорѣе толстымъ, чѣмъ худымъ, что очень рѣдко въ солдатѣ, человѣкомъ, съ самымъ простымъ не перемѣняющимся выра-

женіемъ лица. Не помню съ кѣмъ я былъ, кажется съ Колокольцовымъ. Когда мы вошли, онъ всталъ по солдатски. Я объяснилъ ему, что хочу быть его защитникомъ, и просилъ разсказать, какъ было дѣло. Онъ отъ себя мало говорилъ и только на мои вопросы неохотно отвѣчалъ: „такъ точно". Смыслъ его отвѣтовъ былъ тотъ, что ему очень скучно было и что ротный былъ требователенъ къ нему. „Ужъ очень на меня налегалъ", сказалъ онъ.

Дѣло было такъ, какъ описано у васъ, но то, что онъ тутъ же выпилъ, чтобы придать себѣ храбрости, едва ли справедливо.

Какъ я понялъ причину его поступка, она была въ томъ, что ротный командиръ, человѣкъ всегда внѣшне спокойный, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и повторенія тѣхъ работъ, которыя писарь считалъ правильно исполненными довелъ его до послѣдней степени раздраженія. Сущность дѣла, какъ я понялъ его тогда, была въ томъ, что, кромѣ служебныхъ отношеній, между этими людьми установились очень тяжелыя отношенія человѣка къ человѣку—отношенія взаимной ненависти. Ротный командиръ, какъ это часто бываетъ, испытывалъ антипатію къ подсудимому, усиленную еще догадкой о ненависти къ себѣ этого человѣка за то, что офицеръ былъ полякъ, ненавидѣлъ своего подчиненнаго и, пользуясь своимъ положеніемъ, находилъ удовольствіе быть всегда недовольнымъ всѣмъ, что бы ни сдѣлалъ писарь, и заставлять его передѣлывать по нѣскольку разъ то, что писарь считалъ безукоризненно хорошо сдѣланнымъ. Писарь же со своей стороны, ненавидѣлъ ротнаго и за то что онъ полякъ, и за то, что онъ оскорбляетъ его, не признавая за нимъ знанія его писарскаго дѣла, и главное, за его спокойствіе, и за неприступность его положенія. И ненависть эта не находя себѣ исхода, все больше и больше съ каждымъ новымъ упрекомъ разгоралась. И когда она дошла до высшей степени,

она разразилась самымъ для него же самого неожиданнымъ образомъ. У васъ сказано, что взрывъ былъ вызванъ тѣмъ, что ротный командиръ сказалъ, что накажетъ его розгами. Это невѣрно, ротный просто вернулъ ему бумагу и приказалъ, исправивъ, опять переписать.

Судъ скоро состоялся. Предсѣдателемъ былъ Ю., двумя членами были Колокольцовъ и Стасюлевичъ. Привели подсудимаго. Послѣ, не помню какихъ формальностей, я прочелъ свою рѣчь, которую мнѣ не скажу странно, но просто стыдно читать теперь. Судьи, съ очевидно скрываемой только приличіемъ скукой, слушали всѣ тѣ пошлости, которыя я говорилъ, ссылаясь на такія-то статьи, такого-то тома, и когда все было выслушано ушли совѣщаться. На совѣщаніи, какъ я послѣ узналъ, одинъ Стасюлевичъ стоялъ за примѣненіе той глупой статьи, которую я приводилъ, т. е. за оправданіе подсудимаго, вслѣдствіе признанія его невмѣняемымъ. Колокольцовъ же, добрый, хорошій мальчикъ, хотя и навѣрное желалъ сдѣлать мнѣ пріятное, все-таки подчинился Ю., и его голосъ рѣшилъ вопросъ. И былъ прочтенъ приговоръ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Тотчасъ послѣ суда я написалъ, какъ это у васъ и написано, письмо близкой мнѣ и близкой ко двору фрейлинѣ Александрѣ Андреевнѣ Толстой, прося ее ходатайствовать передъ государемъ, тогда былъ Александръ II-ой, о помилованіи Шибунина. Я написалъ Толстой, но по разсѣянности не написалъ имени полка, въ которомъ происходило дѣло. Толстая обратилась къ военному министру Милютину, но онъ сказалъ, что нельзя просить государя, не указавъ какого полка былъ подсудимый. Она написала это мнѣ, я поторопился отвѣтить, но полковое начальство поторопилось тоже, и когда не было уже препятствій для подачи прощенія государю, казнь была уже совершена.

Всѣ остальныя подробности въ вашей книгѣ и христіанское отношеніе народа къ казненному совершенно вѣрны.

Да, ужасно, возмутительно мнѣ было перечесть теперь эту напечатанную у васъ, мою жалкую, отвратительную защитительную рѣчь. Говоря о самомъ явномъ преступленіи всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, которое одни люди готовились совершить надъ своимъ братомъ, я ничего не нашелъ лучшаго, какъ ссылаться на такія-то, кѣмъ-то написанныя... слова, называемыя законами.

Да, стыдно мнѣ теперь читать эту жалкую, глупую защиту. Вѣдь, если только человѣкъ понимаетъ то, что собираются дѣлать люди, сѣвшіе въ своихъ мундирахъ съ трехъ сторонъ стола, воображая себѣ, что вслѣдствіе того, что они такъ сѣли и что на нихъ мундиры, и что въ разныхъ книгахъ напечатаны и на разныхъ листахъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ написаны извѣстныя слова, что вслѣдствіе всего этого они могутъ нарушить вѣчный общій законъ, записанный не въ книгахъ, а во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ, то вѣдь одно, что можно и должно сказать такимъ людямъ, это—то, чтобы умолять ихъ вспомнить о томъ, кто они и что они хотятъ дѣлать. А никакъ не доказывать разными хитростями, основанными на тѣхъ... словахъ, называемыхъ законами, что можно и не убивать этого человѣка. Вѣдь доказывать то, что жизнь каждаго человѣка священна, что не можетъ быть права одного человѣка лишить жизни другого,—это знаютъ всѣ люди и этого доказывать нельзя, потому что ненужно. А можно, и нужно, и должно только одно: постараться освободить людей-судей отъ того одурѣнія, которое могло привести къ такому дикому нечеловѣческому намѣренію. Вѣдь доказывать это—все равно, что доказывать человѣку, что ему не надо дѣлать то, что противно несвойственно его природѣ: не надо зимой ходить голому, не надо питаться содержимымъ помойной ямы, не надо ходить на четверинкахъ. То, что это несвойственно, противно природѣ человѣческой, давно уже пока-

зано людямъ въ разсказѣ о женщинѣ, подлежащей побіенію камнями.

Неужели съ тѣхъ поръ появились люди настолько праведные: полковникъ Ю. и Гриша Колокольцовъ съ своей лошадкой, что уже имъ не страшно бросить первый камень?

Я не понималъ этого тогда. Не понималъ я этого и тогда, когда черезъ Толстую ходатайствовалъ у государя о помилованіи Шибунина. Не могу не удивляться теперь, на то заблужденіе, въ которомъ я былъ о томъ, что все, что совершалось надъ Шибунинымъ, было вполнѣ нормально .

. . . . . .

Тогда я еще ничего не понималъ этого. Я только смутно чувствовалъ, что совершилось что-то такое, чего не должно быть, не можетъ быть, и что это дѣло—не случайное явленіе, а въ глубокой связи со всѣми другими заблужденіями и бѣдствіями человѣчества, и что оно то и лежитъ въ основѣ всѣхъ заблужденій и бѣдствій человѣчества.

Я смутно чувствовалъ еще тогда, что смертная казнь, сознательно разсчитанное, преднамѣренное убійство, есть дѣло прямо противоположное тому закону христіанскому, который мы будто бы исповѣдуемъ, и дѣло, явно нарушающее возможность и разумной жизни, и, какой бы то ни было нравственности, потому что ясно, что если одинъ человѣкъ или собраніе людей можетъ рѣшить, что необходимо убить одного или многихъ людей, то нѣтъ никакой причины, по какой другой человѣкъ или другіе люди не найдутъ той же необходимости для убійства другихъ людей. А какая же можетъ быть разумная жизнь и нравственность среди людей, которые могутъ по своимъ рѣшеніямъ убивать другъ друга. Я смутно чувствовалъ тогда уже, что оправданіе убійства церковью и наукой, вмѣсто достиженія своей цѣли—оправданія насилія, напротивъ того показываетъ лживость церкви и лживость наукъ. Въ первый разъ я смутно почувствовалъ это въ Парижѣ, когда видѣлъ издалека смертную казнь; яснѣе,

гораздо яснѣе почувствовалъ это теперь, когда принималъ участье въ этомъ дѣлѣ; но мнѣ все еще страшно вѣрить себѣ и разойтись съ сужденіями всего міра. Только гораздо послѣ я былъ приведенъ къ необходимости вѣры себѣ и къ отрицанію тѣхъ двухъ страшныхъ обмановъ, держащихъ людей нашего времени въ своей власти и производящихъ всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество...

Да, этотъ случай имѣлъ на меня огромное, благодѣтельное вліяніе. На этомъ случаѣ я въ первый разъ почувствовалъ, первое, то, что каждое насиліе для своего исполненія предполагаетъ убійство или угрозу его, и что поэтому всякое насиліе неизбѣжно связано съ убійствомъ; второе—то, что государственное устройство, немыслимое безъ убійствъ, несовмѣстимо съ христіанствомъ, и третье, что то, что у насъ называется наукой, есть только такое же лживое оправданіе существующаго зла, какимъ было прежде церковное ученіе.

Теперь это для меня ясно, тогда же это было только смутное сознаніе той неправды, среди которой шла моя жизнь.

Левъ Толстой.

№ 512.

Л. С.

(Ясная Поляна, 1908 г. Іюнь 6).

Спасибо, милый другъ Леонидъ, за ваше хорошее письмо.

Простите меня за то, что мое письмо и высказанное мнѣніе о вашей статьѣ было для васъ соблазномъ. Я чувствовалъ, что дѣлаю дурное. То же, что было написано въ газетѣ (хотя и справедливо) о моемъ мнѣніи о статьѣ, еще больше огорчило меня.

Простите. Но я все-таки радъ за васъ, что у васъ есть эта способность выражать свои чувства, заражать этими чувствами другихъ. Знайте, что она есть въ васъ, держите

въ себѣ эту силу, и, вѣроятно, придетъ время, когда она понадобится и вамъ и людямъ.

Если вы мнѣ разрѣшаете распорядиться этой статьей, то разрѣшите и откинуть все ненужное, лишнее. Вся первая часть. Какъ ни страшно это сказать, а художество требуетъ еще гораздо больше точности précision, чѣмъ наука, а это-то отсутствуетъ во всемъ, что называется декадентствомъ, и что въ вашей первой части статьи.

Ну, теперь объ этихъ пустякахъ довольно. Какъ вы счастливы, милый другъ, что вы въ ваши годы избрали тотъ путь, который вы избрали. Да, для того, что-бы быть въ состояніи дѣлать то, въ чемъ сущность всей нашей жизни—любить Бога и братьевъ-людей,—надо прежде всего узнать этихъ братьевъ, ихъ жизнь. А любить съ высоты своихъ палатъ и верховой лошади—или обманъ, или страданіе и стыдъ,—j'en sais quelque chose. Вы же благую часть избрали. Только тогда, когда вмѣстѣ полазаешь на четверинкахъ, станешь въ то положеніе, въ которомъ можно начинать любить. Помогай вамъ Богъ. Но боюсь, боюсь за васъ, милый другъ боюсь и люблю и буду любить, хотя бы вы и измѣнили свою жизнь. Сердца своего, души своей, тѣхъ шаговъ, которые она сдѣлала, вы не можете уже измѣнить. Пишите, хотя изрѣдка и хотя коротко, но чтобы я чувствовалъ васъ Прощайте, милый другъ.

Левъ Толстой.

№ 513.

Левинсону.

(Ясная Поляна, 1908 г., Іюнь 8).

Благодарю васъ, милый Левинсонъ, за ваше письмо. Хотя самая большая радость—любить самому, радостна и любить другихъ. А изъ вашего письма я почувствовалъ любовь двоихъ: вашу и милаго Леонида, который благодаря своей любви, умѣлъ въ моей плохотѣ найти хорошее.

Я писалъ ему о томъ, чтобы онъ разрѣшилъ мнѣ выпустить въ его превосходной статьѣ все начало. Когда онъ отвѣтитъ, вѣроятно, согласіемъ,—подумайте, какъ и гдѣ помѣстить. Это во всѣхъ отношеніяхъ нужно. Какъ пріятно узнать новаго брата и друга.

Левъ Толстой.

№ 514.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1908 г., Авг. 5).

Пишу на открыткѣ, въ надеждѣ, что она скорѣе дойдетъ. Часто съ любовью думаю о васъ, съ любовью и страхомъ за ваше душевное состояніе. Помогай вамъ Богъ не унывать, не переставать любить всѣхъ и только любить, а если придетъ уныніе и перестанешь любить, то не вѣрить себѣ и ждать возвращенія своего истиннаго „я". Письма ваши получаю и очень благодарю. Пишите, если можно.

Левъ Толстой.

№ 515.

Крестьянину М. П. Новикову.

(Ясная Поляна, 1908 г., Авг. 21).

Просьба Ваша, милый Михаилъ Петровичъ, только могла бы быть пріятна мнѣ, если бы предвидѣлась какая-нибудь возможность ея исполненія. Но я думаю, что, пиша письмо, вы и сами впередъ знали, что это Ваше и мое желаніе не исполнится. Главное же дѣло, о чемъ я и хочу писать вамъ, въ томъ настроеніи, которое проникаетъ все ваше письмо и чувствѣ, которое мнѣ было очень тяжело. Вѣрьте мнѣ, не за себя, а за васъ.

Помню того милаго, высокаго красиваго солдата, который въ мою низенькую комнату наверху московскаго дома, пришелъ съ поразившими меня своей глубиной и искрен-

ностью вопросами. Тогда занимали васъ вопросы вашей души и потому вопросы общечеловѣческіе. Не только боюсь, но вижу изъ вашихъ писемъ, что теперь это не такъ. Теперь главное чувство, проникающее почти каждое слово вашего письма, есть чувство—простите меня—зависти и вытекающей изъ нея ненависти къ достаточнымъ классамъ. Вы говорите, напримѣръ, что мои мысли—не мои, а тѣ вѣчныя, божескія мысли, которыя можетъ быть, проходятъ черезъ меня, не могутъ произвести никакого воздѣйствія на людей достаточнаго круга, какъ бы предполагая, что всѣ они лишены самаго первобытнаго, человѣческаго свойства—совершенствованія.

Едва-ли можно найти среди этой, какъ вы сами знаете, съ моей точки зрѣнія развращенной среды такого хоть одного человѣка, который бы такъ относился къ какому-то ни было цѣлому сословію людей, не допуская въ немъ ничего хорошаго—то самое, что вы дѣлаете по отношенію людей достаточныхъ классовъ. Какъ старый человѣкъ молодому и любящій любимому, говорю вамъ: оглянитесь на себя и подумайте объ этомъ, милый Михаилъ Петровичъ. Состояніе души человѣка, ненавидящаго цѣлое сословіе, откровенно скажу вамъ, что если бы мнѣ представленъ былъ выборъ изъ двухъ положеній: хоть того, въ которомъ я нахожусь теперь, т. е. жизни въ развращающей и незаконной роскоши, хотя бы я и осуждалъ ее, какъ я и дѣлаю, чему многіе очень естественно не вѣрятъ, или даже жизни человѣка, живущаго въ этой развращенной и развращающей средѣ богатыхъ, каждымъ шагомъ жизни своей пользующихся трудами угнетенныхъ и задавленныхъ людей, и не чувствующаго этого, и добродушно веселящагося въ привычныхъ ему условіяхъ,—или жизни самаго трудового человѣка, ѣдущаго хлѣбъ своихъ трудовъ и не только не пользующагося чужими, но отдающими свои въ пользованіе другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнаго зависти

и независти, возбуждаемой въ немъ и частнымъ общеніемъ съ тѣми людьми, которые угнетаютъ его,—я бы ни минуты не задумался избрать первое. Хорошо быть эксплоатируемымъ, но не эксплоататоромъ, это хорошо тогда, когда совершается это во имя покорности волѣ Бога и любви къ людямъ; но когда это же совершается помимо покорности волѣ Бога, во имя ненависти къ людямъ, удерживаемой только невозможностью приложить ее, то положеніе эксплоатируемаго въ тысячу разъ хуже. Все дѣло не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ томъ духовномъ отношеніи къ тѣмъ или инымъ условіямъ. Дороже всего любовное отношеніе ко всѣмъ, всѣмъ, такое состояніе, которое получается при любви къ Богу. Вотъ этого-то я желаю вамъ. Знаю, что вы со своимъ большимъ умомъ и горячимъ сердцемъ, въ состояніи понять меня, и потому смѣло пишу это вамъ.

Надѣюсь, что вы простите меня, если я сказалъ то, что сказалъ, недостаточно мягко и добро. Во всякомъ случаѣ руководился я однимъ чувствомъ любви къ вамъ, съ которымъ и остаюсь любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

№ 516.

А. М. Бодянскому.

(Ясная Поляна, 1908 г., С нтябрь 1).

Письмо ваше тронуло меня, милый Александръ Михайловичъ. Вы совершенно правы, но сказать въ моемъ положеніи то, что вы мнѣ совѣтуете, нельзя, потому что если есть хоть одинъ изъ тысячи, привѣтствовавшихъ меня людей, искренній,—а я не имѣю права сомнѣваться ни въ одномъ,—то какое я имѣю право оскорблять ихъ? Мысль же ваша совершенно справедлива и сочувственна мнѣ. Чѣмъ ближе я подхожу къ смерти, тѣмъ сильнѣе у меня увѣренность, что то, чего мы оба съ вами одинаково желаемъ, неизбѣжно совершится, т. е. наступитъ хоть отчасти замѣт-

ное осуществленіе того Царства Божія, къ которому я, какъ могъ, старался двигаться, хоть иногда въ моей жизни.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 517.

Письмо въ редакцію.

(Ясная Поляна, 1908 г., Окт.).

Когда я, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, услыхалъ о намѣреніяхъ моихъ друзей праздновать мое восьмидесятилѣтіе, я печатно заявилъ о томъ, что очень бы желалъ, чтобы ничего этого не дѣлали. Я надѣялся, что мое заявленіе будетъ принято во вниманіе и никакого празднованія не будетъ.

Но случилось то, чего я никакъ не ожидалъ—а именно, начиная съ послѣднихъ дней августа и до настоящаго дня, я получилъ и продолжаю получать съ разныхъ сторонъ такія лестныя для меня привѣтствія, что чувствую необходимость выразить мою искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя такъ доброжелательно отнеслись ко мнѣ.

Благодарю всѣ университеты, городскія думы, земскія управы, различныя учебныя заведенія, общества, союзы, группы лицъ, клубы, товарищества, редакціи газетъ и журналовъ, приславшіе мнѣ адресы и привѣтствія. Благодарю также всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей вспомнившихъ меня въ этотъ день. Благодарю всѣхъ незнакомыхъ мнѣ людей, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, вплоть до заключенныхъ въ тюрьмахъ и каторгахъ одинаково дружелюбно привѣтствовавшихъ меня. Благодарю юношей, дѣвушекъ и дѣтей, приславшихъ мнѣ свои поздравленія. Благодарю лицъ духовнаго званія,—хотя очень немногихъ, но привѣтствія которыхъ тѣмъ болѣе дороги для меня, за ихъ добрыя

пожеланія. Благодарю также тѣхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ поздравленіями прислали мнѣ тронувшіе меня подарки.

Сердечно благодарю всѣхъ, привѣтствовавшихъ меня, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые, (большинство обращавшихся ко мнѣ) совершенно неожиданно отъ меня и къ великой моей радости выражали въ своихъ обращеніяхъ ко мнѣ свое полное согласіе не со мною, а съ тѣми вѣчными истинами, которыя я старался, какъ умѣлъ выражать въ моихъ писаніяхъ. Среди этихъ лицъ, что было мнѣ особенно пріятно, было больше всего крестьянъ и рабочихъ.

Извиняюсь въ томъ, что не имѣю возможности отвѣчать отдѣльно каждому учрежденію или лицу, прошу принять это мое заявленіе, какъ выраженіе моей искренней благодарности всѣмъ лицамъ, выразившимъ въ эти дни свои добрыя чувства, за доставленную ими мнѣ радость.

Левъ Толстой.

№ 518.

С. М. Соломахину.

(Ясная Поляна, 1908 г., Ноябрь 7).

Я написалъ отцу вашему о томъ самомъ о чемъ и вы пишите.

Человѣкъ не властенъ во внѣшнихъ дѣлахъ, а во внутренней духовной жизни ему нѣтъ преградъ, надо вѣрить въ это и жить такъ.

Л. Толстой.

№ 519.

В. А. Молочникову.

(1908 г., Нояб. 30).

Получилъ, милый Владиміръ, ваше послѣднее письмо о бесѣдѣ съ политическими. Какъ всегда, интересно и значительно. Особенно порадовала меня ваша мысль о томъ, что не расширять любовь (нельзя, она Богъ), а устранять то, что мѣшаетъ ея проявленію. Какъ удивительно сходятся люди, живущіе однимъ. Я это самое выражаю въ новомъ Кругѣ чтенія. Прощайте пока.

Левъ Толстой.

№ 520.

Студенту N. N.

(Ясная Поляна, 1908 г., Декабрь 20).

Оправдывать смертную казнь словами Христа не рѣшался до сихъ поръ ни одинъ изувѣръ. Такое оправданіе кромѣ своей искусственности и глупо и безсовѣстно.

Выводъ изъ такого толкованія буквы писанія, называемаго священнымъ, только одинъ: тотъ, что нѣтъ ничего болѣе вреднаго для пониманія ученія Христа и болѣе губительнаго и для истинной религіи и истинной нравственности, какъ приписываніе непогрѣшимости буквѣ писанія, т. к. нѣтъ большихъ нелѣпостей, гадостей и жестокостей, чѣмъ тѣ, к-ыя основывались и основываются на этой буквѣ. На статью же С. можно отвѣтить только однимъ словомъ: „стыдно", что и написалъ ему.

Левъ Толстой.

№ 521.

Священнику С. К.

(Ясная Поляна, 1908 г., Декабрь 25).

Письмо ваше очень тронуло меня. Вижу, что вы, руководимые истинно-христіанскою любовью, желаете избавить меня отъ заблужденія и дать мнѣ истинную, по вашему убѣжденію, вѣру. Но, къ сожалѣнію, тотъ первый догматъ о личности Бога, изъ котораго вы выводите все остальное, для меня совершенно не воспринимаемъ.

Вы говорите, что такъ какъ человѣкъ есть личность, то и Богъ есть тоже Личность. Мнѣ же кажется, что сознаніе человѣкомъ себя личностью есть сознаніе человѣкомъ своей ограниченности. Всякое-же ограниченіе несовмѣстимо съ понятіемъ Бога. Если допустить то, что Богъ есть Личность, то естественнымъ послѣдствіемъ этого будетъ, какъ это и происходило всегда во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ,

приписаніе Богу человѣческихъ свойствъ: гнѣва, наложенія наказаній, желанія восхваленія и установленія въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ выраженнаго въ извѣстныхъ книгахъ на вѣчныя времена непререкаемаго закона. Таковы книги Ведъ, Конфуція, Тринитакъ, Библіи, Корана и мн. др. Такое пониманіе Бога, какъ Личности и такого Его закона, выраженнаго въ какой-либо книгѣ, совершенно невозможно для меня.

Посылаю вамъ книжечку выбранныхъ мыслей о Богѣ, соотвѣтствующихъ моему пониманію Его. Для меня же лично самое высшее пониманіе Бога, вполнѣ удовлетворяющее меня, есть то, которое выражено въ первомъ посланіи Іоанна гл. IV, стихи 7, 12, 16, именно то, что Богъ есть Любовь. Такое пониманіе Бога, если и исключаетъ всякое обращеніе къ Нему, какъ Личности, всякое восхваленіе Его, всякія прошенія, даже молитву, включаетъ зато въ себя сознаніе въ себѣ Бога-Любви и вслѣдствіе этого необходимость проявленія Его во всякій часъ своей жизни любовью и къ Нему, т.-е. къ совершенству и ко всему живому и въ особенности къ людямъ, къ тѣмъ существамъ, въ которыхъ живетъ тотъ же Богъ-Любовь. То самое, что сказано Христомъ Мѳ. XXII, 36—40.

Не думайте, пожалуйста, что хочу оспаривать ваше вѣрованіе; избави меня отъ этого Богъ; я только радуюсь на людей, имѣющихъ твердыя вѣрованія такія, какія, какъ я заключаю изъ вашего письма, имѣете вы. Пишу-же то, что пишу, только для того, чтобы вы не осуждали меня.

Не могу перестать вѣрить въ Бога-Любовь, во-первыхъ, потому, что эта вѣра даетъ мнѣ высшее благо теперь, здѣсь, въ этомъ мірѣ, открывая всегдашнюю возможность отъ меня зависящаго блага жизни въ Богѣ-Любви; во-вторыхъ, потому, что, зная, что Богъ есть Любовь и что умирая я возвращаюсь къ Тому, отъ Кого я исшелъ къ Богу-Любви, я и въ смерти ничего, кромѣ благого, ожидать не могу. Въ-

третьихъ, еще и потому, что такая вѣра въ Бога-Любовь не только не отдѣляетъ меня отъ всѣхъ людей другихъ вѣръ, но соединяетъ съ ними, такъ какъ во всѣхъ вѣрахъ: браминской, буддійской, конфуціанской и во всѣхъ другихъ, а также и въ ученіи языческихъ мудрецовъ я нахожу то же, хотя не такъ ясно, какъ въ христіанствѣ, выраженное ученіе о томъ, что Богъ есть Любовь и что въ любви-же законъ жизни людей. И потомъ перестать вѣрить въ Бога-Любовь и начать вѣрить въ Бога личнаго, награждающаго и казнящаго... я такъ же не могу, какъ не могу вѣрить теперь въ то, что я не 80-тилѣтній старикъ, ожидающій каждый часъ смерти, а полный тѣлесной силы и страстей юноша, какимъ я былъ 60 лѣтъ тому назадъ.

Благодарю васъ за ваши добрыя чувства и прошу принять выраженія моего искренняго уваженія и братской любви.

Левъ Толстой.

1909 г.

№ 522.

П. Карпову.

(Ясная Поляна, 1909 г.).

Получилъ вчера ваше письмо, а нынче вашу книгу, и прочелъ и то, и другое съ большимъ удовольствіемъ.

Книга ваша мнѣ понравилась своей смѣлостью мысли и ея выраженія. Для того, чтобы высказывать горькія истины „образованнымъ“, нужно въ наше время гораздо больше смѣлости, чѣмъ для того, чтобы высказывать ихъ правительству. Въ особенности же понравилось мнѣ въ вашей книгѣ то великое значеніе и та великая будущность, которыя вы видите въ настоящемъ деревенскомъ крестьянствѣ. Помогай вамъ Богъ продолжать ту жизнь, которую вы ве-

дете, отдавая большую долю силъ на деревенскій земельный трудъ и досугъ на писаніе, къ которому вы очень способны.

Сколько вамъ лѣтъ, женаты-ли вы?

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

№ 523.

N. N.

(Ясная Поляна, 1909 г.).

Прежде, чѣмъ заботиться о томъ, какъ Вамъ поступить въ университетъ, Вамъ нужно позаботиться о томъ, чтобы выработать въ себѣ тѣ религіозныя убѣжденія, которыя, какъ вы говорите, въ Васъ отсутствуютъ. Переходъ же въ исповѣданіе той религіи, въ которую не вѣришь, есть поступокъ нехорошій, который никакъ не окупится ни той мнимой мудростью, которую Вы почерпнете въ университетѣ, ни тѣмъ улучшеніемъ общественнаго положенія, которое доставитъ вамъ дипломъ.

Левъ Толстой.

№ 524.

Дѣвочкѣ Сонѣ [1]).

(Ясная Поляна, 1909 г.).

Богъ не на небѣ, а въ каждомъ человѣкѣ. Богъ это то, что даетъ жизнь людямъ и всему живому. Бога мы узнаемъ любовью. Черезъ любовь Богъ во мнѣ соединяется съ Богомъ въ другихъ существахъ. Отъ этого весь законъ Бога въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, и отъ этого самое большое счастье, на свѣтѣ въ томъ, чтобы любить всѣхъ. Посылаю вамъ молитву. Совѣтую ее читать и совѣтую также стараться воздерживаться отъ всего того, что мѣшаетъ любви, а стараться любить ровно всѣхъ людей.

Левъ Толстой.

---

[1]) Соня N прислала Льву Николаевичу письмо о своей жизни.

№ 525.

Л. Тонилову.

(Ясная Поляна, 1909 г., Янв. 21).

...По моему мнѣнію, жизнь человѣка, желающаго жить по ученію Христа, никакъ не можетъ проявляться въ какомъ-нибудь извѣстномъ положеніи въ жизни, какъ напримѣръ, жизнь въ общинѣ, жизнь въ работникахъ, у крестьянина, жизнь пустынника, или какой-бы то ни было формѣ жизни. Все дѣло въ томъ духовномъ состояніи, въ которомъ находится человѣкъ, и въ той работѣ, которую онъ производитъ надъ собой для того, чтобы осуществлять въ жизни ту истину, ради которой онъ живетъ.

Всякій человѣкъ—не говорю о себѣ—а всякій человѣкъ, вы и всѣ тѣ люди, которые живутъ съ вами, если они искренно всегда сознаютъ въ душѣ, что далеко не осуществили тѣхъ идеаловъ, которые они считаютъ истинными и къ которымъ стремятся,—не осуществили и никогда не осуществлятъ... Потому что добрая жизнь человѣческая никакъ не состоитъ въ какомъ-либо одномъ извѣстномъ положеніи а въ постоянномъ освобожденіи себя отъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ, суевѣрій, въ которыхъ находится всякій человѣкъ. Избавиться отъ всѣхъ, никогда нельзя; а задача только въ томъ, чтобы какъ можно—больше освободиться отъ нихъ. Такъ что смотрѣть на свои грѣхи и соблазны надо не какъ на что-то такое, отъ чего можно совершенно избавиться, но какъ на то, надъ чѣмъ надо всегда работать.

Если же человѣкъ вообразитъ себѣ, что онъ можетъ устроить себѣ такую жизнь при которой онъ будетъ свободенъ отъ всякихъ грѣховъ и соблазновъ, то онъ будетъ только обманывать самъ себя и, направивъ свои силы на внѣшнее устройство, вмѣсто того, чтобы направить ихъ на вну-

треннюю работу, только ослабить возможность совершенствованія.

Ошибку эту дѣлаютъ многіе,—самое обыкновенное—при устройствѣ общинъ. Эту же ошибку дѣлаютъ люди, судящіе о другихъ людяхъ по тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ они находятся. Важно не то положеніе, въ которомъ находится человѣкъ, а тотъ трудъ, который онъ положилъ и кладетъ на избавленіе себя отъ тѣхъ ложныхъ условій, въ которыхъ онъ былъ.

Даже, что касается одной внѣшней, имущественной стороны, хорошо вспомнить слова Іоанна-Крестителя о томъ, чтобы у кого двѣ одежды, тотъ отдалъ тому, у кого нѣтъ (я бы прибавилъ, что и у кого одна одежда, отдай ее тому, кто болѣе зябокъ). По этимъ словамъ можно ясно видѣть, что конца самопожертвованія не можетъ быть никакого. Нельзя жить и считаться правымъ, если каждый день ѣсть хотя бы сухую корку, а есть люди, старики, дѣти, которымъ нечего положить себѣ въ ротъ. И потому оцѣнка достоинства внѣшнихъ поступковъ, не имѣетъ никакого значенія; и даже никакъ нельзя сказать, что та краюха хлѣба, которую раздѣлилъ съ нищимъ такой же нищій, есть большое добро, чѣмъ тотъ милліонъ, который отдалъ богачъ на какое-нибудь дѣло изъ своихъ ста милліоновъ.

Все дѣло во внутренномъ, духовномъ усиліи, а про него знаетъ только Богъ.

И опять приходимъ къ тому же: что осуждать другихъ людей за дѣла ихъ мы не можемъ и не имѣемъ права. Можемъ только одно, чѣмъ вы и заканчиваете Ваше письмо: насколько можемъ, любить всѣхъ и особенно тѣхъ, которые—по Евангелію—ненавидятъ насъ, а лучше сказать, которые непріятны намъ.

Левъ Толстой.

№ 526.

Н. П. П.

(Ясная Поляна, 1909 г., Январь 28).

Милый Н. П. Что я вамъ сдѣлалъ. За что вы такъ страшно ненавидите меня. Получая ваши письма, также и нынче, я спрашиваю себя: не сдѣлалъ ли я ему что-нибудь дурное. И не только не нахожу ничего такого, но знаю и чувствую, какъ и всегда чувствовалъ къ нему самое искреннее и доброе расположеніе. Перестаньте, милый Н. П., за что вы себя мучаете? У каждаго есть свои убѣжденія, особенно у 80-лѣтняго старика, всякій день готовящагося къ смерти и зачѣмъ-же сердиться за то, что человѣкъ не думаетъ такъ же, какъ и я, и на мой взглядъ заблуждается. Вы говорите, что ваше письмо будетъ послѣднее. Пожалуйста, такъ и сдѣлайте, если оно не будетъ свойственное людямъ вообще и особенно вамъ—не доброе.

Левъ Толстой.

№ 527.

І. О. Перперу.

(Редактору „Вегетаріанскаго Обозрѣнія“).

(Ясная Поляна, 1909 г., Февр. 5).

Хотя не непосредственно, но исполняю свое обѣщаніе и желаніе сотрудничать въ вашемъ журналѣ.

Я прочелъ превосходный разсказъ Арцыбашева „Кровь“, который своей художественностью сильнѣе всякихъ доводовъ можетъ подѣйствовать на людей въ смыслѣ привлеченія ихъ къ вегетаріанству или, скорѣе, освобожденія себя отъ суевѣрія о необходимости пожиранія живыхъ существъ. Не стану вамъ разсказывать содержаніе прекраснаго этого разсказа, чтобы не испортить его, но очень совѣтую прі-

обрѣсти отъ автора разрѣшеніе напечатать его и цѣликомъ или въ выдержкахъ помѣстить въ вашемъ журналѣ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

№ 528.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1909 г., Февр. 25).

Получилъ ваше послѣднее письмо, милый Владиміръ, и пораженъ той кипучей жизнью, которая идетъ у васъ въ тюрьмѣ. Да, „все въ табѣ", какъ говорилъ Сютаевъ. Человѣкъ живетъ, казалось бы, въ центрѣ движенія—и одинъ, и человѣкъ въ одиночномъ заключеніи—и въ общеніи со всѣмъ міромъ. Помогай вамъ Богъ, милый братъ, не поддаться соблазну, удесятеряемому по силѣ вашимъ положеніемъ. Соблазны всѣ тѣмъ страшны (горе міру отъ соблазновъ), что они незамѣтно подмѣшиваютъ зло къ самымъ лучшимъ стремленіямъ. Такова любовь между полами, таковъ соблазнъ ужасный, про который вы пишете, соблазнъ славы людской. Помогай вамъ Богъ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 529.

М. Н. Толстой.

(Ясная Поляна, 1909 г. Мартъ 3).

...Очень мечтаю увидаться съ тобою лѣтомъ. Я никуда не выѣзжаю, но если бы куда ѣхать, то, прежде всего, къ тебѣ, въ монастырь, только бы не прогнали меня твои монахини. Нѣтъ, то, что хотѣлось бы пріѣхать къ тебѣ, совсѣмъ не шутка...

Твой, чѣмъ старше становящійся, тѣмъ болѣе любящій тебя братъ *Левъ.*

№ 530.

Священнику С. К.

(Ясная Поляна, 1909 г., Мартъ).

Пожалуйста, извините меня за то, что невольно оставилъ ваше письмо такъ долго безъ отвѣта.

Внимательно прочелъ ваше письмо, но къ сожалѣнію,—истинно, къ сожалѣнію,—не нашелъ въ немъ новыхъ доводовъ, которые бы убѣдили меня. Главный доводъ вашъ есть вѣра въ святость и непогрѣшимость церкви, и, понятно, что, имѣя эту вѣру, все включенное въ нее становится несомнѣннымъ. Но, повторяю, къ сожалѣнію, я не имѣю въ себѣ этой вѣры и не могу ее въ себѣ вызвать. Не могу вызвать въ себѣ вѣру въ ту церковь, которая, по самому опредѣленію своему, должна быть едина, а между тѣмъ раздѣляется на грекороссійскую, католическую, лютеранскую и другія, каждая изъ которыхъ утверждаетъ свою исключительную истинность. Можетъ-быть, одна изъ нихъ та, которую вы исповѣдуете, истинна, но я-то не могу признать ее таковой. Войдите, пожалуйста, вашимъ добрымъ сердцемъ въ мое положеніе. Я—старикъ, стоящій одной ногой въ гробу, желающій одного: быть послѣдніе дни или часы моей жизни въ мирѣ и согласіи со всѣми, допустивъ же ваши вѣрованія о возмездіи въ будущей жизни—могущій непризнаніемъ истинности церковной вѣры погубить себя навѣки. Зачѣмъ бы такому человѣку отказываться отъ признанія того, что милліонами и милліонами достойныхъ величайшаго уваженія людей признавалось и признается за истину? Зачѣмъ бы такому человѣку отказываться, когда такое признаніе вызвало бы къ нему, вмѣсто дурного, самыя добрыя чувства огромнаго количества людей, въ томъ числѣ и многихъ, очень близкихъ мнѣ,—какъ моей сестры-монахини и многихъ другихъ? Зачѣмъ бы такому человѣку продолжать

высказывать свои нецерковныя христіанскія убѣжденія, вызывающія къ нему самыя недобрыя чувства и осужденія въ наше время очень большого количества людей, такъ называемой интеллигенціи, считающихъ всякую религію чѣмъ то отжитымъ, ненужнымъ и даже вреднымъ? Если человѣкъ въ моемъ положеніи лишается съ болью сердца любви столькихъ хорошихъ людей, желающихъ его обращенія въ церковную вѣру, вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ недоброжелательство и,—смѣло скажу,—презрѣніе людей, составляющихъ царствующее общественное мнѣніе, то, очевидно, что онъ поступаетъ такъ только потому, что не можетъ поступить иначе.

Въ самомъ дѣлѣ, что же мнѣ дѣлать, если я не могу, буквально не могу, исполнить желаніе ваше и многихъ добрыхъ людей. Вѣдь развѣ не было бы безъ сравненія хуже, если бы не только утверждалъ, что вѣрю, но что не вѣрю, но старался бы самъ себя обманывать, признавая за вѣру желаніе быть въ единеніи съ людьми, которыхъ уважаешь и любишь.

Право, милый братъ, оставьте меня доживать мою жизнь въ тѣхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ я пришелъ (думаю, что не обманываюсь) искреннимъ желаніемъ исполнить волю Того, Кто послалъ меня въ жизнь. Если же я, направивъ всѣ свои силы на узнаніе Его воли и направляя теперь послѣдніе часы моей жизни на исполненіе ея, если я и ошибся и ошибусь, то Онъ знаетъ меня и не можетъ поставить мнѣ въ вину мою ошибку. Простите же и вы меня еще за одно замѣчаніе, которое хочется сдѣлать. Почему я, думаю, убѣжденный не менѣе сильно, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые убѣждаютъ меня, не призываю ихъ къ признанію истинности того, что я считаю истиной, опредѣляя, какъ умѣю, то, что считаю заблужденіемъ, но, предоставляя каждому принимать или отвергать мои положенія, не обращаюсь ни къ кому съ требованіями или при-

глашеніями усвоить мои взгляды. Не дѣлаю я этого потому, что знаю, что у каждаго есть свое длинное духовное прошедшее, есть свой процессъ познанія истины, и знаю, какъ сложна эта духовная работа и какъ невозможно въ ней чужое вмѣшательство. Желалъ бы, чтобы такъ же относились и ко мнѣ.

Во всякомъ случаѣ, еще разъ благодарю васъ за ваше братское, любовное отношеніе ко мнѣ и остаюсь съ такимъ же къ вамъ.

Уважающій васъ *Левъ Толстой.*

№ 531.

Въ С.-ПБ. Судебную Палату. Судебному Слѣдователю 12-го Участка.

(1909 г., Апр.).

Милостивый Государь! Николай Евгеньевичъ Фельтенъ привлекается къ отвѣтственности по обвиненію въ изданіи и распространеніи моихъ брошюръ: „Не убій“, „Письмо къ либераламъ“ и „Христіанство и патріотизмъ“. Такъ какъ брошюры эти были написаны мною и издавались онѣ не только съ моего согласія, но и по моему желанію однимъ моимъ другомъ, причемъ Фельтенъ принималъ въ этомъ дѣлѣ пассивное участіе, то всѣ тѣ мѣры, которыя принимаются противъ Фельтена, по здравому разсужденію и справедливости должны быть обращены на меня. Тѣмъ болѣе что, какъ я это заявлялъ уже нѣсколько разъ, такъ и заявляю теперь, что считаю себя обязаннымъ передъ своею совѣстью, насколько могу, распространять, какъ эти, такъ и другія мои сочиненія, что неизмѣнно буду, пока могу, дѣлать, о чемъ и считаю нужнымъ заявить вамъ, прося васъ принять соотвѣтствующія этому моему заявленію мѣры.

Левъ Толстой.

№ 532.

Н. Е. Ф.

(Ясная Поляна, 1909 г., Апр. 30).

Милый Ф. Не думайте, что я такъ замедлилъ отвѣчать на ваше письмо потому, чтобы не сочувствовалъ вамъ и вашему положенію. Напротивъ, это положеніе ваше меня очень трогаетъ. Посылаю вамъ записку къ Кони и второй экземпляръ того заявленія, которое я сдѣлалъ о вашемъ дѣлѣ судебному слѣдователю. Посылаю его вамъ затѣмъ, что думаю, что оно пригодится Маклакову при вашей защитѣ. Почему то мнѣ думается, что вашъ судъ не кончится такъ жестоко, какъ вы предполагаете. Ужъ очень ясно, что того, что называется злымъ умысломъ, не было въ томъ, за что васъ обвиняютъ. Главное же мнѣ кажется это потому, что очень хочется, а хочется потому, что невольно чувствую себя виноватымъ и, къ сожалѣнію, вижу, что другіе люди, которымъ это гораздо тяжелѣе, чѣмъ мнѣ, должны искупать то, что считается моей виною.

Помогай вамъ Богъ перенести твердо и спокойно ваше испытаніе. Не только думаю, но твердо вѣрю, что что̀ бы ни случилось съ нами, все зависитъ отъ того, какъ мы къ этому относимся, и всѣ страданія, особенно если они происходятъ отъ людей, легко могутъ быть обращены во благо, если принимаются безъ жалости къ себѣ и, главное, осужденія тѣхъ людей, отъ которыхъ они происходятъ.

Знаю, что мнѣ легко говорить, а что трудно самому переносить это, но говорю то, что говорилъ-бы самъ себѣ, если бы былъ на вашемъ мѣстѣ.

Прощайте, пожалуйста пишите.

Очень любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 533.

И. М. Трегубову.

(Ясная Поляна, 1909 г., Май 11).

Вы пишете, чтобы я высказался по поводу вопроса, который 12-го Мая будетъ обсуждаться въ Думѣ, — о томъ, что называется свободой совѣсти. Замѣчу прежде всего, что свобода совѣсти есть плеоназмъ. Совѣсть не можетъ быть не свободной. Совѣсть—потому совѣсть, что она всегда свободна. „Свободная совѣсть“ все равно что „не темный свѣтъ“. О томъ же, что можетъ сдѣлать Дума, чтобы сдѣлать свѣтъ не темнымъ, то, что вы называете свободой совѣсти, скажу слѣдующее: хотя я и смотрю на людей, которые ждутъ чего-либо отъ Думы, какъ на того человѣка, который, по шуткѣ какого-то древняго мудреца, подставляетъ рѣшето подъ доимаго другимъ человѣкомъ козла,— я въ этомъ случаѣ все таки думаю, что Дума можетъ оказать дѣйствительную помощь, надѣюсь даже, что она и окажетъ ее. Окажетъ она пользу тѣмъ, что придумаетъ новыя средства подъ предлогомъ сохраненія истинной вѣры дѣлать непріятности людямъ, вѣрующимъ не такъ, какъ это хочется правительству. Польза эта будетъ состоять въ томъ, что всѣ люди слабые, неискренніе, противно вѣрующіе, испытавъ эти непріятности, отдѣлятся отъ истинно вѣрующихъ, истинно же вѣрующіе укрѣпятся въ своей вѣрѣ и, освободившись отъ неискреннихъ, притворяющихся, будутъ въ сотни, тысячи разъ сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ прежде. Благотворное дѣло это съ давнихъ поръ дѣлается русскимъ правительствомъ и было въ высшей степени полезно для укрѣпленія истинной вѣры въ Россіи.

Дѣло это, по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ продолжаться и въ Думѣ, и въ этомъ то состоитъ та польза, которую я въ этомъ дѣлѣ ожидаю отъ этого учрежденія. . . . .

Левъ Толстой.

№ 534.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1909 г., Май 4).

Радъ былъ получить ваше письмо, милый Владимиръ. Письмо Александра очень тронуло и порадовало меня. Немножко страшна слишкомъ быстрая перемѣна (все твердое утверждается медленно) но зато изъ его письма я увидалъ то, чего не наблюдалъ у прежнихъ отказывавшихся, ясное сознаніе униженія, постыдности повиновенія для дурныхъ цѣлей чуждымъ людямъ и противленіе всѣмъ существомъ этому повиновенію. Радуюсь за него и, главное желаю, чтобъ его радость—хоть не радость, а удовлетворенность, дающее спокойствіе продолжалась. Безъ вѣры въ Бога—любовь или скорѣе проявленіе только любовью этого не можетъ быть. Есть-ли она у него, есть ли движеніе къ ней?

О молитвѣ не помню, что сказалъ вамъ. Молитва самая нужная для меня—это воспоминаніе при общеніи съ людьми о томъ, что такое „я“ и другіе люди, и какое поэтому должно быть мое отношеніе къ нимъ.

Пишите мнѣ о себѣ: о матеріальныхъ дѣлахъ. Въ нихъ теперь приложеніе вашихъ духовныхъ требованій. Не будьте въ этихъ дѣлахъ слишкомъ требовательны къ себѣ.

Л. Т.

№ 535.

Е. Добротиной.

(Ясная Поляна, 1909 г., Мая 29).

Вы спрашиваете, согласенъ ли я на то, чтобы вы отдали въ печать мое прежнее письмо въ отвѣтъ на ваши вопросы о женщинахъ. Думаю, что въ томъ письмѣ есть лишнее, неинтересное для печати, и потому предпочитаю по-

слать вамъ для печати это письмо, въ которомъ повторяю то же, что говорилъ и въ первомъ болѣе подробно.

Для религіознаго человѣка вообще и для христіанина въ особенности, не можетъ быть и вопроса о неравенствѣ мужчины и женщины, такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ, безъ различія его пола, по ученію Христа, живетъ одно и то же во всѣхъ проявленіе божества, сынъ Божій, которое поэтому не можетъ быть больше или меньше въ томъ или другомъ человѣкѣ. Проявленіе этого же божественнаго начала одинаково возможно, какъ въ женщинѣ, такъ и въ мужчинѣ. Если и могутъ быть различія между мужчиной и женщиной въ нѣкоторыхъ низшихъ человѣческихъ свойствахъ, и въ однихъ, какъ въ физической силѣ, въ пользу мужчины, а въ другихъ, какъ въ способности исключительной материнской любви и самоотверженія, въ пользу женщины, то въ главныхъ высшихъ духовныхъ свойствахъ нѣтъ и не можетъ быть различія между мужчиной и женщиной.

Таково мое мнѣніе, которое я, сколько мнѣ помнится, выражалъ въ моихъ писаніяхъ. Радъ случаю повторить его въ письмѣ къ вамъ.

Левъ Толстой.

№ 536.

В. А. Молочникову.

(Ясная Поляна, 1909 г. Іюня 6).

Спасибо, что не забываете меня, милый Владимиръ. Интересенъ мнѣ и ходъ вашей жизни. Не жалуйтесь на тѣ заботы, которыя захватили васъ, это неминуемо, и надо дѣлать то самое, что вы дѣлаете; отдаваться имъ только настолько, насколько это необходимо, но не переставая всѣми силами бороться съ увлеченіемъ ими.

Письмо Афанасьева прекрасно и именно, какъ вы пишете, своей наивностью.

Желательно войти въ сношенія и съ этимъ корреспондентомъ, а главное съ Александромъ. Мысли Голицына [1]) въ высшей степени интересны: это нечто иное, какъ безсознательное ученіе о любви, и не только безсознательное, но старательно избѣгающее указанія на это единственное начало, которое можетъ осуществить его практическіе планы. Я очень понимаю его страхъ и отвращеніе къ слову „любовь“: слово это такъ искажено, что совершенно понятно его стараніе избѣгать этого слова.

Левъ Толстой.

№ 537.

Атрпету.

(Ясная Поляна, 1909 г., Іюнь 15).

Очень благодарю васъ за присылку вашей книги. [2]) Я нашелъ въ ней много для себя новаго и въ высшей степени интереснаго. Меня также интересуютъ по своимъ заглавіямъ и другія ваши книги, указанныя въ объявленіи: „Шіитское Духовенство“, „Секта Бабизмъ“, „Податная система въ Персіи“, „Младотурецкое движеніе“.

Левъ Толстой.

№ 538.

В. А. Молочникову.

(Благодатное, 1909 г., Іюнь 16).

Милый другъ Владимиръ.

Только что кончилъ ваше письмо и вложенныя въ него все интересныя и важныя письма. Радуюсь на то, какъ

---

[1]) Чтобы трудъ не продавался, какъ теперь, а производился работникомъ только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо.

[2]) „Мамедъ-Али-Шахъ“. Александрополь. 1909.

энергично вы работаете и во внутреннемъ мірѣ - въ себѣ, никогда не забывая этого, и во-внѣ. Радуюсь, когда подумаю, что послѣ меня—время мое близко—останутся такіе люди, какъ вы и, слава Богу, много такихъ друзей.

Тронувшее меня сильно письмо Александра я прочелъ и непремѣнно напишу ему. (Онъ между прочимъ пишетъ, что обѣднялъ: нельзя ли послать ему денегъ? у меня есть такія, которыми я могу распоряжаться). . . . . Охъ, отъ такихъ дѣлъ стонетъ весь міръ, и не знаешь, куда дѣться, чтобы не видать ихъ. Я теперь живу у дочери и въ новыхъ условіяхъ съ особенной яркостью и болью вижу и чувствую это установившееся постоянно продолжающееся, самое очевидное преступленіе грабежа, отнимающаго у людей не только ихъ имущество, но ихъ силы, ихъ жизнь. Надо не унывать, а чѣмъ больше зло во-внѣ, тѣмъ больше уничтожать его въ себѣ, такъ какъ въ этомъ одно средство его уничтоженія.

Письмо Александра такъ хорошо, что какъ то не вѣрится этой силѣ среди всеобщей слабости и низости. Помоги ему Богъ. Пожалуйста напишите и о томъ, какъ я всей душой съ нимъ. Я потому говорю: напишите, что я намѣренъ написать, а успѣю-ли—не знаю.

Письмо Н. получилъ. Хорошее милое письмо, но радуюсь тому, что ваши отношенія къ ней остановились тамъ, гдѣ имъ надо было остановиться. Для вашего брата, молодыхъ людей, отношенія съ женщинами всегда опасны, и нельзя быть достаточно насторожѣ.

Левъ Толстой.

Александру написалъ.

№ 539.

А. С. Соловьеву.

(Ясная Поляна, 1909 г., Іюнь 16).

Милый братъ Александръ.

Сейчасъ прочелъ ваше письмо Молочникову и, несмотря на ваши внѣшнія тѣлесныя страданія [1]), не могу не радоваться всей душой за васъ и за вѣчное дѣло Божіе, которое совершается особенно видимо и ярко черезъ то, что вы дѣлаете. Много есть неправдъ въ мірѣ, которыя чувствуются нѣкоторыми, но которыя такъ запутаны привычными мірскими условіями, что немногія видятъ ихъ. Но то рѣзкое противорѣчіе не говорю уже добра, но простого здраваго смысла и того, что требуется отъ десятковъ, сотенъ тысячъ людей солдатъ, и того, что написано въ признаваемомъ ими же законѣ Бога и, главное въ ихъ сознаніи,—противорѣчіе это особенно поразительно, и потому особенно старательно скрывается, и надо имѣть ту большую силу, какая есть въ васъ, чтобы смѣло выставлять его. Если вамъ это возможно, пожалуйста пишите мнѣ. Молочниковъ писалъ вашему полковнику. Мысль эта прекрасна, и я бы очень радъ былъ сдѣлать то же, но боюсь, что письмо можетъ только повредить дѣлу.

Да, вы совершенно правы, говоря въ письмѣ вашемъ Владимиру, что движетъ вами никакъ не Толстой, а то, что позволяетъ вамъ понимать и Толстого и Христа, то что движетъ Толстымъ, да и тысячи и тысячи людей, слава Богу, понимавшихъ и понимающихъ то же.

Такъ вотъ, до слѣдующаго письма. Братски цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

---

[1]) А. С. Соловьевъ находился въ тюрьмѣ.

№ 540.

В. А. Молочникову.

(Благодатное, 1909 г., Іюнь 17).

Спасибо, милый другъ Владимиръ, что сообщаете объ Александрѣ. Читалъ письмо и плакалъ отъ радости и умиленія. Человѣкъ страдаетъ, а я радуюсь и такъ же, какъ и вы, завидую, и какъ завидую.... Одно утѣшаетъ, мысль о томъ, что такъ видно надо, что не стою этого. Буду хоть своимъ бумагомараньемъ пытаться служить тому же дѣлу. Какъ разъ нынче ночью не спалъ и все думалъ, что замокъ, замыкающій зло міра—солдатство, и ключъ—или скорѣе тѣ буквы, которыя надо поставить на кругахъ, чтобы замокъ отворился, это вѣра—не слова о вѣрѣ—а настоящая вѣра, за которую умираютъ. Я послалъ ему письмо. Писать же начальству радъ-бы, но боюсь повредить ему. Хоть и знаю что у насъ не допустятъ ни печатать, ни читать, напишу то, что очень живо, сильно (все старое), но особенно больно чувствую объ этомъ. Попытаюсь послать Кругъ Чтенія и еще, что могу собрать.

Я живу у дочери и мнѣ тутъ очень хорошо.

Л. Т.

№ 541.

А. С. Соловьеву.

(Ясная Поляна, 1909 г., Іюль 25).

Отвѣчаю вамъ, милый братъ Александръ, и на ваше письмо ко мнѣ и на ваши письма, которыя, спасибо ему, пересылаетъ мнѣ Молочниковъ, и на тѣ бесѣды о васъ, которыя имѣлъ съ вашимъ другомъ Павловымъ. Знаю, что трудно вамъ, милый братъ. Для меня спасенье въ трудныя минуты одно (да вы это все знаете): забыть о личности какъ своей, такъ и другихъ людей и ихъ сужденіяхъ, а стать

передъ требованіями своей высшей души—передъ Богомъ, и тотчасъ легко, пока опять не свернешься. Помогай вамъ Богъ не свертываться, а свернулся—поскорѣе справляться. Мнѣ—да что обо мнѣ говорить—такъ хорошо, пока не свернулся, что только знаешь благодарить Того и То, что дало мнѣ Себя—жизнь. Посылаю вамъ молитву, которую люблю повторять, когда свертываешься и чтобы не свертываться.

Братски цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

№ 542.

Обществу „Славія".

(Ясная Поляна, 1909 г., Іюль).

Дорогіе братья.

Письмо ваше глубоко тронуло меня. Всей душой желалъ бы быть хоть въ самой малой долѣ тѣмъ, чѣмъ вы меня признаете.

Не могу не вѣрить въ исключительное значеніе славянства для объединенія не только христіанъ, но и всѣхъ людей, какъ прекрасно выражена эта мысль у Коллара.

Благодарю за подарокъ [1]).

Левъ Толстой.

№ 543.

Президенту 18-го конгресса мира въ Стокгольмѣ.

(Ясная Поляна, 1909 г., Іюль 12).

Г. президентъ!

Вопросъ, обсуждаемый конгрессомъ,—вопросъ величайшей важности и занимаетъ меня уже много лѣтъ.

Я постараюсь воспользоваться сдѣланной вами мнѣ честью избранія, изложивъ то, что я имѣю сказать передъ такой

---

[1]) Обществомъ „Славія" была послана Л. Н. Толстому копія съ картины Чернаго: „Сожженіе Яна Гуса".

исключительной аудиторіей, какъ та, которая соберется на конгрессѣ. Если я буду въ силахъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы пріѣхать въ Стокгольмъ къ назначенному времени; если же нѣтъ, я пришлю вамъ то, что имѣю сказать, въ надеждѣ, что члены конгресса пожелаютъ ознакомиться съ моими мнѣніями.

Левъ Толстой.

№ 544.

Въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей".

(Ясная Поляна, 1909 г., Августъ 6).

Вчера, въ 10 часовъ вечера, подъѣхали къ нашему дому нѣсколько человѣкъ въ мундирахъ и потребовали къ себѣ помощника въ моихъ занятіяхъ Николая Николаевича Гусева.

Николай Николаевичъ сошелъ внизъ къ требовавшимъ его людямъ и, вернувшись отъ нихъ, сообщилъ намъ, что пріѣхавшіе были исправникъ и становой и что пріѣхали они за тѣмъ, чтобы сейчасъ же взять его и свезти въ крапивинскую тюрьму, а оттуда отправить въ Чердынскій уѣздъ Пермской губерніи.

Извѣстіе это было такъ странно, что, чтобы понять, въ чемъ дѣло, я сошелъ внизъ къ пріѣхавшимъ людямъ и попросилъ ихъ объяснить мнѣ причины этого ихъ появленія и требованія.

Одинъ изъ нихъ, исправникъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и съ торжественнымъ благоговѣніемъ прочелъ мнѣ заключающееся въ бумагѣ рѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что для блага ввѣреннаго его попеченію русскаго народа, по 384-й или еще какой-то статьѣ (хотя казалось бы, что для того, чтобы дѣлать то, что они дѣлали, не нужно было ссылаться ни на какія статьи), Н. Н. Гусевъ долженъ былъ за распространеніе революціонныхъ изданій взятъ подъ стражу и

сосланъ по какимъ-то извѣстнымъ и понятнымъ министру внутреннихъ дѣлъ соображеніямъ, именно въ Чердынскій уѣздъ Пермской губерніи и, по тѣмъ же соображеніямъ, именно на два года.

Считая послѣ выслушаннаго содержанія этой бумаги дальнѣйшій разговоръ съ исполнителями ея безполезнымъ, я пошелъ къ себѣ, чтобы проститься съ Николаемъ Николаевичемъ и принять отъ него всѣ тѣ дѣла, которыми онъ занимался, помогая мнѣ въ моихъ работахъ. Здѣсь я нашелъ всѣхъ нашихъ домашнихъ и гостей въ особенно возбужденномъ состояніи по случаю того, что такъ неожиданно обрушилось на любимаго и уважаемаго всѣми Николая Николаевича Гусева.

Одинъ только виновникъ этого возбужденія, самъ Н. Н., былъ радостенъ и спокоенъ и со свойственной ему добротой и заботой о другихъ, а не о себѣ, спѣшно приводилъ въ порядокъ мои дѣла, такъ какъ сроку приготовиться къ отъѣзду ему дано было не болѣе полчаса.

Всѣ мы слышали и читали о тысячахъ и тысячахъ такихъ распоряженій и исполненій; но когда они совершаются надъ близкими намъ людьми и на нашихъ глазахъ, то они бываютъ особенно поразительны. И потому то, что случилось съ Гусевымъ, особенно поразило меня: поразила меня и несообразность съ личностью Гусева той жестокой мѣры, которая была принята противъ него, поразила и явная несправедливость выставленныхъ причинъ для ея примѣненія и, главное, нецѣлесообразность этой мѣры какъ по отношенію къ Гусеву, такъ и еще болѣе по отношенію ко мнѣ, противъ кого собственно и направлена была эта мѣра.

Несообразность того, чтобы неожиданно, ночью, схватить человѣка и тотчасъ же увезти его и бросить въ тюрьму (а всѣ знаютъ, что такое теперь русскія тюрьмы со своимъ переполненіемъ), а потомъ по этапамъ отправить его подъ охраной человѣка съ заряженнымъ ружьемъ за 2,000 слиш-

комъ верстъ въ захолустье, отстоящее отъ города на 400 верстъ, несообразность такой мѣры по отношенію къ Гусеву была особенно поразительна.

Надо было видѣть, какъ провожали Гусева и всѣ наши домашніе, и всѣ случайно собравшіеся въ этотъ вечеръ въ нашемъ домѣ знакомые, знавшіе Гусева. Одно у всѣхъ, отъ старыхъ до малыхъ, до дѣтей и прислуги, было одно чувство уваженія и любви къ этому человѣку и болѣе или менѣе сдерживаемое чувство негодованія противъ виновниковъ того, что совершилось надъ нимъ.

Прощаясь съ Гусевымъ, я расплакался, но не отъ жалости къ тому, что постигло Гусева. Жалѣть его я не могъ потому, что зналъ, что онъ живетъ той духовной жизнью, при которой никакія внѣшнія воздѣйствія не могутъ лишить человѣка его истиннаго блага, а расплакался отъ умиленія при видѣ той твердости, доходившей до веселости, съ которой онъ принималъ то, что случилось съ нимъ.

И этого-то человѣка,—добраго, мягкаго, справедливаго, врага всякаго насилія, желающаго служить всѣмъ и ничего не требующаго себѣ,—этого человѣка хватаютъ ночью, запираютъ въ тифозную тюрьму и ссылаютъ въ какое-то только потому извѣстное ссылающимъ его людямъ мѣсто, что оно считается ими самымъ непріятнымъ для жизни.

Еще поразительнѣе былъ тотъ поводъ, по которому схваченъ и посаженъ въ тюрьму и долженъ быть сосланъ Гусевъ. Поводъ выставленъ тотъ, что Гусевъ распространяетъ революціонныя книги, но Гусевъ во все то время,—два года,—что жилъ со мной, не только не распространялъ никакихъ революціонныхъ книгъ, но никогда не имѣлъ и не читалъ ихъ и всегда относился ко всѣмъ такимъ книгамъ отрицательно. Если же, исполняя мои порученія, посылалъ по почтѣ и выдавалъ на-руки какія-либо книги, то это были не революціонныя, а мои книги. Мои же книги могутъ казаться и дурными, и непріятными людямъ, но ни въ ка-

комъ случаѣ не могутъ быть названы революціонными, такъ какъ въ нихъ самымъ опредѣленнымъ образомъ отрицается всякая революціонная дѣятельность, вслѣдствіе чего книги эти всегда осуждаются и осмѣиваются всѣми революціонными органами. Такъ что обвиненіе Гусева въ распространеніи революціонныхъ книгъ не только невѣрно, но не имѣетъ подобія какого-либо основанія.

Про нецѣлесообразность же ссылки Гусева по отношенію къ нему самому, если онъ считается вреднымъ человѣкомъ, совѣстно и говорить, такъ какъ очевидно, что нѣтъ никакой причины, почему вредный человѣкъ станетъ менѣе вреденъ въ Чердынскомъ уѣздѣ, гдѣ некому слѣдить за его дѣятельностью, чѣмъ въ центрѣ Россіи, гдѣ онъ на виду у всѣхъ.

Казалось бы, напротивъ, что люди, вырванные изъ своей среды, лишенные заработка, озлобленные этимъ изгнаніемъ и соединенные съ такими же озлобленными другими сосланными, должны бы быть гораздо болѣе вредны, чѣмъ когда они на мѣстѣ, но объ этомъ никто не думаетъ. Заведено и дѣлается, а хорошо ли, дурно, полезно ли, вредно, какъ для тѣхъ, надъ кѣмъ дѣлаются эти дѣла, такъ и для общества, никто не думаетъ. Люди служатъ, получаютъ за это жалованіе и дѣлаютъ то, что полагается дѣлать. О томъ же, что можетъ выйти изъ ихъ дѣятельности и справедлива ли она, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ никто не даетъ себѣ труда думать.

„Такъ полагается и дѣлаемъ. А если другой разъ и ошибемся, то что же дѣлать. У насъ такъ много дѣла. Ошиблись, ну что же дѣлать, очень жаль“ . . . .

Въ родѣ того, какъ наступили на ногу и извиняются: „Извините, пожалуйста, мы нечаянно“.

Вотъ это-то ужаснѣе всего...

Такъ это по нецѣлесообразности и жестокости по отношенію къ Гусеву.

Нецѣлесообразность же этой мѣры по отношенію ко мнѣ еще поразительнѣе.

Вѣдь дѣло не только въ томъ, что въ числѣ всѣхъ зловредныхъ элементовъ, которые нужно подавить, есть между прочимъ и Толстой со своей дурацкой проповѣдью какого-то выдуманнаго имъ христіанства и безсмысленнаго непротивленія. Вся эта его болтовня, разумѣется, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія, но она смущаетъ людей своей проповѣдью о томъ, что сказано: не убій, и разными какими-то разсужденіями о томъ, что земельная собственность незаконна и т. п. И потому надо во что бы то ни стало прекратить это. Самый простой способъ былъ бы въ томъ, чтобы судить Толстого, а то и просто, опять по тѣмъ особеннымъ статьямъ, по которымъ мы поступаемъ теперь, посадить его въ тюрьму лѣтъ на пять, тамъ бы онъ и умеръ и пересталъ бы безпокоить насъ. Это, разумѣется, было бы самое удобное, но за границей, не зная всей пустоты его ученія, какъ мы ее знаемъ, приписываютъ ему нѣкоторое значеніе, послать его, какъ Гусева, въ тюрьму въ Крапивну все-таки какъ-то неловко. И потому одно, что мы можемъ сдѣлать, что и будемъ старательно и неуклонно дѣлать, это—то, чтобы вредить и дѣлать непріятности всѣмъ близкимъ ему людямъ. Такъ что не мытьемъ, такъ катаньемъ все-таки заставимъ его замолчать.

Такъ должны были разсуждать люди, выславшіе Черткова и ссылающіе Гусева, потому что цѣль высылки Черткова и ссылки Гусева никакъ не могла быть въ томъ, чтобы перенести вредъ, производимый Чертковымъ, изъ Тульской губерніи въ Московскую, а вредъ производимый Гусевымъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ, перенести въ Чердынскій уѣздъ; цѣль могла быть и была только одна: та, чтобы уменьшить или совсѣмъ уничтожить вредъ, производимый Толстымъ.

Вотъ тутъ-то особенно поразительна нецѣлесообразность употребляемыхъ относительно меня мѣръ. Нецѣлесообразны эти мѣры потому, во-первыхъ, что какъ бы ни смотрѣли люди на мои мысли, я считаю ихъ истинными, нужными и главное, считаю смыслъ моей жизни только въ томъ, чтобы высказывать ихъ, и потому, какъ я уже заявлялъ объ этомъ, я, покуда буду живъ, буду высказывать ихъ, и удаленіе отъ меня Черткова и Гусева никакъ не можетъ измѣнить этой моей дѣятельности. Какъ чрезъ Гусева (что поставлено ему въ вину) я давалъ и посылалъ мои книги тѣмъ, кто хотѣлъ ихъ имѣть, такъ я буду и теперь точно такъ же давать и посылать ихъ съ помощью другихъ лицъ, десятки которыхъ предлагаютъ мнѣ въ этомъ свои услуги, или, если и всѣхъ этихъ лицъ сошлютъ въ Чердынь или еще куда, буду самъ высылать и давать ихъ тѣмъ, кто выразитъ желаніе имѣть ихъ. Не давать же ихъ и не высылать моихъ книгъ тѣмъ, кто желаетъ ихъ имѣть, я такъ же не могу, какъ не могу на словахъ не отвѣчать людямъ, спрашивающимъ меня о томъ, что я знаю.

Нецѣлесообразны эти мѣры еще, и преимущественно, потому, что избавиться отъ бомбъ и бомбометателей можно тѣмъ, чтобы отобрать бомбы и посадить бомбометателей въ тюрьму или убить ихъ; но съ мыслями ничего этого нельзя сдѣлать. Насилія же, которыя дѣлаются противъ мыслей и носителей ихъ, не только не ослабляютъ, но всегда только усиливаютъ ихъ воздѣйствіе.

И потому, въ чемъ и состоитъ главная цѣль этого моего заявленія, я опять просилъ бы тѣхъ людей, которымъ непріятно распространеніе моихъ мыслей и моя дѣятельность, если уже они никакъ не могутъ оставаться спокойными, и во что бы то ни стало хотятъ употреблять насильственныя мѣры противъ кого-нибудь, то употребить ихъ никакъ не противъ моихъ друзей, а противъ меня,—единственнаго и

главнаго виновника и появленія, и распространенія этихъ неугодныхъ имъ мыслей.

Все это я высказалъ по отношенію къ Гусеву и ко мнѣ. Но дѣло, которое вызвало это мое заявленіе, имѣетъ еще другое, болѣе важное значеніе, относящееся не ко мнѣ и Гусеву, а къ тому душевному состоянію, въ которомъ находятся люди, совершающіе такія дѣла, какъ то, которое совершено надъ Гусевымъ.

Всѣ мы знаемъ про то, что совершалось въ эти послѣдніе годы и продолжаетъ совершаться теперь въ Россіи. Про все это страшно и не хочется говорить. Жалко всѣхъ тѣхъ погибшихъ и погибающихъ и озлобляемыхъ людей въ ссылкахъ, въ тюрьмахъ, со злобой и ненавистью умирающихъ на висѣлицахъ, но нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное—предписываютъ ихъ.

Вѣдь сколько бы ни увѣряли себя эти люди, что они дѣлаютъ это для блага общаго, сколько бы ни одобряли и ни восхваляли ихъ за эти дѣла такіе же, какъ они, люди, какъ бы ни старались они сами задурманить себя всякими заботами и увеселеніями, они—люди и большею частью добрые люди и чувствуютъ и знаютъ въ глубинѣ души, что они поступаютъ дурно, что, дѣлая такія дѣла, губятъ то, что дороже всего на свѣтѣ,—свои души,—захлопываютъ на себя дверь отъ всѣхъ истинныхъ и лучшихъ радостей жизни.

И вотъ этимъ-то людямъ мнѣ по случаю этого ничтожнаго для Гусева и для меня событія хотѣлось сказать: подумайте о себѣ, о своей жизни, о томъ, на что вы тратите данныя вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, пожалѣйте себя.

Левъ Толстой.

№ 545.

Л. С.

(Ясная Поляна, 1909 г., Августъ 8).

Очень радъ былъ вашему письму, милый Леонидъ.

Помогай вамъ Богъ подвигаться и, главное, утверждаться въ той внутренней духовной работѣ, которая, судя по вашему письму, съ особенной силой происходитъ въ васъ. Кто прошелъ по этому пути хоть немного,—уже не сворачиваетъ съ него. Въ письмѣ вашемъ мнѣ жалко было одно: ваше мистическое отношеніе къ умершему другу. Это заставляетъ меня бояться за васъ. Знаю всю трудность вашего положенія, но думаю, что облегчить, уничтожить эту трудность можетъ только сознаніе единства со всѣми, съ Богомъ, а при этомъ сознаніи должна исчезнуть значительность всего личнаго—какъ своей личности, такъ и всякой другой, живой или умершей. Спасибо, что написали. Пожалуйста, извѣщайте о себѣ. Я больше, чѣмъ желаю любить всякаго человѣка, полюбилъ васъ.

Левъ Толстой.

№ 546.

М. М. Д.-К—ой.

(Ясная Поляна, 1909 г., Авг. 31).

Милая и близкая мнѣ по духу, а потому искренно любимая сестра Марія Михайловна, прочелъ ваше письмо сестрѣ и былъ тронутъ вашимъ добрымъ чувствомъ ко мнѣ. Но простите меня, милая Марія Михайловна, меня огорчило въ немъ то, что противно моему духу и жизни вашей и что дороже всего на свѣтѣ, какъ для меня, такъ и для васъ, и именно, разумѣется, невольное съ вашей стороны, но все-таки больное мнѣ нарушеніе любви. Изъ письма вашего видно, какъ изъ многихъ писемъ, которыя я получаю отъ добрыхъ, религіозныхъ, православныхъ лицъ, сожалѣніе о томъ заблужденіи, незнаніи истины, въ которомъ я нахожусь. Вотъ это-то мнѣ и больно. Вѣдь то, во что человѣкъ

вѣритъ, чѣмъ живетъ, какъ вы это хорошо знаете, для него дороже всего, дороже матери, жены, дѣтей, дороже самого себя. И вотъ люди, вѣруя иначе, чѣмъ тотъ, къ кому они обращаются, прямо говорятъ или даютъ ему чувствовать то, что онъ—во лжи, а они—въ истинѣ. Вѣдь больнѣе этого нельзя дѣлать оскорбленія. Скажу хоть про себя по отношенію къ православію. Я былъ легкомысленнымъ, дряннымъ, ни во что не вѣрующимъ человѣкомъ. Пришло время, когда я почувствовалъ неизбѣжно необходимость вѣры, и я принялъ ту вѣру православія, въ которой родился и былъ воспитанъ, принялъ ее всѣмъ сердцемъ, всѣми силами души, всячески старался утвердить себя въ ней, исполнялъ всѣ ея требованія, изучалъ ее. Но, увы, всегда находя отвѣтъ на всѣ мои вопросы души въ ученіи Христа, я не находилъ ихъ въ томъ, что называется церковной вѣрой. Не только не находилъ ихъ, но они мѣшали мнѣ вполнѣ отдаться ученію Христа, которое онъ самъ такъ опредѣленно и кратко выразилъ въ отвѣтѣ фарисею, что весь законъ въ одной заповѣди любви къ Богу и ближнему.

Милая Марія Михайловна, я не говорю, что я одинъ въ истинѣ и что всѣ вѣрующіе иначе заблуждаются, но прошу и всѣхъ другихъ относиться ко мнѣ такъ же. Не de gaieté de coeur или изъ тщеславія я отдѣлился отъ православія, а съ болью и страданіемъ. Отдѣлился потому, что не могъ иначе. Основа моей вѣры—въ тѣхъ написанныхъ стихахъ посланія Іоанна, которые прилагаю. Внѣшнія же проявленія моей вѣры всѣ въ одномъ—въ стараніи проявленія любви: въ дѣлахъ, словахъ и мысляхъ, какъ я выразилъ это тоже въ прилагаемой краткой молитвѣ, Я не говорю, что вѣра въ божественность Христа, въ искупленіе имъ грѣховъ, въ таинства и пр. несправедлива или ошибочна, я знаю только то, что все это мнѣ совершенно не нужно, когда я знаю заповѣдь любви, какъ единую заповѣдь закона Бога, и всѣ силы моей души употребляю на ея испол-

неніе. Твердо же вѣрю я въ истину этой заповѣди, во-первыхъ, потому, что она согласна не только съ моимъ разумомъ, но и съ разумомъ мудрецовъ и святыхъ людей всего міра: браминовъ, Будды, Конфуція, Лаоцзе и др., а также и всѣхъ, всѣхъ простыхъ людей міра, всегда согласныхъ съ этой заповѣдью и закономъ любви.

Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, потому, что исполненіе этой заповѣди даетъ высшее благо людямъ, и, въ-третьихъ и главное, потому, что опытъ жизни показываетъ мнѣ, что какъ только я всѣми силами души стараюсь исполнить эту заповѣдь, я чувствую, какъ сказано въ посланіи Іоанна, что Богъ во мнѣ, и я въ Немъ, и что, любящій людей христіанской любовью, я не только освобождаюсь отъ всякихъ тревогъ, заботъ, страданій душевныхъ, но испытываю полное блаженство, которое не нарушается, какъ бывало прежде, мыслью о смерти. Напротивъ, смерть становится желаннымъ благомъ, къ которому спокойно и радостно приближаюсь. Не виноватъ же я въ томъ, что для меня исполненіе ученія Христа возможно только тогда, когда я признаю заповѣдь любви единой, единой заповѣдью.

Очень можетъ быть, что другимъ нужны при этомъ еще другія вѣрованія, мнѣ же они только мѣшали, и потому будемъ уважать вѣрованія другъ друга, а главное—любить другъ-друга, что мнѣ по отношенію васъ легко испытывать, даже невозможно не испытать.

Такъ прощайте же, милая Марія Михайловна. Искренне любящій васъ.

Левъ Толстой.

№ 547.

Польской—женщинѣ N. N.

(Крекшино, 1909 г., Сент. 8).

Милостивая Государыня, получилъ письмо ваше, въ которомъ вы упрекаете меня за то, что я выразивъ свое мнѣніе о присоединеніи Босніи и Герцеговины, ничего не выска-

зываю о жестокостяхъ и несправедливостяхъ которыя были совершены и продолжаютъ совершаться въ Польшѣ, и между прочимъ, вы осуждаете меня за изобрѣтенную будто бы мною мысль и философію непротивленія злу, говоря, что это ученіе погубило и погубитъ Россію. Вы пишете, что Скарга, Кохановскій, Костюшко, Словацкій, Мицкевичъ учили другому, учили борьбѣ, и что борьба только можетъ спасти Польшу.

На дняхъ я получилъ письмо отъ одного индуса, который другими словами выражаетъ ту же мысль и тотъ же страхъ, и отвращеніе передъ ученіемъ о непротивленіи. Индусъ этотъ прислалъ мнѣ вмѣстѣ съ письмомъ и журналъ „The Free Hindostan", въ которомъ эпиграфомъ стоитъ изреченіе о томъ, что борьба насиліемъ съ насиліемъ не только допустима, но обязательна, непротивленіе же противно требованіямъ, какъ альтруизма, такъ и эгоизма: „Non risistance hurts both altruism and egotism". Въ журналѣ выражаются мысли, совершенно подобныя тѣмъ, которыя вы высказываете. Тѣ же мысли высказываются всѣми борцами противъ угнетенія не только народовъ, но и сословій. Всѣ съ особеннымъ озлобленіемъ относятся къ ученію о непротивленіи злу насиліемъ, какъ будто въ этомъ ученіи заключается главное препятствіе къ освобожденію людей. И между тѣмъ, какъ ни странно это покажется, освобожденіе людей, какъ порабощенныхъ народовъ, такъ и сословій только въ томъ самомъ, что такъ старательно и упорно отрицается и вами, и моимъ знакомымъ индусомъ, да и всѣми руководителями покоренныхъ народовъ и угнетенныхъ рабочихъ сословій; мало того, что отрицается, оно вызываетъ самыя недобрыя, озлобленныя чувства противъ тѣхъ, кто ихъ предлагаетъ, напоминая ту собаку, которая злобно кусаетъ тѣхъ, кто хочетъ отвязать ее.

Освобожденіе всѣхъ порабощенныхъ людей, сословій, народовъ, въ томъ числѣ и поляковъ, никакъ не въ томъ,

чтобы бороться съ русскимъ, австрійскимъ правительствами и силою освободиться отъ нихъ, а въ совершенно противоположномъ, въ томъ, чтобы перестать видѣть въ полякахъ своихъ исключительныхъ, любимыхъ, угнетенныхъ братьевъ, признать всѣхъ людей, какъ своихъ поляковъ, такъ и чуждыхъ, и враждебныхъ русскихъ, одинаково ближними братьями, съ которыми, кто бы они ни были, недопустимы никакія другія отношенія, кромѣ любовныхъ, исключающихъ возможность совершенія какого бы то ни было насилія противъ кого бы то ни было. Освобожденіе въ признаніи закона любви во всемъ его значеніи, т. е. признаніи и неразрывно связаннаго съ нимъ закона непротивленія.

Знаю я, что мысль эта о томъ, что только непротивленіе злу насиліемъ можетъ спасти порабощенныхъ отъ порабощенія, кажется людямъ нашего времени и міра до такой степени нелѣпой, неприложимой, что люди не даютъ себѣ труда и подумать о ней, а только презрительно пожимая плечами, улыбаются при упоминаніи о такомъ непрактическомъ, фантастическомъ пріемѣ борьбы со зломъ. Я знаю это и все таки утверждаю, что освобожденіе не только поляковъ, но всѣхъ людей отъ всѣхъ несправедливостей и страданій, на которыя они теперь такъ упорно жалуются, можетъ совершиться только признаніемъ людьми обязательности для себя закона любви, несовмѣстимаго съ употребленіемъ какого бы то ни было насилія противъ ближняго, т. е. непротивленія. „E pur si muove (и все-таки вертится)“. Не думаю, что Галилей былъ болѣе убѣжденъ въ несомнѣнности открытой имъ истины, чѣмъ убѣжденъ я, несмотря на всеобщее отрицаніе ея, въ несомнѣнности открытой не мной, и не однимъ Христомъ, но всѣми величайшими мудрецами міра, истины о томъ, что зло побѣждается не зломъ, а только добромъ.

Да, удивительное дѣло: единственное средство спасенія отъ того зла, отъ котораго страдаютъ всѣ порабощенные

народы и сословія, не только упорно отвергается этими народами и сословіями, но, напротивъ, народы и сословія эти напрягаютъ всѣ свои силы на совершеніе поступковъ, казалось бы, очевидно, не могущихъ имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ усиленія и ухудшенія того порабощенія, на которое они жалуются.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о внутреннемъ, религіозномъ значеніи закона любви, исполненіе котораго даетъ высшее благо какъ отдѣльному человѣку, такъ и большему или меньшему соединенію людей, исполняющихъ этотъ законъ; не говоря и о томъ, что люди, исповѣдующіе христіанскій законъ любви къ ближнему, т. е. ко всѣмъ людямъ, ненавидя цѣлые тѣ или другіе народы, прямо отрекаются отъ исповѣдуемаго ими ученія,—не говоря о всемъ этомъ, простой здравый смыслъ долженъ бы показать людямъ, что насиліе, въ особенности слабыхъ, противъ насилія несравненно сильнѣйшихъ, можетъ только ухудшить положеніе порабощенныхъ, но ни въ какомъ случаѣ не освободитъ ихъ. А между тѣмъ, на эту самую борьбу силою слабаго противъ сильнаго натравливаютъ людей всѣ революціонные руководители.

Вѣдь дѣло, казалось бы, такъ просто и ясно, что совѣстно разъяснять то, что до такой степени очевидно. Вѣдь если польскій народъ порабощенъ и угнетается и точно такъ же и индусскій и другіе порабощенные народы, если точно такъ же порабощены рабочія сословія небольшимъ количествомъ богатыхъ людей, то совершаются вѣдь всѣ эти порабощенія никакъ не императорами, королями, министрами, генералами, землевладѣльцами, богатыми купцами, банкирами, такъ какъ не могутъ десятки людей, скажемъ хоть тысячи, поработить милліоны. Вѣдь происходитъ порабощеніе только отъ того, что сами порабощенные не только поддаются порабощенію, но и участвуютъ въ немъ...

Вѣдь порабощающіе теперь поляковъ... австрійцы, прус-

саки, властвуютъ надъ поляками никакъ не потому, что былъ совершенъ первый, второй, третій и четвертый раздѣлъ Польши...

Вѣдь дѣло очень просто. Съ древнѣйшихъ временъ одни люди порабощали другихъ, одни народы—другихъ. Поработивъ же людей, поработители, пользуясь стремленіемъ всѣхъ людей употреблять другъ противъ друга насиліе для своего личнаго блага, учреждали такое устройство, и скорѣе, само собой устанавливалось такое устройство, при которомъ порабощенные, соблюдая каждый свою личную выгоду, поддерживали и утверждали власть поработителей...

Такъ это дѣлалось во всѣхъ покоренныхъ однихъ другими народами. Такъ это дѣлалось и дѣлается въ Польшѣ, такъ же дѣлается это же и съ особеннымъ искусствомъ въ Индіи, гдѣ десятки недалекихъ торгашей купцовъ поработили двухсотъ-милліонный, высоко развитой и просвѣщенный народъ и продолжаютъ держать его въ рабствѣ. Такъ дѣлается это и при порабощеніи рабочихъ сословій нерабочими. Совершается такое порабощеніе только отъ того, что каждый отдѣльный человѣкъ изъ порабощенныхъ, не исповѣдуя закона любви, который не допустилъ бы его до участія въ насиліи, говоритъ себѣ: что мнѣ одному лишать себя выгоды или подвергаться лишенію, отказываясь отъ участія въ порабощеніи, „не я, такъ другой", говоритъ онъ и принимаетъ участіе въ насиліи. Дѣлаетъ то же и другой, и третій.....

И вотъ тутъ-то при такомъ устройствѣ общества..... порабощенные, не измѣняя того принципа насилія, который былъ причиной ихъ порабощенія, этимъ самымъ насиліемъ, или что еще смѣшнѣе—рѣчами ораторовъ въ парламентахъ, находящихся въ полной власти правительствъ, хотятъ бороться съ поработителями, и какъ что-то странное, нелѣпое, ненужное откидываютъ то единственное средство, которое такъ же вѣрно освобождаетъ ихъ, какъ отворенная дверь освобождаетъ заключенныхъ.

А между тѣмъ средство освобожденія такъ просто.....

Стоитъ людямъ стать на такую точку зрѣнія,—а люди христіанскаго міра и нашего времени не могутъ не стать на эту свойственную и чувству, и разуму людей точку зрѣнія,—и, какъ карточный домикъ, само собой завалится все казавшееся такимъ величественнымъ и могущественнымъ царство насилія.

Да, избавленіе порабощенныхъ людей нашего времени не только польскаго народа, но всѣхъ народовъ, всѣхъ порабощенныхъ сословій, никакъ не въ разжиганіи того или иного, польскаго, индусскаго, славянскаго патріотизма или революціоннаго задора и еще менѣе въ придумываніи такихъ новыхъ формъ жизни, въ которыя должны сложиться народы и люди, и еще менѣе въ такъ называемой парламентской борьбѣ, т.-е. въ упражненіи въ краснорѣчіи, а только въ одномъ: въ отрѣшеніи отъ отжитого людьми, уже несвойственнаго имъ закона борьбы и насилія и въ признаніи основнымъ закономъ жизни общаго въ наше время всѣмъ людямъ закона любви, любви, исключающей возможность участія въ какомъ бы то ни было насиліи.

И замѣна этого отжившаго закона насилія закономъ любви такъ давно проповѣдуется всѣми религіозными ученіями міра, и особенно тѣмъ ученіемъ, которое исповѣдуютъ христіанскіе народы. Такъ очевидно становится противорѣчіе между сознаніемъ людей христіанскаго міра и жизненными условіями этихъ народовъ, что положеніе, въ которомъ живутъ эти народы, не можетъ уже продолжаться.

Такъ что замѣна эта совершается и даже въ томъ, что она совершится очень скоро, я вполнѣ увѣренъ. Но кромѣ этой увѣренности, у меня есть еще и мечта. Мечта эта въ томъ, что этотъ огромный переворотъ въ жизни человѣчества начнется именно среди насъ, среди славянскихъ народовъ, менѣе другихъ воинственныхъ, болѣе другихъ христіанскихъ въ истинномъ смыслѣ христіанства, и потому

болѣе способныхъ къ живому сознанію того новаго закона любви, который долженъ замѣнить отжившій.

Почему бы не начаться этому рѣшающему судьбу человѣчества движенію въ истерзанной Польшѣ? а не въ Польшѣ, то въ еще болѣе внутренно истерзанной Россіи? А начнись это движеніе въ одномъ изъ славянскихъ народовъ, естественно было бы примкнуть къ нему и другимъ, развращеннымъ теперь государственными соблазнами славянскимъ народамъ. А захвати это движеніе славянство, и оно неизбѣжно заразило бы и всѣ христіанскіе народы.

Таковы мои мечты. Отвѣтъ же на ваше письмо, я высказалъ въ предшествующемъ; отвѣтъ въ томъ, что освобожденіе Польши, какъ и всѣхъ порабощенныхъ людей, въ одномъ—въ признаніи высшимъ закономъ жизни закона любви, включающаго въ себя непротивленіе и потому недопускающаго ни самое насиліе, ни какое либо участіе въ немъ.

Левъ Толстой.

№ 548.

Студенту N.

(Ясная Поляна, 1909 г., Окт.).

Если повѣрите профессору N., что законъ любви, написанный въ сердцахъ всѣхъ людей и провозглашенный всѣми мудрецами отъ Будды до Христа включительно, всѣми великими геніями человѣчества, если вы повѣрите, что этотъ законъ несостоятеленъ, такъ какъ сопротивленіе злу насиліемъ вполнѣ уничтожаетъ этотъ законъ, и что есть люди, которымъ нужно насиліе и они оправдываютъ его правомъ,— если вы повѣрите одному изъ профессоровъ, то неизбѣжно повѣрите и той безсовѣстной лжи, что развратъ полезенъ. Вѣрьте только самому себѣ и великимъ мудрецамъ, а не профессорамъ...

№ 549.

А. М. Завадскому.

(Ясная Поляна, 1909 г., Ноябрь 13).

Уважаемый Алексѣй Марковичъ.

Словами Богъ не на небѣ, а въ каждомъ человѣкѣ, я высказалъ только то, что Богъ не есть личность, находящаяся въ извѣстномъ мѣстѣ, а есть то высшее, духовное начало, которое мы сознаемъ въ себѣ. Слова эти никакъ не означаютъ того, чтобы Богъ былъ въ человѣкѣ и вы совершенно справедливо высказываете свое несогласіе съ такой мыслью.

О томъ, какъ я понимаю Бога, вамъ будетъ ясно изъ книгъ, которыя посылаю вамъ, въ числахъ 2 и особенно 4.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

№ 550.

Д. Н. Бородину.

(Ясная Поляна, 1909 г., Дек. 4).

Дмитрій Николаевичъ!

Очень радъ буду содѣйствовать, чѣмъ могу, вашему прекрасному намѣренію. Чѣмъ больше я вижу зло, происходящее отъ пьянства (а вижу я это зло въ ужасныхъ размѣрахъ), и чѣмъ чаще мнѣ приходится говорить объ этомъ злѣ съ страдающими отъ него, тѣмъ больше я убѣждаюсь, что спасеніе отъ него, преимущественно, если не исключительно, въ сознаніи людей губительности не для тѣла, а для души—этого грѣха. Избавиться отъ него человѣкъ не можетъ тогда, когда онъ будетъ лишенъ возможности пить, а тогда, когда не станетъ пить, хотя бы передъ нимъ, въ его комнатѣ, стояло бы вино и онъ слышалъ бы его запахъ и ему стоило бы только протянуть руку. А это будетъ только тогда, когда человѣкъ будетъ считать благо духов-

ное выше блага тѣлеснаго. А такое предпочтеніе души передъ тѣломъ можетъ быть только у человѣка религіознаго.

Такъ что, по моему мнѣнію, пьянство — отъ отсутствія религіознаго сознанія и спасеніе отъ него въ пробужденіи этого сознанія.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Левъ Толстой.

№ 551.

N. N.

(1909 г.)

Непосредственно чувствую, что просить о помощи матеріальной для людей, страдающихъ за истину, нехорошо, совѣстно. Вы спросите, для чего же я присоединился къ воззванію написанному Ч. Б. и Т.? Я былъ противъ тогда же, какъ былъ всегда противъ помощи голодающимъ въ той формѣ, въ которой мы ее подавали, но когда вамъ говорятъ: „есть дѣти, старики, слабые брюхотые, кормящія женщины, которыя страдаютъ отъ нужды и вы можете помочь этой нуждѣ своимъ словомъ или дѣломъ; скажите это слово и сдѣлайте это дѣло“.—Согласиться, значитъ стать въ противорѣчіе со своими убѣжденіями, высказанными о томъ, что помощь настоящая всѣмъ всегда дѣйствительная, состоитъ въ томъ, чтобы очистить свою жизнь отъ грѣха и жить не для себя, а для Бога, и что всякая помощь чужими отнятыми отъ другихъ трудами есть обманъ, фарисейство и поощреніе фарисейству,—не согласиться, значитъ, отказать въ словѣ, поступкѣ, который сейчасъ можетъ облегчить страданія нужды. Я по слабости своего характера всегда избиралъ второй выходъ и всегда мнѣ было мучительно. Такъ было и здѣсь, когда Ч. Б, и Т. просили меня какъ бы засвидѣтельствовать ихъ истинность и искренность, и я написалъ свое прибавленіе, въ которомъ старался обратить

главное мое вниманіе на значеніе того, что дѣлали духоборы. Вотъ вамъ моя исповѣдь по этому вопросу. (Я очень радъ, что вы, написали мнѣ, дали случай вамъ отвѣтить и сами высказались такъ хорошо и вѣрно). Жаль только, что про себя ничего не написали и про вашихъ. Мнѣ всегда, когда слышу и думаю о васъ, кажется, что вы всѣ слишкомъ требовательны къ себѣ и отъ этого часто мучаете себя и другъ друга. А впрочемъ и это хорошо. Про ссылку Ч. и Б. вы, вѣроятно знаете. Все это хорошо. Одно не хорошо то, что они меня не трогаютъ. Они этимъ себѣ хуже дѣлаютъ потому что, давая мнѣ одному свободно говорить всю истину, они обязываютъ меня говорить ее, я чувствую, что виноватъ, если молчу. А сказать еще, кажется, что нужно много

Левъ Толстой.

1910 г.

№ 552.

В. Ф. Тотоміанцу.

(Ясная Поляна, 1910 г., Янв. 13).

Ваханъ Фомичъ.

Вы совершенно вѣрно предполагаете, что кооперативное движеніе не можетъ не быть сочувственно мнѣ. Хотя я продолжаю и никогда не перестану думать и говорить, что единственное радикальное средство, могущее уничтожить существующее зло борьбы, насилія и задавленности большинства народа нерабочими сословіями, — есть обновленіе религіознаго сознанія народа, я не могу не признавать и того, что кооперативная дѣятельность — учрежденіе кооперативовъ, участіе въ нихъ — есть единственная общественная дѣятельность, въ которой въ наше время можетъ участвовать нравственный, уважающій себя человѣкъ, не желающій быть участникомъ насилія.

Признаю и то, что кооперація можетъ облегчить дошедшую въ послѣднее время до крайней степени нужду рабочаго народа. Не думаю однако того, чтобы, какъ это думаютъ нѣкоторые, кооперативное движеніе могло вызвать или утвердить религіозное отношеніе людей къ жизненнымъ вопросамъ. Думаю, наоборотъ, что только подъемъ религіознаго сознанія можетъ дать прочный и плодотворный характеръ кооперативному движенію.

Во всякомъ случаѣ думаю, что въ наше время это одна изъ лучшихъ дѣятельностей, которымъ могутъ посвятить себя—ищущіе приложенія своихъ силъ молодые люди, желающіе служить народу, а ихъ такъ много. Если бы я былъ молодъ, я бы занялся этимъ дѣломъ, а теперь не отчаиваюсь попытаться сдѣлать что могу среди нашего близкаго мнѣ крестьянства.

Уважающій васъ *Левъ Толстой.*

Полагаю, что письмо это никакъ не заслуживаетъ того, чтобы его напечатать. Но если бы вы, паче чаянія, нашли это желательнымъ, то я готовъ передать его въ „Жизнь для всѣхъ“, В. А. Поссе, который очень интересуется этимъ вопросомъ.

№ 553.

Сектанту С.

(Ясная Поляна, 1910 г., Мартъ 1).

Любезный С.

Очень благодарю васъ за ваше письмо и радъ случаю написать вашимъ—нашимъ братьямъ о томъ обычаѣ хожденія „въ духѣ“, которому они предаются, и котораго вы совершенно справедливо не одобряете. Я бы хотѣлъ имъ сказать такъ:

Любезные братья, одно изъ главныхъ заблужденій . . . . . церкви, отъ которой вы отдѣлились, въ томъ, что церковные думаютъ, что можно угодить Богу внѣшними об-

рядами, собраніями, словесными молитвами и псалмопѣніями. Молиться надо не въ храмахъ, а какъ Христосъ сказалъ: „уйди въ клѣть свою, затворись, и тамъ Богъ скорѣй услышитъ тебя, чѣмъ въ многолюдномъ собраніи". Всякая молитва есть душевное общеніе съ Богомъ, а развѣ возможно такое общеніе при тѣлесныхъ движеніяхъ и многоглаголаніи въ многолюдныхъ собраніяхъ. Но въ церквахъ только поютъ и... крестятся; по вашему же обряду все тѣло человѣческое приходитъ въ движеніе и доходитъ до состоянія, подобнаго опьяненію. Для общенія съ Богомъ нужно самое большое вниманіе и спокойствіе, а тутъ происходитъ совсѣмъ противное...

Очень совѣтовалъ бы вамъ оставить этотъ обрядъ, или, если вы уже хотите такъ бѣгать, то признайте то, что вы дѣлаете это для своей потѣхи, а никакъ не для служенія Богу. Служить Богу мы можемъ только однимъ: одинаковой братской любовью ко всѣмъ людямъ. Для того же, чтобы быть въ силахъ всегда любить людей, нужна молитва, но молитва не общественная, громкая, въ извѣстные дни и часы и съ особенными движеніями, а молитва ежечасная, внутренняя, такая, чтобы, имѣя дѣло съ человѣкомъ-братомъ, просить Бога о томъ, чтобы Онъ помогъ мнѣ съ любовью и уваженіемъ обойтись съ нимъ, т. е. съ каждымъ человѣкомъ, до котораго имѣешь дѣло.

Теперь за одно, любезные братья, хочется мнѣ сказать вамъ и о другомъ дѣлѣ, которое, какъ мнѣ кажется, и какъ мнѣ разсказывали, многіе изъ васъ понимаютъ неправильно. Я разумѣю о половомъ общеніи между мужчиной и женщиной. Какъ это сказано въ Евангеліи, самое лучшее для человѣка—полное цѣломудріе, а нѣтъ силъ удержаться, то пусть сходятся одинъ мужчина съ одной женщиной разъ навсегда, на всю жизнь, не разлучаясь и не разводясь, какъ и сказано у Матѳ. V, 32. Стоитъ людямъ только позволить себѣ перемѣну супруговъ, такъ уже и нѣтъ предѣла раз-

врату, такъ какъ половая похоть, чѣмъ больше человѣкъ отдается ей, тѣмъ больше разрастается, и человѣкъ въ этомъ развратѣ спускается ниже животнаго и лишается всякаго общенія съ Богомъ.

То же и объ этомъ прошу васъ подумать, милые братья, и вѣрить въ то, что писалъ я это только по любви къ вамъ и желанію моему по мѣрѣ силъ быть вамъ полезнымъ.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

№ 554.

В. Г. Короленко.

(Ясная Поляна, 1910 г., Мартъ 27).

Владиміръ Галактіоновичъ. Сейчасъ прослушалъ вашу статью о смертной казни и всячески во время чтенія старался, но не могъ удержать не слезы, а рыданія. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою благодарность и любовь за эту и по выраженію и по мысли, а главное по чувству—превосходную статью.

Ее надо перепечатать и распространять въ милліонахъ экземпляровъ. Никакія думскія рѣчи, никакіе трактаты, никакія драмы, романы не произведутъ одной тысячной того благотворнаго дѣйствія, какое должна произвести эта статья.

Она должна произвести это дѣйствіе потому, что вызываетъ такое чувство состраданія къ тому, что переживали и переживаютъ эти жертвы людского безумія, что невольно прощаешь имъ, какія бы ни были ихъ дѣла...

Кромѣ всѣхъ этихъ чувствъ, статья ваша не можетъ не вызывать и еще другого чувства, которое я испытываю въ высшей степени—чувство жалости не къ однимъ убитымъ, а еще и къ..., которые совершаютъ эти ужасы...

Радуетъ одно то, что такая статья, какъ ваша, объединяетъ многихъ и многихъ живыхъ, неразвращенныхъ людей однимъ общимъ всѣмъ идеаломъ добра и правды, который, что бы ни дѣлали враги его, разгорается все ярче и ярче.

Левъ Толстой.

№ 555.

Г. К. Градовскому.

(Ясная Поляна, 1910 г., Апрѣль 6).

Григорій Константиновичъ! Вы желаете, чтобы я выразилъ свое отношеніе къ предполагаемому и устраиваемому вами съѣзду писателей. Отношеніе мое къ людямъ, стремящимся къ единенію не можетъ быть инымъ, какъ самое сочувственное, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда стремятся къ единенію писатели—люди, къ которымъ и я принадлежу, занятые дѣятельностью слова — могущественнѣйшаго орудія единенія людей. И потому вполнѣ сочувствую и желаю наибольшаго успѣха съѣзду.

Одно только обстоятельство въ приготовленіяхъ къ этому съѣзду смущаетъ меня, смущаетъ настолько, что если бы я имѣлъ для этого силы и возможность, я не могъ бы принять участіе въ съѣздѣ. Устройство съѣзда и даже предѣлы области его занятій разрѣшаются, опредѣляются тѣми лицами, которые у насъ называются правительствомъ. А между тѣмъ я полагаю, что въ наше время всякому уважающему себя человѣку, а тѣмъ болѣе писателю, нельзя вступать въ какія-либо добровольныя соглашенія съ . . . . . и тѣмъ болѣе несовмѣстимо съ достоинствомъ человѣка, руководствоваться въ своей дѣятельности предписаніями этихъ людей.

Если найдете нужнымъ обнародовать это письмо, то я ничего не имѣю противъ, но только съ тѣмъ непремѣннымъ

условіемъ, чтобы не было исключено и мое объясненіе тѣхъ причинъ, по которымъ я считалъ бы для себя невозможнымъ участвовать въ съѣздѣ писателей.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *Левъ Толстой.*

№ 556.

Д. Р—ну.

(Ясная Поляна, 1910 г., Апр. 7).

(Приписка къ письму В. Ф. Булгакова).

Думаю то же, что и Булгаковъ: чѣмъ лучше то дѣло, за которое вы хотите взяться, тѣмъ опаснѣе взяться за него такъ, чтобы потомъ не пришлось раскаиваться въ немъ. Главное, что хочется передать вамъ, это то, что дѣло внутренняго нравственнаго совершенствованія, по моему мнѣнію, до такой степени важно и требуетъ такого усилія, что страшно затрачивать много энергіи на внѣшнее устройство своей жизни, тѣмъ болѣе, что это внѣшнее устройство часто—особенно если оно не удастся—можетъ только повредить внутреннему дѣлу самосовершенствованія. 10 разъ прикинь, разъ отрѣжь.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

№ 557.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1910 г., Іюль 14. Утромъ).

... Я бы могъ продолжать жить такъ, если бы я могъ спокойно переносить твои страданія. Но я не могу. Вчера ты ушла взволнованная и страдающая. Я хотѣлъ спать лечь, но сталъ не то что думать, а чувствовать тебя, и не спалъ, и слушалъ до часу, до двухъ, и опять просыпался и слушалъ, и во снѣ, или почти во снѣ видѣлъ тебя. Подумай спокойно, милый другъ, послушай своего сердца, почув-

ствуй, и ты рѣшишь все, какъ должно. Про себя же скажу, что я съ своей стороны рѣшилъ все такъ, что иначе не могу. Перестань, голубушка, мучить не другихъ, а себя, себя. Потому, что ты страдаешь въ сто разъ больше всѣхъ. Вотъ и все [1]).

№ 558.

Крестьянину Вас. Некрасову.

(Кочеты, 1910 г., Сент. 21).

Получилъ ваше умное и хорошее письмо, милый Некрасовъ.

Книги, какія могу, вамъ высылаю. На вашъ вопросъ о невозможности исполненія вегетаріанства, который обыкновенно дѣлаютъ не желающіе совершенствованія, а отыскивающіе средства оправданія своей распущенной жизни, на этотъ вопросъ мнѣ часто приходится отвѣчать, но отвѣчаю особенно вамъ.

Весь смыслъ христіанскаго ученія въ томъ, что оно ставитъ передъ человѣкомъ идеалъ совершенства. Идеалъ этотъ—полное совершенство—очевидно, недостижимъ. Дѣло же и призваніе христіанина въ томъ, чтобы, насколько онъ можетъ, онъ приближался къ этому идеалу. Таково приближеніе въ смиреніи, самоотверженіи, правдивости, въ незлобивости, въ прощеніи обидъ, въ цѣломудріи, а также и въ любви къ людямъ и ко всему живому. Если можешь не убивать людей—прекрасно, можешь не убивать скотину и птицъ—еще лучше, можешь не убивать рыбъ, насѣкомыхъ—еще того лучше. Старайся дойти, до чего можешь, не разсуждая о томъ, что возможно и что невозможно. Дѣлай то,

---

[1]) Письмо это было передано изъ комнаты въ комнату и сообщено графиней въ печатаемомъ здѣсь видѣ Ал. Ксюнину. („Нов. Вр.“ 12481).

что для тебя возможно по твоимъ силамъ, и все въ этомъ. Тѣ возраженія, которыя вамъ дѣлаютъ, дѣлаются обыкновенно во всѣхъ отрасляхъ ученія тѣми людьми, которые хотятъ продолжать жить дурной жизнью, но нужно твердо помнить то, что я сейчасъ писалъ вамъ, что христіанское ученіе не въ томъ, чтобы быть совершеннымъ, а въ томъ, чтобы приближаться, насколько можешь, къ совершенству.

Любящій васъ *Левъ Толстой.*

№ 559.

Н. П. Петерсону.

(Ясная Поляна, 1910 г., Окт. 5).

Получилъ Ваше письмо, милый Николай Павловичъ, и узналъ въ немъ Васъ и все то, что я люблю въ васъ и что истинно достойно любви ото всѣхъ. Статьи ваши прочелъ и со многимъ согласился, съ основною же мыслью вашей (о спасеніи, спасеніи въ томъ смыслѣ, какъ вы его понимаете), какъ всегда, къ сожалѣнію, не могу согласиться,— ни съ вами, ни съ дорогою для меня памятью Николая Федоровича. Вы находите, что мысль моя о томъ, что избавленіе, освобожденіе отъ зла есть та религіозная основа жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, несправедлива, что эта основа недостаточна. Основа эта вѣдь есть ни что иное, какъ любовь, то самое чувство, которое свойственно всѣмъ людямъ, какъ каждый это сознаетъ въ себѣ и какъ это мы яснѣе всего видимъ на дѣтяхъ.

Любовь есть Богъ, Богъ есть любовь, какъ выражаетъ это апостолъ Іоаннъ и какъ мы всѣ—я, по крайней мѣрѣ— вполнѣ сознаемъ. И потому, съ моей точки зрѣнія вся дѣятельность наша, преимущественно усиліе недѣланія, должна быть направлена на соединеніе всѣхъ, которое составляетъ

сущность и цѣль любви. Достигается же эта цѣль очень опредѣленной дѣятельностью, дѣятельностью воздержанія себя и исправленія себя отъ всѣхъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій — блуда, корыстолюбія, недоброжелательства, гордости, тщеславія, мстительности, ложныхъ церковныхъ, научныхъ ученій—которые препятствуютъ достиженію цѣли любви—единенія.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Не помню, когда и о чемъ я просилъ васъ не писать мнѣ. Мнѣ даже очень совѣстно, если я когда-нибудь просилъ васъ объ этомъ. Пожалуйста пишите мнѣ обо всемъ, что вамъ близко къ сердцу и въ особенности о томъ, въ чемъ вы не согласны со мной и критикуете меня. Это всегда, въ особенности отъ такихъ искреннихъ людей, какъ вы, полезно, а потому и пріятно. Книги Николая Федоровича у меня нѣтъ и поэтому пожалуйста пришлите мнѣ ее. Непремѣнно внимательно перечту ее.

Прощайте.

Искренно любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 560.

Студенту А. Р—ву.

(Ясная Поляна, 1910 г., Окт. 24).

(Приписка къ письму В. Ф. Булгакова).

Булгаковъ такъ хорошо передалъ вамъ то самое, что я могъ и желалъ бы сказать вамъ[1]), что мнѣ остается только прибавить, повторить то, что мнѣ радостно было получить ваше письмо и что, любя васъ, желаю вамъ постоянства на томъ пути, на который вы вступили. Чѣмъ дальше будете

---

[1]) Студентъ-юристъ Моск. университета обратился къ Л. Н-чу съ письмомъ относительно своего выхода изъ университета и разногласій по этому поводу съ родителями.

итти, тѣмъ тверже и свободнѣе будете себя чувствовать. Главное, совѣтую вамъ на всѣ встрѣчающіяся препятствія, какъ и на то, которое теперь предстоитъ вамъ (ваши отношенія съ родителями) не смотрѣть какъ на зло, а какъ на испытаніе силы и искренности вашего убѣжденія. Въ нашей власти претворить въ добро все то, что представляется намъ зломъ.

Любящій васъ

Левъ Толстой.

№ 561.

Графинѣ С. А. Толстой.

(Ясная Поляна, 1910 г., Окт. 28).

...Отъѣздъ мой огорчитъ тебя, сожалѣю объ этомъ, но пойми и повѣрь, что я не могъ поступить иначе. Положеніе мое въ домѣ становится невыносимымъ... Я не могу болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ роскоши, въ которыхъ жилъ, и дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста. Уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не ѣзди за мной, если узнаешь, гдѣ я. Такой твой пріѣздъ не измѣнитъ моего рѣшенія. Благодарю тебя за твою честную 48-лѣтнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всемъ, чѣмъ я былъ виноватъ передъ тобой, такъ же, какъ и я отъ всей души прощаю тебя, чѣмъ ты могла быть виновата передо мной. Совѣтую тебѣ помириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставитъ мой отъѣздъ, и не имѣть противъ меня недобраго чувства [1])...

---

[1]) Письмо это гр. Софья Андреевна прочла утромъ 29-го октября 1910 г., когда Александра Львовна сообщила матери, что Левъ Николаевичъ оставилъ Ясную Поляну навсегда (Ал. Ксюнинъ. „Нов. Вр.“ № 12481).

№ 562.

М. Н. Толстой.

(Шамардино, 1910 г., Окт. 31,
4 ч. утра).

Милые друзья, Машенька и Лизанька [1]). Не удивляйтесь и не осудите меня за то, что мы уѣзжаемъ, не простившись хорошенько съ вами. Не могу выразить вамъ обѣимъ, особенно тебѣ, голубушка Машенька, моей благодарности за твою любовь и участіе въ моемъ испытаніи. Я не помню, чтобы, всегда любя тебя, испытывалъ къ тебѣ такую нѣжность, какую я чувствовалъ эти дни и съ которой я уѣзжаю.

---

[1]) Дочь Маріи Николаевны.

LR
T6545piS
442360
Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf
Письма ...собр. и ред. Сергѣенко.
T.2
[Title transliterated Bibl

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 24 05 02 020 9